

ср 8

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

06
4

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

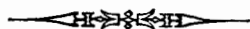
II

06
п/5373

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

06
У

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

п. 5445

Том II

БИБЛИОТЕКА
РАСШИРЕНА
АКАДЕМИИ НАУК СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—1950—ЛЕНИНГРАД

ОТВѢТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
академик Б. Я. ЛПЕКОВ

**К ПЯТОЙ ГОДОВЩИНЕ
ОСВОБОЖДЕНИЯ БОЛГАРИИ
И УСТАНОВЛЕНИЯ
НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
ВЛАСТИ**

**БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
АНДРАНОВА ИЛИА ССРС**

Л. Б. Валев

ПЯТАЯ ГОДОВЩИНА ОСВОБОЖДЕНИЯ БОЛГАРИИ¹

Исполнилось пять лет со времени установления в Болгарии народно-демократической власти в результате освобождения страны Советской Армией и победы антифашистского народного восстания 9 сентября 1944 года.

Этому величайшему историческому событию в жизни болгарского народа предшествовали долгие годы напряженной героической борьбы против внутренней болгарской реакции и иностранных империалистических поработителей.

Гитлеровская клика сумела с помощью своих болгарских агентов обосноваться в Болгарии, превратить ее в свою вотчину, в плацдарм для войны против лучшего друга болгарского народа — великого Советского Союза.

Изолировав Болгарию в политическом отношении и используя свои господствующие позиции в болгарской экономике, немецкий империализм беспощадно грабил и эксплуатировал болгарский народ. В стране свирепствовал кровавый гестаповский террор. Тысячи болгарских антифашистов — рабочих, крестьян и интеллигентов — были замучены и убиты без суда. Десятки тысяч других патриотов томились в фашистских застенках и концлагерях. Немецкие фашисты рассчитывали превратить болгарский народ в своего послушного раба и слугу. Но они жестоко просчитались. Уже с первого дня вступления гитлеровских полчищ на болгарскую землю болгарские патриоты, руководимые коммунистической партией, поднялись на героическую борьбу, которая в дальнейшем приняла характер национально-освободительной войны болгарского народа.

Особенно широко эта борьба развернулась после вероломного нападения на Советский Союз фашистской Германии. Историческое выступление товарища Сталина 3 июля 1941 г. явилось мощным толчком для усиления антифашистской борьбы болгарского народа. Сталинские слова о том, что в захваченных немецкими оккупантами районах нужно создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать

¹ Доклад на научной сессии Института славяноведения АН СССР в октябре 1949 г., посвященной пятой годовщине освобождения Болгарии и установления народно-демократической власти.

их мероприятия, всколыхнули всех честных сынов Болгарии. В стране широко развернулась деятельность групп болгарского движения сопротивления. Выполняя указания своего вождя — Георгия Димитрова, коммунистическая партия взяла курс на подготовку общенародного вооруженного восстания.

Неустанная работа партии по сплочению и объединению всех прогрессивных слоев болгарского народа в широкий единый антифашистский фронт привела к созданию в 1942 г. Отечественного фронта, организационно закрепившего это объединение. В выработанной Георгием Димитровым программе Отечественного фронта перед болгарскими патриотами была поставлена задача очистить болгарскую землю от гитлеровских бандитов, уничтожить фашистскую власть и создать подлинно народное правительство, которое должно осуществить социально-экономическое и политическое преобразование страны в интересах народа.

Огромное значение в развитии борьбы болгарского народа против немецких оккупантов имели успехи Советской Армии. Разгром немецко-фашистских захватчиков под Сталинградом ознаменовал собой решительный перелом в ходе войны. Уже в зимнюю кампанию 1942—1943 г. советские войска не только изгнали гитлеровцев с территории, захваченной ими летом 1942 г., но и заняли ряд городов и районов, находившихся в руках врага около полутора лет. В январе 1943 г. была прорвана блокада Ленинграда. Битва под Курском поставила немецко-фашистскую армию перед катастрофой. Весь 1943-й год был годом замечательных побед Советской Армии над гитлеровскими полчищами. Славные победы Советской Армии вселяли и в болгарских патриотов уверенность в неизбежном окончательном разгроме гитлеровской армии, наглядно показали провал немецко-фашистской стратегии и укрепили решимость болгарского народа усилить борьбу против своих угнетателей и палачей. Коммунистическая партия руководила борьбой народных масс, организовала отпор фашистскому грабежу и произволу, проводила большую политико-воспитательную работу. Все более разрасталось партизанское движение. Наряду с этим большую работу партия проводила в армии.

Движение сопротивления болгарского народа было с самого начала не только национально-освободительным движением, направленным против немецких захватчиков-поработителей, но и классовым движением рабочих и крестьян, направленным против болгарских эксплуататорских классов, находившихся в одном лагере с иностранными империалистами. Движение сопротивления приняло, таким образом, не только антинемецкую, но и социальную окраску, привело к резкому размежеванию сил реакции и демократии в самой Болгарии, всколыхнуло и вовлекло в борьбу самые широкие слои болгарского народа.

В течение 1943—1944 гг. были созданы большие партизанские формирования — крупные и сильные отряды и бригады, которые вступали в открытые бои с жандармерией и правительственными войсками, действовавшими по указке немецких оккупантов. Страна была разделена на 12 оперативных зон; в каждой из них под общим руководством Главного партизанского штаба действовали партизанские подразделения — четы, отряды, бригады. Широко поддерживаемая болгарскими трудящимися, окрыленная блестящими победами Советской Армии, болгарская партизанская армия наносила удар за ударом фашистской диктатуре, поднимала народ и готовила его к решающей схватке.

1944-й год был годом решающих побед Советской Армии, нанесшей сокрушительные удары по немецко-фашистским войскам, годом полного изгнания немецких оккупантов из пределов Советского Союза. Успешное наступление Советской Армии поставило гитлеровскую Германию и ее сателлитов перед глубочайшим кризисом, вселило растерянность и панику в правящие монархо-фашистские круги. „Под ударами Красной Армии, — указывал товарищ Сталин в первомайском приказе 1944 г., — трещит и разваливается блок фашистских государств. Страх и смятение царят ныне среди румынских, венгерских, финских и болгарских „союзников“ Гитлера. Теперь эти гитлеровские сподручные, страны которых оккупированы и оккупируются немцами, не могут не видеть, что Германия проиграла войну. У Румынии, Венгрии, Финляндии и Болгарии есть только одна возможность избежать катастрофы: разрыв с немцами и выход из войны. Однако трудно рассчитывать на то, что нынешние правительства этих стран способны порвать с немцами. Надо полагать, что народам этих стран придется самим взять в свои руки дело своего освобождения от немецкого ига“.¹

В августе 1944 г. Советская Армия нанесла гитлеровским полчищам сокрушительный удар в районе Кишинев — Яссы, когда советские войска наголову разбили войска противника и завершили этот удар окружением под Кишиневом 22 немецких дивизий (не считая румынских). 24 августа Румыния вышла из войны и 25-го объявила войну Германии. 29 августа советские войска заняли Констанцу, 30 августа — Плоешти, 31-го — Бухарест и, преследуя отступающие немецкие войска, быстрыми темпами подходили к болгарской границе.

В этой обстановке болгарские реакционеры, пытаясь воспрепятствовать вступлению на болгарскую территорию Советской Армии и приходу к власти подлинно народного правительства Отечественного фронта, пустили в ход свой последний козырь. Тайно от народа они приступили к переговорам с англичанами и американцами, пытаясь добиться замены господства германских империалистов господством империалистов англо-американских. Англо-американские империалисты готовились к оккупации Болгарии и к установлению там порядка, подобного тому, какой они установили впоследствии в Греции. Под видом помощи партизанам англо-американская разведка еще в декабре 1943 г. направила в Болгарию группу шпионов, собиравших сведения стратегического, экономического и политического характера. Эти агенты с целью разведки сил народно-демократического движения установили связь с Главным штабом партизанского движения, обещая оказать партизанам помощь оружием и военным снаряжением. На деле же англо-американцы не только не выполнили этого обещания, но, как показали многочисленные факты, оказывали содействие правящей болгарской клике в борьбе с партизанами, преднамеренно подолгу кружась на самолетах над расположением партизан и этим сигнализируя правительственным карательным отрядам их местонахождение.

Во время происходивших в Каире в августе—сентябре 1944 г. переговоров представителей находившейся у власти болгарской фашистской клики с англо-американским командованием была достигнута договоренность о посылке на болгарскую территорию англо-

¹ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е. М., 1950, стр. 145.

американских и турецких войск. Одновременно с ведением переговоров англо-американский штаб уже засылал в Болгарию своих военных представителей для подготовки оккупации страны. Так готовился в спину болгарского народа новый удар, в результате которого страна превратилась бы в колонию англо-американского империализма.

Разоблачения фашистской клики Тито на процессах врагов народа в Болгарии, Венгрии и других странах народной демократии пролили новый свет на планы англо-американской реакции в отношении Балкан и, в частности, относительно Болгарии. Выяснилось, что англо-американские империалисты, вместо открытия второго фронта, готовили высадку английских войск на Балканском полуострове. Они намеревались, согласно плану матерого реакционера Черчилля, оккупировать весь Балканский полуостров с тем, чтобы помешать приходу на Балканы Советской Армии. Большое содействие в этом должна была оказать им банда Тито — Карделя — Джиласа — Ранковича, которая, как показал процесс в Будапеште, уже в 1943—1944 гг. была платной агентурой империалистических разведок. Уже в то время клика Тито была связана с англо-американской агентурой в Болгарии. Одновременно с переговорами с Тито об оккупации Адриатического побережья Югославии и об оказании англо-американцами „помощи“ в „освобождении“ Сербии, они вели подготовку к оккупации Болгарии. Однако англо-американские империалисты и их продажная агентура жестоко просчитались. Их кровавый замысел превратить Балканы в свою колонию не удался. Стремительное наступление Советской Армии сорвало их планы.

В свете этих событий особенно ясно видно огромное значение последовавшего 5 сентября 1944 г. мудрого шага советского правительства, выразившегося в объявлении СССР войны Болгарии, реакционное правительство которой под флагом нейтралитета продолжало оказывать прямую помощь и содействие гитлеровцам. Этот акт советского правительства сорвал коварные замыслы англо-американской реакции и этим спас Болгарию от готовившейся ей рабской участи.

К моменту вступления освободительных советских войск на болгарскую территорию в стране уже были налицо все необходимые условия для победы народного антифашистского восстания. Стоявшая у власти монархо-фашистская клика полностью обанкротилась. В результате молниеносных побед Советской Армии поддерживавшие фашистскую клику крупная буржуазия и высшее офицерство были окончательно деморализованы. Полностью разоблачили себя в глазах народных масс и такие представители реакции, как англофилы Мушанов, Буров, Гичев и др. Гитлеровские войска, находясь под угрозой окружения Советской Армией, спешно эвакуировались из страны. Последней надеждой реакции была оккупация Болгарии английскими, американскими и турецкими войсками. Но после объявления Советским Союзом войны болгарской профашистской клике и эта возможность была исключена.

Усилия коммунистической партии по сплочению всех демократических слоев болгарского народа вокруг программы Отечественного фронта дали свои результаты. Сопротивление трудящихся масс всё более возрастало. По всей стране были созданы комитеты Отечественного фронта, общепризнанными руководителями которых были коммунисты.

Товарищ Сталин указывал, что правильность партийных лозунгов проверяется массами на их собственном опыте и является важнейшим условием привлечения на сторону партии миллионов трудящихся. Воспитанная на опыте партии большевиков, Болгарская коммунистическая партия на практике доказала эту свою способность руководить массами и под водительством верного ученика Ленина и Сталина — Георгия Димитрова сумела убедить болгарский народ в правильности своих лозунгов и политики, обеспечив себе поддержку широчайших масс рабочих, крестьян, городской мелкой буржуазии и демократической части армии. В ходе борьбы была создана закаленная партизанская армия, которая благодаря своим героическим подвигам снискала любовь и поддержку широких слоев болгарского народа.

Сочетание всех этих обстоятельств создало в стране революционный кризис, для разрешения которого имелся только один путь — путь свержения антинародной правящей клики и установления в стране народно-демократического правительства.

К 5 сентября Политбюро ЦК Болгарской коммунистической партии, совместно с представителями Главного штаба повстанческих войск, выработало окончательный план восстания, предусматривавший единовременные и согласованные действия партизанских отрядов, местных боевых групп и патриотической части армии. Одной из основных задач при подготовке восстания была политическая мобилизация и активизация широких слоев болгарского народа, в первую очередь болгарского пролетариата для того, чтобы повести его на решительный штурм фашистской власти.

Наращение революционного кризиса в стране достигло к этому времени высшей точки.

7 сентября забастовали шахтеры Перника; между бастующими и полицией завязались бои, было убито и ранено около 30 рабочих. В Пловдиве стачка охватила все промышленные предприятия, а также железнодорожный транспорт и торговлю. В Софии прекратили работу вокзал, трамвай и ряд предприятий. 6 и 7 сентября в столице произошли антифашистские демонстрации. Полиция стреляла в демонстрантов, несколько человек было убито и ранено. 7 сентября состоялась большая демонстрация в Варне, 8-го — демонстрация и вооруженные столкновения в Сливене. Народное движение принимало все более наступательный характер. В Плевене, Варне, Сливене, Бургасе, Ямболе, Силистре и других городах народные массы разбивали ворота тюрем и освобождали политических заключенных.

Охватившие всю страну забастовки, демонстрации и митинги, в особенности насильственное освобождение политзаключенных, парализовали действия фашистской власти, воочию демонстрировали слабость реакции и вселили в народ уверенность в своей силе.

Приближение советских войск явилось ни с чем несравнимым могучим импульсом для развития национально-освободительной и революционной борьбы болгарских трудящихся масс. Вступление советских войск в Болгарию превратилось в триумфальное шествие — в лице Советской Армии болгарский народ увидел своего освободителя от двойного гнета немецких и болгарских палачей.

В ряде районов страны власть Отечественного фронта с помощью партизан была установлена уже 7 и 8 сентября. Так, 8 сентября город Габрово был занят партизанскими войсками.

В тот же день были освобождены Пазарджик, Панагюриште и вообще все Среднегорье и Родопский край. В эти же дни фашистская власть была свергнута также в Луковите, Свиштовском, Фердинандовском (ныне Михайловоградском), Берковском районах и во многих других местах.

В ночь с 8 на 9 сентября партизаны совместно с перешедшей на сторону народа частью армии, при нейтрализации остальной ее части, заняли важнейшие пункты столицы: военное министерство, министерство внутренних дел, почту, телеграф, радиостанцию и др. Немедленно был вооружен софийский пролетариат, арестовано фашистское правительство. Утром 9 сентября по софийскому радио было передано обращение к болгарскому народу, в котором сообщалось о свержении фашистской власти и установлении в стране власти Отечественного фронта.

Победа болгарского народа, одержанная им 9 сентября, не была бы возможной без решающей помощи непобедимой, доблестной Советской Армии, разгромившей фашистскую Германию. Великий русский народ, который в прошлом освободил Болгарию от турецкого ига, теперь избавил ее от еще более страшного ига иностранного империализма. „Необходимо подчеркнуть, — говорил Георгий Димитров, — что величайшая заслуга в деле победы восстания 9 сентября, в освобождении нашей родины от немецко-фашистского ига принадлежит братской героической Советской Армии и ее гениальному вождю Генералиссимусу Сталину, за что партия, рабочий класс и весь наш трудящийся народ сохраняют к ним чувства вечной признательности“.¹

Освободительной борьбой болгарского народа непосредственно руководила закаленная и воспитанная в духе великого учения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина Болгарская коммунистическая партия во главе с испытанным большевиком ленинско-сталинской закалки Георгием Димитровым, партия, сумевшая сплотить болгарский народ под освободительным знаменем Отечественного фронта.

События 9 сентября расшатали основы капиталистического порядка в Болгарии. „9 сентября 1944 г., — говорил Георгий Димитров в своем докладе на V съезде Болгарской коммунистической партии, — политическая власть в нашей стране была вырвана из рук капиталистической буржуазии, эксплуататорского монархо-фашистского меньшинства и перешла в руки громадного большинства народа, трудящихся города и деревни при активной и руководящей роли рабочего класса и его коммунистического авангарда... Произошли коренные изменения в характере государственной власти. Инструмент подавления и эксплуатации народных масс в пользу капиталистов разрушался, и создавалась народная власть как орудие уничтожения капитализма — постепенного освобождения трудящихся от всякой эксплуатации“.²

Правительство Отечественного фронта уже в первые дни своего существования провело ряд коренных демократических преобразований, приведших к огромному росту политической активности широких слоев трудящихся. Оно отменил все фашистские законы, передало суду народа наиболее отъявленных его врагов — виновников вовлечения

¹ „Пети конгрес на Българската комунистическа партия“. Стенографски протоколи. Част I. София, 1949, стр. 136.

² Там же, стр. 136—137.

Болгарии в войну на стороне фашистской Германии. Были распущены фашистские организации, полиция и жандармерия, создана народная милиция. Чиновнический административный аппарат подвергался коренной ломке. Реакционно настроенные государственные служащие решительно изгонялись из госаппарата и заменялись людьми, преданными трудящимся массам и вышедшими из их рядов. Болгарский народ получил такие права и свободы, каких он не имел за всю свою историю.

Одной из важнейших задач народно-демократической власти была подготовка и отправка на фронт новой, народной армии для участия в войне против гитлеровской Германии.

Правительство Отечественного фронта сменило реакционное высшее военное командование, провело чистку армии от гитлеровских агентов и фашистских элементов. Выдающую роль в обновленной народной армии сыграли гвардейские части, созданные непосредственно после 9 сентября 1944 г. из бывших партизанских отрядов. В армии был учрежден институт помощников командиров по политической части, в основном из бывших партизан-коммунистов. Соглашение о перемирии между союзным командованием и Болгарией было подписано в Москве 28 октября 1944 г., но еще задолго до этого болгарская армия, в состав которой влились вооруженные силы народно-освободительного движения, начала активные военные действия против немецко-фашистских войск. Болгарская народная армия еще в процессе своей реорганизации проделала героический поход Пирот — Бела Паланка — Ниш и выиграла сражение у Страцина. 450 тыс. болгарских бойцов в составе войск советского 3-го Украинского фронта под командованием маршала Толбухина приняли участие во многих сражениях на территории Югославии, Венгрии и Австрии, внося свой вклад в окончательный разгром гитлеровской Германии и в освобождение Балканского полуострова. В нескольких приказах Верховного Главнокомандующего товарища Сталина по войскам 3-го Украинского фронта, наряду с подвигами героических советских войск, были отмечены подвиги бойцов 1-й Болгарской армии генерала Стойчева. На полях Венгрии, у оз. Балатон и в других местах совместно пролитой кровью были скреплены братство и нерушимая боевая дружба Советской и Болгарской народных армий.

* * *

После победоносного окончания войны против гитлеровской Германии, чтобы конституционным путем закрепить демократические завоевания болгарских трудящихся, 18 ноября 1945 г. были проведены парламентские выборы, на которых болгарский народ продемонстрировал свою политическую зрелость и сознательность.

Реакция, представленная открыто оформившейся к тому времени антинародной оппозицией Петкова и Лулчева и пытавшаяся провести бойкот выборов, потерпела поражение, несмотря на помощь англо-американских империалистов. В результате выборов Отечественный фронт, в который входили 5 прогрессивных партий болгарского народа во главе с коммунистической партией, одержал блестящую победу. Избранное 18 ноября 1945 г. Обыкновенное народное собрание 26-го созыва приняло ряд законов, упрочивших завоевания народа и заложивших основу экономического подъема страны.

Крупным историческим событием в жизни Болгарии было проведение плебисцита по вопросу о форме правления. 8 сентября 1946 г. болгарский народ при небывалой активности избирателей (91,7% голосовавших) единодушно высказался за свержение ненавистой монархии. 15 сентября Народное собрание в торжественной обстановке провозгласило установление Народной республики.

27 октября 1946 г. состоялись выборы в учредительное Великое народное собрание, задачей которого было создание основ Народной республики, народно-республиканской конституции и выработка народно-хозяйственного плана. Эти выборы вновь показали, что молодая Народная республика имеет врагов, еще не сложивших оружия. Буржуазно-кулацкая оппозиция, представленная в основном раскольниками из Земледельческого союза и правыми социал-демократами, поддержанная англо-американскими реакционными кругами, прилагала все усилия к тому, чтобы помешать строительству Народной республики.

Во время выборов, используя экономические затруднения в стране, оппозиция вела себя демагогически, пытаясь запугать избирателей тем, что, если они отдадут свои голоса Отечественному фронту, Болгарии будут продиктованы тяжелые условия мирного договора с непосильными репарационными платежами и отторжением части болгарской территории. Болгарские избиратели дали решительный отпор этим врагам народа, врагам независимости страны. Отечественный фронт одержал блестящую победу, получив на выборах свыше 70% голосов. Вместе с тем итоги выборов вновь продемонстрировали, что основной, руководящей и наиболее популярной политической силой в Болгарии является коммунистическая партия, получившая свыше 63% голосов. В результате выборов в Великое народное собрание был нанесен сокрушительный удар надеждам внешних и внутренних врагов народно-демократической власти на реставрацию старого порядка, на возврат к прошлому.

22 ноября 1946 г. вождь болгарского народа Георгий Димитров сформировал новое правительство Отечественного фронта, деятельностью которого он руководил вплоть до своей кончины. Руководящая роль рабочего класса и его авангарда — коммунистической партии — нашла свое яркое выражение как в составе нового правительства Отечественного фронта, так и во всех остальных звеньях государственного аппарата и общественной жизни страны.

Под руководством героической коммунистической партии болгарский народ за этот короткий период времени добился замечательных успехов.

Крупнейшим успехом молодой болгарской народно-демократической республики явилось подтверждение в мирном договоре, подписанном на мирной конференции в Париже, национальной независимости и государственного суверенитета Болгарии. Этим успехом болгарский народ всецело обязан своему освободителю — великому Советскому Союзу, отстаившему его жизненные интересы от покушений со стороны англо-американского империализма.

Англо-американский блок на мирной конференции в Париже пытался навязать демократической Болгарии тяжелый и несправедливый мирный договор. Используя греческих монархо-фашистов, англо-американские империалисты пытались добиться отторжения части болгарской территории и наложения на Болгарию непомерно тяжелых репа-

рационных обязательств. И только благодаря усилиям могучего Советского Союза и братской поддержке стран народной демократии несправедливые требования англо-американских империалистов были отвергнуты. Болгария сохранила свою территориальную целостность и национальную независимость.

После заключения мирного договора Болгария вышла на международную арену как вполне суверенное государство. Опираясь на дружбу с Советским Союзом, она восстановила дипломатические отношения со многими странами.

Заключение 18 марта 1948 г. Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Болгарией, основанного на уважении принципов государственной независимости и национального суверенитета, явилось выражением нерушимой дружбы между обоими братскими народами и залогом дальнейшего развития Народной республики Болгарии. Как отмечал Георгий Димитров, договор явился новым подтверждением справедливости советской внешней политики, усилия которой направлены к укреплению международного мира, демократии и безопасности народов, к усилению фронта мира, возглавляемого великим Советским Союзом. Перед отъездом из Москвы после подписания договора Георгий Димитров произнес слова, которые прозвучали как клятва всего болгарского народа. „Мы уезжаем, — сказал он, — с чувством горячей благодарности к советскому народу, его Правительству, Генералиссимусу Иосифу Виссарионовичу Сталину, его славному соратнику Вячеславу Михайловичу Молотову, которых болгарский народ с полным основанием и гордостью считает своими лучшими друзьями.

Зная хорошо наш народ, я могу заверить советских братьев в том, что он останется до конца верным другом. Что бы ни случилось в будущем, болгарский народ никогда не подведет своего старшего брата-освободителя“¹.

Крепнут связи Болгарии с народно-демократическими странами. Договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заключенные Болгарией с другими странами народной демократии, построены на ленинско-сталинских принципах внешней политики. Эти договоры также представляют собой крупный вклад в дело упрочения мира и безопасности в Европе и во всем мире.

* * *

Под руководством коммунистической партии болгарский народ, преодолевая яростное сопротивление внутренних и внешних врагов, провел ряд крупнейших революционных преобразований в области экономики.

В результате грабительского хозяйничанья иностранных империалистов и спекулятивных махинаций болгарских реакционеров правительству Отечественного фронта досталось тяжелое наследство. К моменту восстания страна была на грани полного экономического истощения. Почти все сырьевые и продовольственные запасы были исчерпаны; крестьянство было разорено; в промышленности и на транс-

¹ „Правда“, 25 марта 1948 г.

порте царил хаос; финансы находились в критическом состоянии, свирепствовала инфляция; засухи последних лет усугубили продовольственные затруднения. Внутренняя и внешняя реакция всячески тормозила строительство Народной республики.

Однако болгарские трудящиеся упорным трудом, при постоянной бескорыстной помощи Советского Союза, благодаря последовательной демократической политике правительства Отечественного фронта с честью справились с трудностями и осуществили коренные преобразования всего экономического уклада страны.

В конце декабря 1947 г. был принят закон о национализации промышленных предприятий, шахт и частных банков. Проведена была также национализация внешней торговли и внутренней оптовой торговли, крупной городской собственности, лесов, был выкуплен крупный сельскохозяйственный инвентарь. Таким образом, решающая часть средств производства и обмена стала общественной собственностью.

„Национализация промышленности, — говорил товарищ Димитров, — является самым важным революционным мероприятием в экономике, окончательно утвердившим плановое развитие нашей страны по пути к социализму“.¹

В 1946 г. была проведена аграрная реформа, в результате которой наделены землей около 130 тыс. бедняцких и батрацких крестьянских семей. На основе закона о создании на добровольных началах сельскохозяйственных кооперативных хозяйств началось кооперирование болгарской деревни. К настоящему времени (октябрь 1949 г.) в стране уже создано более 1600 таких хозяйств, владеющих 540 тыс. га пахотной земли и объединяющих около 147 тыс. крестьянских семей. Таким образом, трудовые кооперативные земледельческие хозяйства (ТКЗХ) объединяют уже около 14% всех крестьянских хозяйств страны и около 11% всей обрабатываемой площади. На V съезде Болгарской коммунистической партии Г. М. Димитров с полным основанием мог констатировать: „Трудовые кооперативные земледельческие хозяйства уже являются стабилизированной новой формой в сельском хозяйстве, которая единственно в состоянии при помощи машинно-тракторных станций механизировать и модернизировать наше земледелие, улучшить благосостояние сельского населения и направить сельское хозяйство на путь социализма“.²

В стране создано большое количество государственных земледельческих хозяйств. Это — образцовые социалистические хозяйства, снабжающие ТКЗХ сортовыми семенами и породистым скотом. Большую помощь в своевременном и доброкачественном проведении сельскохозяйственных работ и повышении урожайности оказывают сельскому хозяйству машинно-тракторные станции.

Все эти преобразования обеспечили дальнейшее развитие болгарской экономики по пути к социализму. Успехи народно-демократической Болгарии создали необходимые условия для перехода к плановому строительству. Болгарский народ успешно осуществил двухлетний хозяйственный план 1947—1948 гг. и в настоящее время успешно выполняет свой первый пятилетний план (1949—1953). Болгарские трудящиеся назвали эту пятилетку „димитровской“, потому что

¹ „Пети конгрес на Българската комунистическа партия“, стр. 197.

² Там же, стр. 150.

инициатором и вдохновителем ее был вождь и учитель болгарского народа Георгий Димитров.

Основная задача пятилетнего плана — создание базы построения социализма в Болгарии. О грандиозности этого плана свидетельствуют следующие цифры. За 5 лет тяжелая промышленность увеличит выпуск продукции в 6,8 раза по сравнению с 1939 г. Производство электроэнергии в 1953 г. возрастет по сравнению с 1939 г. в 7 раз, производство машиностроительной промышленности — в 65 раз. Сельское хозяйство получит 10 тыс. тракторов. К концу пятилетки трудовыми кооперативными земельными хозяйствами будет охвачено на добровольных началах по меньшей мере 60% крестьянских хозяйств. В 1953 г. 60% общей сельскохозяйственной продукции и 72% товарной продукции будут получены от обобщественного сектора.

Благодаря экономической, технической и иной помощи великого Советского Союза созданы предпосылки для успешного выполнения пятилетнего плана. Все более нарастающий трудовой подъем болгарского народа, сбросившего иго капитализма и взявшего в свои руки хозяйственное строительство, является первейшей гарантией того, что димитровская пятилетка будет выполнена и перевыполнена.

Успехи болгарского народа, достигнутые при братской помощи и сотрудничестве с Советским Союзом и другими странами народной демократии, становятся еще более яркими на фоне экономического порабощения и разорения, которым подвергаются народы маршализированных стран со стороны американского империализма. В то время как капиталистический мир все более втягивается в новый экономический кризис, в то время как в Соединенных Штатах Америки, в Англии, Франции, Италии и других капиталистических странах растет безработица, снижается уровень жизни трудящихся, в лагере мира и социализма непрерывно растет материальное и культурное благосостояние трудящихся, экономика СССР и стран народной демократии неуклонно идет по пути подъема.

За истекшие пять лет болгарский народ добился значительных успехов и в области общественно-политической жизни, в укреплении народной демократии.

Твердое проведение политической, экономической и социальной линии народно-демократического правительства, естественно, вызвало бешеное сопротивление классовых врагов, эксплуататорских, спекулянтских, паразитических элементов в стране. Не имея поддержки в народе, эти элементы ориентировались на насильственное свержение законной народной власти, рассчитывая на помощь англо-американских империалистов. На процессе главаря заговорщиков Николы Петкова в августе 1947 г., а также на других процессах были полностью разоблачены эти преступные замыслы реакционной оппозиции, поставившей себя на службу иностранным империалистам. В условиях обострившейся классовой борьбы, ломая сопротивление свергнутых эксплуататорских классов и беспощадно расправляясь с врагами народа, трудящиеся Болгарии всемерно укрепляют свое государство народной демократии, представляющее по своей классовой сущности одну из форм диктатуры пролетариата, где государственная власть принадлежит массам трудящихся, возглавляемым рабочим классом и руководимым коммунистической партией.

Режим народной демократии, установленный в Болгарии после 9 сентября 1944 г., является блестящим подтверждением гениального

предвидения В. И. Ленина о том, что „переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: диктатура пролетариата“.¹

Учение товарища Сталина о трех основных сторонах диктатуры пролетариата дает ключ к пониманию и характера народно-демократического режима, установленного в Болгарии. Болгарский рабочий класс использует свою власть: 1) для подавления сопротивления эксплуататоров, для обороны страны и для упрочения связей с пролетариями других стран, 2) для окончательного отрыва трудящихся и эксплуатируемых масс от буржуазии, укрепления союза с этими массами и привлечения их к делу строительства социализма и 3) для организации строительства социализма и уничтожения эксплуататорских классов.

Опыт строительства народной власти в Болгарии „еще раз подтвердил всю силу и жизненность ленинско-сталинского учения о диктатуре пролетариата и путях строительства социализма. Этот опыт наглядно показал, что каждый шаг народов СССР на пути строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму имел и имеет первостепенное, гигантское международное значение, что теория марксизма-ленинизма служит для рабочего класса и его партии в любой стране вернейшим компасом, указывающим путь к победе“.²

4 декабря 1947 г. Великое народное собрание приняло новую народно-республиканскую конституцию, творцом и вдохновителем которой был Георгий Димитров. Историческое значение этой конституции заключалось в том, что она закрепляет демократические завоевания болгарского народа и является могучим рычагом для дальнейшего развития страны по пути к социализму.

Ярким проявлением успехов болгарской народной демократии явилось предпринятое в начале февраля 1948 г., по инициативе и под руководством коммунистической партии, преобразование Отечественного фронта в единую общественно-политическую организацию с общим уставом и общей обновленной программой, в которой сформулированы задачи строительства социализма.

„Превращение Отечественного фронта в единую общественно-политическую организацию, — говорил товарищ Димитров, — с общей, социалистической по существу программой и с обязательной общей дисциплиной, при общепризнанной руководящей роли в ней коммунистической партии, несомненно, является большим достижением“.³ Г. М. Димитров, намечая перспективы развития демократии в стране, говорил: „Мы придем к созданию единой политической партии нашего народа, что, несомненно, окажется чрезвычайно полезным для будущего Народной республики. Прогрессивное общественное развитие нашей страны идет не назад, к множеству партий или группок, а к уничтожению всех остатков эксплуататорской капиталистической системы, что приведет к созданию единой политической партии для руководства государством и обществом“.⁴

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 385.

² „Страны народной демократии на пути к социализму“. — „Большевик“, № 16, 1949.

³ „Пети конгрес на Българската комунистическа партия“, стр. 152.

⁴ „Отечествен фронт“, 3 февраля 1948 г.

Состоявшееся в мае 1948 г. слияние социал-демократической партии с коммунистической партией на основе полного признания идеологических и организационных принципов коммунистической партии, а также состоявшиеся в феврале — марте 1949 г. самороспуск и полное организационное слияние с Отечественным фронтом радикальной партии и Народного союза „Звено“, явились блестящим подтверждением слов Г. М. Димитрова. Существующий в настоящее время, наряду с компартией, Земледельческий союз полностью признает руководящую роль рабочего класса и его авангарда — коммунистической партии и под ее руководством активно борется за построение социализма в Болгарии.

Состоявшийся в декабре 1948 г. V съезд Болгарской коммунистической партии подвел итоги пройденного пути, наметил основные задачи социалистического строительства, вооружил партию организационным и идеологическим оружием, необходимым для успешного руководства строительством социализма. V съезд БКП явился яркой демонстрацией сплоченности болгарских трудящихся масс вокруг своего руководителя — коммунистической партии и ее димитровского Центрального Комитета, свидетельством преданности и любви к великому Советскому Союзу, к ВКП(б), к гениальному вождю и учителю трудящихся всего мира — Иосифу Виссарионовичу Сталину.

В результате указанных выше общественно-политических сдвигов еще более укрепилось морально-политическое единство болгарских трудящихся, выросла творческая и политическая активность масс. Это наглядно проявилось на выборах в Народные советы в мае 1949 г., когда за единый список Отечественного фронта проголосовало свыше 91% избирателей. Это проявилось и в период подготовки к парламентским выборам, в мощном трудовом подъеме, в развернувшемся по всей стране социалистическом соревновании в честь 70-летия вождя и учителя всего прогрессивного человечества товарища Сталина, в единстве и решимости болгарского народа — под руководством коммунистической партии неуклонно следовать по пути народной демократии и социализма, всемерно укреплять болгаро-советскую дружбу и дружбу с народно-демократическими странами, быть активным борцом единого лагеря мира и демократии во главе с Советским Союзом.

Борьба болгарского народа за свое освобождение от монархо-фашистского ига, подготовка и проведение победоносного восстания 9 сентября, так же как и дальнейшие успехи народно-демократической Болгарии, неразрывно связаны с именем великого сына болгарского народа, верного ученика и соратника Ленина и Сталина, выдающегося теоретика и организатора народной демократии Георгия Михайловича Димитрова. Испытанный народный вождь и талантливый организатор, Георгий Димитров полностью использовал богатый революционный опыт болгарского и международного рабочего класса, всемирно-исторический опыт Великой Октябрьской социалистической революции, опыт великой партии большевиков.

Г. М. Димитров, возглавляя Болгарскую коммунистическую партию, был творцом и вдохновителем боевого союза болгарских рабочих и трудового крестьянства, олицетворенного в Отечественном фронте. Опираясь на помощь великого Советского Союза, руководимая Димитровым партия болгарских коммунистов привела болгарский народ к победе народно-демократической революции.

Георгий Димитров был вдохновителем и организатором всех побед народной демократии в Болгарии и в последующие пять лет, вплоть до последней минуты своей славной героической жизни. Верный и неизменный друг Советского Союза, Георгий Димитров неустанно боролся за укрепление вечной дружбы и братства болгарского народа с народами Советского Союза. „Нет и не может быть, — писал он, — здравомыслящего болгарина, любящего свою родину, который не был бы убежден в том, что для национальной независимости и процветания Болгарии искренняя дружба с Советским Союзом не менее необходима, чем солнце и воздух живому существу“.¹

История болгарского народа, как до 9 сентября, так и на протяжении всех пяти лет, прошедших после его освобождения, блестяще подтверждает правильность этого основного завета его незабвенного учителя и вождя, подтверждением того, что без союза с СССР, без его братской помощи немыслимо существование Болгарии как самостоятельной, независимой и свободной нации. Вот почему нерушимая болгаро-советская дружба является краеугольным камнем политики народно-демократической Болгарии, основой основ ее существования.

Народно-демократической Болгарии в ее прогрессивном развитии по пути строительства социализма предстоит преодолеть еще много трудностей и препятствий. Ее враги не сложили оружия. Англо-американские империалисты заодно с предательской кликой Тито продолжают засылать и в Болгарию своих шпионов и диверсантов, всячески поощряют внутреннюю реакцию на борьбу против народной власти. Но никакие происки империалистов уже не смогут помешать болгарскому народу идти по избранному им пути — пути уничтожения эксплуатации человека человеком и построения бесклассового социалистического общества. Опираясь на поддержку великого Советского Союза, следуя заветам своего любимого вождя и учителя Георгия Димитрова, под великим и непобедимым знаменем Ленина—Сталина болгарский народ уверенно идет по пути укрепления народной демократии, к победе социализма.

¹ „Правда“, 27 декабря 1943 г.

В. И. Злыднев

ЛИТЕРАТУРА ОСВОБОЖДЕННОЙ БОЛГАРИИ¹

В настоящее время Болгария переживает небывалый культурный подъем, явившийся результатом глубоких социальных, экономических и политических преобразований в жизни болгарского народа, происшедших за последние пять лет.

Болгарские писатели, опираясь на опыт развития советской литературы, овладевая методом социалистического реализма, создают принципиально новую, социалистическую, литературу, развивая лучшие реалистические традиции прошлого века — революционный порыв и целеустремленность Христо Ботева, острую сатиру Алеко Константинова, эпический размах Ивана Вазова. Для литературы освобожденной Болгарии характерна тесная связь с народом, высокий оптимизм и идейность. Новая литература развивается в борьбе с реакцией и пережитками буржуазной идеологии, отражая огромный подъем народных масс.

Некоторые элементы того нового, что есть в современной литературе, зародились у прогрессивных болгарских писателей вскоре после первой мировой войны. Великая Октябрьская революция и советская власть были тем маяком, который указывал им путь, перспективы развития, помогая выразить чаяния трудового народа. Так развивалось творчество Смирненского, Милева, Стоянова, Кюлявкова, Василева, а позднее Караславова, Радевского, Вапцарова и других писателей.

Монархо-фашистская клика, пришедшая к власти еще в 1923 г., преследовала прогрессивных писателей, посылая их в тюрьмы, на расстрелы, на виселицы. В цанковских застенках были замучены Милев, Ясенов, Румянцев. Правительство преследовало всякое проявление демократической мысли. Один за другим закрывались прогрессивные журналы: „Новый путь“, „Новое время“, „Пламя“, „Наковальня“, „Новое искусство“, „Звезда“, „Новая литература“, „Мысль“. Закрывались прогрессивные газеты: „Свежесть“, „Простор“, „Рабочий литературный фронт“, „Щит“, „Литературный обзор“ и др. В это же время

¹ Доклад на научной сессии Института славяноведения АН СССР в октябре 1949 г., посвященной пятой годовщине освобождения Болгарии и установления народно-демократической власти.

всемерно поощрялись реакционные и профашистские журналы и газеты: „Златорог“, „Заря“, „Слово“. На страницах „Златорога“ популяризировалась растленная западная литература, восхвалялись формальные выкрутасы декадентов, индивидуалистов, проповедывались аполитичность и смирение.

Писатели-либералы, оторванные от народной жизни, оказались в плену мистики и реакции. „Озлобление, отравы, насаждавшиеся в прошлом, — писал Стоянов в 1930 г. в газете „Литературен глас“, — сейчас дают свои плоды“.¹

Гонение на прогрессивную болгарскую литературу, свобода „творчества“ для фашистских проходимцев и карьеристов, ограничение, а затем и запрещение советской литературы в Болгарии привели к падению художественного и идейного уровня болгарской литературы. „Исчезла русская литература, — писал в 1925 г. критик-коммунист Георгий Бакалов, — наша интеллигенция рискует одичать... Нужно решительно выступить против этой враждебной политики по отношению к родному нам русскому народу“.² В 1933 г. Людмил Стоянов приходит к выводу, что упадок литературной мысли, интереса к общественной жизни и художественного вкуса является результатом того, что болгарским писателям недоступна современная русская литература. „Отупение интеллигенции, — пишет он, — будет расти, потому что люди, которые распоряжаются судьбой нашей страны, не сознают того факта, что, закрывая доступ русской книге, они обрекают свой народ на духовную гибель“.³ Писатель-антифашист, обращаясь к правительству, требовал: „Дайте доступ советской книге!“

Но буржуазное профашистское правительство питало животную ненависть ко всему, что шло из Советского Союза, в том числе и к советской литературе. Цензура постоянно ограничивала переводы советских произведений, а в период с 1940 г. по 1944 г. не было издано ни одной книги советских писателей. В то время под руководством коммунистов создавались нелегальные газеты, выпускались листовки и воззвания. Тодор Павлов, Людмил Стоянов, Кюлявков, Стрелков, Караславов, Василев, Радевский и др. объединились вокруг нелегальной газеты „Патриот“, на страницах которой они разъясняли роль и значение движения Отечественного фронта и систематически вели работу по разоблачению болгарских фашистских наймитов. Многие писатели и поэты ушли в подполье, чтобы с оружием в руках принять самое активное участие в антифашистской борьбе. Более 20 талантливых болгарских поэтов и писателей были замучены, расстреляны или повешены. Смертью героев пали накануне освобождения болгарского народа Н. Вапцаров, Ц. Спасов и др. Более 30 ныне здравствующих писателей сидели в тюрьмах и концентрационных лагерях. Террор свирепствовал по всей Болгарии. По официальным данным, с 9 июня 1923 г. по 9 сентября 1944 г. было замучено и убито свыше 100 тыс. человек. Сто тысяч лучших людей болгарского народа — сильных, смелых, волевых! Сто тысяч в стране с населением около 7 миллионов! За этот же период было арестовано полтора миллиона человек.⁴

¹ Л. Стоянов. Пътят на махалото. София, 1947, стр. 108.

² „Работническо дело“, 1949, № 138.

³ Л. Стоянов. Ук. соч., стр. 181—182.

⁴ С. Караславов. Борба за демокрация. София, 1946, стр. 7—25.

Болгарский народ назвал эти годы „черным фашистским рабством“. Советский писатель Николай Тихонов, посетив Болгарию в 1945 г., писал об этом периоде: „Как долго мрак фашистского средневековья висел над страной, заглушая всякий свободный голос. Нужно было большое моральное здоровье, огромная вера в победу разума, верность принципам, за которые каждый день грозили глумления и истязания. Это была мрачная глава болгарской литературы, полная мучительных воспоминаний, скорби и крови“.¹

Успехи Советской Армии на фронте, рост антифашистского движения, активные боевые действия партизанских отрядов и подрывных групп рождали у болгарских антифашистов тот высокий оптимизм, о котором в 1942 г. в своем предсмертном письме говорил писатель-коммунист Антон Попов:

„Я умираю за жизнь, которая будет светлее солнца, лучше самых красивых цветов, свободнее и справедливее всего, что было до сих пор. Я умираю с верой, что завтра наступит рассвет, придет лучший день, самый лучший из всех, какие были до сих пор“.²

Этот день пришел 9 сентября 1944 г., когда вооруженное восстание болгарского народа, поддержанное победоносным наступлением Советской Армии, увенчалось разгромом болгарского фашизма, изгнанием монархо-фашистской клики и приходом к власти народного правительства Отечественного фронта. И впервые в жизни болгарского народа осенний месяц сентябрь стал праздничным и светлым, как весна. Сбылись пророческие слова Гео Милева: Сентябрь стал маем, а много-страдальный болгарский народ возрождается без бога и без господина. В первый же год после освобождения Болгарии вышло более десятка новых сборников стихотворений. Матеев назвал свой сборник — „Победный год“, Зидаров — „Сентябрьские песни“, Пенев — „Весенние маневры“, Кюлявков — „Разгар“, Радевский — „Не переводя дыхания“. Вышли сборники Стоянова, Исаева, Бурина и других поэтов. Выражая восторг своего народа, Матеев говорит:

Сентябрь! Но сиянием алым
Весна озарила листву —
То правда восторжествовала,
То сказка сбылась наяву!³

9-е сентября 1944 года Людмил Стоянов назвал „Великим днем“:

Этот день, он взошел небывалой зарей,
Развернувшейся в небе как алое знамя.
От Дуная до Странжи кипенье народа,
Над землею угрюмые грозы прошли.
Держит власть сам народ над страной свободной,
Он сегодня хозяин счастливой земли.

Во вновь созданных газетах и журналах помещались стихи и рассказы, выражающие чувства большой радости и торжества народа. В печати появились новые имена молодых талантливых писателей и поэтов.

¹ „Литературная газета“, 1945, № 15.

² Сборник писем „Последната им дума“. София, 1948, стр. 119.

³ Все переводы даются по сборнику „Поэзия борьбы и победы“, М., 1950.

После долгих лет молчания обратились к своим читателям с новыми произведениями старейшие болгарские писатели Елин-Пелин и Димитр Полянов. Дора Габе, в прошлом „поэтесса скорби и печали“, пишет восторженные стихи о советских воинах, создает героическую поэму о партизанке. Елизавета Багряна, писавшая ранее о неразделенной любви, о крике больной души, о страдании женщины „вечной и святой“, ¹ теперь заговорила полным голосом о радости освобожденного труда, о подвигах болгарской молодежи. К новой тематике и к новым взглядам пришли Н. Марангозов, П. Бленика, А. Каралийчев, А. Каменова.

Во всех жанрах литературы преобладает актуальная современная тематика. Это резко повысило интерес читателя к отечественной литературе. В прошлом средний тираж книг современных болгарских писателей и поэтов составлял 3—5 тыс. экземпляров, теперь он увеличился до 10—15 тыс.

9 сентября 1944 г. — день освобождения болгарской литературы от разлагающей фашистской идеологии, от реакционной цензуры, от насилий и террора. Болгарские писатели изгнали из своей среды врагов народа и реакционеров. Союз писателей перестал быть кастовой организацией: в Союз было принято более 70 новых членов — прогрессивных писателей и поэтов, среди них Веселин Георгиев, Емил Манов, Никола Маринов, Блага Димитрова и др.

В Союз болгарских писателей вошли члены разных партий, объединившихся в Отечественном фронте, но главное ядро составили коммунисты. Более 80 писателей, поэтов и критиков — члены Болгарской коммунистической партии. Критики-коммунисты — Зарев, Каролев, Руж и др. повели решительную борьбу против реакционных, эстетских и идеалистических влияний в современной болгарской литературе, которые находили приют в газете „Изгрев“, в журнале „Балканский обзор“ или в частных издательствах.

Болгарская коммунистическая партия и правительство Отечественного фронта проявляют огромную заботу о развитии современной художественной литературы.

Особое внимание к деятельности Союза болгарских писателей проявлял Георгий Михайлович Димитров. Его справедливо называют руководителем и вдохновителем болгарской литературы.

В стране созданы новые издательства, введены ежегодные Димитровские премии, которые будут присуждаться за лучшие работы в области науки, искусства и литературы.

Партийная печать популяризирует лучшие произведения современных болгарских писателей и поэтов — Вапцарова, Стоянова, Георгиева, ведет большую работу по разъяснению метода социалистического реализма.

9 сентября 1944 г. для болгарских читателей и писателей был впервые открыт свободный доступ к советской литературе. Болгарские писатели в большом количестве переводят и популяризуют советскую литературу.

Статистика ежегодных изданий книг советской художественной литературы отражает постоянно увеличивающийся интерес болгарских

¹ Так назывался первый сборник стихотворений Е. Багряны, вышедший в 1927 г.

читателей к советскому искусству и к жизни в стране социализма. Так, в 1944 г. в переводе на болгарский язык было издано пять книг советских писателей, в 1945 г. — 72, в 1946 г. — 75, в 1947 г. — 82, в 1948 г. — около 100 книг. За период с 1944 г. по 1948 г. было переведено и вышло в отдельных изданиях всего свыше 700 книг советской общественно-политической и художественной литературы общим тиражом около 6 млн. экз.

Такие книги, как „Молодая гвардия“ А. Фадеева, „Тихий Дон“ М. Шолохова, „Повесть о настоящем человеке“ Б. Полевого, „Как закалялась сталь“ Н. Островского, поэма „Зоя“ М. Алигер, „Мужество“ В. Кетлинской, „Педагогическая поэма“ А. Макаренко и др. выдержали уже несколько изданий.

Советская литература для болгарских писателей и читателей — это школа политического и художественного воспитания. Она вдохновляет болгарский народ на строительство социализма. Идейной, боевой, оптимистической советской книге Христо Радевский посвящает свое стихотворение:

Уча, закаляешь и пестуешь друга,
Врага ты разишь и крушишь до конца.
С востока и с запада, с севера, с юга
Стремятся к тебе всех народов сердца.
Ты каждую буквою — песня о стали,
О гордом труде, о земле без цепей.
Твой вечный родник — это Ленин и Сталин,
Могучее сердце твое — ВКП.

Болгарские писатели внимательно следят за развитием литературной жизни в Советском Союзе. Они проявляют большой интерес к проблемам социалистического реализма и учатся на опыте советских писателей.

Стоянов, Радевский, Грубешлиева и другие писатели занимаются переводами советской литературы. За многолетнюю и плодотворную деятельность в области переводов и популяризации классической русской и советской литературы советское правительство в 1948 г. наградило Стоянова орденом Трудового Красного Знамени. Укреплению литературных связей братских народов во многом способствовали поездки советских писателей в Болгарию (Н. Тихонов, А. Сурков, И. Эренбург, Л. Леонов, Б. Полевой и др.) и болгарских писателей в Советский Союз (Х. Радевский, Л. Стоянов, К. Кюлявков, О. Василев, Г. Караславов, В. Георгиев, Д. Габе и др.).

„Мы высоко ценим, — пишут болгарские писатели, — советскую литературу и учимся у нее. Благодарность и любовь к русскому народу, к советской культуре представляет собой один из основных мотивов нашего творчества“.¹

В творчестве писателей Болгарии занимает особое место тема любви к великому Сталину, к народам Советского Союза и ее армии. Это объясняется не только историческими условиями, сблизившими братские народы, но и стремлением болгарских писателей, поэтов и драматургов всесторонне и глубоко отразить сокровенные думы и чувства своего народа.

Стоянов в стихотворении „Сталин“ создает образ выдающегося, мужественного и простого человека. Имя Сталина, по выражению

¹ „Литературная газета“, 1947, № 18.

поэта, звучит „как клятва нерушимая“, оно „как молния несокрушимо“. Это имя очень близко и дорого каждому болгарину.

Самое любимое то имя,
Врезано оно во все сердца,
Словно молния несокрушимо
Нас ведет к победе до конца.

Это имя крестьянин чертит на земле, лесоруб вырезает на дереве, каменщик высекает на граните. Оно, по выражению И. Бурина, „вливает бодрость нам в сердца“.

То имя светит и в глухие
Застенки тюрем, и везде
Сияет: в боевой стихии,
В свободном, радостном труде.

К этому имени и к этому человеку тянутся сердца всех честных людей. Они хотят знать, что им делать в трудную минуту, они хотят просить у него помощи, и, вдохновленные его призывом к борьбе, они готовы пойти на решительную схватку с врагом. В этом отношении характерна сцена в пьесе О. Василева „Тревога“. Фашистская радиостанция в Софии в ноябре 1941 г. хвастливо передает, что немцы уже видят башни Кремля, и захват Москвы неизбежен. В рабочей семье тревожно прислушиваются к событиям на советско-германском фронте.

Бойко (сжимая кулаки). Наступают!

Славка. Наступают...

Бойко. Мама! Скажи мне, только так... искренне!.. Верить ли ты, что Москва выдержит немецкий натиск?

Славка. Верю, Бойко! Там — Сталин! Он не отдаст сердце всего мира.

Беднейшее крестьянство, рабочие восхищались успехами Советской Армии; кулачество, буржуазия открыто поддерживали реакционное правительство и фашистскую армию.

В рассказе О. Василева „Упрямец“ бедняки, во главе с дедом Бушо, с затаенной радостью прислушиваются к успехам Советской Армии у Сталинграда; кулаки, во главе с корчмарем Гено, угрюмо выслушивают бедняков, злобно высмеивают их надежды и шлют на них доносы в полицию.

Когда 80-летнего деда Ради в рассказе Даскалова „Звезда деда Ради“ полицейские вывели на площадь и спросили: „За кого ты? За Германию или за Россию?“ — дед Ради повернулся лицом к востоку, вытер слезы на глазах и крикнул: „Неужто вы ослепли и не видите, что солнце поднимается с востока!“

Подмастерье Бончо в рассказе К. Григорова „По новому пути“, пианистка Лили в пьесе Василева „Тревога“ слушают передачи из Москвы. С надеждой и радостью они обращают свои взоры туда, где сражаются два мира. В этой жестокой борьбе решалась судьба и болгарского народа.

В повести „Танго“ Караславов показал, как героическая битва советских воинов у Сталинграда определила новые взаимоотношения разных общественных слоев и классов Болгарии. Столичную аристократию, мелких дельцов, спекулянтов, жалких трусов и карьеристов объединяет страх перед грядущим разгромом фашистов у Сталинграда. В бедных крестьянских домах шопотом передают вести о сталин-

градской битве. У Тодора, Ильи и Милана сыновей приговорили к смертной казни за антифашистскую деятельность. Приговор еще не приведен в исполнение, и крестьяне надеются, что разгром немцев под Сталинградом смягчит участь осужденных, изменит приговор. С мольбой, надеждой они обращают свои взоры на восток.

Вести о Сталинграде проникают и в тюрьмы, в мрачные камеры смертников. Теперь больше, чем когда бы то ни было, они верят в успех своей деятельности. Мужественно они выносят лишения, пытки и истязания. С чувством исполненного долга, с гордостью и полным сознанием, что завтра наступит день освобождения народа, они умирают, как герои.

В темные болгарские ночи, в тяжелые знойные дни народ ожидал своих освободителей. Исаев в стихотворении „Родные гости“ так выражает чувства народа:

Встретим мы гостей желанных,
Долгим маршем утомленных,
Жарким солнцем опаленных,
В эту осень на Балканах.
Дорогим гостям мы рады,
Что идут от Сталинграда.
Нам несут они свободу,
В их сердцах любовь к народу.

Бойцам и офицерам Советской Армии посвящают свои стихи Полянов, Стоянов, Радевский, Зидаров, Матеев, Пенев, Димитрова, Габе. Встрече Советской Армии в Болгарии посвящены рассказы Стоянова, Даскалова, Григорова и других писателей.

О дружбе советских и болгарских воинов, сражавшихся плечом к плечу на советско-германском фронте в 1944—1945 гг., рассказывают Иван Мартинов в романе „Драва течет через славянские земли“ и П. Вежинов в повести „Златан“. Дружба братских народов во время Великой Отечественной войны была освящена кровью и потому она прочна. Эта дружба помогает болгарскому народу строить народно-демократическую республику, бороться за мир и демократию и идти вперед по пути к социализму. Стоянов в стихотворении „Русскому народу“ говорит:

Братская дружба приносит обильные всходы
Непревзойденной сердечностью озарена.
Русскую правду познав, прозревают народы,
С ней возмужала и выросла наша страна.

Своеобразие литературной жизни освобожденной Болгарии в том, что наряду с новыми художественными произведениями, созданными за последние пять лет, впервые появились в печати произведения, написанные задолго до освобождения и запрещенные в годы фашистской диктатуры. Сюда относится поэма Милева „Сентябрь“, запрещенные стихи Ясенова и Румянцева, революционные стихи Вапцарова, Спасова, Кырпачева и другие. Народ помнит и чтит память писателей и поэтов, героически погибших в борьбе с фашизмом.

Болгарский народ проявляет большое внимание и любовь к прогрессивным писателям и поэтам старшего поколения, что нашло отражение в торжественном праздновании юбилея родоначальника

болгарской пролетарской поэзии Д. Полянова, писателя-антифашиста Л. Стоянова, старейшего талантливого писателя Елин-Пелина и др.

В 1948 г. на праздновании своего юбилея Л. Стоянов сказал: „Сегодняшний юбилей свидетельствует не только о ценности моего вклада в культурное возрождение нашей страны, это одновременно юбилей всей нашей прогрессивной и антифашистской литературы и культуры, юбилей всех тех, кто отдал народу свою жизнь, талант и способности, кто раньше подвергался преследованиям и чье творчество способствовало освободительному движению народа“.¹

Только в условиях народно-демократической Болгарии писатель получил свободу слова, только теперь его произведения стали доступны народу. И вполне естественно, что теперь он стремится рассказать о самом сокровенном, что было в жизни народа. Средствами художника слова он рассказывает о тяжелой и безрадостной жизни, об удушливой атмосфере в годы фашистской диктатуры, об организации и росте движения сопротивления, о деятельности партизанских отрядов, о подготовке и ходе вооруженного восстания 9 сентября 1944 г. Это одна из самых больших тем в болгарской литературе последнего пятилетия.

Широкое и всестороннее освещение антифашистского движения — большой вклад болгарских писателей в новую литературу. Е. Коралов в романе „Люди сентября“ создал большое эпическое полотно, раскрывающее революционные события 1923 г. С. Даскалов в романе „Путь“ не только вскрывает классовые противоречия в деревне накануне второй мировой войны, но и показывает формирование политического сознания народных масс. Писатель создает образ положительного героя Гарчо, который батрачил у кулаков, работал подмастерьем в кузнице и, наконец, попал на фабрику. Революционная рабочая среда вовлекает Гарчо в политическую жизнь, он принимает участие в революционном движении. Жизненный путь героя романа отражает историю политического роста болгарского крестьянства, путь к сознательной классовой борьбе, в которой руководящая роль принадлежала рабочему классу. В рассказах „Милевка“, „Общественные деньги“, „На службе“ С. Даскалов дает зарисовки жизни и быта болгарской деревни накануне освобождения: в селах бесчинствуют полицейские, идут повальные обыски и аресты. Но и здесь, в отдаленных селах, распространяются листовки, запрещенная литература и создаются партизанские отряды.

Л. Стоянов в романе „На рассвете“ (первая часть трилогии) показывает крестьян и представителей интеллигенции маленького села Липен. Крестьяне занимаются производством древесного угля. Черные от угольной пыли, озлобленные, больные, они живут в страшной нищете и постоянной зависимости от кулаков и ростовщиков. В село приезжают фельдшер коммунист Бошнаков и учитель Пантев. Бошнаков проводит большую политическую работу: он выступает против местных властей, проводит беседы с крестьянами, разоблачая фашистскую деятельность правительства; вскоре вокруг него объединяются передовая молодежь и беднейшее крестьянство. Пантев отказывается от политической борьбы и, женившись на сельской учительнице, стремится создать мещанский уют — „счастливый уголок“. В этом романе писа-

¹ „Работническо дело“, 25 октября 1948 г.

тель вскрыл начало борьбы двух моралей — буржуазной и пролетарской, их развитие должно найти отражение в следующих частях трилогии.

Писатель Х. Русев в недавно вышедшем романе „По кручам“ показывает подготовку и проведение вооруженного восстания 9 сентября. Герой романа коммунист Руменов, скрываясь от преследования правительства весной 1944 г., уезжает в деревню, где организует партизанский отряд. Партизаны захватывают село, карают кулаков и старост, уничтожают полицейские отряды и ведут подготовку большого народного восстания. Писатель показывает, как с усилением реакции и бесчинств фашистов колебавшиеся ранее крестьяне начали вооруженную борьбу против фашистов. Лагерь тунеядцев и эксплуататоров (Златев, Дубов, Баранов, Биволарский) полон дикой злобы к коммунистам и живет в постоянной лихорадке спекуляции, наживы, обмана. Русев затрагивает и вопросы морали. Чистую и глубокую любовь Руменова к жене и детям, любовь Митко к своей невесте он противопоставляет отношению Баранова к жене Дубова — одной из его любовниц, пошленьким увлечениям дочери Златева. Пролетарская мораль обогащает и облагораживает человека, мораль буржуазная ведет к разложению семьи и общества. „По кручам“ — первый роман Русева, и писателю не удалось избежать ряда недостатков. Как отмечала уже болгарская критика, писателю не вполне удалась образы положительных героев — коммунистов.

Создан ряд новых художественных произведений о партизанах. М. Марчевский написал роман для юношества „Голубые скалы“, И. Хаджимарчев — „Пастушок Калитко“, К. Калчев — „В конце лета“, Е. Станев — „В тихий вечер“ и др.

В романах, рассказах и повестях о партизанах писатели показывают мужество, героизм и самоотверженность болгарских патриотов.

Высокую оценку в болгарской печати получили документальные произведения, освещающие борьбу коммунистов, их жизнь и деятельность в годы разгула фашистской реакции.

Емил Манов написал книгу „Пленная когорта“ — о силе и мужестве коммунистов, томившихся в центральной софийской тюрьме в 1941—1944 гг. Правдивое повествование о последних днях жизни коммунистов волнует читателя и оставляет неизгладимое впечатление. О долгих годах своего тюремного заключения рассказывает писатель-антифашист Крыстю Белев в книгах „На каторге фашизма“, „Ночь на виселице“. Об участии в антифашистском движении рассказывает Маринов в автобиографической трилогии „Осколок гранита“. Первая часть трилогии — „Шестеро“ — знакомит читателя с деятельностью болгарских антифашистов в начале 30-х годов, вторая часть — „Бойцы Интернациональной бригады“ — посвящена событиям в Испании в 1937 г., когда болгарские коммунисты в составе интернациональной бригады сражались за свободу и идеалы испанского народа.

Наряду с освещением жизни народа в период мрачных лет реакции писатели создают правдивую оптимистическую литературу, где большое место уделяется положительному герою — коммунисту. Они не только разоблачают буржуазную, мещанскую мораль, но и показывают зарождение и формирование новой, пролетарской морали.

В драматургии тема антифашистского движения нашла широкое отражение в пьесах К. Кюлявкова, К. Калчева, О. Василева.

Писатели показывают формирование нового революционного сознания и дают острую критику буржуазной морали (пьесы А. Гуляшки, К. Зидарова).

С большим успехом во всех театрах Болгарии сейчас идут пьесы „Тревога“ О. Василева и „Царская милость“ К. Зидарова. Обе пьесы знаменуют большой шаг вперед в развитии молодой болгарской драматургии.

О. Василев показывает, как в годы усиления антифашистского движения, накануне освобождения Болгарии, проходила острая борьба двух идеологий, двух моралей: старой, буржуазной в лице Витана Лазарова и новой, пролетарской, носителем которой является коммунист Сава Величков. Витан Лазаров — индивидуалист и эгоист. Ему не удалась военная карьера, и он решил уйти от общественной и политической борьбы. Он примиряется с существующим порядком, стремясь создать у себя в семье уют и спокойствие или, как говорит он сам, „земной рай“. Витан не в состоянии полностью изолировать себя от политической и классовой борьбы. Эта борьба происходит в семье Витана. Сын Витана — Борис, подпоручик, становится фашистским молодчиком, который убивает, грабит партизан и мирное население. Любимая дочь Витана Лили становится невестой коммуниста Савы, она восторгается успехами советских войск. Сава Величков выступает против политики фашистского правительства. Исключенный из университета за революционную деятельность, он переходит на нелегальную работу и стремится быть полезным трудовому народу. Только активная борьба, только выступления против фашизма закаляют характер человека и способствуют восприятию пролетарского мировоззрения. Писателю хорошо удалось отразить напряженную антифашистскую борьбу, ее целеустремленность, активность и боевой пафос.

Действие пьесы К. Зидарова „Царская милость“ относится к периоду первой мировой войны, когда на фронте и в тылу болгарской армии под влиянием революционного движения в России, а затем под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции зрело революционное сознание народных масс Болгарии. В образе Ирины Радионовой Зидаров показал эволюцию взглядов передовой интеллигенции, которая разочаровалась в правящей клике и пришла к революции.

Болгарские поэты при разработке темы антифашистского движения стремятся разносторонне и глубоко раскрыть образ мужественного героя — коммуниста, действующего в партизанском отряде, томящегося в тюрьме или обличающего реакционеров на фашистском суде. Стихотворение как вид литературного произведения недостаточно, чтобы выразить богатое содержание исторической действительности. И поэты прибегают к созданию больших эпических произведений. Исаев написал поэму о расстрелянном поэте-коммунисте Вапцарове, Дора Габе создала поэму о партизанке Веле Пеевой („Вела“), которая героически погибла, прикрывая отход своего отряда. О секретарях ЦК Союза рабочей молодежи — Лиляне Димитровой и Иорданке Чанковой, героически погибших в борьбе с фашизмом, написали поэмы Б. Димитрова и В. Вихра.

Поэты показывают, как смерть героев утверждала новую жизнь и становилась знаменем активной борьбы. Когда погибла Вела

Пеева, то все село, говорит поэтесса, поднялось, чтобы отомстить фашистам:

Отцы с сыновьями
Вставали под алое знамя;
И матери слез уж не лили;
И вот Арапчал зашумел,
И в леса вековые
Отряды свои боевые
Народ отправлял по ночам.
Так все, как один,
Поднялись на борьбу за свободу.

Болгарским партизанам, их борьбе посвятили свои стихотворения В. Георгиев, К. Кюлявков, М. Исаев и другие поэты. В ряде стихотворений они создают образы коммунистов, сильных и величественных, показывают коммунистическую партию как вождя и вдохновителя антифашистского движения. Молодой поэт Р. Ралин в тюрьме читает надписи на стенах („Стены говорят“) — это были последние слова политзаключенных. В них они обращались к своим друзьям, обращались к своей коммунистической партии:

„Смело держитесь, родные друзья!“
„Храброго партия оберегает
И отступить нам ни шагу нельзя!“
Мощно звучит этот голос подземный:
Партия всюду с тобой и везде —
В камере темной, в неволе тюремной,
В сердце твоём на фашистском суде!

Погибшему поэту-партизану В. Георгиев посвящает „Балладу о коммунисте“. В заключительных стихах он раскрывает смысл поведения патриота:

... Знал он твердо, что минуты его сочтены,
Но величие и гордость в глазах его были видны.
Грудь палач ему резал: „Ты железный? Так что же — согнись!“
„Нет! Я крепче железа, — ответил он, — я коммунист!“

Партизаны, коммунисты умирают с глубокой верой в то, что друзья, народ продолжат их дело. В стихотворении Матеева умирающий партизан говорит своим врагам:

Я смерти за родину рад...
Пусть я погибну, но знайте,
Товарищи вам отомстят!
С рассветом найдут мое тело,
Найдут автомат мой друзья
И сделают то, что доделать
Мне смерть помешала моя.

Таким образом, писателям во всех жанрах удалось правдиво показать героическую борьбу народа за свое освобождение. Они раскрыли сущность буржуазной морали, способствовавшей процветанию фашистской идеологии, и заклеили ее в ярких художественных образах. В новых литературных произведениях писатели Болгарии создали образы положительных героев — коммунистов, носителей передовой коммунистической морали, овеванных революционной романтикой.

Установление режима народной демократии и ликвидация капиталистических элементов в Болгарии вызвали дикую злобу со стороны

внутренней и внешней реакции, которая рассчитывала с помощью английских фунтов и американских долларов реставрировать болгарский фашизм. Караславов в книге „Борьба за демократию“, К. Белев в репортажных очерках „По свету за хлебом и правдой“, Генов в острых публицистических статьях, собранных в сборнике „Господа и слуги“, разоблачают буржуазных реакционеров всех мастей.

Правдивую книгу о жизни и быте американцев написал Г. Белев: „Что я видел в Америке“. Эта книга появилась в результате поездки писателя на славянский конгресс в Нью-Йорк в 1946 г. Белев раскрывает сущность хваленной американской „демократии“, лицемерие буржуазной „цивилизации“ и жестокую капиталистическую эксплуатацию. Как только болгарские делегаты конгресса вышли из самолета и вступили на американскую землю, они подверглись полицейскому осмотру и регистрации.

Весьма неприглядна жизнь простого народа в Америке. „Люди в Америке, — пишет Г. Белев, — устают от беспокойной суеты, от быстрого и однообразного темпа в работе и, наконец, они устают от непрерывной погони за долларами, которыми наполняются их кошельки только во сне“.

Писатель показывает, как на Уолл-стрите, в результате постоянной лихорадки бизнеса, складываются такие отношения между людьми, которые можно определить лишь поговоркой „Человек человеку — волк“. Уважение к женщине сменилось цинизмом и распущенностью, прикрываемыми внешним лоском.

Американцы всюду рекламируют свою свободу, а между тем „негр не может сидеть рядом с белым в общественном месте, не может служить в государственном учреждении, как бы он ни был талантлив и способен. Он может быть только кельнером, шофером, сторожем. Он может быть, — говорит писатель с иронией, — фабричным рабочим, потому что его труд нужен капиталисту“.

В этой книге Г. Белев показал две Америки — бездушную, алчную Америку в лице небольшой горстки монополистов, управляющих государственным аппаратом, и нищую, поруганную и забытую — в лице трудового американского народа. Рабочие, труженики создали высокие технические усовершенствования, и эти достижения обратились против них. Книга Г. Белева, вышедшая тиражом в 7 тыс. экземпляров, была распродана за 3 месяца, и сейчас готовится второе издание.

Прогрессивные болгарские писатели — А. Стоянов, К. Белев, М. Грубешлиева — еще в 30-е годы неоднократно поднимали свой голос в защиту мира, но это были одиночки. В современной Болгарии в движении за мир, за укрепление демократического лагеря во главе с Советским Союзом приняли участие многие болгарские писатели, поэты, критики. Они не только выступали на международных конгрессах во Вроцлаве и Париже, на Национальном конгрессе сторонников мира в Софии и на многочисленных собраниях в Пловдиве, Бургасе и других городах. Свои чувства и думы защитников мира они выразили в ряде литературных произведений. Фурнаджиев, Грубешлиева и Пенев в своих стихотворениях обличают „волчью свору“ Уолл-стрита и Сити, лживую страпню „Британского союзника“ и показывают, как в „сейфах Уолл-стрита скопились слезы вдов и горький детский плач“. Бленика от имени всех женщин, как „мать, сестра, невеста и подруга“, обличает продажных дельцов, разжигающих военный психоз. Им она говорит, что „все матери на разных языках могучее провозглашают — вето!“

Болгария — маленькая страна, но гордый и свободолюбивый живет в ней народ. Выражая чувства всего народа, поэт Марангозов клеймит позором тех, кто клеветает на Болгарию, кто мешает ее мирному строительству. Им говорит он:

Да, вам не по нутру и не по праву
Народной демократии расцвет
И чаянья народа, что по праву
Увидел счастья долгожданный свет.
Уж не свершить свой замысел кровавый
Презренным поджигателям войны!

И вопреки всем блокам, пактам и военным союзам Грубешлиева говорит о близком будущем народов Западной Европы и Америки:

На Западе ждут с трепетом народы
Дня светлой правды, честного труда!
Развевя мрак, взойдет звезда свободы,
Взойдет пятиконечная звезда!

Революционные социальные и экономические преобразования в Болгарии не только резко изменили внешний облик жизни и быта народа, но и формируют новый тип человека — патриота, общественника, активного строителя народно-демократической республики. И. Мартинов в романе „Драва течет через славянские земли“, П. Вежинов в повестях „Златан“ и „Вторая рота“ показывают, как на советско-германском фронте у болгарских воинов складываются новые понятия о героизме и подвиге. Командир отделения коммунист Илья Гражев („Драва течет через славянские земли“), рядовой солдат Златан („Златан“) воюют и борются за свою демократическую республику. Между солдатами и офицерами Народной болгарской армии складываются новые отношения — взаимного доверия, уважения и чувства долга.

Образы новых людей на фронте Отечественной войны дают в ряде стихотворений Радевский, Исаев, Тодоров и другие поэты.

Болгарские писатели и поэты во многих литературных произведениях выразили народный подъем при восстановлении и строительстве народного хозяйства, преобразовании болгарского города и деревни. Еще нет романов, нет поэм, воспроизводящих жизнь и труд освобожденного народа, но уже вышло много рассказов, очерков и стихотворений, посвященных теме труда. Это — наброски, эскизы с натуры, которые в светлых тонах дают картины нового быта, это — небольшие зарисовки и портреты новых людей Болгарии. Наиболее удачными в этом отношении являются последние сборники: „Без межи“, „Новые рассказы“ Даскалова, „По новому пути“, „В новых домах“ К. Григорова, „Соколова нива“ А. Каралийчева.

В этих рассказах писатели показывают зарождение трудовых кооперативов в селах, классовую борьбу в среде крестьянства, борьбу с собственническими инстинктами и пережитками у середняка, появление чувства дружбы и сплоченности в коллективе.

О новом в болгарской деревне пишут стихи И. Бурин, К. Пенев:

И трактор взметает бразду за браздой,
Готовит для сева поля.
И свежую влагой, и теплой весной
Широкая дышит земля.

Огромный размах приобрело в Болгарии участие молодежи в строительстве. По призыву ЦК Союза молодежи в 1948 г. 250 тысяч юношей и девушек пошли работать на Хаинбоазский перевал, на сооружение плотины Тунджастрой, на строительство молодежного социалистического города Димитровград.

О молодежных строительных бригадах создано много рассказов и стихотворений, вошедших в специальный „Бригадирски сборник“; отдельными изданиями вышли очерки Караславова „Перевал молодежи“, Калчева „Хаинбоазские наброски“ и др. „Трудовой энтузиазм, — пишет Караславов, — неведомый и неслыханный до сих пор нигде в Болгарии, ясное сознание огромного, неизмеримого значения морального единства всех людей бригады, товарищеская дружба, прекрасная незабываемая дружба молодежи, собравшейся со всех концов страны, — вот что привлекает и, как магнитом, удерживает посетителей на Хаинбоазе“.¹

О молодежном строительстве пишут Елин-Пелин (1878—1949) и Д. Полянов, Д. Овадия и Н. Стефанова, А. Каралийчев и В. Геновская, К. Кюлявков и Л. Станчев, пишут старые и молодые писатели и поэты Болгарии.

Н. Стефанова говорит о том, как в „короткие годы“ изменился облик ее родины:

Солнце встало и вдруг растерялось,
Мест знакомых ему не найти:
Поезд мчится по новой дороге,
Новым лесом, над новой рекой...
Так мы строим историю нашу —
Наш сегодняшний радостный дом;
Так живем мы в свободной отчизне,
Жизнь свою украшая трудом.

Труд преобразует родину, он создает, по выражению Пенева, „солнечную сказку“.

Слышишь? С плотины спадая, грохочут
Воды, влюбленные в труд.
Свет новостройкам дают они ночью,
Силу машинам дают.
Мудрой красою захвачены все мы,
Нас озаряет рассвет.
Утро природы звучит, как поэма.
Солнце — великий поэт.

В сердцах болгарского народа рождается чувство огромной любви к родине. Отчизна с 9 сентября 1944 г. — не только красивая страна, богатая розовыми долинами и виноградниками. Это — свободная страна, хозяин ее — трудовой народ; это — демократическая республика, смело идущая по пути к социализму. Не потому мне дорога страна родная, говорит молодой поэт Д. Овадия, что в ней есть „прекрасные долины и луга и в зелени Балканы утопают“, а потому, что

Твой путь открыт — он манит нас вперед.
Свободна ты, любимая отчизна!
Так пусть идет твой трудовой народ
К сияющим вершинам коммунизма.

¹ Г. Караславов. Перевал молодежи. М., 1949, стр. 70.

К новым вершинам творчества идут болгарские писатели и поэты. Впереди еще много трудностей. Развитие литературы пока отстает от политического и экономического развития болгарского народа. Новые литературные произведения еще грешат отдельными недостатками в художественном отношении. Однако можно смело сказать, что болгарская литература находится на подъеме. С каждым годом появляется все больше и больше новых идейных и талантливых произведений во всех жанрах литературы.

Новые социально-политические условия, созданные после 9 сентября 1944 г., приблизили болгарскую художественную литературу к кипучей трудовой жизни народа. В новых темах — антифашистской борьбы, Отечественной войны, строительства — писатели утверждают бытие как деяние, как творчество. В поэзии и прозе писатели показывают рост и развитие человека — преобразователя природы и общества, отдающего все свои силы на общее благо, на строительство социализма. Овладевая основами великой науки об обществе — марксизмом-ленинизмом, писатели и поэты народно-демократической Болгарии неуклонно идут к социалистическому реализму — этому высшему достижению мировой литературы.

В тесном содружестве с писателями Советского Союза болгарские писатели в новых произведениях прославят героические дни победного шествия болгарского народа по пути к социализму, прославят свой свободный народ и этим внесут новый вклад в сокровищницу мировой культуры.

**К ПЯТИЛЕТИЮ
СЛОВАЦКОГО НАРОДНОГО
ВОССТАНИЯ 1944 ГОДА**

Академик Б. Д. Греков

**ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРИ ОТКРЫТИИ СЕССИИ
ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АН СССР,
ПОСВЯЩЕННОЙ ПЯТИЛЕТИЮ СЛОВАЦКОГО
НАРОДНОГО ВОССТАНИЯ 1944 ГОДА**

28 октября 1949 г. чешский и словацкий народы отмечают 31-ю годовщину образования самостоятельного Чехословацкого государства — Чехословацкой республики.

Эту знаменательную дату чехословацкие трудящиеся встретили выдающимися успехами в строительстве народно-демократической Чехословакии, в создании экономических и политических основ перехода к социализму.

Успехи, достигнутые чешским и словацким народами на этом пути, как и само возникновение свободной народно-демократической Чехословакии, стали возможными благодаря героизму советского народа, разгромившего гитлеровскую Германию и освободившего народы Европы от фашистского рабства, благодаря огромной и многосторонней поддержке, оказываемой Советским Союзом, его правительством и лично товарищем Сталиным демократическим странам в их послевоенном развитии. Эти успехи стали возможны, далее, благодаря огромному творческому подъему трудящихся свободной Чехословакии, благодаря боевым революционным традициям освободительной антифашистской борьбы, которую вели под руководством коммунистов чешский и словацкий народы в годы второй мировой войны.

Изучение истории возникновения и развития народно-демократической Чехословакии — увлекательная и почетная задача коллектива нашего Института. Выполняя эту задачу, изучая и решая, на основе всепобеждающего учения марксизма-ленинизма, важные экономические и политические проблемы огромного теоретического значения, мы сможем создать работы по истории и культуре братской Чехословакии, достойные советской исторической, литературоведческой и лингвистической науки.

Наше заседание посвящено одному из важных этапов борьбы за освобождение Чехословацкой республики от фашистского гнета в период второй мировой войны — освободительной борьбе словацкого народа, Словацкому народному восстанию 1944 года и Дукельской операции,

осуществленной командованием Советской Армии для поддержки этого восстания.

Словацкое народное восстание — выдающееся событие в истории словацкого народа. Оно — свидетельство жизненных сил словаков, их воли к свободе, с такою яркостью проявившихся в боях у Тельгарта в течение двухмесячной борьбы против превосходящих сил противника. Проявленный в этих боях героизм словацкого народа привлекает внимание исследователя к этому событию.

Значение восстания еще более возрастает, если учесть, что оно не было эпизодом. Начавшись в конце августа, восстание развивалось в продолжение двух месяцев и, несмотря на все старания гитлеровских армейских и эсэсовских частей, не было подавлено. Приглушенное, оно все еще давало о себе знать, партизаны действовали, и можно сказать, что Словацкое восстание закончилось только с освобождением Чехословакии.

Есть и другая сторона в Словацком восстании, привлекающая внимание советских славяноведов к этому крупному событию. История этого восстания — это история боевого содружества словацких и советских партизан, чехословацких вооруженных сил, в лице сформированного на территории СССР Чехословацкого корпуса, и Советской Армии. Исключительно велика роль советских партизан в Словацком восстании. Советские партизаны были образцом боевой отваги, они были учителями в боевой подготовке, руководителями словацких партизан. Имена генерала Асмолова, капитана Егорова и других навсегда вошли в историю этой славной борьбы.

Бои на Дукельском перевале, в которых наряду с советскими войсками действовал Чехословацкий корпус, скрепили боевой союз советских и чехословацких вооруженных сил. Они явились новым свидетельством освободительного характера борьбы советского народа и положили начало окончательному освобождению Чехословакии.

Чехословацкая общественность широко отметила пятилетний юбилей этих событий. Торжества, связанные с ним, прошли под знаком укрепления советско-чехословацкой дружбы, рожденной в совместных боях против гитлеровцев.

И. И. Удальцов

АНТИФАШИСТСКАЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА В СЛОВАКИИ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И СЛОВАЦКОЕ НАРОДНОЕ ВОССТАНИЕ 1944 ГОДА¹

„Словацкое восстание является поистине самой выдающейся и наиболее славной главой словацкой истории“, — писал президент Чехословацкой республики Клемент Готвальд.²

К этим словам можно добавить, что Словацкое восстание вписало одну из славных страниц в историю славянства, в историю международного революционного антифашистского движения. Вместе с тем словацкое восстание явилось одним из ярких примеров боевого сотрудничества народов Советского Союза и Чехословакии в борьбе с фашизмом, за торжество демократии.

* * *

15 марта 1939 г. в результате совместной англо-франко-германо-итальянской военно-дипломатической атаки, согласованной с американскими империалистами и поддержанной изнутри страны чешскими и словацкими реакционерами из лагеря буржуазии и помещиков, а также судето-немецкой пятой колонной, Чехословацкая республика перестала существовать.

В истории подготовки расчленения и оккупации гитлеровцами Чехословацкой республики огромную роль сыграла словацкая буржуазия, уже через несколько дней после мюнхенского диктата поставившая при помощи Гитлера во главе „автономной“ Словакии фашистскую партию Глинки. Пришедшая к власти словацкая буржуазия в качестве первоочередных „мероприятий“ осуществила запрещение коммунистической партии, роспуск всех профессиональных и других массовых общественных организаций, строительство концентрационных лагерей. Подавляя в Словакии все демократические элементы, словацкие фашисты открыто подготавливали отторжение Словакии от остальной части республики и создание фашистского Словацкого государства.

¹ Доклад на научной сессии Института славяноведения АН СССР в октябре 1949 г., посвященной пятилетию Словацкого народного восстания 1944 г.

² Ústav Slovenského národného povstania. Banská Bystrica, 1948, s. 5.

После 15 марта 1939 г. оккупированная гитлеровцами территория Чехии и Моравии превратилась в немецкий протекторат. Стремясь посеять и раздуть вражду между славянскими народами, Гитлер „пожаловал“ часть чехословацкой территории польским фашистам-пилсудчикам, а из Словакии создал псевдосамостоятельное марионеточное государство во главе со своими послушными слугами Тисо, Тукой, Чатлошем и Дурчанским, перед которыми была поставлена задача — превратить словацкий народ в пушечное мясо для борьбы против Советского Союза, а словацкую экономику — в гитлеровский арсенал. Словацкие слуги Гитлера делали все для того, чтобы выполнить эти задачи. Ими была даже с разрешения Берлина создана так называемая „словацкая армия“, которая должна была участвовать сначала в разбойничьем нападении Гитлера на Польшу, а затем в его людоедском походе против СССР. Из Словакии в Германию перекачивались в огромных количествах продовольственные товары, различные виды промышленного и сельскохозяйственного сырья и других материалов. Все это делалось под гром и звон речей о национальном суверенитете, о полученной якобы из рук немецких фашистов государственной „самостоятельности“, „независимости“ и т. п.

Однако словацкий народ быстро разгадал политику Гитлера и его словацко-фашистских прислужников, стремившихся использовать в своих преступных целях античешские настроения господствующих классов Словакии, росту которых способствовала националистическая политика правившей в домюнхенской Чехословакии реакционной чешской буржуазно-помещичьей клики.

Сопrotивление словацких трудящихся фашистскому режиму началось еще до создания так называемого „Словацкого государства“. Организаторами и руководителями этого сопротивления были словацкие коммунисты, уже 6 октября 1938 г. на совещании в Жилине принявшие решение о подготовке перехода компартии на нелегальное положение, о создании в Словакии подпольного руководящего центра и о подготовке издания нелегальной коммунистической газеты.¹

Загнанная глинковцами в подполье, компартия развернула борьбу против преступной политики словацких фашистов, разоблачая перед народом эту политику, как неизбежно ведущую к полной потере Словакией всякой действительной самостоятельности и к превращению ее в придаток гитлеровской Германии.

Немедленно после событий 14—15 марта 1939 г. был создан нелегальный Центральный Комитет коммунистической партии Словакии, а также областные, районные, заводские и сельские партийные организации. Несмотря на жесточайшие преследования со стороны фашистского правительства, коммунисты развернули значительную работу по организации актов саботажа и диверсий, забастовок на предприятиях, а также по антифашистской пропаганде в армии. Одним из следствий этой пропаганды был бунт гарнизона гор. Кежмарок, направленный против попытки отправить солдат этого гарнизона в составе германских войск в Польшу для участия в начатом гитлеровцами в сентябре 1939 г. нападении на эту страну.

¹ М. Gosiorovský. Illegálny boj KSČ a slovenské národné povstanie. Bratislava, 1949, s. 6. — Русск. перев.: Подпольная компартия Словакии и Словацкое народное восстание. Прятшев [без года].

Важным результатом деятельности словацкой компартии в этот период были антиправительственные забастовки в начале 1940 г. в Сирке, Липтовской Осаде, Мурани, Поважской Бистрице, Подбрезовой, Жарновице и в ряде других мест. Компартия усилила антифашистскую агитацию и пропаганду среди широких масс населения. В январе 1940 г. начал выходить нелегальный орган коммунистической партии Словакии „Hlas ľudu“, а вслед за ним появился ряд местных нелегальных изданий: „Искра“ в Тренчине, „Кладиво“ („Молот“) — в Братиславе, „Глас дедины“ („Сельский голос“) — в Серее, „Поважске звести“ — в Ружомберке, журнал „Большевицка застава“ („Большевистское знамя“) — в Глоговце и т. д.¹

Результаты деятельности коммунистов не замедлили сказаться: 30 октября 1940 г. в Гандловой вспыхнули волнения среди горняков, прекративших работу в знак протеста против тисо-туковского фашистского режима. Для подавления этого выступления правительству пришлось бросить против забастовщиков жандармерию и регулярные войска, подкрепленные танками и броневиками.

С особенной силой стало разворачиваться в Словакии антифашистское движение после вероломного нападения гитлеровской Германии на СССР, когда словацкие фашистские заправилы по приказу из Берлина посмели объявить войну Советскому Союзу. Этот позорный акт словацких квислингов вызвал всеобщее возмущение трудящихся словаков. Стремясь подавить это возмущение, правительство Тисо установило в стране режим кровавого террора, призвав на помощь гестапо. Основной удар словацких и германских карательных органов был направлен прежде всего против организаций и членов компартии. При помощи шпионов и предателей был выслежен и в июле 1941 г. арестован Центральный Комитет КПС, в том числе тт. Широкий и Дюриш. Одновременно власти захватили типографию газеты „Hlas ľudu“. Оставшиеся на свободе коммунисты создали второй подпольный ЦК и в сентябре 1941 г. возобновили издание газеты „Hlas ľudu“. Когда в апреле 1942 г. властям удалось выследить и арестовать руководителей второго ЦК, немедленно был создан третий Центральный Комитет, действовавший до июля 1942 г., когда и он был арестован фашистами. Однако уже в августе 1942 г. создается четвертый по счету Центральный Комитет КПС во главе с тов. Баштёванским. Сумевший установить из тюрьмы связь с подпольным руководством компартии и фактически возглавлявший борьбу антифашистов, Вилем Широкий в начале 1942 г. указывал в качестве задачи коммунистической партии Словакии подготовку к антифашистскому народному восстанию — путем усиления актов саботажа, развертывания партизанского движения и других форм национально-освободительной борьбы.

Ориентируясь на подготовку народного восстания, коммунисты еще в конце 1941 г. стали создавать сеть местных национально-революционных комитетов, а в марте 1942 г. в Братиславе ими был основан Центральный национально-революционный комитет, первоочередной задачей которого было объединение и сплочение всех активных сил сопротивления для борьбы против словацкого и германского фашизма.

¹ Gosiorovský, стр. 13.

Общеизвестны многочисленные факты, характеризующие героическую борьбу словацких коммунистов, возглавивших антифашистское движение в стране.

По инициативе коммунистов уже в 1941 г. в Словакии возникли в большом числе саботажные группы, ставившие своей задачей срыв снабжения гитлеровской армии. С начала 1942 г. стали организовываться первые партизанские отряды, наносившие удары по германским военным коммуникациям. Первые крупные партизанские отряды появились летом 1942 г. в районах городов Нова Баня и Банска Штьявница, а в начале 1943 г. в Восточной Словакии начал действовать словацкий партизанский отряд, носивший славное имя В. И. Чапаева. С каждым месяцем количество партизанских отрядов росло, охватывая все новые районы страны.

Одновременно с развертыванием партизанской борьбы компартия вела большую работу по привлечению на сторону антифашистского движения солдат и офицеров „словацкой армии“. Под влиянием агитации коммунистов известная часть мобилизованных в эту „армию“ словаков переходила к партизанам, в подразделениях армии создавались нелегальные группы по подготовке вооруженного выступления против фашизма, а отправленные на фронт в составе гитлеровских войск словацкие дивизии стали катастрофически таять вследствие массового дезертирства.

Что вдохновляло словацкий народ на тяжелую и самоотверженную борьбу против фашистского режима, опиравшегося на мощь гитлеровской Германии?

Словацкий народ, как и другие поработанные фашизмом народы Европы, черпал силы и уверенность в победе в героической освободительной борьбе советского народа и его доблестной армии, в мощных ударах, наносившихся советскими войсками по гитлеровской военной машине уже с первых месяцев Великой Отечественной войны Советского Союза, в непоколебимой решимости советского народа выполнить поставленную товарищем Сталиным задачу: „...освободить народы Европы от фашистских захватчиков и оказать им содействие в воссоздании своих национальных государств, расчлененных фашистскими поработителями...“¹

Народам Чехословакии хорошо известна последовательная и решительная борьба Советского Союза в защиту свободы и независимости Чехословацкой республики. Советский Союз был единственной страной, решительно осудившей сговор западных империалистов в Мюнхене, выдавших Чехословакию на растерзание гитлеровцам. Советский Союз был единственной страной, решительно выступившей против расчленения и оккупации Чехословакии в марте 1939 г. Председатель коммунистической партии Чехословакии Клемент Готвальд говорил тогда: „Ни одно государство не высказалось так определенно, не разоблачило так полно лживость фашистских гангстеров и не осудило так решительно злодеяние, совершенное фашистской Германией против народов Чехословакии, как это сделал Советский Союз“.²

¹ И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е, Госполитиздат, М., 1950, стр. 125.

² K. Gottwald. Se Sovětským Svazem na věčné časy. Praha, 1948, s. 62.

Призывая в те трагические дни народы Чехословакии к организации сопротивления фашистам, к упорной и решительной борьбе против оккупантов, К. Готвальд говорил: „...самой большой поддержкой народным массам Чехословакии будет глубокое сознание того, что великая, могучая, непобедимая страна, — Советский Союз, страна социализма, страна будущего, — стоит на их стороне, на стороне права, правды и справедливости“.¹

Когда гитлеровская Германия напала на Советский Союз и ее армия сразу же столкнулась с героическим сопротивлением советского народа и его вооруженных сил, для прогрессивных людей всего мира стало ясно, что на советско-германском фронте решается судьба мировой демократии, судьба народов всей Европы, в том числе и народов Чехословакии. Вступление героической Советской Армии в борьбу с фашистскими полчищами вдохнуло новые силы в европейское антифашистское движение, вселило в поработанные народы уверенность в близкой гибели фашизма и в освобождении народов от гитлеровского гнета. „То, что на нашей стороне находится в качестве союзника Советская Россия, то, что могучая Красная Армия сражается теперь за наше дело, дает нам... абсолютную уверенность в нашей конечной победе“, — говорил тов. Готвальд через неделю после нападения Германии на СССР.²

С первых дней Отечественной войны советское правительство предоставило правительству Чехословакии необходимые условия для создания на территории СССР национальных чехословацких воинских частей. Соглашения между СССР и правительством Чехословацкой республики от 18 июля 1941 г., от 22 января 1942 г. и от 28 мая 1943 г. предусматривали необходимые для этой цели финансовые, материальные и иные средства.

В момент величайшего напряжения всех сил советского народа, героически противостоявшего в этот период всей мощи фашистской Германии и ее сателлитов, советское правительство нашло средства и возможности, необходимые для помощи братской Чехословакии в деле создания своей армии, в борьбе за свободу и независимость чешского и словацкого народов.

Решающую роль в подъеме революционной освободительной борьбы словацкого народа сыграли победы советских войск под Москвой, Ростовом и на других участках советско-германского фронта, в особенности же разгром немцев под Сталинградом, явившийся поворотным пунктом в ходе второй мировой войны.

В результате успехов советских войск и агитационной работы словацких коммунистов началось разложение в посланных на восточный фронт словацких дивизиях и массовый переход словацких солдат и офицеров на сторону Советской Армии и советских партизанских отрядов. На Кавказе, в Крыму, на Украине и в Белоруссии появились словацкие партизанские отряды, сражавшиеся против фашистов плечом к плечу с нашими партизанами. Одним из первых словацких партизанских отрядов на советской земле был отряд капитана Яна Налепки. Этот отряд в течение полугода наносил удары по немецким тылам. В ноябре 1943 г. он принял участие в сражении за город Овруч, а 16 ноября капитан Налепка, руководивший атакой своего отряда, пал смертью

¹ Там же, стр. 61.

² Там же, стр. 67.

храбрых, пронизанный 16-ю фашистскими пулями.¹ Указом Президиума Верховного Совета СССР словаку Яну Налепке посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Перелом в ходе военных действий на советско-германском фронте и начало грандиозных операций по очищению советской территории от немецких захватчиков оказали решающее влияние на развитие антифашистской борьбы в Словакии.

Несмотря на то, что весной 1943 г. фашистской охранке удалось арестовать руководство подпольного ЦК КПС четвертого состава, словацкие коммунисты не прекращали работы по развертыванию движения сопротивления, и прежде всего — партизанского движения. В этой работе словацким коммунистам огромную помощь оказал Киевский Центральный партизанский штаб. Для подготовки партизанских руководителей из числа словаков, перешедших на сторону Советской Армии, были созданы в конце 1943 г. специальные курсы.² Словаки, прошедшие подготовку на этих курсах, перебрасывались на советских самолетах в глубь страны, где они организовывали из местного населения новые партизанские группы. Развертыванию партизанского движения в Словакии особенно способствовала деятельность советских партизанских отрядов, действовавших на территории Словакии уже с начала 1943 г. Эти отряды образовались как из числа бежавших из немецких концентрационных лагерей советских военнопленных, так и из числа специально направленных в тыл гитлеровской армии советских партизанских групп. Неоценимый опыт советского партизанского движения оказал огромную помощь словакам в их борьбе за свое освобождение.

Советские партизаны не только показали словакам пример героической, самоотверженной борьбы, они явились также организаторами и руководителями множества смешанных советско-словацких партизанских отрядов, достигавших в ряде случаев нескольких тысяч человек. В борьбе за свободу Словакии особенно прославились партизанские бригады подполковника Величко, капитана Егорова, капитана Валянского и других советских офицеров. Подполковник Величко командовал более чем 3,5 тыс. партизан, действуя против гитлеровцев в Восточной Словакии.³ Капитан Егоров спустился на словацкую территорию с советского самолета в ночь с 7 на 8 августа 1944 г. в сопровождении 22 человек, из которых четверо были словаками. Уже к 15 августа в отряде Егорова было 850 человек — рабочих из Подбрзовой, Дубовой, Ружомберка, Банской Бистрицы и других городов. В дальнейшем его бригада выросла до 3500, а затем и до 5000 бойцов, среди которых были представители 22 национальностей — словаки, чехи, русские, украинцы, белоруссы, мадьяры, цыгане и др. Не ограничиваясь действиями в Словакии, штаб Егорова посылал своих разведчиков вплоть до Праги.⁴

Партизанский отряд Героя Советского Союза подполковника Карасева-Степанова, пришедший на территорию Словакии из района

¹ В статье: „Hrdina kpt. Ján Nalepka“. — „Zápisník osvetového dôstojníka čs. armády“, 1949, N 18, s. 31.

² Z. Fierlinger. Ve službách ČSR. Paměti z druhého zahraničního odboje, díl. II. Praha, 1948, s. 318.

³ Там же, стр. 351.

⁴ „Rudé právo“, 8 сентября 1949 г.

Минска через Польшу в июле 1944 г., стал основой Нитранской партизанской бригады, уже за месяц до Словацкого восстания контролировавшей район от Черговских гор до Ганушовца, Стропкова и Медзилаборце в Восточной Словакии.¹

С начала 1943 г. до середины 1944 г. советские партизанские отряды и группы развернули свою деятельность в различных районах страны. Одновременно по всей Словакии возникали многочисленные партизанские отряды из местного населения, во многих случаях слившиеся с советскими отрядами.

В то же время возрастает количество антиправительственных выступлений в городах Словакии. Одним из наиболее крупных выступлений словацкого пролетариата явилась вспыхнувшая в июле 1943 г. забастовка на текстильной фабрике в г. Жилине. Забастовщики оказали упорное сопротивление посланным против них правительственным войскам, поддержанным танками, и подожгли фабрику. Такая же забастовка, тоже сопровождавшаяся пожаром текстильной фабрики, имела место в Ружомберке.

Летом 1943 г. Клемент Готвальд направил для руководства деятельностью Словацкой компартии Карла Бацилека и других товарищей, которые возглавили новый подпольный Центральный Комитет коммунистической партии Словакии.

В течение осени 1943 г. коммунисты провели большую работу по сплочению и организации всех антифашистских сил, следствием чего явилось создание в конце 1943 г. подпольного руководящего центра движения — Словацкого Национального совета, в который вошли представители компартии. В Национальный совет, возглавивший подготовку восстания, вошли также представители и других партий, стоявшие на платформе борьбы против фашизма, или делавшие вид, что они стоят на этой платформе.

Принятая по предложению коммунистов программа Словацкого Национального совета предусматривала прежде всего организацию и развертывание борьбы за свержение фашистской диктатуры в Словакии, изгнание гитлеровцев и переход всей политической, законодательной, военной и административной власти в руки Словацкого Национального совета впредь до осуществления свободных всенародных выборов новых органов власти.

Программа подчеркивала необходимость воссоздания после окончания войны совместного государства чехов и словаков на основе признания полного равенства этих двух народов. Словацкий Национальный совет заявил, что освобожденная Чехословацкая республика должна будет опираться на союз со славянскими государствами и народами, — прежде всего на союз с Советским Союзом.

Программа предусматривала необходимость демократизации общественного строя послевоенной республики и борьбу против фашизма.²

Словацкий Национальный совет развернул активную подготовку к общенародному восстанию, ведя с этой целью агитационную работу среди рабочих, крестьянства и солдат „словацкой армии“.

¹ M. K r o p i l á k. Nitrianska partizánska brigáda a jej bojový, prechod cez front. — „Sborník ústavu slovenského národného povstania“, ročn. I, N 1. Banská Bystrica, 1949, s. 15.

² См. в кн.: „Подпольная Компартия Словакии и Словацкое народное восстание“, стр. 25—26.

Необходимо подчеркнуть, что уже в этот период деятельность коммунистов по подготовке восстания сталкивалась с препятствиями, чинимыми вошедшими в состав Словацкого Национального совета представителями буржуазных партий и групп, возглавленных изменником Урсини и стремившихся к воссозданию капиталистической Чехословакии. Принимавшие участие в подготовке восстания представители словацкой буржуазии ставили своей задачей сорвать революционно-демократическое движение народных масс и подчинить восстание целям реставрации буржуазно-помещичьего режима, выполняя тем самым волю империалистических кругов западных держав, с которыми было тесно связано лондонское эмигрантское чехословацкое правительство. Тем не менее коммунистам удалось добиться осуществления ряда мероприятий по практической подготовке восстания. Среди этих мер важное значение имело создание в Братиславе 29 июня 1944 г. Военного совета, на который была возложена разработка плана восстания.

В августе 1944 г. победоносная Советская Армия освободила значительную часть территории Польши, принудила к капитуляции Румынию и вступила в глубь венгерской равнины. Фронт вплотную приближался к границам Словакии; становилось все более очевидным, что гитлеровцы готовятся к оккупации словацкой территории и к использованию ее для попытки задержать стремительное продвижение Советской Армии.

Такова была в самых общих чертах обстановка накануне Словацкого народного восстания.

Условия для этого восстания были подготовлены героической борьбой советского народа, сокрушительными ударами советских войск по германской военной машине, подъемом массового антифашистского освободительного движения словацкого народа, большой работой словацких коммунистов по организации партизанской борьбы, забастовок, актов саботажа и диверсий, правильным руководством освободительным движением в стране со стороны тов. Готвальда и других членов ЦК КПЧ.

Словацкое народное восстание вспыхнуло ранее намечавшихся планом сроков. Необходимо специально подчеркнуть, что план восстания, разработанный руководством „словацкой армии“, был неудовлетворительным.

В качестве главной оперативной зоны восстания план намечал небольшой район в треугольнике Банска Бистрица—Зволен—Брезно над Гроном. Ограничивая свою оперативную зону такой незначительной территорией и концентрируя на ней свои основные силы, авторы плана давали полную возможность противнику сосредоточить против этого района необходимое для подавления восстания количество войск и, по существу, готовили ловушку для своих же частей. Правда, ход событий в значительной мере опрокинул планы командования армии, и восстание охватило значительно большую территорию. Тем не менее ограничительные тенденции этого плана в серьезной степени довели над повстанцами и сковывали их действия.

Далее. В соответствии с планом чрезвычайно важную роль должны были сыграть находившиеся к моменту восстания в Восточной Словакии (в районе Прешова) две словацкие дивизии. Перед этими дивизиями ставились две задачи: 1) воспрепятствовать вступлению в Восточную Словакию с юга (из Венгрии) немецких войск и 2) ударом в тыл

немецких частей, обороняющих Дукельский и Лупковский перевалы в Карпатах, открыть эти перевалы наступающим советским войскам, обеспечив тем самым их прорыв в район восстания. Составители плана поручили исполнение этих задач заместителю командующего восточно-словацкими дивизиями подполковнику Тальскому, который сообщил обо всем командующему генералу Малару и тисовскому министру обороны Чатлошу, а сам в решительный момент бежал. В результате этого обе дивизии были окружены немцами, отчасти разоружены и интернированы и лишь небольшая часть их пополнила партизанские отряды, действовавшие в Восточной Словакии. Таким образом, перевалы остались на длительный срок в руках немецко-фашистских войск, а две боеспособные дивизии выбыли из состава участников восстания.

Третьим крупным недостатком подготовки восстания была порочная расстановка командных сил в гарнизонах ряда городов. Во многих случаях во главе гарнизонов оказались реакционные, предательские элементы, сорвавшие выступление подчиненных им частей и подразделений и не допустившие их присоединиться к восстанию, как это случилось в Левоче, Попраде, Спишской Новой Веси, Братиславе, Нитре и во всех (кроме Жилины и Трнавы) гарнизонах Западной Словакии.

Авторами такого плана восстания были офицеры штаба „словацкой армии“, действовавшие по инструкциям сидевшего в Лондоне чехословацкого министерства обороны. Серьезной ошибкой словацких коммунистов было то, что они не сумели активно вмешаться в разработку плана восстания, не предусматривавшего наступательных операций, которые одни только могли обеспечить успех восстания.

Восстание началось при следующих обстоятельствах.

Широкий размах партизанского движения в стране вызвал панику среди братиславских фашистских правителей Словакии. Военный „министр“ тисовского правительства генерал Чатлош послал 10 августа значительные войсковые части для очистки от партизан горных районов Низких Татр и Велькой Фатры. Однако посланные Чатлошем войска, распропагандированные коммунистами, ограничились демонстративными передвижениями в назначенном районе, не предприняли никаких действительных мер по ликвидации партизанских отрядов и донесли в Братиславу об отступлении в этом районе партизан.

Между тем, партизанское движение продолжало расти, немецкие коммунистические подразделения подвергались постоянным нападениям, эшелоны с немецко-фашистскими войсками и вооружением летели под откос, мосты и тоннели взрывались. Партизаны получали полную поддержку населения, создававшего на местах народные органы демократической власти — национальные комитеты, — которые возглавили борьбу против фашистского режима. „Словацкая армия“ в своей большей части была готова к поддержке общенародного антифашистского движения.

Братиславское правительство изменников, чувствуя, что приходит конец его господству в стране и не имея сил для борьбы с нарастающей освободительной борьбой народных масс, совершило новый акт предательства, превосходящий по своей гнусности все предшествующие. 23 августа 1944 г. оно обратилось к Гитлеру с просьбой о присылке военной помощи против словацких партизан. Иначе говоря, тисовское „правительство“ само попросило немецких фашистов оккупировать Словакию. Гитлеровцы, разумеется, немедленно откликнулись на

призыв и стали сосредоточивать свои войска на границах Словакии. В ответ на это словацкие и советские партизаны, действовавшие в горных районах Словакии, спустились с гор и в течение 25—28 августа захватили города Турчански св. Мартин, Липтовски св. Микулаш, Ружомберок, Врутки и ряд других населенных пунктов, причем гарнизоны этих городов и населенных пунктов в полном составе перешли на сторону партизан.

27 августа в Турчанском св. Мартине солдатами местного гарнизона была расстреляна немецкая военная миссия, возвращавшаяся из Румынии в Германию. Одновременно во Врутках была расстреляна группа гестаповцев.

Вслед за этим по приказу Гитлера в Словакию со всех сторон — из Польши, Венгрии, Австрии и Моравии — были двинуты отборные эсэсовские части. 29 августа немецко-фашистские войска, вступившие на территорию Словакии из Моравии, вышли в район Жилины. Предатели словацкого народа Тисо и Чатлош 29 августа заявили по радио, что фашистские войска вступили в Словакию по их специальному приглашению для борьбы с партизанами и наведения „порядка“ в стране, и призвали словацкий народ встретить гитлеровских бандитов „как союзников и друзей“.

Однако словацкий народ ответил на вторжение гитлеровцев не хлебом-солью, а всеобщим восстанием против оккупантов, завязав в тот же день (29 августа) кровавые бои в районе Жилины. К повстанцам, среди которых было много советских партизан, присоединились и части регулярной „словацкой армии“. Офицеры, сторонники фашистского режима, были арестованы восставшими. Началась неравная борьба словацких повстанцев против значительно превосходивших их численно и вооружением гитлеровских войск. В течение одного дня восстанием была охвачена территория от южных границ Словакии до Высочих Татр на севере и от рек Нитры и Райчанки на западе до Спишской Новой Веси на востоке.

В первые дни восстания силы повстанцев исчислялись в 16 батальонов, 10 пехотных рот, 13 артиллерийских батарей разного калибра и назначения, 26 самолетов, большей частью учебных и пассажирских, и 10 танков. Это было все, что дала для восстания „словацкая армия“. Наряду с этим в восстании участвовали крупные партизанские соединения и отряды в районах Турчанского св. Мартина, Верхнего Грона, Зволена, Банской Бистрицы, Вельке Поле, Батёваны, Осяны, Жилины, в Восточной Словакии и других местностях. После проведения объявленной 30 августа Словацким Национальным советом мобилизации силы повстанцев превысили 60 тыс. в регулярных войсках и 14 тыс. в партизанских отрядах.

Против повстанцев были брошены танковая дивизия СС „Адольф Гитлер“, 19, 20, 86 и 108 пехотные дивизии СС, две пехотные дивизии „Вермахт“, отдельные части дивизий СС „Шиль“ и „Хорст Вессель“, дивизия „Татра“, а также подразделения горной артиллерии, горной пехоты, авиации и т. д.¹

Командование повстанцев главной задачей боевых действий определяло оборону района восстания от наступающих со всех сторон

¹ A. Hradecký. Vojenský význam povstání. — „Rudé právo“, 28 августа 1949 г.; J. Nosko. Vojáci v Slovenskom narodnom povstaní. Turčiansky sv. Martin, [6. г.] s. 23—25.

гитлеровских войск. Для осуществления этой задачи 31 августа были образованы две оборонительные области: первая, с центром в Банской Быстрице, охватывала западные, юго-западные и центральные районы восстания, и вторая, с центром в Липтовском св. Микулаше, охватывала его северные и северо-восточные районы.

Однако уже в течение первых десяти дней восстания стало ясно, что руководство столь обширными районами боевых действий, пересеченными множеством горных хребтов, должно быть сделано более оперативным. В связи с этим оборонительные области были реорганизованы и на их месте были созданы 6 тактических групп, командные пункты которых находились в Банской Быстрице (1-я группа), Брезно под Гроном (2-я группа), Зволене (3-я группа), Превидзе (4-я группа), Турчанском св. Мартине (5-я группа) и Липтовской Осаде (6-я группа).¹

В нашу задачу не входит разбор военных действий повстанцев против немецко-фашистских войск. Упомянем лишь те направления, на которых происходили решающие бои в первый период восстания — период обороны освобожденной повстанцами территории.

Наиболее ожесточенные бои развернулись уже в первый день восстания в северо-западной части освобожденной территории — в районе Жилины, откуда по мере продвижения гитлеровских войск бои постепенно перемещались в направлении на Врутки, Турчански св. Мартин и далее на северные склоны Велькой Фатры.

Расположенный на севере от Ружомберка оборонительный рубеж повстанцев был смят немцами уже в первые дни восстания и после взятия ими 5 сентября Ружомберка переместился в район севернее Липтовской Осады, где держался по 27 октября.

В северо-восточной части освобожденной территории, в результате предательства части офицерства, немцам удалось занять 31 августа Кежмарок и Левочу, 1 сентября — Поппрад и 4 сентября — Липтовски св. Микулаш, после чего фронт стабилизировался восточнее Тельгарта, где бои продолжались до 21 октября. В период с 21 по 27 октября, под натиском частей танковой дивизии СС „Адолф Гитлер“, 86-й дивизии СС и двух пехотных дивизий, защитникам Тельгарта пришлось осуществить отход через Гельпу и Брезно на Ясенье, откуда они 27 октября ушли в горы, на южные склоны Низких Татр.

Защита Тельгарта небольшим количеством повстанческих войск и партизанских отрядов против во много раз превосходящих их численностью и вооружением отборных фашистских соединений — одна из ярчайших страниц истории словацкого восстания 1944 г. Уже в ходе боев Тельгарт стал символом героизма и самоотверженности словацких повстанцев, получив у словацкого народа наименование Словацкого или Малого Сталинграда.

Важные по своему значению бои развернулись в юго-западной части освобожденной территории, где основные оборонительные рубежи повстанцев проходили южнее Зволена и Кремницы и к западу от Велькой Фатры в районе Гандловой и Превидзы. На этом направлении противнику лишь 24 октября удалось прорвать оборону повстанцев и занять 26 октября Зволен, после чего немецко-фашистским войскам был открыт путь на Банску Быстрицу, — политический центр восстания, — которая и была занята ими 27 октября.

¹ J. Nosko. Цит. соч., стр. 20—21.

4 Ученые записки, том II.

Накануне, 26 октября, штаб восстания переместился на север, в Доновалы, где был издан приказ о переходе с 29 октября 1944 г. всех повстанческих сил в горные районы для ведения против гитлеровцев партизанской войны.¹

Таким образом, операции регулярных повстанческих сил по защите освобожденной территории Центральной Словакии продолжались с 29 августа по 28 октября, т. е. в течение двух месяцев, несмотря на то, что против повстанцев были брошены лучшие эсэсовские дивизии, поддержанные танками, артиллерией и авиацией, в то время как повстанцы имели в своем распоряжении лишь легкое вооружение.

Каким же образом словацким повстанцам удалось в течение двух месяцев вести правильную оборону значительной территории Словакии против ожесточенного натиска вооруженных до зубов гитлеровцев?

Это удалось им прежде всего благодаря поддержке, оказанной восстанию советским правительством и Советской Армией. Несмотря на то, что Словацкое восстание совпало по времени с подготовкой советским командованием новой грандиозной операции по форсированию Вислы и изгнанию гитлеровцев с территории Польши, — операции, требовавшей максимального напряжения сил, Советский Союз оказал повстанцам существенную помощь. В течение всего восстания советская авиация снабжала повстанцев через находившийся в районе Банской Быстрицы аэродром „Три дуба“ и другие аэродромы вооружением, боеприпасами и иными необходимыми предметами, эвакуируя одновременно из района восстания раненых, больных, женщин и детей.²

25 сентября советские самолеты начали переброску в район восстания Чехословацкой парашютно-десантной бригады, сформированной, обученной и вооруженной в СССР.³

Для руководства партизанским движением из Советского Союза в Словакию были направлены опытные офицеры, один из которых, генерал Асмолов, возглавил Словацкий Центральный партизанский штаб, комиссаром которого был теперешний генеральный секретарь КПЧ Рудольф Сланский.

Однако самым значительным мероприятием Советского Союза по поддержке словацкого восстания явилась Дукельская операция войск 1-го Украинского фронта, разработанная и осуществленная по личному указанию товарища Сталина.

План этой операции предусматривал прорыв обороны немцев севернее Карпат, занятие перевала Дукля и выход на соединение с частями повстанцев при поддержке двух восточнословацких дивизий, которые ударом в тыл немецкой обороны должны были открыть советским войскам карпатские перевалы.

Как уже упоминалось, в решительный момент командование этих словацких дивизий предательски изменило восстанию, в результате

¹ J. Nosko. Цит. соч.; Vojenské akcie v národném povstaní Sestavil d-r Brtaň Turčanský sv. Martin. [6. r.]; Partizánské akcie v Slovenskom národném povstaní. Sestavil d-r Brtaň. Turčanský sv. Martin, [6. r.].

² Slavkovský. Tři duby... — „Sborník USNP“, № 1, s. 23—29.

³ M. Gosiorovský. Цит. соч., s. 32.

чего в районе перевала Дукля оказались не союзные словацкие части, а свежие немецко-фашистские войска. Несмотря на это, уже через несколько дней после начала восстания осуществление Дукельской операции началось. 8 сентября севернее польского города Кросно войска 1-го Украинского фронта прорвали оборону немцев и начали продвигаться на юг, к границам Словакии. В прорыве участвовал и Чехословацкий корпус, входивший в состав одной из советских армий. Советские и чехословацкие части, ведя бои в исключительно трудных условиях, когда противник постоянно занимал господствующие над местностью высоты, в кровопролитных сражениях разгромили фашистские войска на нескольких оборонительных рубежах и к началу октября вышли в район Дукельского перевала. В этих боях солдаты и офицеры Чехословацкого корпуса показали себя достойными соратниками славной Советской Армии. Необходимо, однако, отметить, что начало участия Чехословацкого корпуса в Дукельской операции сопровождалось серьезными промахами командования корпуса, приведшими уже на второй день боев к большим потерям в людях и технике. Это объяснялось тем, что командовавший в тот момент корпусом генерал Кратохвил не сумел подготовить к операции свой штаб, в результате чего лишил себя возможности управлять подразделениями и частями корпуса в боевых условиях. В связи с этим генерал Кратохвил был от должности командира корпуса отстранен и на его место был назначен командир 1-й бригады генерал Людвик Свобода, имевший уже значительный опыт совместных с советскими войсками боев и прошедший со своей бригадой замечательный боевой путь от Харькова через Белую Церковь, Киев и Жашково до границ своей родины. Генерал Свобода в кратчайший срок ликвидировал ошибки прежнего командования и добился успешного выполнения подразделениями корпуса стоявших перед ним боевых задач. В начале октября начались ожесточенные бои за Дукельский перевал. 6 октября части 38-й армии и Чехословацкого корпуса стремительным броском ворвались на перевал, отбросили оборонявшие его фашистские войска и вступили на территорию Чехословацкой республики, восторженно приветствуемые местным словацким населением. Немедленно вслед за этим советские и чехословацкие части стали продвигаться на юг, в направлении Свидник—Прешов, преодолевая ожесточенное сопротивление гитлеровцев.

Значение Дукельской операции чрезвычайно велико. Эта операция—одно из ярчайших свидетельств освободительного характера борьбы советского народа, не останавливавшегося ни перед какими жертвами для освобождения поработенных гитлеровцами народов Европы, в том числе чешского и словацкого. Эта операция скрепила кровью боевую дружбу народов Советского Союза и Чехословакии. Она положила начало освобождению территории Чехословацкой республики от фашистских оккупантов. Наконец, эта операция сковала значительные силы гитлеровцев, помешав бросить их на подавление Словацкого народного восстания.

Оценивая значение Дукельской операции, президент Готвальд говорил 7 октября 1949 г.: „Исторический опыт показал, что только в социалистическом Советском Союзе, в его мужественном народе, в его гениальном вожде товарище Сталине мы имеем единственную гарантию нашей свободы, нашего суверенитета, нашего безопасного

национального и государственного будущего. На Дукле родился лозунг, прочно вошедший в чувства и сознание нашего народа: „С Советским Союзом на вечные времена. С Советским Союзом и уже никогда иначе!“¹

Дукельская операция была одной из важнейших причин того, что регулярные повстанческие войска смогли в течение двух месяцев удерживать значительную часть территории Центральной Словакии. Другой весьма важной причиной этого была огромная организационно-политическая, военная и хозяйственная работа, проделанная в ходе восстания словацкими коммунистами, возглавлявшими и направлявшими и борьбу повстанцев, и помощь им со стороны населения, и организацию снабжения частей повстанческой армии и партизанских отрядов, и создание местных органов народной власти, и ряд других мероприятий и действий.

Коммунисты руководили деятельностью Словацкого Национального совета, они возглавили национально-революционные комитеты и большинство партизанских отрядов, они были в первых рядах бойцов на фронте и строителей оборонительных сооружений. Деятельность словацких коммунистов направлял тов. Готвальд, пославший в конце сентября в Словакию для руководства восстанием виднейших деятелей КПЧ Яна Шверму и Рудольфа Сланского.

Выдающимся успехом коммунистов было осуществившееся 17 сентября 1944 г. объединение Словацкой коммунистической партии и Социал-демократической партии Словакии в единую Словацкую компартию. Важную роль в деле сплочения сил трудящихся Словакии в борьбе против фашизма сыграла также состоявшаяся 15 октября в Подбрезовой, по инициативе коммунистов, конференция заводских комитетов, заложившая основы единого профдвижения.

Словацкие трудящиеся и советские партизаны принимали самоотверженное героическое участие в борьбе повстанцев против фашизма. Борцам словацкого восстания приходилось сражаться не только против гитлеровских войск. Они вели упорную борьбу также и против грязных происков чехословацких реакционеров, пытавшихся использовать освободительное движение словацкого народа в своих темных целях.

Выполняя волю своих империалистических покровителей, реакционная часть чехословацкой эмиграции в Лондоне в прямом сговоре с английским правительством стремилась подорвать единство в лагере повстанцев, внести раскол в их среду. Вместо просимой повстанцами у правительства Шрамека и у английского правительства помощи, из Лондона была прислана лишь англо-американская военная миссия, пытавшаяся вмешиваться в руководство восстанием.

В ответ на просьбу повстанцев о помощи авиацией английские самолеты разбомбили в районе Дубовой повстанческие склады горючего.

В то время как Советский Союз не жалел сил и не останавливался перед жертвами для освобождения Чехословацкой республики от гитлеровских оккупантов, министр обороны чехословацкого правительства в Лондоне генерал Ингр по указанию „Интеллидженс сервис“ организовал через чехословацкую военную миссию в Москве шпионаж

¹ „Rudé právo“, 11 октября 1949 г.

против СССР. По его приказу английский шпион генерал Пика, занимавший должность начальника чехословацкой военной миссии в Москве, передавал шпионские сведения о Советском Союзе агентам „Интеллидженс сервис“.¹

Орудовавшие внутри Словакии предатели и шпионы из лагеря словацкой буржуазии принимали все меры для того, чтобы взорвать изнутри Словацкий Национальный совет, лишить повстанцев руководства и вызвать разложение в их рядах.

Руководству так называемой „демократической“ партии, возглавленной Урсини и Леттрихом, через своих сторонников среди реакционного офицерства „словацкой армии“ удалось в серьезной степени дезорганизовать боевые действия примкнувших к восстанию регулярных войск. Вместо того, чтобы максимально координировать действия армии и словацко-советских партизанских отрядов, реакционное руководство армии стремилось подчинить партизан своему командованию и ограничить права советских партизанских командиров.²

Вместо поддержки предпринятого советским командованием наступления на карпатские перевалы, президент Бенеш и лондонское правительство сделали резкий выговор чехословацкому послу в Москве З. Фирлингеру за обращение к Советскому Союзу с просьбой о помощи.³

Количество фактов, характеризующих предательскую по отношению к восстанию политику чехословацких реакционеров и правительств западных держав, чрезвычайно велико.

Несмотря на все черные дела предателей, словацкий народ продолжал упорную борьбу против фашистов, опираясь в этой борьбе на поддержку советских людей и советского правительства. Он не прекратил этой борьбы и тогда, когда гитлеровцам удалось после тяжелых боев занять все освобожденные повстанцами города, в том числе Банску Быстрицу. Он не прекратил этой борьбы и тогда, когда словацкая армия, предательски брошенная на произвол судьбы своими командирами — генералами Вестом и Голяном, в своей значительной части попала в плен к врагу или же разошлась по домам, вместо того чтобы уйти в горы и присоединиться к партизанам.⁴

После прекращения сопротивления регулярной словацкой армии в конце октября 1944 г. восстание вступило в новую фазу — фазу массовой партизанской борьбы, не прекращавшейся ни на один день вплоть до полного освобождения Словакии советскими войсками. И снова в первых рядах бойцов были чехословацкие коммунисты, возглавленные Яном Швермой, Рудольфом Сланским, Вильямом Широком и многими другими славными сынами КПЧ. Смертью храбрых пал в этих боях 10 ноября 1944 г. герой Словацкого восстания Ян Шверма — виднейший деятель чехословацкого рабочего движения, верный соратник Клемента Готвальда.

Партизанская борьба в этот период существенно отличалась от партизанского движения до восстания, прежде всего в том отношении,

¹ Z. Fierlinger. Цит. соч., dil. II, s. 25—26.

² M. Gosiorovský. Цит. соч., s. 37.

³ Z. Fierlinger. Цит. соч., s. 358.

⁴ J. Nosko. Základné príčiny neúspešného prechodu Československej armády (povstaleckej) do partizánskeho spôsobu boja. — „Sborník USNP.“, № 1, s. 9—14.

что теперь резко возросла численность партизанских отрядов, повысилась их боеспособность, окрепла связь между повстанцами и советским командованием, продолжавшим бесперебойно снабжать партизанские районы вооружением и боеприпасами.

Основными районами действия словацких и советских партизан в этот период были склоны Низких и Высоких Татр, Словацкого Крушногорья, Велькой и Малой Фатры и многие другие места. По мере освобождения страны словацкие партизаны вливались в подразделения Чехословацкого корпуса, двигавшегося в составе советских войск, очищавших словацкую землю от фашистских оккупантов.

Повстанцы сложили оружие лишь когда была освобождена последняя пядь чехословацкой земли.

В ходе восстания немецко-фашистские войска потеряли 55 810 солдат и офицеров и множество вооружения и военной техники. В течение первых двух месяцев восстания гитлеровцам пришлось бросить против повстанцев восемь отборных дивизий, а в дальнейшем держать в Словакии пять специальных батальонов, 14 и 18 дивизии СС, одну эсэсовскую бригаду, 178 смешанную дивизию, бригаду „Шиль“, эсэсовский полк и две дивизии фольксштурма.¹ Проходившие через Словакию военные коммуникации немецкой армии были полностью нарушены, а созданные германским командованием планы отступления фашистских войск на Восточном фронте в значительной мере расстроены. Таким образом, словацкое восстание внесло серьезный вклад в дело разгрома гитлеровской армии. Поднявшись на открытую борьбу против фашизма, словацкий народ занял свое место в рядах активных борцов с гитлеризмом, за освобождение поработенной Европы. Словацкое восстание в огромной степени способствовало политическому воспитанию широких масс словацкого народа. В ходе этого восстания развернулись и нашли свое блестящее применение придавленные и скованные до того времени фашистским режимом свободолюбивые стремления словацких трудящихся, их героизм и решимость бороться до полного освобождения. В ходе Словацкого восстания в полной мере проявилась руководящая роль в освободительной борьбе рабочего класса и коммунистической партии; было доказано, что коммунисты являются единственно последовательными борцами за торжество демократии и социализма, за независимость страны. Наряду с этим восстание раскрыло предательскую, антинародную политику словацкой буржуазии, разоблечило происки реакционной чехословацкой буржуазной эмиграции, поступившей в услужение к западным империалистам.

Восстание провозгласило восстановление Чехословацкой республики как совместного государства двух братских равноправных народов — чехов и словаков. Лозунг чешско-словацкой дружбы и союза был подкреплен участием в борьбе словацких повстанцев нескольких тысяч чешских добровольцев. В ходе восстания были выдвинуты демократические принципы государственного и общественного устройства послевоенной республики. На освобожденной повстанцами территории были созданы демократические органы местной власти — национальные комитеты, ставшие впоследствии одной из основ народно-демократической Чехословакии.

¹ „Rudé právo“, 28.8.1949.

Важнейшим следствием словацкого народного восстания явился нерушимый советско-чехословацкий боевой союз, скрепленный кровью, обильно пролитой советскими, словацкими и чешскими воинами в совместных боях за свободу и независимость Чехословацкой республики.

Пять лет прошло со времени словацкого народного восстания. Эти годы прошли под знаком самоотверженной борьбы трудящихся Словакии за упрочение демократии, за ликвидацию попыток реакционеров восстановить в стране капиталистические порядки, за создание политических и экономических основ перехода к социализму. Рука об руку с чешским народом словацкие трудящиеся строят новую, счастливую жизнь.

В 30-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции президент Чехословацкой республики Клемент Готвальд говорил: „Только благодаря тому, что мы были освобождены Советским Союзом, и только благодаря советской политике уважения равноправия и суверенности наций, у нас сегодня решает воля народов и мы можем строить свое государство как государство народно-демократическое, без опасения вмешательства из-за границы. Благодаря тому, что мы опираемся на Советский Союз и его могучее социалистическое хозяйство, мы смогли прийти к национализации нашей промышленности и к плановому хозяйству и не должны продавать тело и душу иностранным монополистам... Эти факты ясно показывают, какое счастье для нас, что мы опираемся на Советский Союз, что нашим союзником и лучшим другом является мировая экономическая и военная держава, которая не знает империалистических целей и для которой святы права и суверенитет других народов и государств“.¹

¹ K. Gottwald. Se Sovětským Svazem, s. 172.

С. В. Никольский

ОТРАЖЕНИЕ СЛОВАЦКОГО ВОССТАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ¹

Словацкое народное восстание, с последующим освобождением Чехословакии от фашистских захватчиков Советской Армией и социальными преобразованиями в стране, открыло новую эпоху в истории словацкого народа. Вместе с братским чешским народом, при поддержке и помощи Советского Союза, словацкий народ строит новую, социалистическую жизнь, создает новую экономику и новую, национальную по форме, социалистическую по содержанию, культуру. Эти исторические события не только обеспечили условия для бурного развития подлинно народной культуры Словакии, но и сами по себе являются одной из основных тем современного словацкого искусства, современной словацкой литературы. Только события исключительной исторической важности и всенародного значения могут вызвать такой подъем и такое внимание в стране, какие вызвало Словацкое восстание. За четыре года, прошедшие со дня освобождения Словакии, создана значительная, во всех жанрах, литература о восстании. В поэзии, в драматургии и в прозе воспевают словацкие писатели героическое вооруженное выступление словацкого народа и освобождение Словакии от немецко-фашистских захватчиков.

Романы Илемницкого, Йозефа Горака, Владимира Минача, документальные записки Леонова, поэтические произведения Штитницкого, Яна Броцко, Андрея Плавки, Яна Поничана, Татарки, Терена, Крно, драмы Марковичовой-Затурецкой, Франьо Краля—далеко не полный перечень литературы, касающейся темы восстания.

Становится традицией издание юбилейных литературных сборников, посвященных восстанию. В 1946 г. вышел „Революционный альманах“,² составленный из произведений участников восстания. В 1948 г. издательство „Граце“ выпустило сборник „Стальные слова“.³ К пятой годовщине Словацкого восстания издательствами „Татран“ и „Дукля“

¹ Доклад на научной сессии Института славяноведения АН СССР в октябре 1949 г., посвященной пятилетию Словацкого народного восстания 1944 года.

² „Revolučný almanach“, 1946.

³ Сборник «Slova z oceľe». K oslavám Slovenskeho národného povstania. Práce. Bratislava, 1948.

выпущена книга под заглавием „В честь этих дней“;¹ в нее вошли лучшие стихотворения, рассказы и отрывки из драм и романов. В сборнике представлено свыше 40 авторов.

В журнале „Творба“² и газете „Руде право“³ публикуются отрывки из новой пьесы Яна Мареша и Мирослава Фаберы. Пьеса посвящена боям на Дукельском перевале.

В чехословацкой критике⁴ уже проводилось сравнение словацкой литературы последних лет с литературой, появившейся после первой мировой войны. Чехословакия получила тогда государственную самостоятельность. Тем не менее это не вызвало значительного подъема в литературе. Произведения с военной тематикой появились тогда далеко не сразу и в незначительном количестве. Многие произведения и, что показательно, произведения молодых авторов, были отмечены печатью скорби и пессимизма. Подлинно оптимистическое, жизнеутверждающее искусство всегда является детищем народа. Народ же после первой мировой войны очень быстро убедился в том, что государственная самостоятельность мало чем изменит положение трудящихся, что национальная буржуазия попрежнему будет держать в ярме народные массы.

Национальное освобождение без социальной перестройки общества не вызвало подъема в литературе. Надежды на новый подъем в литературе быстро разбились о мрачную действительность. Литература того времени отражала распад буржуазного искусства и крушение надежд прогрессивных кругов. Это была литература, воспевавшая индивидуализм, уход от жизни.

Иную картину представляет литература, отражающая Словацкое восстание. Литература о восстании начала слагаться еще во время боев. Ее автором был сам словацкий люд — партизаны, участники боевых действий. Боевые песни сопровождали партизан в их борьбе, жили в народе. Почти в каждом более или менее значительном произведении на тему о Словацком восстании, документальном или художественном, приводятся партизанские песни.

Партизанские песни и народные рассказы о подвигах партизан были действенным, мобилизующим средством в борьбе. Это было поистине боевое искусство, острое оружие социальной и национально-освободительной борьбы.

Писательница Елена Ковалова говорит:

„Партизанская песня распространяется тотчас, как только нелегальный журнал попадает в руки читателей. Две, три тысячи оттисков песни забрасываются во все районы. Мы должны постараться, чтобы песня проникла и туда, куда „Яношик“ (название нелегального журнала.—С.Н.) не проник, ибо партизанская песня будет связывать там всех антифашистов, борющихся за лучшую, справедливую жизнь“.⁵

В романе „Хроника“ Петр Илемницкий описывает, как партизаны сочиняли боевую песню, которая звала бы народ к оружию.

¹ „Na slávu týchto dní“. Slovenské národné povstanie v prejave našich umelcov. „Tatran“ a „Dukla“. Bratislava, 1949.

² „Tvorba“. 5 октября 1949, № 40, стр. 947—949.

³ „Na Dukle“. — „Rudé právo“, 9 октября 1949, с. 5.

⁴ Branislav Choma. Povstanie v krásnej literatúre. — „Nové slovo“ ročn. V, Bratislava, 27. augusta 1948 r., с. 524.

⁵ „Na slávu týchto dní“, с. 16—17.

— Листовки? — говорит один из героев романа. — Хорошо. Директивы? — Отлично. Но люди любят петь. Дайте им новую песню.¹

В опубликованных на словацком языке записках советского офицера Леонида Леонова, командира партизанского отряда „Высокие Татры“, автор рассказывает, как в тылу у врага, в словацкой деревне, партизаны вместе с крестьянами хоронили своих боевых товарищей, павших в схватке с гитлеровцами. После всех обрядов была исполнена песня о героической смерти партизан, написанная начальником штаба отряда.²

Среди партизан широко были известны и советские песни. В этом сказывались не только симпатии словацкого населения к советскому народу. Боевые и революционные советские песни отражали чувства и социальные чаяния трудящихся Словакии.

Народная поэзия восстания тесно переплеталась с песнями и преданиями словацкого народа о борцах за социальную справедливость и национальную свободу, о народных мстителях — збойниках, яношиках — крестьянах, ушедших в горы, чтобы мстить богатым и помогать бедным.

Гей, я должен быть збойником,
Несправедливость слишком велика,
Кривда у панов —
Правда у збойника, —

поется в словацкой народной песне.³

Милош Крно в стихотворении „Восстание“, наряду с упоминанием о партизанских кострах в горах, как символах народного протеста и восстания, упоминает и о песнях, звучавших в Татрах:

Ночь длилась долго, но блестела огнями
Костров и факелов народного гнева.
Песни свободы звенели в Татрах.⁴

Некоторые из поэтов были участниками вооруженной борьбы. Их поэтические произведения — искусство большого общественного значения. Нельзя не подчеркнуть обращения их к народно-освободительным, революционным мотивам народного творчества прошлого. Не случайно в ряде стихотворений разных поэтов используется образ Яношика. Однако новая словацкая поэзия качественно отличается от яношиковского фольклора, ибо оптимизм революционной поэзии определяется не только извечной верой народа в свои силы, но и степенью осознания социальных целей своей борьбы, понимания путей к достижению счастья трудящихся.

Широкое отражение в литературе Словацкого восстания нашло боевое сотрудничество чехословацкого и советского народов, помощь Советской Армии.

¹ П. Илемницкий. Хроника. Авториз. пер. со словацкого. Гос. изд-во иностр. лит-ры. М., 1948, стр. 277—278.

² L. S. Leonov. Na každom kroku boj. Překl. Jan Holub. — „Pravda“, Bratislava, 1946.

³ Břetislav Truhlar. Výbor slovenské sociální poesie. — „Kulturní politika“, 19 srpna 1949, № 93, s. 10.

⁴ „Na slávu týchto dní“, s. 87.

Приближение Советской Армии, „отважных сталинских воинов“, послужило сигналом к вооруженному выступлению словацкого народа осенью 1944 г. и к усилению партизанских действий весной 1945 г.

Сталинград, Москва, вся великая русская земля,
И в словацких горах партизанская хата, —
Отныне мыслятся вместе, —

говорит Цтибор Штитницкий.²

Освобождение Словакии Советской Армией — одна из основных тем словацкой литературы, тесно переплетающаяся с темой восстания.

„В самые тяжелые минуты нашей истории, — писал Юлиус Барч Иван в обращении к советскому воину, — ты пришел, оживил, придал силу, воодушевил павших духом, велел идти вперед с поднятой головой... Ты знаменовал всё. Смысл жизни, веру и надежду...“

Над Татрами рассвет, скоро солнце озарит всю страну, всех славян; прекрасная песня твоя, гимн победившей справедливости возносится над твоей и над нашей землей. Этот гимн поднимает всех пораженных и униженных и триумфально увлекает вперед. История шагает твоей поступью...

О, великие минуты, славные дни! Поздравляем и приветствуем тебя, дорогой русский воин!³

Великий Советский Союз служит чехословацкому народу примером не только в боях, но и в мирном созидательном труде, в строительстве социализма.

В труде наша слава,

пишет Ян Поничан, —

Бой для нас лишь защита возможности строить,
.....
Мы — работники, коммунисты.
Мы создаем по образу,
Который нам внушил Ленин,
Который в жизнь воплотил Сталин.⁴

В стихах, даже непосредственно посвященных восстанию и военным событиям, советский народ изображается не только в боях, но и в пафосе грандиозного созидательного труда. С любовью и восхищением пишет Андрей Костольный о „свободном Советском Союзе, где нет кнута, где легендарный Днепрострой и лес фабричных труб встают в озарении, где бескрайние поля пшеницы, где руки народов дружески сомкнуты в едином порыве“.⁵

Строительство новой Чехословакии — это воплощение в жизнь тех идеалов, за которые шли в бой трудящиеся. В верности идеалам восстания присягает словацкий народ, строя социализм.

¹ Там же, стр. 82.

² „Revolučný almanach“, s. 40.

³ „Slova z ocele“, s. 34.

⁴ „Na slávu týchto dní“, s. 103.

Ян Поничан пишет:

Восстание — это костер в горах,
Нас ждет работа в долинах,
А ты, костер, — наш страж и свет
В строительстве новой жизни.¹—

Этими же мотивами проникнуты проза и драматургия о восстании.

Для прозы, появившейся после восстания, характерно преобладание романов и больших повестей. Этот факт не случаен. Он свидетельствует о стремлении авторов отразить в эпике величие и значимость описываемых событий. Жанр романа предоставляет большие возможности для показа событий, героем которых являются народные массы. Он позволяет вместе с тем полнее показать формирование в ходе борьбы новых людей. Иозеф Горак в романе „Горы молчат“² показывает, как старик-крестьянин Бартко и его сын Мартин от пассивного сопротивления приходят к сознательной вооруженной борьбе с фашистскими захватчиками. Владимир Минач в книге „Смерть ходит по горам“³ рисует образ крестьянина Яна Лотра, который под влиянием талантливого командира отряда, человека твердых убеждений — Людвика, коммуниста Варгиса и других преодолевает сомнения и страх смерти и становится сознательным борцом за счастье народа.

Современная буржуазная литература бесплодно бьется в попытках создать образ положительного героя. Ей это не удастся, ибо это литература гибнущего общества. Советская же литература и литература стран народной демократии создали целую галерею замечательных образов борцов за счастье трудящихся.

Положительные герои в литературе о Словацком восстании — это коммунисты и простые крестьяне в „Хронике“ Илемницкого, это командир партизанского отряда Людвик и коммунист Варгис в романе Владимира Минача „Смерть ходит по горам“, это — герои сценария Пальо Белика „Волчьи норы“, это — Мартин и Бартко в романе Горака „Горы молчат“. Это, наконец, показанные во многих произведениях русские десантники и партизаны, сражавшиеся в первых рядах, бок о бок с лучшими сынами словацкого народа. Сравнение этих образов с героями партизанской борьбы в Словакии, описанными в документальной литературе, убеждает в верности их действительности.

Новый герой словацкой литературы — сын трудового народа. Более того, герой большинства произведений о восстании — сам народ. В этом заключается одна из черт, коренным образом отличающих литературу демократической Чехословакии от литературы 20—30-х гг. XX в., в которой преобладали индивидуалистические мотивы.

Большинство произведений о Словацком восстании посвящено боевым действиям партизан. Со страниц книг встает образ простого словацкого человека, под руководством коммунистов с оружием в руках защищающего свободу народа.

В одной из глав книги Минача „Смерть ходит по горам“ рассказывается о мужественной битве горстки партизан со значительно более сильным противником. Запоминается образ старого коммуниста Варгиса, сражавшегося до последней гранаты. „Смерть фашизму!“ — были его

¹ „Slova z ocele“, s. 34.

² Josef Horák. Hory mlčia. Praha, 1947.

³ Vl. Mináč. Smrt' chodí po horách. «Tatran» Bratislava, 1948.

последние слова. Минач показывает и истоки этого беззаветного мужества:

„О, Варгис знает, за что воюет. Варгис знает это лучше, чем все, кто вместе с ним на гребне Качка. Варгис помнит еще пыльные, залитые солнцем предместья Мадрида... Многое изменилось с тех пор. Вместо солнца и зноя здесь серое небо, снег и холод... Вместо улиц Мадрида — словацкие горы... Но враг тот же — фашисты.

Бой не кончился в Мадриде и Барселоне, бой не на жизнь, а на смерть продолжается всюду, и здесь, в словацких горах.

— Смерть фашизму!“¹ — рефреном звучат эти слова в книге Минача.

Новый, демократический строй и национальная свобода рождались в непримиримой борьбе с фашизмом. Гневной ненавистью к фашизму дышит вся современная чехословацкая литература. Картины фашистского террора, фашистских концентрационных лагерей рисует Минач в романе „Смерть ходит по горам“. Выведенный в романе образ подлого тюремного прислужника Вилли перекликается с образами жалких и мерзких служителей тюрьмы, заклеянных Юлиусом Фучиком в его „Репортаже с петлей на шее“.

Ян Боденек создал сатирические образы фашистов, дошедших в своих зверствах до полной потери человеческого облика, превратившихся в автоматы для истребления людей.²

Одним из лучших произведений о Словацком восстании является „Хроника“ Петра Илемницкого. Автор глубоко осознал необходимость раскрытия закономерности событий. „... Следите, — обращается писатель словами одного из героев книги к себе и словацким писателям вообще, — чтобы прежде всего было слышно тех, кто знает, за что они бьются. Не те, кто приспособлялись к событиям, а те, кто сами их создавали — вот кто должен быть на первом месте“.³

Заслугой Петра Илемницкого является то, что он раскрыл и показал социальную природу Словацкого восстания, ибо, как пишет автор, „... все было не так-то уж просто... Соединилось много различных сил и играли роль многие обстоятельства; ... пока один сверлил новые дырки на поясе — другой утирал тылом ладони жирный подбородок; пока одни отсиживались — другие стреляли в немцев“.⁴

Из этих многих обстоятельств нужно было выбрать главные, ведущие, раскрыть их смысл и значение, раскрыть читателю закономерности событий. И это удалось Илемницкому несмотря на то, что круг событий романа ограничен одним из глухих районов Словакии.

Автор показывает, что восстание против Тисо, против гитлеризма, являясь важным этапом национально-освободительной борьбы словацкого народа, в то же время имело целью социальное переустройство общества. Восстание возглавляла коммунистическая партия, руководившая революционной борьбой в Чехословакии уже четверть века.

На первых же страницах „Хроники“ читатель знакомится с образом одного из организаторов вооруженной борьбы Леско Безаком. „... Задолго до войны, — пишет Илемницкий, — когда он был еще

¹ Vl. Mináč. Там же, s. 93—94.

² Ján Bodenek. Do víťazného konca. В кн.: „Z vlčích dní“. „Matica slovenska“. Turčiansky sv. Martin, 1947.

³ П. Илемницкий. Хроника, стр. 361.

⁴ Там же, стр. 17.

совсем молодым пареньком, без его участия не обходилась ни одна стачка, ни одно волнение рабочих...¹

Пролетариат и трудовое крестьянство, проникнутые революционным духом, как один, взялись за оружие, ибо восстание было защитой не только национальной свободы, но и его кровных социальных интересов.

„...Добровольцев высыпало, как маковых зерен... молодые и старые, здоровые и больные... вот это был „рекрутский набор“. Без слез, без воплей, рук никто не заламывал, никто не дрожал и в обморок не падал. Очевидно, речь шла о чем-то большем, чем отказ повиноваться панским законам и приказам, ведь дело выдумали не паны — оно шло само собой, своим путем, без барабанов и рапортов“.²

В романе показана и причина массового энтузиазма крестьянства: „У нас поля по склонам да обрываю, а лес по крутым горам; поэтому людям издавна жилось одинаково тяжело, и мало было таких, которые мыслями и политическими взглядами отличались от большинства“.³

Положительные герои Илемницкого — представители революционного словацкого народа. Леско Безак — член местного революционного комитета, коммунист с солидным стажем революционной работы. Рабочий Адам Панчик, машинист узкоколейки Робо Лишак, Дебнер — также люди с осознанными революционными целями. Мысли и настроения Гондаша, лесничего, от имени которого ведется повествование, определенным образом окрашивают все произведение, отражают понимание и восприятие событий трудовым народом. Среди героев романа — русские партизаны, простые советские люди, которых порабожденная Европа ждала „как сказочных великанов“. Это — пять братьев Козловых, добровольцами ушедших в десантную часть. Население с радостью встречало советских партизан, помогало им укрываться, сообщало сведения о фашистских войсках, в трудные минуты снабжало продовольствием. Сыны словацкого народа вступали в партизанские отряды.

Социальная природа восстания раскрывается Илемницким и на фактах участия в восстании представителей других национальностей. „Я рабочий, и хочу воевать против господ“,⁴ — заявил венгерский солдат, перешедший к партизанам. Аналогичные факты приводятся и в документальной литературе о восстании. Леснов, в частности, описывает сознательный переход на сторону партизан немецкого крестьянина. Иозеф Горак в книге „Горы молчат“ рисует образ немецкого солдата Кнопфа, который сочувствовал русским, большевикам, партизанам.

Противостояли восставшим крупная и мелкая буржуазия, клерикалы, возглавленные фашистской глинковской партией. „Те, которые тут у нас больше всех размахивают крестом, — раздувают вражду и помогают немцам убивать своих же земляков“,⁵ — говорит один из героев романа.

Буржуазия вела борьбу против восставших, стараясь заронить недоверие, подорвать решимость людей, посеять тревогу. В романе показано классовое расслоение деревни. Трудовой, революционно настроен-

¹ П. Илемницкий. Ук. соч., стр. 30.

² Там же, стр. 119.

³ Там же, стр. 153.

⁴ Там же, стр. 85.

⁵ Там же, стр. 262.

ный народ не случайно объединил в своем представлении кулаков с глинковскими бандитами. Автор описывает разговоры крестьян в корчме:

„Говорили о том, о сем, как обычно разговаривают в корчмах. О председателе глинковской словацкой народной партии, который прикладывает к голове холодные компрессы, о начальнике отрядов глинковской гвардии, который, давно растеряв свои войска, подал в отставку... Говорили о лавочнике Цуте и о тех выскочках, у которых чирьи сели на голове с тех пор, как они вздумали вести крупную политическую игру“.¹

Первой же задачей восставших было парализовать действия местной буржуазии, что и показано в романе.

Сила романа Илемницкого заключается и в освещении классовой борьбы в Словакии после восстания. Роман создавался после освобождения Чехословакии в то время, когда в Чехословакии усилились попытки реакции захватить власть в свои руки, ликвидировать тем самым все завоевания трудового народа. „Хроника“ не охватывает этого периода. Но в уста рассказчика Гондаша вложен ряд недвусмысленных замечаний по адресу тех, кто пытался приписать себе заслуги в восстании, использовать авторитет всенародного вооруженного выступления и пробраться к власти в своих целях.

„Я был членом народного революционного комитета, — заявляет Гондаш, — еще тогда, когда многие из тех, кто нынче кичится в комитетах, были колесиком надломленной оси и уму-разуму учились в Берлине“.²

Автор выводит образ проходимца Гамаля, родственника местного богача. Во время восстания он отсиживался в глухой деревне, долго высматривал, куда повернут события. „Зато сейчас, — пишет Илемницкий, — слышать, в Братиславе он из всех сил пытается доказать, что его геройские подвиги превосходят всякое сравнение; он начальник какого-то отдела, ждет повышения за свои „заслуги“ и... приобрел, говорят, три немецких виноградника“.³

Марксистско-ленинское миропонимание помогло Илемницкому показать читателю истинные силы, отстаивавшие во время восстания интересы народа, а также показать классовую борьбу в Словакии после восстания. Благодаря этому роман перерос первоначальный замысел автора, задумавшего дать лишь местную хронику.

Органически вытекают из идейной направленности романа его художественные особенности, начиная с системы образов и расстановки действующих лиц в романе и кончая изобразительными деталями, чародным языком.

„Хроника“ Илемницкого и другие произведения о Словацком восстании отличаются высоким оптимизмом. Его рождает тесная связь писателя с трудовым народом, понимание закономерностей и перспектив общественного развития и того факта, что победа пролетариата и трудового крестьянства в борьбе со злейшим врагом трудящихся — фашизмом — была закономерной победой прогрессивных сил, возглавленных Советским Союзом.

¹ Там же, стр. 96.

² Там же, стр. 153.

³ Там же, стр. 152.

Жертвы были принесены во имя жизни. Смысл жизни герои произведений, посвященных Словацкому восстанию, видят в служении обществу, в служении трудовому народу.

Зажигая свечи на новогодней елке, устроенной партизанами в лесной избушке, Людвик, герой романа Минача, говорит: „Вот видишь, теперь эта свечка уже совсем иная, чем те, в ящиках, потому что она горит, дает свет и благоухание. И с людьми также. Некоторые всю жизнь остаются лежать в красивом ящике. Они похожи друг на друга и кажутся одинаковыми, так как никогда не горят. Они никогда не оставляют своего ящика. Это люди солидные, спокойные, их единственное желание — остаться в ящике“.¹

Оптимизм литературы о Словацком восстании проявляется и в художественных особенностях вплоть до изобразительных деталей. Взять хотя бы такой момент, как использование образов солнца, утра, света. Их можно найти у каждого автора, когда речь идет о словацком народе, о партизанах, о Советском Союзе. Кажется, ни один из писателей не упустил возможности символически использовать образ весны, с которой совпал приход Советской Армии. Роман Горака „Горы молчат“ полностью построен на этом образе. Начало событий романа относится к осени 1944 г. „В воздухе висела осень, — пишет автор, — но в тяжелом запахе вспаханной земли чувствовалось зарождение новой жизни“.² Роман кончается описанием весеннего утра после прихода Советской Армии и словами: „Утро! Новое утро!“³

Говоря о небывалом культурном подъеме в Чехословакии, об интенсивном развитии чешской и словацкой демократической литературы, надо подчеркнуть, что новая демократическая литература — еще молодая, она находится в процессе становления. Поэтому она не лишена недостатков. Порой в ущерб глубине содержания, в ущерб глубине художественных обобщений, которые раскрывали бы сущность событий, авторы излишне увлекаются передачей внешней, занимательной стороны драматических боевых эпизодов. Ряд новелл Боденка проигрывает от натурализма, а также от излишней психологизации, вследствие чего проблемы страха, смерти становятся для автора как бы самоцелью и заслоняют от него проблемы жизни. В ряде случаев недостаточное овладение передовой, марксистско-ленинской теорией мешает авторам давать большие, глубокие, художественные обобщения.

Показателем силы и залогом дальнейших успехов развивающейся словацкой литературы, стоящей на пути к социалистическому реализму, является тот факт, что писатели и поэты не удовлетворяются достигнутым, видят свои недостатки, преодолевают их, овладевая марксистско-ленинским мировоззрением.

Владимир Минач в одной из недавних статей,⁴ посвященных литературе о Словацком восстании, указывает, что долгом словацких писателей является создание произведений, которые охватывали бы восстание во всей его полноте, показали бы его органическую связь со всей политической и экономической обстановкой своего времени,

¹ Vl. Mináč. Smrt' chodí po horách, s. 57.

² J. Horák. Hory mlčia, s. 6.

³ Там же, стр. 256.

⁴ Vl. Mináč. Splatena daňa dlžoba slovenskej literatúry povstaniu. — „Lidové noviny“, s. 7, čs. 201, 28 srpna 1949. Приложение: „Literární neděle“.

шире и ярче выявляли бы ведущую роль рабочего класса и коммунистической партии в борьбе с фашистскими захватчиками, вскрыли бы, как самим фактом восстания уже закладывался фундамент социалистического будущего чехословацкого народа.

Создание литературы о Словацком восстании является школой для словацких писателей и поэтов, определенным этапом в развитии литературы демократической Словакии. Дальнейшая работа словацких писателей, овладение ими марксистско-ленинской теорией — залог создания новых, высокохудожественных произведений как о восстании, так и о строительстве социализма в Чехословакии, залог расцвета словацкого искусства, идущего по пути к социалистическому реализму.

К ДВАДЦАТЬ ПЯТОЙ
ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ СМЕРТИ
Д. Н. БЛАГОЕВА

Л. Б. Валев

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Д. Н. БЛАГОВЕВА¹

Прошло 25 лет с тех пор, как умер выдающийся болгарский революционер Дмитрий Николаевич Благоев — основатель Коммунистической партии Болгарии.

Дмитрий Благоев, — „Дедушка“, как любовно назвал его болгарский народ, был первым знаменосцем социалистического рабочего движения в Болгарии, во главе которого он стоял более трех десятилетий, вплоть до самой смерти.

Основная историческая заслуга Благоева состоит в том, что он создал и отстоял самостоятельную политическую партию болгарского пролетариата, непримиримую по отношению к буржуазии и ее реформистским последышам, проникнутую непоколебимой верой в силы и будущее рабочего класса, спаянную сознательной железной дисциплиной.

Благоев возглавил борьбу против болгарских реформистов, довел эту борьбу до их полного разгрома и изоляции, что обеспечило развитие болгарского рабочего движения и привело к тому, что позже, под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, партия тесняков вступила на путь большевизации, превращаясь в партию ленинско-сталинского типа.

„Именно Д. Благоев, — говорил Г. Димитров, — положил ту идеологическую основу, на которой партия „тесных социалистов“ смогла успешно вырасти и, преодолевая недостатки и слабости теснячества, превратиться без особых внутренних потрясений, на благо нашего народа, в марксистско-ленинскую партию. И если наша партия, вопреки многолетнему страшному фашистскому террору и пережитым тяжелым поражениям, после каждого поражения быстро вставала снова на ноги и становилась более сильной, сплоченной и боеспособной и в настоящее время является руководящей силой в правительстве народно-демократической Болгарии, — этим мы и наш народ обязаны, прежде всего, Дмитрию Благоеву. Под его мудрым руководством наша партия развивалась и росла как монолитная организация, с ясной программой и политикой и добровольной, но железной дисциплиной“.²

¹ Доклад на научной сессии Института славяноведения АН СССР в мае 1949 г., посвященной 25-летию со дня смерти Благоева.

² Георги Димитров. Речи, доклады, статьи, т. III, 1947, София, стр. 65.

* * *

Дмитрий Николаевич Благоев родился в 1855 г. в бедной трудовой семье и с юношеских лет содержал себя сам. Он вырос в эпоху революционного пробуждения болгарского народа, боровшегося против иноземного турецкого ига. Ему было 18 лет, когда был казнен Василь Левский, и 21 год в момент гибели вождя народно-освободительной борьбы Христо Ботева. Еще с юношеских лет Благоев проникся революционным духом, который определил его дальнейший жизненный путь, путь борца-революционера.

Стремясь утолить жажду знаний, молодой Благоев попадает в 1878 г. в Одессу. Добывая средства к существованию главным образом репетиторством, он оканчивает в Одессе реальное училище, а осенью 1880 г. поступает в Петербургский университет, сначала на физико-математический факультет, а затем, увлекшись общественными науками, переходит на юридический факультет. В этот период Петербург был центром бурного революционного студенческого движения. „Я никогда не забуду картину, которую застал, когда вошел впервые в аудиторию, — писал Благоев в своих воспоминаниях. — Обширный зал аудитории был переполнен сотнями студентов; стоя на скамье, выступал студент, который резкими и пламенными словами бичевал полицейский произвол, царский реакционный режим и призывал студенчество к борьбе против него. Его речь сопровождалась бурными аплодисментами и возгласами одобрения. Это была студенческая сходка“.¹

Молодой Благоев со всей энергией отдается революционному движению. „Когда я приехал в Россию, — пишет он, — во мне уже кипели революционные дрожжи. Здешние политические и общественные отношения дали им условия для развития, помогая мне выработать себе ясное революционное сознание“.

Начало общественно-политической деятельности Благоева в России относится к тому времени, когда народовольческая тактика потерпела поражение, а народническая идеология переживала кризис. Вспоминая о конспиративном собрании, на котором он присутствовал зимой 1882 г. и на котором представители разных течений народничества критиковали друг друга, Благоев писал: „Общим заключением, вытекающим из этой обоюдной критики, было то, что старые течения революционного движения провалились и что необходимо искать новых революционных путей“.² Благоев нашел эти новые пути в научном социализме Маркса. В начале 1883 г. он знакомится с первым томом „Капитала“. «Изучение „Капитала“, — писал он, — помогло мне понять происхождение и рост рабочего класса, тайные пружины капиталистического производства, значение рабочего класса в нем, его положение, сущность его борьбы, его организацию и историческую его задачу — экспроприацию экспроприаторов. Вообще изучение „Капитала“ привело меня к убеждению, что капитализм не может быть вечным, что он создает противоречия, обострение которых сделает его невозможным как форму социального развития и поэтому будет заменен другим способом общественного производства, что он создает и класс,

¹ Д. Благоев. Кратки бележки из моя живот. София, 1926, стр. 26.

² Там же, стр. 31.

который сделает социальную революцию, а этот класс — рабочий класс, промышленный пролетариат».¹

В Петербурге Благоев начинает вести пропаганду марксистских идей, сначала среди студенчества, а затем, в конце 1883 г., организует первую в России социал-демократическую группу, известную под наименованием „Партии русских социал-демократов“ или „группы Благоева“. В 1884 г. группа Благоева вырабатывает свою программу, организует нелегальную типографию и начинает издавать газету „Рабочий“. Она ведет пропаганду среди петербургских рабочих и в 1885 г. устанавливает тесную связь с плехановской группой „Освобождение труда“. Группа Благоева, как это позднее признавал сам ее организатор, не была свободна от ряда принципиальных ошибок. В своих воспоминаниях Дмитрий Благоев следующим образом определяет направление этой группы:

«Каковы же были первоначальные взгляды группы до окончательного соглашения с группой „Освобождение труда“? Не может быть никакого сомнения, что наши взгляды и программы чрезвычайно отличались от современных социал-демократических взглядов и программ. Они представляли смесь научного социализма с лассальянством и, если хотите, с лавризмом... В основе наших взглядов и программы лежал общий принцип социал-демократии, а именно, что рабочий класс России должен выделиться в самостоятельную политическую партию, конечная цель которой должна состоять в преобразовании общества на социалистических началах, на коллективном владении средствами производства, что для приближения к этой цели рабочему классу России необходимо, прежде всего, добиться конституции и что в России конституционное управление останется мечтой до тех пор, пока не явится сильная рабочая партия с самостоятельными от буржуазии задачами. Поэтому, насколько помнится, в передовице № 1 газеты „Рабочий“, написанной мною, настаивалось больше всего на том, что рабочим в России необходимо бороться, как за ближайшую задачу, за конституционное управление... Политическую свободу мы считали первым необходимым условием для того, чтобы можно было бороться за социалистический переворот. А этот последний мы представляли себе по Лассалю, то-есть через рабочие ассоциации, субсидируемые государством».²

Группа Благоева, так же как и другие марксистские кружки и группы 80-х годов в России, занималась пропагандой марксизма, но не была практически связана с рабочим движением, не руководила им. Задачу соединения марксизма с рабочим движением осуществил несколько позже великий основоположник большевистской партии — гениальный Ленин.

В начале 1885 г. Благоев был выслежен царской полицией, арестован и после шестимесячного заключения выслан на родину. 7-летнее пребывание Благоева в России (особенно петербургский период его жизни) оказало решающее влияние на формирование его революционного мировоззрения и определило его деятельность в Болгарии как основоположника болгарского рабочего социалистического движения.

Благоев и в дальнейшем всегда интересовался русским революционным движением, судьбой великого русского народа. В течение

¹ Там же, стр. 34.

² Цит. по кн.: Е. М. Ярославский. Борьба за создание социал-демократической рабочей партии в России (1883—1901 гг.). М., 1945, стр. 86—87.

всей своей жизни он поддерживал живые связи между русским и болгарским революционным социалистическим движением. Уже в июне 1885 г. он начинает издавать в Пловдиве журнал „Современный показатель“, вокруг которого возникла первая марксистская группа в Болгарии. Эта группа установила письменную связь с плехановской группой „Освобождение труда“ в Женеве. Позже Благоев поддерживает тесную связь с ленинской „Искрой“. В 1902 г. он с восторгом встречает появление гениального труда Ленина „Что делать?“ и широко использует его в борьбе с болгарскими ревизионистами и оппортунистами.

„К революционному движению в России, — пишет тов. Коларов, — Благоев в течение всей своей жизни сохранил любовь и глубоко в него верил. Он часто говорил, что революция придет с Востока“.¹

Благоев с живейшим интересом и глубоким сочувствием следил за всеми этапами грандиозной революционной борьбы героического русского пролетариата. Революцию 1905 года, а особенно Великую Октябрьскую социалистическую революцию он встретил с восторгом.

„Благоев кровно ненавидел русский царизм. ... Он глубоко верил в грядущую русскую революцию и направлял традиционные симпатии болгарского народа к его настоящему освободителю и другу — великому русскому народу, к самоотверженным русским революционерам. Истинная славянская солидарность для него была солидарностью между трудящимися славянских стран“.²

В 80-х годах прошлого века, когда Благоев начал пропаганду социализма в Болгарии, в последней только начинал развиваться капитализм. В то время в болгарской общественной мысли, так же, как и в России, господствовали взгляды народников, препятствовавшие распространению марксизма в стране и созданию марксистской рабочей партии. Представители народнической идеологии в Болгарии, так же, как и русские народники, утверждали, что капитализм в Болгарии не будет развиваться, а следовательно, не будет расти и развиваться пролетариат. Отрицая передовую роль рабочего класса в революции, народники утверждали, что социализма можно достигнуть без пролетариата, через крестьянскую общину, причем главной революционной силой они считали крестьянство. Благоев первый дал марксистскую критику ошибочных взглядов народников в Болгарии, развернув одновременно блестящую защиту марксизма. В написанной им в 1891 г. брошюре „Что такое социализм и имеет ли он почву у нас?“, Благоев, исходя из учения Маркса об общественно-экономических формациях и из фактов самой болгарской действительности, доказал неизбежность развития капитализма в Болгарии и предсказал, что зарождающийся пролетариат явится той общественной силой, которая должна преобразовать общество и осуществить построение социализма. „Задача болгарского социализма, — писал Благоев в этой брошюре, — заключается в том, чтобы разъяснить рабочим, народу законы исторического развития и то, куда они ведут; развить классовое сознание рабочих и сознание их роли как общественного класса, развить вообще у нас сознание того, что мы идем к социализму“.

В своей борьбе против народников в Болгарии Благоев и его соратники находили мощную поддержку, вначале со стороны Плеха-

¹ „Отечествен фронт“, 1948. Доклад В. Коларова о Благоеве.

² Там же.

нова, а позже со стороны Ленина, гениальные труды которого широко использовались болгарскими марксистами.

Неоценимой заслугой Благоева является и то, что уже в ту раннюю эпоху, когда болгарский пролетариат был еще крайне малочислен, он поставил вопрос о необходимости соединения в Болгарии рабочего движения с социализмом, о создании самостоятельной политической партии рабочего класса. Под руководством Благоева в 1891 г. была основана Болгарская социал-демократическая партия. „Первый период со времени основания партии в 1891 году — до 1903 года, — говорил Г. М. Димитров, — характеризуется усиленной и упорной пропагандой социалистических идей и непрестанной борьбой с буржуазными и мелкобуржуазными идеологами, отрицающими возможность социалистического движения при существовавших тогда еще неразвитых общественных отношениях. Нужно было доказать, что и в Болгарии, при наступившем в ней капиталистическом развитии, есть почва для развития социализма, носителем которого является зарождающийся рабочий класс, что этому классу принадлежит будущее и что у него должна быть своя самостоятельная политическая партия. В связи с этим все более разгоралась внутренняя партийная борьба между революционным марксистским течением во главе с Дмитрием Благоевым, с одной стороны, и реформистским движением общедельцев во главе с Янко Сакызовым, с другой“.¹

Эта борьба велась по всем линиям — теоретической, политической и организационной. Благодаря колоссальной энергии и непреклонной воле Благоева и его ближайших соратников — Георгия Киркова и Гаврила Георгиева — она закончилась разгромом позиций болгарских оппортунистов. Эта победа революционного марксизма во главе с Благоевым была закреплена в 1903 г., когда партия очистилась от так называемых „широких социалистов“, отстаивавших классовое сотрудничество, „общее дело производительных слоев“, включая торгово-промышленные слои буржуазии, и отсюда получивших также название „общедельцев“. Раскол социал-демократической партии в 1903 г. и образование самостоятельной партии тесняков, отстаивавших революционный марксизм и самостоятельную классовую политику партии пролетариата, был победой марксизма над оппортунизмом и обеспечил самостоятельное развитие рабочего класса и непримиримую борьбу его против господствующего класса буржуазии. В дальнейшем это обстоятельство в огромной степени облегчило партии путь большевизации.

Находясь во главе тесняков, Дмитрий Благоев воспитал и выпестовал целую плеяду революционных борцов, до конца преданных делу партии и рабочего класса. Лучшие из них — Георгий Димитров, Василь Коларов и многие другие — еще при жизни Благоева стали его ближайшими помощниками и приняли из его рук славное знамя Болгарской Компартии.

Будучи истинным болгарским патриотом, Благоев в течение всей своей жизни вел непримиримую борьбу против монархизма, великоболгарского шовинизма и буржуазного национализма. Он связывал любовь к своей родине и борьбу за ее свободу и национальную

¹ Георгий Димитров. Политический отчет ЦК на V съезде БРП(к). София, 1948, стр. 9.

независимость с преданностью делу освобождения пролетариата других стран. Благоев был великим борцом за установление доверия и сближения между народами, в частности между балканскими народами, за освобождение балканских народов от капиталистического рабства, за их дружбу.

С особой силой интернационализм Благоева проявился во время балканских войн и первой мировой войны. В своих многочисленных выступлениях в печати, в парламенте и на собраниях Благоев доказывал, что националистическая, завоевательная политика буржуазии и монархизма, иностранного империализма разъединяет и взаимно обессиливает балканские государства. Он показывал, что эта грабительская политика заставляет балканскую буржуазию искать помощи у великих империалистических держав, заключать с ними кабальные сделки и тем самым ставит балканские государства в зависимость от крупных капиталистических хищников. Буржуазному национализму, политике вражды и междоусобных войн Благоев противопоставлял необходимость братского сотрудничества балканских народов, необходимость балканской демократической федерации. Благоев явился инициатором и вдохновителем балканских социалистических конференций, созданных в 1910 и 1915 гг.

Характеризуя в журнале „Ново време“ первую мировую войну как войну империалистическую и захватническую, Благоев со всей непримиримостью революционера обрушился на лидеров Второго Интернационала, вставших на защиту своих империалистических правительств и превратившихся в социал-шовинистов.

Благоев смело и последовательно боролся против захватнической политики германского империализма на Балканах. Выступая 10 декабря 1917 г. в болгарском Народном собрании, он гневно разоблачил преступную политику правящей капиталистической клики, превратившей Болгарию в колонию немецкого империализма. Подчеркнув, что болгарский капитализм оказался неспособным толкнуть вперед развитие производительных сил страны, а лишь подчинил ее иностранному империализму, Благоев указывал на необходимость свержения монархии и создания народной республики.

Касаясь политики руководимой Благоевым партии тесняков, Ленин отмечал, что тесняки заняли во время войны революционную и интернационалистическую позицию.

Ленин характеризовал партию тесняков как действительно рабочую, действительно революционную социал-демократическую партию.¹

Благоев в течение всей своей жизни вел громадную литературную и журналистскую работу, борясь с многочисленными врагами социализма, отстаивая чистоту учения Маркса. Еще в 1884 г. он редактировал газету „Рабочий“ в Петербурге, в 1885 г. — журнал „Современный показатель“, в 1892—1894 гг. — газету „Работник“; позже он самым активным образом сотрудничал в органе партии „Работнически вестник“. Величайшей заслугой Благоева перед болгарским рабочим движением было основание и редактирование им в течение 25 лет (1897—1923) научно-теоретического органа партии журнала „Ново време“.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 212, 217; т. 21, стр. 298 и др.

Благоеву принадлежит ряд научных и исторических исследований. Наиболее важные из них: „Наши апостолы“, „Что такое социализм и имеет ли он почву у нас?“, „Социализм и рабочий вопрос в Болгарии“, „Сельское хозяйство или индустрия?“, „Общественно-литературные вопросы“, „Из истории социализма в Болгарии“, „К марксизму“, „Из истории русской революции“ и др.

Оценивая великие заслуги Благоева перед болгарским рабочим движением, следует отметить, что он далеко не по всем вопросам стоял на ленинских позициях.

Анализируя тесняцкий период развития партии, тов. Димитров указывал, что ошибочные взгляды тесняков долгое время задерживали партию на позициях старого марксизма и помешали ей своевременно воспринять то новое в марксизме, что внес гениальный Ленин, исходя из новых условий, созданных в эпоху империализма. „Надо со всей ясностью подчеркнуть, — указывал Георгий Димитров, — что „тесный социализм“ не стоял на ленинских позициях ни по одному из вопросов, разработанных и внесенных Лениным в сокровищницу марксизма как его продолжение применительно к эпохе империализма... Он был совершенно чужд обоснованным Лениным новым существенным моментам марксистской теории о пролетарской революции — о руководящей роли рабочего класса в буржуазно-демократической революции, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую революцию, о вооруженном восстании. Поэтому, несмотря на то, что наша партия непрестанно пропагандировала идею социалистической революции, несмотря на то, что она указывала на эту революцию как на единственный спасительный для трудящихся выход, у нашей партии не было ясного представления по основным вопросам этой революции. Она не ставила своей задачей разработку вопросов о конкретных способах осуществления революции у нас в Болгарии, о ее главных движущих силах, о роли рабочего класса и партии в революции. Она не ставила вопроса о союзниках рабочего класса“.¹

Все это привело к ошибочной и неправильной политике партии во время Владайского солдатского восстания в 1918 г. и военно-фашистского переворота 9 июня 1923 г.

Чтобы стать партией нового типа, марксистско-ленинской партией, партии тесняков пришлось пройти длительный процесс большевизации. Окончательный переход партии с позиций теснячества на позиции ленинизма осуществлялся уже без Благоева, под руководством его лучших учеников и прежде всего испытанного вождя Болгарской компартии Георгия Михайловича Димитрова. Успех этого перехода в значительной степени был подготовлен и обеспечен силой тех революционных традиций, которые выковал Благоев и которым он отдал свою славную жизнь.

„Если болгарский „тесный социализм“, в отличие от других левых течений в социал-демократических партиях Второго Интернационала, развился и оформился как родственное, а не враждебное большевизму (марксизму — ленинизму) марксистское течение, — говорил Георгий Димитров, — этим мы целиком и полностью обязаны великому учителю

¹ Георгий Димитров. Политический отчет ЦК на V съезде БРП(к), стр. 15.

и вождю Дмитрию Благоеву, его острому теоретическому глазу, его глубокой проницательности, его непримиримости ко всем извращениям марксизма, его беспредельной преданности рабочему классу и его непоколебимой вере в силу трудящегося народа“.¹

Еще при жизни Благоева, под могучим воздействием Великой Октябрьской социалистической революции и великого учения Ленина—Сталина, партия тесняков встала на путь большевизации. В 1919 г. тесняки объявляют себя Коммунистической партией Болгарии и под руководством большевистской партии принимают участие в основании Коммунистического Интернационала. Решительным толчком к дальнейшей большевизации партии были также уроки сентябрьского восстания 1923 г. Открытое признание и критика Благоевым ошибки партии, совершенной 9 июня 1923 г., когда она заняла позицию нейтралитета во время фашистского переворота против правительства Стамболийского, а также то, что он горячо одобрил решение ЦК партии о подготовке сентябрьского восстания и руководстве им, сыграли важную роль в деле перестройки партии в духе большевизма.

Овладевая теорией и практикой большевизма, партия отходит от прежних ошибочных взглядов на крестьянство и правильно разрешает вопрос о союзниках пролетариата, проводит тактику единого фронта с Земледельческим союзом в борьбе против фашизма и реакции во время сентябрьского восстания 1923 г.

Дмитрий Благоев воспитывал партию и болгарский рабочий класс в духе верности и преданности Советской стране, ясно понимая, что победа социализма в СССР и укрепление страны Советов способствуют усилению международного рабочего движения и приближают час освобождения трудящихся всего мира, победу социализма и в Болгарии.

В речи, произнесенной в 1935 г. по случаю 11-й годовщины со дня смерти Дмитрия Благоева, Георгий Димитров следующим образом подвел итоги его боевого пути:

„Если бы мы хотели в самых кратких словах охарактеризовать боевой путь Благоева, мы могли бы в хронологическом порядке сказать:

Благоев начал свою революционную работу еще в юношеские годы в национально-революционном движении в Константинополе.

Благоев в России преодолевает влияние народничества, делает первые шаги по пути к научному социализму, создает первую рабочую социал-демократическую группу в Петербурге.

Благоев становится в Болгарии организатором и вождем классовой партии болгарского пролетариата и крупнейшим учеником Маркса в Болгарии и на Балканах.

Благоев постепенно изживает свои различия с большевизмом по основным вопросам революции и переходит на ленинские позиции.

Благоев умирает как последовательный приверженец Ленина и борец Коминтерна.

Весь путь Благоева на протяжении 40 лет — это путь развития революционного движения болгарского пролетариата.

Под руководством Благоева наша партия в Болгарии еще во время войны порвала со Вторым социал-демократическим Интернационалом.

¹ Георги Димитров. Речь, доклады, статьи. София, 1947, т. III, стр. 65—66.

Под руководством Благоева наша партия постепенно сближается с русскими большевиками.

Во главе с Благоевым наша партия становится, вместе с русскими большевиками и под их руководством, сооснователем Коминтерна¹.

О величии дела Благоева мы судим не только по тому, что совершила непосредственно под его руководством созданная и воспитанная им Болгарская коммунистическая партия, но и по тому, что эта партия проделала после его смерти, под руководством его учеников. Партия Благоева, под водительством достойного его ученика и соратника, ученика Ленина и Сталина — Георгия Димитрова, усваивая опыт большевистской партии и критически используя свой собственный опыт, развивалась и идейно закалялась в духе ленинизма. „Она, — говорит тов. Димитров, — утвердилась как марксистско-ленинская партия, как организованный передовой и сознательный отряд рабочего класса, как партия нового типа, способная организовать и повести рабочий класс на решительную борьбу, способная организовать и руководить боевым союзом рабочего класса с остальными слоями трудящихся сел и городов, способная свергнуть свирепую фашистскую диктатуру и взять в свои руки судьбу страны с твердой решимостью довести ее до победы социализма, до полного торжества коммунизма“².

Закаленная в классовых боях Болгарская коммунистическая партия, партия Благоева — Димитрова, возглавила борьбу болгарского народа против фашизма и реакции, за свободу, демократию и независимость страны. Она стала инициатором и организатором руководимого рабочим классом Отечественного фронта, под знаменем которого сплотились все демократические силы, все подлинно антифашистские организации страны. В результате победы руководимого Болгарской коммунистической партией восстания 9 сентября 1944 года — победы, достигнутой благодаря всемирно-историческим заслугам Советской Армии, разгромившей фашистскую Германию и ее приспешников, — политическая власть в Болгарии была вырвана из рук буржуазии и перешла в руки подавляющего большинства народа — трудящихся города и деревни.

В нынешней народно-демократической Болгарии покончено с господством капитализма. Благодаря последовательной и твердой политике возглавленного Георгием Димитровым народного правительства Болгария, опираясь на активную помощь Союза Советских Социалистических Республик и поддержку стран народной демократии, смогла полностью освободиться от оков иностранной империалистической эксплуатации. У эксплуататорских классов Болгарии в условиях ожесточенной классовой борьбы были вырваны командные экономические позиции и созданы благоприятные условия для перехода страны на путь построения социализма. При этом народно-демократическая Болгария всесторонне использует опыт и братскую помощь Советского Союза — великой страны победившего социализма.

На наших глазах народно-демократическая Болгария под руководством коммунистической партии превращается из страны отсталой, зависимой, в страну, успешно строящую основы нового, светлого социалистического общества.

¹ „Правда“, май 1935 г.

² Георгий Димитров. Политический отчет ЦК на V съезде БРП(к), стр. 6.

Д. Ф. Марков

ОБ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ Д. Н. БЛАГОВЕВА¹

Научно-теоретическое наследие Благодеева еще далеко не полностью освоено. Фашисты преследовали выдающегося поборника социализма при его жизни, они глумились над его именем и после смерти. И чем больше росла любовь народа к Благодееву, тем острее становилась ненависть фашистов; они ликовали в минуту тяжелого народного горя, когда 7 мая 1924 г. угасла жизнь замечательного борца. Но их злорадство очень скоро сменилось страхом: в скорбный час похорон, чтобы проводить славного „Дядю“ в последний путь, несмотря на запреты полиции, вышла вся трудящаяся София, и фашисты увидели, что Благодеев продолжал жить. Этой жизни им не удалось убить, как нельзя убить жизнь народа. Но правящая верхушка совершала свое мерзкое дело: она уничтожала произведения Благодеева, грубой силой полицейского аппарата жестоко преследовала чествование его, наложилла запрет на издание его произведений и тем самым на долгие годы лишила болгарский народ возможности свободно пользоваться богатейшим наследием великого революционера-теоретика.

В условиях современной демократической Болгарии ведется большая плодотворная работа по собиранию всего написанного Благодеевым, с тем чтобы осуществить издание полного собрания его сочинений. Эту задачу поставил перед болгарской научной общественностью Г. М. Димитров, который высоко оценил значение трудов Благодеева. „Богатое научно-литературное наследство, как и вся жизнь Дмитрия Благодеева, — писал Г. Димитров, — является неисчерпаемым источником воспитания партийных кадров, членов партии и всех подлинных болгарских патриотов теперешней эпохи Отечественного фронта, который определяет будущее нашей родины“.²

Перед советскими славистами и перед марксистскими литературоведами Болгарии стоит неотложная задача — глубоко изучить произведения Благодеева и помочь освоению его богатого наследия, которое буржуазные теоретики пытались принизить и всячески оклеветать как при жизни Благодеева, так и после его смерти. К сожалению, и в наши дни встречаются „труды“, в которых облик Благодеева совершенно

¹ Доклад на научной сессии Института славяноведения АН СССР в январе 1949 г., посвященной 25-летию со дня смерти Д. Благодеева.

² „Работническо дело“, № 206, 19 мая 1945 г.

извращен. В книге Ивана Радославова, например, „Българска литература“, изданной в 1947 г., есть резкие выпады против марксизма вообще и Благоева, в частности. Радославов делает отчаянные попытки доказать, что марксистская критика „не могла дать ничего оригинального“, что критика Благоева не научна. Причина радославовских раздражительных выкриков в том, что критика Благоева своим острием направлена против идеалистической эстетики, против формализма, приверженцем которого является Иван Радославов.

Теоретическая деятельность Благоева многогранна: он историк и экономист, революционный публицист и литературный критик, философ и теоретик искусства. Из всех названных областей деятельности Благоева наименее изучена его эстетика.

Эстетические взгляды Благоева неотделимы от всей его общественно-политической деятельности, которая началась в условиях огромного общественного подъема. Ко времени вступления Благоева в политическую жизнь болгарская революционная мысль имела своих выдающихся представителей в лице Христо Ботева и Василия Левского. Сознание революционного борца пробудилось в Благоеве еще в пору национально-освободительного движения, участником которого он был. Революционные песни и статьи бессмертного Христо Ботева были первой школой его эстетического воспитания.

Но Благоев пошел дальше Ботева, он поднял литературно-теоретическую мысль на новую, высшую ступень. Что же нового в болгарскую эстетическую мысль внес Благоев и чем обусловлены его эстетические взгляды? Вопрос этот самым непосредственным образом связан с вопросом о мировоззрении Д. Благоева.

Д. Н. Благоев выступил как идеолог пролетариата — единственного до конца революционного класса. Его мировоззрением был научный социализм — марксизм. К глубокому осознанию исторической миссии рабочего класса как могильщика капитализма Благоев пришел в 1880—1885 гг. — в период своего пребывания в России.

Благоев высоко ценил русскую революционную мысль. Он изучил Белинского, Чернышевского, Добролюбова и стал их последователем в области эстетики. Материалистический принцип во взгляде на искусство, научно обоснованный Чернышевским, был горячо воспринят Благоевым и последовательно им защищаем. Высказывания русских революционных демократов о высоком общественном назначении искусства, о реализме и народности широко использованы и развиты Благоевым в его литературно-критической деятельности.

Благоеву были широко известны литературно-критические труды Плеханова. Плеханов разоблачал идеализм и вел борьбу за материалистическое понимание истории; он раскрыл социальный генезис и функцию русского декадентства как поэзии духовного распада буржуазии.

Редактировавшийся Благоевым журнал „Ново време“ не раз помещал на своих страницах статьи Плеханова. Так, в 1900 г. из номера в номер печатались „Письма без адреса“ А. Кирсанова (псевдоним Плеханова) под общим заглавием „Искусство с материалистической точки зрения“.¹

¹ „Ново време“, 1900, кн. 5, 6, 7, 8, 10.

Благоев подверг критике болгарское народничество, боролся против идеалистических теорий, отстаивая материализм в философии и эстетике, вскрыл социальные корни и сущность болгарского декаданса. Знакомство с плехановскими работами во всей этой деятельности Благоева сыграло свою положительную роль.

Глубоко усвоенная теория Маркса дала Благоеву неодолимую силу ясновидения при анализе общественных явлений. Вопросы литературы Благоев стремился решать в духе мировоззрения научного социализма, стремился подвести под эстетическую теорию прочный фундамент марксистской философии. В предисловии к своей книге „Общественно-литературни въпроси“ он так определяет свою задачу: „Все мои статьи являются плодом моих стремлений приложить к различным общественно-литературным вопросам социалистическую точку зрения и объяснить их с этой точки зрения“.¹

В своих статьях о болгарской литературе Благоев первый в Болгарии применил к искусству основной тезис исторического материализма Маркса о решающем значении материальных условий в жизни общества; литература является художественным выражением этих условий, она зависит от них. Искусство определяется Благоевым как мышление в образах, как художественное воспроизведение действительности. „В подлинных художественных произведениях, — пишет Благоев, — выражается в художественных образах и картинах умственное и общественное состояние данного народа в данное время“.²

Рассматривая литературу как особую форму идеологии, Благоев ищет в ней отражение реальной общественной жизни. Он глубоко убежден, что талантливые художественные произведения должны верно представлять ведущую тенденцию исторического развития. Чем глубже проникновение в сущность общественных явлений, тем значительнее произведение, тем выше его познавательная ценность. Художественная литература должна верно изображать эпоху; ее задача состоит в том, чтобы не беспорядочно регистрировать, а „объяснять причинную связь явлений в жизни“ — говорит Благоев.³ Художественное произведение выступает, таким образом, как специфическая форма познания действительности.

Глубокую мысль Маркса об искусстве как о „художественном освоении мира“ Благоев блестяще развил в своих литературно-критических статьях. В статье „Разложение старых основ народной жизни“ он подвергает анализу рассказы Веселина-Влайкова „За чича Стайка“ („О дядюшке Стайко“), „Ратай“ („Батрак“) и видит их главное достоинство в том, что в них правдиво изображено общественно-экономическое развитие Болгарии в период первых лет после освобождения от турецкого ига. Период этот характеризуется тем, что под влиянием капитализма разрушались основы патриархальной экономики болгарского села. Благоев видит черты реализма в рассказах Влайкова именно в том, что в них художественно воспроизведен этот реальный процесс „полного разрушения старых основ — коренной переворот в ремесле и жизни земледельческого населения, общее разорение и увеличение земледельческого пролетариата“.⁴

¹ Д. Благоев. *Общественно-литературни въпроси*. Пловдив, 1901.

² Там же, стр. 189.

³ „Ново време“, 1897, кн. 1, стр. 100.

⁴ Д. Благоев. *Ук. соч.*, стр. 8.

Исходя из основного тезиса о зависимости литературы от условий общественно-экономической жизни, Благоев еще в 1897 г. дал глубокое, сохранившее и по настоящее время свою силу, истолкование творчества Алеко Константинова и, прежде всего, образа Бай Ганю. Он дает высокую оценку произведениям этого писателя, в которых, в соответствии с исторической правдой, изображен процесс первоначального накопления капитала.

Первоначальное накопление в Болгарии началось в пору, когда западноевропейский капитализм вступил в последнюю стадию своего развития — в фазу империализма. На фоне „модернизированной“ Европы примитивно выглядит простоватая фигура константиновского Бай Ганю, продающего розовое масло на европейских рынках. „Хората пара натрупах“ (люди денегу сколотили), — говорит он с завистью и не останавливается ни перед чем, чтобы добиться обогащения. Благоев характеризует Бай Ганю как «смесь старой простаковщины и мещанской наивности с нахальством новых рыцарей, которые путем ростовщичества и грабежа среди бела дня, под защитой законов и власти, путем мелких и крупных гешефтов и спекуляции почувствовали в своих мошнях силу „капиталеца“».¹

Деятельность Благоева падает на эпоху, когда борьба между двумя антагонистическими классами — буржуазией и пролетариатом, — все более и более обостряясь, определяла собой общее содержание и направление общественной жизни Болгарии. Благоев ясно видел отражение этой борьбы в литературе и много поработал над тем, чтобы обосновать принцип классовости искусства. Он показал связь литературы с интересами различных классов. Учение о классовом характере искусства в антагонистическом обществе составляет главное ядро эстетических воззрений Благоева. Это было то новое, что знаменовало дальнейшее развитие болгарской эстетической мысли после Ботева.

Благоев показывает несостоятельность всяких теорий о бесклассовости искусства. Он осуждает статьи Антона Страшимирова, который, как известно, не только защищал тогда поэта-декадента Кирилла Христова, но и пытался представить его эротические стихи, как выражение насущной потребности народа. Страшимиров пытался говорить о народе вообще, без учета классовой дифференциации. Он говорил об общей „жизнерадостности народа“, об „общеполитической физиономии“ и т. д.

Благоев с возмущением писал по поводу этого: „В последние годы разделение нашего народа на две экономические категории обозначилось настолько, что его могут отрицать только люди, которые путешествуют на Парнас, а здесь, на земле, вмешиваются в трапезу буржуазной державы с единственной целью предаваться эротике“.²

Со всей ясностью Благоев подчеркивал, что в обществе, разделенном на классы, мнения и желания людей, их культура носят ярко выраженный классовый характер. В капиталистическом обществе, говорил Благоев, есть два основных класса и в соответствии с этим — две литературы. „Если есть разделение на классы, — писал он, — то

¹ „Ново време“, 1897, кн. 1, стр. 99.

² Д. Благоев. Ук. соч., стр. 166.

6 Ученые записки, том II.

естественно, что каждый из этих классов имеет своих идеологов и певцов. Буржуазия имеет своих, а рабочий класс — своих".¹

Выступая как идеолог рабочего класса, Благоев был непримирим к врагам и воспитывал кадры своей партии в духе классовой непримиримости. „Класс против класса — это был лозунг, это был девиз, это была линия Благоева и болгарского теснячества“,² — так характеризует Георгий Димитров своего учителя, воинствующего защитника идей социализма.

Эту линию последовательно проводил Благоев во всех областях своей деятельности. Он был открытым и беспощадным врагом буржуазной идеологии. Его литературно-критические работы — пример доблестной борьбы против всех и всяческих разновидностей идеализма и реакции.

Для того чтобы полнее представить роль Благоева в общем процессе литературно-теоретической борьбы той поры, необходимо напомнить, что это было время неприкрытой реакции. Буржуазия в Болгарии зародилась позже, чем в других странах, потому что развитие капитализма было задержано условиями чужеземного феодального гнета. Но уже начальный период развития болгарского капитализма обозначен печатью империалистической реакционности. Болгарская буржуазия сразу вступила в борьбу со своим могильщиком — пролетариатом. Она жила лютой ненавистью к рабочему движению, которое все более ширилось и укреплялось.

Это нашло свое прямое отражение в области искусства. В 90-х годах XIX в. резко определились два литературных лагеря: революционно-пролетарский во главе с Д. Благоевым, Г. Кирковым, с одной стороны, и реакционно-буржуазный во главе с Крыстевым-Миролюбовым и Пенчо Славейковым — с другой. Благоев сотрудничал в журналах „Ден“, „Дело“, а с 1897 г. стал редактором журнала „Ново време“, Крыстев издавал журнал „Мисъл“. Литературная борьба между журналами „Ново време“ и „Мисъл“ является идеологическим выражением острой борьбы между пролетариатом и буржуазией.

Буржуазия породила литературный декаданс. Лишенная исторической перспективы, она противопоставила себя всему прогрессивному. „Буржуазия Европы, — писал В. И. Ленин, — испуганная силой рабочего движения, бросилась в объятия реакции, военщины, поповщины и мракобесия“.³ Эта ленинская характеристика буржуазии периода империализма относится и к Болгарии. Болгарская буржуазия также „бросилась в объятия реакции“: она объявила поход против материализма в философии, против реализма в искусстве, возродила субъективный идеализм, подняла на щит пресловутую теорию „искусства ради искусства“.

Крыстев и Пенчо Славейков были открытыми врагами социализма. Славейков писал о „социалистическом кошмаре“,⁴ а Крыстев считал социализм таким течением, которое навеяно чужими книгами и странами и не имеет никакой почвы в Болгарии.

Враги социализма Крыстев и Славейков были создателями болгарского декаданса, того антиреалистического литературного течения, которое причинило большой вред болгарской литературе.

¹ Д. Благоев. Ук. соч., стр. 167.

² Г. Димитров. За поврат в партията. София, 1945, стр. 9—10.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 66.

⁴ Пенчо Славейков. Съчинения, т. VI, ч. II, стр. 177.

Эстетические взгляды Крыстева и Пенчо Славейкова сформировались в значительной степени под влиянием немецких философско-литературных теорий. Это было время, когда Германия боролась за свое экономическое влияние в Болгарии, что сопровождалось борьбой и за влияние идеологическое.

Славейков считает, что изображение реальной жизни не входит в задачи поэта; он оправдывает поэта, который „набрасывает туман на сущность вещей и этим уносит нас в новый мир, в таинственное царство символов“.¹

Оба они, Крыстев и Славейков, получили образование в Лейпциге. Ученики Вильгельма Вунда и Вольфелта, Славейков и Крыстев были приверженцами идеалистической эстетики. С позиций философского идеализма Крыстев утверждает: „Объективная действительность не существует ни для кого из нас“.² Искусство, по мнению Крыстева, не находится ни в каком отношении к реальной действительности. Оно представляет собой „произвольную и фантастическую игру фактов, лишенных всякого объективного значения“. Крыстев считал, что содержанием искусства должна быть „не действительность, а иллюзия“.³

Эти свои мысли Крыстев развивает в статье „О тенденции и тенденциозной литературе“. Сторонник „вечных идей“ и враг „непосредственных интересов дня“, он выступает здесь против всякой направленности, ополчается против влияния русского идейного романа и выдвигает принцип „чистого искусства“. В своих статьях Крыстев выступает, по верной характеристике Горького, как «эстет, индивидуалист и основоположник „модернизма“ в болгарской литературе».⁴

Славейков выступил как проводник ницшеанских идей о сверхчеловеке, как враг света и человеческого разума. В поэме „Симфония безнадежности“ Славейков проклял Прометея за то, что он взял с неба огонь, осветил мрак и родил сознание. „Защо не ме остави, Прометее, в мрак?“ — спрашивает поэт. Эти слова звучат как бунт против рожденного сознания, освещающего путь исторического развития, перед которым буржуазный интеллигент в ужасе закрывает глаза: лучше мрак, чем неизбежность будущей гибели. «Славейков, — говорил Горький, — мог создать только „Симфонию безнадежности“, заставив „Дух человеческий“ проклясть Прометея за его „роковой“ дар людям».⁵ Влияние великого апостола болгарской революции Х. Ботева Славейков считал „разрушительным“, а революционную эмиграцию злобно именует „сборищем шарлатанов“.⁶

Крыстев называл поэзию Пенчо Славейкова „высшей духовной мощью“, — творчество Славейкова подтверждало теоретические рассуждения Крыстева. Журнал „Мисъл“ в 90-х годах XIX и в начале XX в. был рупором буржуазно-реакционной идеологии в области литературы. Именно Д. Благоев говорил, что около этого журнала „вертится, сотрудничает и редакторствует цвет нашей буржуазной интеллигенции“.⁷ Поэтому острие своей критики Благоев направляет против

¹ П. Славейков. Събрани съчинения, София, 1925, т. 7, стр. 180.

² „Мисъл“, год IX, стр. 115.

³ „Мисъл“, София, 1903, кн. 2, стр. 152.

⁴ М. Горький. Статьи. 1905—1916. Кн-во „Парус“, Пг., 1918, стр. 120.

⁵ Там же, стр. 123.

⁶ П. Славейков. Събрани съчинения, т. 6, кн. I, стр. 18.

⁷ „Ново време“, 1900, стр. 213.

журнала „Мисъл“ и его редактора Крыстева, который выступал в роли теоретика литературы.

В то время как буржуазная интеллигенция Болгарии, поддержанная ее правящими кругами, была связана с реакционной идеологией Запада, передовые общественные деятели Болгарии находились под влиянием русской прогрессивной мысли. Болгарской буржуазии близки были реакционно-идеалистические теории Запада и, разумеется, ненавистна социалистическая революционная мысль. Поэтому она, используя силу официальной власти, насаждала реакцию и боролась против всего прогрессивно-революционного. Этому содействовал ставленник германского империализма царь Фердинанд, который приложил немало усилий, чтобы не допустить русское влияние и всячески помогал проникновению немецкого буржуазного влияния.

Политика Фердинанда, рассчитанная на изоляцию Болгарии от России, была явно противонародной, реакционной политикой: она отражала страх болгарской буржуазии перед русским революционным движением, которое переживало тогда период огромного подъема. Еще в 1882 г. в предисловии к русскому изданию „Коммунистического Манифеста“ Маркс и Энгельс писали: „Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе“.¹ Характеризуя положение к началу XX в., И. В. Сталин говорил: „... центр революционного движения должен был переместиться в Россию“.²

С передовой Россией был связан многочисленными нитями Д. Благоев, высоко ценивший русскую прогрессивную общественную мысль. Связь с революционной Россией помогла ему стать самым выдающимся революционером и мыслителем в Болгарии и на Балканах. Благоев был лучшим представителем болгарского народа, и его отношение к передовой России характеризует отношение всего болгарского народа.

Вооруженный марксистской теорией, Благоев с железной логикой и последовательностью разбил реакционные взгляды эстетствующих критиков из круга „Мысли“, дал глубоко верное истолкование литературного процесса и места в нем отдельных писателей.

Благоев раскрыл, прежде всего, идеалистическую основу эстетики Крыстева и противопоставил ей принципы материализма. Он показал, что творения писателя являются художественным воспроизведением объективного мира. Отсюда вытекает требование Благоева к художественному произведению: „образы и картины, которые его составляют, — пишет он, — должны быть верны действительности“.³

Верность действительности понимается Благоевым не как эмпирическое нагромождение фактов, не как простое фотографирование частных случаев в жизни (что неизбежно ведет к натурализму), а как обобщенное образное выражение ведущих тенденций общественного развития. Благоев развивает и отстаивает в своих статьях убеждение, что объектом литературы могут быть „только те явления и комбинации явлений, которые характерны, которые выражают общее состояние и могут быть верными образами действительности“.⁴

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 601.

² И. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е, 1939, стр. 7.

³ Д. Благоев. Ук. соч., стр. 189.

⁴ Там же.

С этой точки зрения он подвергает критике произведения Петко Тодорова и особенно резко критикует роман Страшимирова „Смутно време“, далекий от жизненной правды. „Роман „Смутно време“, — пишет Благоев, — рисует один эпизод, одну мелодраму... и рисует в таких бледных картинах, которые дают самое незначительное представление об этой эпохе, о борьбе и о том социально-политическом состоянии Болгарии, которое произвело столько резких перемен“.¹

Отбор фактов и типизация явлений требуют большого напряжения мысли. В связи с этим Благоев ставит вопрос о мировоззрении писателя. Он показывает несостоятельность теории интуиции, бессознательности Крыстева, который писал, что в творческой деятельности художника „инстинкт и непосредственный иррациональный импульс заменяют мысль“ и что вообще областью поэта является будто бы „наивное творчество, где инстинкт — всё, рассудок — ничто“.²

Рассматривая художественное творчество как глубокий мыслительный процесс, Благоев говорит, что писатель должен быть „развитой личностью, стоящей на уровне философских движений своего времени“.³

В борьбе с эстетамы, выдвигавшими на первый план силу интуиции и культ формы, Благоев неизменно отстаивал силу мысли, силу идейного содержания искусства. В своих статьях о Ботева: „Христо Ботев пред съда на „естетичните““ и „Христо Ботев като поет и журналист“ (о книге Д. Т. Страшимирова) Благоев глубоко верно раскрыл незабываемый облик великого борца за свободу. Он с присущей ему партийной страстностью беспощадно разоблачил „эстетов“, которые пытались извратить подлинное значение поэзии Ботева. Страшимиров, например, со злобной иронией называл демагогами и фанфаронами тех, кому был дорог Ботев за его идеалы, сам же он ценил у Ботева только язык, звучное слово.

Благоев, выступая против такого подхода к творчеству Ботева, говорит, что действительными демагогами и фанфаронами являются именно те, кто преклоняется перед красивым языком, перед звучным словом и не видит или не хочет видеть, что если бы Ботев написал не двадцать, а тысячу двадцать стихотворений, но без идейного содержания, он не был бы великим поэтом, и, „может быть, сидел бы в Болгарии и писал бы эстетствующие романсы „о черных глазах болгарских девиц“, „о белых подснежниках“, и о „горячих объятиях““.⁴

Анализируя ботевскую поэзию, Благоев высказал свои мысли об огромном идейном и воспитательном значении литературы. „Каждая из ботевских песен, — писал Благоев, — и каждая из его общественно-политических статей является живым импульсом. Каждая из них — это энергичная идейная агитация. Каждая из них говорит о чувствах гражданского долга, о долге к страждущей народной массе, о долге к обществу и человечеству. Величие ботевской поэзии и ее высокое воспитательное значение состоят именно в том, что она будит те

¹ „Ново време“, 1900, кн. 3, стр. 334.

² Цит. по статье: Д. Благоев. Громкий ответ. — „Ново време“, 1902, № 3, стр. 276.

³ Д. Благоев. Ук. соч., стр. 188.

⁴ Там же, стр. 48.

чувства, которые придают личности и ее действиям самую высокую моральную цену...¹

Подчеркивая идейное содержание литературы, Благоев говорил о необходимости выражения этого содержания в соответствующей ему форме. Напрасно критики типа Ивана Радославова пытались доказать, что вопросы формы не занимали Благоева. Форма художественных произведений всегда учитывалась Благоевым, и это исходило из глубокого понимания им специфики искусства, которое, по словам Благоева, „излагает факты и явления жизни, чувства, мысли и идеи, возбуждаемые фактами и явлениями, не в виде философских рассуждений и абстракций, а в живых образах и картинах“.² Но художественная форма рассматривалась Благоевым, не сама по себе, как это присуще эстетствующим критикам, а в прямой связи с содержанием произведения, с действительностью. Благоев боролся за высокохудожественные произведения, потому что степень влияния мысли, выраженной через образ, зависит от силы созданного образа. „Чем совершеннее форма произведения, тем больше его общественное значение“, — писал Благоев.³

Совершенство формы Благоев видел не в наборе витиевато-пышных, путанных слов, а в жизненной простоте, которая, как правило, является признаком большого таланта. В связи с этим он подвергал резкой критике уже упоминавшийся роман Страшимирова „Смутно време“ за его манерный, тяжелый язык. Свое знакомство с этим романом Благоев иронически называет подвигом, на который его обязал долг редактора — надо было дать свой отзыв о романе в журнале „Ново време“. Читая роман Страшимирова, Благоев, по его собственным словам, „испытывал точно такое неприятное ощущение, какое испытывают, когда ходят по месту, усыпанному разбитыми тарелками“.⁴ Благоев справедливо обличал Страшимирова в отсутствии должной психологической мотивировки поступков и поведения действующих лиц.

Критерием художественности Благоев считает глубину изображения действительности в соединении с простотой изобразительных средств. Эти требования Благоева вполне согласуются с его беспрестанной борьбой за реализм, за подлинно демократическое, народное искусство. В борьбе за реализм Благоев выступал против всякой проповеди безидейности искусства. Он отстаивал принцип идейной целеустремленности. Благоев считает идейную направленность обязательной для каждого произведения. Идейная целеустремленность может быть скрытой или явно выраженной, но она всегда есть. Высказывая эти мысли, Благоев обличал научную несостоятельность теории „чистого искусства“, которая как будто рекламирует „бестенденциозность“. На самом же деле теория „искусства ради искусства“, показывает Благоев, является реакционной буржуазной теорией, потому что она выдвигает принцип отрыва от действительности, изоляции литературы от общественной борьбы. „В этом принципе, — пишет Благоев, — заключается вреднейшая тенденция, которая является причиной того, что современные художники, опирающиеся на этот ограниченный клас-

¹ Д. Благоев. Общественно-литературни въпроси, стр. 80.

² „Ново време“, 1901, стр. 1283.

³ Там же, стр. 1287.

⁴ „Ново време“, 1900, кн. 3, стр. 330.

совый принцип, оказываются самыми бесплодными и их произведения — самыми безжизненными”.¹

Выраженная здесь Благоевым мысль глубоко верна; она имеет огромное значение для характеристики буржуазно-литературных течений и творчества отдельных писателей. На примере многих декадентов, ушедших в мир „чистого искусства“, можно наглядно убедиться в бесплодности и безжизненности этих принципов.

Говоря об идейной направленности, Благоев справедливо считает, что для глубины изображения проводимая писателем „тенденция“ не должна расходиться с направлением реального исторического развития. Если писатель глубоко понимает сущность общественного процесса, видит и отмечает то новое, что рождается и определяет дальнейшее развитие, он способен создать произведение огромного общественно-художественного значения. В этом именно смысле „самые великие художественные произведения тенденциозны“,² — писал Благоев.

Но „если тенденция не верна действительности, если она не согласна с истиной, она делает произведение фальшивым, в каких бы красивых формах и изящных словах оно ни было написано“.³ Формулируя эту свою мысль, Благоев, однако, не анализирует противоречивых социально-экономических условий эпохи, в силу чего дает одностороннюю оценку творчества отдельных писателей. Так, он отрицает художественную ценность романов И. Вазова „Под игото“ и „Нова земя“, рассказов и повестей Влайкова. С этой оценкой Благоева нельзя согласиться, но ее надо объяснить.

Свои мысли об идейной направленности литературы Благоев высказал в статье „Наша художественная литература“, написанной в начале 90-х годов и посвященной анализу произведений беллетриста-народника Тодора Влайкова. Это было время, когда борьба марксистов с реакционной идеологией народничества принимала самые острые формы. Отрицание народничеством закономерности развития капитализма и идеализация старых патриархальных устоев шли вразрез с тенденцией исторического развития. В этом состояла реакционность народнической теории. „Сражаясь с своей романтической, мелко-буржуазной точки зрения против капитализма, — говорил В. И. Ленин, — народник выбрасывает за борт всякий исторический реализм, сопоставляя всегда *действительность* капитализма с *вымыслом* до-капиталистических порядков“.⁴

Разгромить народничество — значило отстоять марксизм. Эту миссию выполнил в Болгарии Благоев. Он подверг беспощадной критике народнические взгляды в экономической, публицистической и художественной литературе.

Анализируя повесть Влайкова „Кметове“, рассказы „Среща“ и „Учител Миленков“, Благоев справедливо осуждал проводимую писателем тенденцию идеализации патриархальных устоев, как идущую вразрез с реальным развитием исторической действительности. Положительный герой повести, учитель Трайко, являющийся выразителем идеалов автора, беспрестанно думает о судьбе народа. Он возмущен

¹ Д. Благоев. Ук. соч., стр. 192.

² Там же, стр. 191.

³ Там же, стр. 193.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 484.

эксплуатацией и ограблением народных масс сельской буржуазией в лице Стайко Прангата, Дочо Войновски, Мдадена. Потерпев поражение в борьбе со своими противниками, Трайко приходит к выводу о необходимости просвещать народ, организовывать земледельческие кассы взаимопомощи. „Доброе старое время“ он противопоставляет капитализму.

Благовоев показывает, что Влайков не понимает хода экономического и общественного развития. Он не сознает неизбежности ломки старых вековых устоев под влиянием развития капитализма и не может осмыслить его в перспективе развития классовой борьбы. Поэтому он проводит антиисторическую тенденцию о необходимости сохранения самостоятельных мелких товаропроизводителей.

Отсутствие ясности в понимании общественного процесса безусловно снижало художественную ценность произведений Влайкова, и в этом с Благовоевым нельзя не согласиться. Но всестороннее ознакомление с творчеством писателя показывает, что в этих же произведениях Влайков реалистически нарисовал картины социальных бедствий народа, создал яркие, художественные образы грубых и жестоких сельских грабителей. Эта сторона его творчества имеет несомненное историко-познавательное значение. Резкие высказывания Благовоева о творчестве Влайкова объясняются, надо полагать, остротой борьбы с реакционной народнической идеологией. Благовоев признавал, что в произведениях Влайкова „встречаются и картины, верные действительности“.¹ Но направляя свое внимание главным образом на разгром народнических иллюзий, Благовоев не развил эти свои мысли.

Благовоев не дал также глубокого анализа противоречивости в произведениях Ивана Вазова. Резкость отрицательной оценки творчества Вазова находит объяснение в условиях политического момента. Известно, что в конце 80-х и в начале 90-х годов XIX столетия Болгария переживала период политического оформления социал-демократии. Представители буржуазных и либерально-народнических партий пытались доказать, что почвы для социализма в Болгарии нет, что социал-демократическое движение здесь невозможно и т. д. В острой политической борьбе надо было доказать обратное. „При встречах в Търново, — пишет Благовоев, — мы решили, что прежде всего надо ответить на вопрос: имеется ли в Болгарии почва для социализма“.²

С этой целью в 1891 г. Благовоев под псевдонимом Братанова издал свою брошюру „Що е социализм и има ли той почва у нас?“, которая была первым научным обоснованием социализма в Болгарии. Сам факт издания специальной брошюры свидетельствует об остроте поднятого вопроса. Благовоев вместе со своими соратниками подвергал уничтожающей критике всякие заявления о беспочвенности социализма в Болгарии.

Именно в этот момент (1889—1890) появился в печати роман И. Вазова „Под игото“, в котором автор, наряду с правдивым изображением эпохи 70-х годов, высказал свое резко отрицательное отношение к социализму. Устами Бойчо Огнянова Вазов говорит: „Что касается принципов социализма, которыми вы нас угощаете, то они не для нашего желудка. Болгарский здравый смысл их отбрасывает,

¹ Д. Благовоев. Ук. соч., стр. 228.

² Д. Благовоев. Принос към историята на социализма в България. София, 1949, стр. 139.

и они ни сейчас, ни когда бы то ни было не найдут почвы в Болгарии".¹

Подобного рода выпады Вазова против представителей ранней социалистической мысли, сделанные им в романе „Под игото“, а затем и в романе „Нова земя“ в момент напряженной борьбы за утверждение принципов социализма, явились главной причиной отрицательной оценки его творчества Благоевым.

Оценка эта, разумеется, односторонняя. Ее недостатки совершенно очевидны в свете ленинского учения о возможных глубоких противоречиях в творческом развитии писателей критического реализма. Это общее теоретическое оружие Ленин дал нам в своих классических статьях о Толстом. Ленин учил нас глубоко понимать противоречия писателя, выражающиеся одновременно и в его взглядах и в художественных произведениях как отражение реальных противоречий эпохи. Ленин учил умению видеть и учитывать слабые и сильные стороны в деятельности того или другого художника. В свете высказываний Ленина становятся ясными ошибки Благоева в его оценке деятельности Вазова. Несмотря на ошибочность взглядов, Вазов дал в своих произведениях, и прежде всего в романе „Под игото“, замечательные картины жизни и борьбы болгарского народа накануне освобождения, и это делает его крупнейшим представителем болгарского критического реализма.

Говоря об ошибках Благоева в оценке творчества некоторых болгарских писателей, необходимо сказать, что они в значительной степени отражают ошибки теснячества в области политики. Одной из основных ошибок, как известно, была недооценка тесняками роли союзников пролетариата в революционной борьбе. „Тесный“ социализм, — говорил Г. М. Димитров, — возводил в догму ряд марксистских положений, а потому партия впадала в сектантство, что затрудняло ее связь с широкими массами трудящихся. Так, например, проводя линию непримиримой борьбы с буржуазией как классом, правильно возражая против любых выборных коалиций с буржуазными партиями и „созидательной“ законодательной работы в буржуазном парламенте, партия провозгласила догмой самостоятельные действия, отрицала вообще какие бы то ни было соглашения с другими общественными и политическими группировками в любых условиях и, таким образом, сама себя изолировала. Нашей партии было чуждо ленинское учение о революционных компромиссах, без которых ни одна революционная партия не может успешно бороться и идти вперед".²

С этой ошибкой теснячества, надо полагать, связана и односторонность оценки Благоевым творчества отдельных писателей. Недооценкой Тодором Влайковым роли крестьянства в революции можно объяснить отношение к нему Благоева. Анализируя произведения Влайкова, Благоев говорит о крестьянстве постольку, поскольку оно является источником пополнения рядов пролетариата. Он высоко ценит те произведения Влайкова, в которых изображен процесс пролетаризации крестьянства („Ратай“ и др.). Но Благоев недооценивает силу крестьянского гнева, ненависти крестьян к эксплуататорам. Справедливо

¹ И. Вазов. Под игото. Киев, 1937, стр. 113.

² Георгий Димитров. Политический отчет ЦК на V съезде БРП (к). София, 1948, стр. 13.

осудив вредную тенденцию идеализации старых патриархальных нравов, Благоев ошибочно обходит изображение пассивного протеста крестьянских масс против власти буржуазных насильников (повесть „Кметове“ и др.).

Отмечая отличие теснячества от большевизма, Г. Димитров на V съезде БРП(к) говорил: „... тесный социализм не был свободен от известного преклонения перед стихийностью в рабочем движении. Он находился под влиянием социал-демократического понимания автоматического действия объективных общественных законов“.¹ Далее тов. Димитров говорит, что, живя мыслью о неизбежности революции в результате назревающих объективных условий, тесняки недооценивали величайшую роль социалистических идей, что приводило к отставанию и пассивности партии в момент острой классовой борьбы.

С этой ошибкой теснячества связана недооценка Благоевым роли литературной критики. Благоев склонен был свести роль критики к пассивному созерцанию, к объяснению литературных произведений; он недооценивал возможность влияния и активного воздействия критики на развитие искусства. „Само собой разумеется, — писал Благоев, — что критика не имеет цели учить писателей, как писать литературные произведения. Это зависит от дара и знаний писателя“.²

Выше мы говорили о близком знакомстве Благоева с работами Плеханова. Очень возможно, что некоторые благоевские формулировки навеяны ошибочными утверждениями Плеханова. Известно, что Плеханов сводил роль критики лишь к объяснению художественных произведений. „Научная эстетика, — писал Плеханов, — не дает искусству никаких предписаний; она не говорит ему: ты должен держаться таких-то и таких-то правил и приемов. Она ограничивается наблюдением над тем, как возникают различные правила и приемы, господствующие в различные исторические эпохи“.³

Необходимо отметить, что своей практической работой Благоев часто доказывал порочность своих формулировок. Так, например, он теоретически недооценивал роль передовых идей, однако в статьях о творчестве А. Страшимирова прямо ставил вопрос о роли передового мировоззрения, которое помогает писателю глубоко осмыслить общественный процесс, чтобы затем правдиво воссоздать его. Он говорит, что близость Страшимирова к социалистическим идеям помогла ему создать значительные произведения, в то время как отход от социализма привел к измельчанию, к творческому падению. Критикуя А. Страшимирова, который называет социализм „беспочвенным веянием“, Благоев писал: «Но несомненно, что именно социалистическое „веяние“ указало ему то здоровое реалистическое направление в беллетристике, которое открывает широкие горизонты для плодотворной полезной литературной деятельности».⁴

Благоев, как сказано выше, отрицал возможность влияния критики на развитие искусства. Он говорил, что „критика не имеет цели учить писателей“, а на практике терпеливо, старательно и умело учил. Он стремился в своих статьях не только объяснить произведения, но и указать писателю выход на правильный путь, прилагал усилия,

¹ Г. Димитров, Политический отчет ЦК на V съезде БРП(к), стр. 12.

² „Ново време“, 1900, кн. 9, стр. 1009.

³ Г. В. Плеханов. Соч., т. XIV, стр. 192.

⁴ Д. Благоев. Ук. соч., стр. 154—155.

чтобы вывести его на этот путь. Чтобы убедиться в этом, достаточно перечитать статьи о Тодоре Влайкове. После резкой критики здесь дана симптоматичная концовка, где Благоев говорит о том, что будущее писателя в его руках, что он может создать замечательные произведения. „И будем надеяться, — пишет Благоев, — что Влайков обратит внимание на недостатки в произведениях, рассмотренных нами, расширит свой кругозор, расширит свой масштаб...“¹ Эти слова Благоева звучат как совершенно очевидное желание видеть хорошие плоды воздействия своей критики на творческое развитие писателя.

Благоев учил писателей быть одновременно и художниками и политиками. Он решительно высказывался за высокую идейность художественной литературы, восставал против буржуазного объективизма. Писатель, по мнению Благоева, не должен быть „холодным наблюдателем событий“. Он обязан открыто выражать свое отношение к изображаемому, направлять, учить, мобилизовать, а не скрывать свое авторское лицо за панорамой выставленных образов. Благоев подвергал критике Веселина-Влайкова именно за то, что он не показывает своего отношения к изображаемому, не делает выводов и заключений, а предоставляет все это делать читателю. Благоев говорит о возможности и необходимости введения публицистического элемента в ткань художественного произведения. Благоев, таким образом, вплотную подошел к принципу партийности в литературе.

В литературе, как и в политике, Д. Н. Благоев был революционером, страстным борцом против буржуазной идеологии. В борьбе он иногда доходил до полемических крайностей в оценке творчества отдельных писателей, но частные ошибки не меняют общей системы его эстетических взглядов, основанных на материалистической философии. Огромной исторической заслугой Благоева является данная им глубоко верная характеристика общественно-литературного процесса в Болгарии конца XIX и начала XX в. На основании анализа борьбы пролетариата и буржуазии Благоев раскрыл социальную основу, сущность и перспективы развития литературы этих классов — декадентства и растущей социалистической литературы.

Благоев указал на почву, породившую декадентство. Он считает декадентскую литературу идеологией буржуазии периода ее упадка. Выражая верную мысль о том, что носителем прогрессивного искусства всегда в истории является класс восходящий, каким в определенные периоды может быть и буржуазия (и тогда она создает замечательные образцы искусства, о чем свидетельствует, например, буржуазный реалистический роман), Благоев говорит о творческом бесплодии класса буржуа в период империализма: „... когда она добивается господствующего положения, — пишет Благоев о буржуазии, — она постепенно отказывается от искусства, бросаясь в объятия декадентства, которое свидетельствует об ее упадке“.²

Резко отрицательное отношение Благоева к Пенчо Славейкову, Христову и вообще к декадентским литературным течениям, определяется классовой оценкой идеологии разлагающейся буржуазии. „Эротика К. Христова, — писал Благоев, — есть не что иное, как

¹ Д. Благоев. Ук. соч., стр. 229.

² Там же, стр. 183.

идеологическое выражение чувств того же класса [буржуазии] и ее сыновей и слуг".¹ Такая поэзия не имеет ничего общего с народом.

Глубокий анализ общественно-литературного процесса дан Благоевым в статье „Эротика и социализм“. Обобщая свои мысли, Благоев говорит, что положение классов и реальные перспективы их борьбы определяют состояние и перспективы развития литературы. Убежденный в неизбежности победы пролетариата над буржуазией, он развивает стройную систему взглядов на положение искусства в капиталистическом обществе. Рассматривая его в соотношении с историческим местом и ролью борющихся классов, Благоев неопровержимо доказывает неизбежность гибели буржуазного искусства и невиданного развития в будущем искусства пролетариата. Поэзию Христова он рассматривает в прямом противопоставлении с социалистической лирикой, которой предрекает общий подъем и развитие. „Эта лирика, — пишет Благоев, — и вообще эта художественная литература у нас зарождается. Ей принадлежит будущее, в то время как эротика г. Христова и последние произведения г. Страшимирова служат и будут служить только для забавы буржуазных праздных расточителей и все более и более будут вырождаться, отпадать... Это неизбежно. Такова логика вещей".²

В развитие этой новой литературы Благоев глубоко верил, как безгранично верил в будущее своего народа. Для нее он расчищал путь, когда вел борьбу против идеологов буржуазии, когда решал общетеоретические вопросы и приложил немало усилий, чтобы воспитать и вырастить кадры этой литературы. Резко выступая против той мнимой жизнерадостности, которую усматривал Страшимиров в эротической поэзии Христова, Благоев проникновенно говорил, что будущая социалистическая литература явится литературой подлинно человеческого, жизнерадостного утверждения чувств и помыслов освобожденных народных масс.

Благоев не дожил до дней народного освобождения, но современная литература демократической Болгарии неизменно чувствует в своих рядах того, кто отдал так много сил для ее свободного развития.

¹ Д. Благоев. Ук. соч., стр. 167.

² Там же, стр. 168—169.

**К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ХРИСТО БОТЕВА**

Л. Б. Валев

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ХРИСТО БОТЕВА¹

Христо Ботев — столь значительная фигура в общественно-политической и культурной жизни болгарского народа, его влияние в Болгарии после ее освобождения от турецкого ига столь велико, что никто даже из самых реакционных теоретиков и писателей не осмеливался и не осмеливается открыто пренебречь им, игнорировать его значение.

В своей работе „Государство и революция“ Ленин писал: «Угнетающие классы при жизни великих революционеров платили им постоянными преследованиями, встречали их учение самой дикой злобой, самой бешеной ненавистью, самым бесшабашным походом лжи и клеветы. После их смерти делаются попытки превратить их в безвредные иконы, так сказать, канонизировать их, предоставить известную славу их имени для „утешения“ угнетенных классов и для одурачения их, выхваливая содержание революционного учения, притупляя его революционное острие, опошляя его». «... Забывают, оттирают, искажают революционную сторону учения, его революционную душу. Выдвигают на первый план, прославляют то, что приемлемо или что кажется приемлемым для буржуазии».²

Так пытались поступить буржуазные писаки и с Ботевым. Реакционная и фашистская критика в Болгарии всячески стремилась извратить характер творчества Ботева. Опасаясь все возрастающего влияния его революционной поэзии и публицистики на болгарский народ, реакция выпячивала лишь одну сторону деятельности Ботева — борьбу против ига турок, но оставляла в тени его борьбу против эксплуатации народа со стороны болгарских чорбаджиев. Из демократа, революционера, интернационалиста, атеиста фашиствующие толкователи пытались превратить его в консерватора, шовиниста, националиста, деиста.

Однако тщетно пыталась реакция фальсифицировать облик великого революционера. Его произведения неизменно будили чувство протеста против политического бесправия, вдохновляли народ на борьбу против фашизма и реакции, мобилизовывали массы на подвиги для завоевания той свободы и независимости, ради которых отдал свою жизнь Ботев.

¹ Доклад на научной сессии Института славяноведения АН СССР в январе 1949 г., посвященной 100-летию со дня рождения Христо Ботева.

² В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 357.

Каковы же были в действительности социально-политические взгляды Христо Ботева?

В своих статьях Ботев затрагивает все основные вопросы, волновавшие его болгарских современников, и в первую очередь вопрос об освобождении Болгарии от турецкого ига.

Значительное место в своих публицистических работах Ботев уделял разоблачению тех, кто пытался усыпить народ и отвлечь его от непосредственной борьбы за свое национальное освобождение различными „теориями“ о том, будто национального освобождения можно добиться без борьбы, через экзархию и просвещение.

Ботев не отрицает известной роли, которую сыграла борьба за церковную независимость в развитии национального самосознания болгарского народа. „Церковный вопрос, — пишет он, — объединил широкие народные массы и этим содействовал их национальному самосознанию“. Однако он тут же подчеркивает, что „церковный вопрос, вокруг которого мы кружили целых 20 лет, для нас и для болгарского народа стал уже анахронизмом, а экзархия — учреждением, имеющим смысл только для тех епархий, которые еще не сбросили со своих плеч фанариотского ига...“

Отмечая положительную роль борьбы за церковную независимость, Ботев вместе с тем резко бичует духовенство, препятствовавшее политическому освобождению болгарского народа. „Одним из главных врагов прогресса и свободы, — пишет он, — были, а может быть, будут еще в течение долгого времени, духовенство и религия... Религия погибает и уступает место более новому и научному миросозерцанию, духовенство сходит со сцены и уступает место свободе и равенству“.¹

Ботев зло высмеивает все попытки духовенства связать национальное освобождение болгарского народа с достижением церковной независимости. В № 7 выпускавшейся им газеты „Знаме“ он писал: „Наши слепорожденные оптимисты хотят уверить нас, будто экзархия является началом нашего освобождения, будто она выведет наш народ из тины рабства и невежества, будто она соберет под свои обшипанные крылья разрозненные части народа и оградит свое стадо от всякой чуждой и вредной для его единства пропаганды и будто она заложит основу его будущего счастья и благоденствия; но мы, которые очень мало верим в камилавку, ... не можем видеть того, что не существует, и не можем предположить того, что опровергает сама история“.²

С неменьшей энергией Ботев обрушивается на эволюционистов, проповедывавших, что можно добиться политического освобождения Болгарии путем постепенного „мирного прогресса“, путем распространения среди народа просвещения и знаний.

„Наши школы смогут отвечать своему назначению лишь тогда, — указывает Ботев, — когда болгарский народ развяжет свои руки и когда он добьется политической свободы. Тот, кто связан материально, не может развиваться и нравственно“.³

Особенно усилились эти выступления Ботева после того, как в ноябре 1874 г. от революционной борьбы отошел Каравелов.

¹ Христо Ботев. Съчинения, под редакцията на Михаил Димитров. София, 1945, т. II, стр. 72—73.

² Там же, стр. 38.

³ Там же, т. I, стр. 260.

В январе 1875 г. Каравелов, основавший „Общество по распространению полезных знаний“, начал издавать литературно-научную газету „Знание“. „В нашей газете, — заявил он, — не будут помещаться статьи, имеющие политический характер и нападающие как на частных лиц, так и на какое бы то ни было правительство“. Таким образом, Каравелов окончательно отрекся от революционной деятельности, утверждая, что предтечей всякого прогрессивного движения является знание.

Ботев развернул энергичную кампанию против изменившего революционному движению Каравелова. Он писал: „Общество по распространению полезных знаний“ учит нас просто и ясно, что до тех пор пока народ не разовьется, не обучится и не накопит известного капитала знаний, до тех пор он не заслуживает внимания как народ, или, другими словами, ему не нужна и для него невозможна никакая свобода. Мы на минуту согласимся с дельной, ясной и убедительной проповедью науки и спросим само „Общество“, как оно будет распространять среди нашего народа науку и образование, когда для этого у нас существуют совершенно неблагоприятные и противные условия? Возможно ли, чтобы при этом варварском деспотизме, при этих страшных преследованиях, гонениях и притеснениях наш народ мог воспринять что-либо из здоровой и полезной науки и через нее получить какое-нибудь мало-мальское облегчение своего положения? Может ли это произойти прежде, чем будут уничтожены эти условия, и прежде, чем народ добьется полной политической свободы?»¹

Ботев подчеркивает, что для обеспечения существования болгарского народа ему необходимо, прежде всего, освободиться от турецкого ига. При этом он определяет, какую роль в этой борьбе должны сыграть наука, литература и искусство. Здесь отчетливо выступает влияние, которое оказали на Ботева идеи Чернышевского, развитые в его известном произведении „Эстетические отношения искусства к действительности“. Ботев указывает, что для освобождения болгарского народа „необходимо, чтобы и наука, и литература, и поэзия, и журналистика, — одним словом, вся духовная деятельность его руководителей приняла характер политической пропаганды, т. е. осуществлялась в соответствии с жизнью, стремлениями и потребностями народа, и чтобы уже не было науки для науки, искусства для искусства, а журналистики для пережевывания старого, прогнившего и давно уже выброшенного европейского навоза“.²

Добиваясь полного национального освобождения болгарского народа, Ботев гневно обрушивается на проповедников так называемого дуализма и половинчатых реформ. „Для нас, — пишет он, — преобразования в Турции, обещания, дуализм — это слова без всякого смысла, призраки и утопии...“³ Путь к освобождению болгарского народа Ботев видит в радикальном перевороте, в народной революции: „Единственное спасение для нашего народа — в революции“.⁴

Борьбу за национальное освобождение болгарского народа Ботев неразрывно связывал с борьбой трудящихся против всякого угнетения, против всякой эксплуатации. Он видел две борющиеся между собой

¹ Христо Ботев. Съчинения, т. II, стр. 24—25.

² Там же, т. II, стр. 26.

³ Там же, т. I, стр. 224.

⁴ Там же, т. II, стр. 27.

общественные силы: с одной стороны — болгарский народ, с другой — его угнетатели, турецкие феодалы и болгарские чорбаджии.

Ботев гневно обличал не только турецких поработителей, но и болгарских чорбаджиев и духовенство, являвшихся такими же эксплуататорами болгарского народа. Ненависть к ним, писал он, „может быть более глубока, чем ненависть к турку, ибо она древнее“. „Для нас, — продолжает Ботев, — достаточно убедительно отношение чорбаджийства по ту и по эту сторону Дуная к нынешней эмиграции и народу, и наоборот. С какими трепетными надеждами, с какой трогательной гордостью отнесся бедный народ к своим изгнанным сыновьям и какую антипатию выказали по отношению к ним его эксплуататоры — чорбаджии и высшее духовенство! Сколько народных проповедников было предано этими пиявками народа...“¹

Таким образом, в борьбе за национальное освобождение Ботев ставит на первое место социальные моменты. Добиваясь национального освобождения, он вместе с тем боролся за радикальные социальные преобразования. Поэтому он выступает как сторонник народной революции, которая приведет к освобождению трудящихся от всякого рабства, не только национального, но и экономического и политического.

На этой позиции Ботев оставался с начала и до конца своей политической и литературной деятельности.

Характерно, что чем дальше, тем более четко и правильно Ботев проводит связь между социально-политическим и национальным освобождением болгарского народа. Показателем зрелости социально-политических взглядов Ботева является и его отношение к турецкому народу. Если на первых порах Ботев выступал против турок вообще, то в последний период своей деятельности он уже проводил разницу между турецким трудовым людом и господствующей эксплуататорской верхушкой. В 1871 г. в первом номере „Думы“ Ботев писал о турках как о „варварском племени“, „не имеющем будущего“ и „неспособном вступить на путь той нравственно-политической цели, к которой стремится человеческий ум“.² Через 4 года он высказывается о них уже совершенно иначе. „Пусть говорят, что хотят, — пишет он в одном из последних номеров газеты „Знаме“ (1875), — но мы думаем, что если турецкий угнетенный и измученный народ откажется от своего фанатизма и, не обращая внимания на религиозные и национальные различия, существующие между ним и нашим народом, пожелает соединиться с нами, чтобы избавиться от общего врага — правительства, — мы должны принять его с открытыми объятиями, не обращая внимания на историческую вражду, стремящуюся разъединить нас. Теперешний общественный порядок, который допускает существование султанов и капиталистов, является источником страданий и турок, и болгар, поэтому тот, кто страдает от этого порядка, тот, кто осужден им бороться с нуждой и голодом, кто ненавидит свое скотское положение и желает избавиться от него, — тот наш друг, наш брат“.³

Здесь Ботев еще раз проявляет большую зрелость в понимании общественных явлений, придавая социальным моментам в политической борьбе первостепенное значение. В связи с этим следует еще раз

¹ Христо Ботев. Съчинения, т. I, стр. 218—219.

² Там же, т. I, стр. 222.

³ Там же, т. II, стр. 264.

подчеркнуть то огромное влияние, которое оказали на него великие русские революционные демократы — Герцен, Добролюбов и Чернышевский.

Влияние Герцена на Ботева, особенно в первый период его эмиграции в Румынию, было очень велико. Ботев хорошо знал многие произведения Герцена, публиковавшиеся в „Колоколе“ и „Полярной звезде“ („С того берега“, „Русский народ и социализм“, „Старый мир и Россия“, „Былое и думы“ и др.). Еще в школьные годы Ботев зачитывался романом Чернышевского „Что делать“ и сочинениями Добролюбова. Его современники и товарищи в один голос свидетельствуют о том, что Ботев до самого конца своей жизни продолжал с жадностью поглощать произведения этих писателей.

Передовые социально-политические взгляды Ботева формировались под непосредственным влиянием русской революционной мысли 60—70-х годов XIX в. Мужественная борьба русских революционных демократов с царским самодержавием, революционный дух их произведений вдохновляли Ботева на такую же самоотверженную борьбу с угнетателями и притеснителями болгарского народа. „Ботева духовно создала русская литература 60—70-х годов, как оригинальная, особенно публицистическая (Добролюбов, Чернышевский, Писарев), так и переводная“, — указывает современник Ботева д-р Русель-Судзиловский.¹

Следует отметить, что на Ботева оказала влияние и утопическая сторона учения русских революционных демократов. В своих публицистических статьях Ботев развивал идеи о переходе к социализму через крестьянскую общину. Вместе с тем Ботев в полной мере использовал опыт болгарской национально-освободительной борьбы.

Рассматривая исторические условия, в которых развивался болгарский народ, Ботев отмечает специфические черты характера и быта славянских народов вообще и болгарского народа в частности. При этом он подчеркивает, что болгарский народ был в стороне от политической жизни и, таким образом, сумел сохранить свою „глубоко общественную нравственность“ и „глубокую социальную жизнь“. „Таким был болгарский народ, — говорит Ботев, — и таким же чистым от всякого чуждого влияния остается он и сегодня, с той же патриархальной жизнью, с той же первобытностью — после стольких страданий... Он проклинает свое прошлое, которое мрачно и которое он ненавидит, свое настоящее, которое тяжело и горько и которое он поэтому легко забудет, и кричит: мое будущее, мое будущее!“²

Каково же, по Ботеву, это будущее?

„Наш народ, — пишет Ботев, — имеет свой особенный быт, особенный характер, особую физиономию, которые отличают его как народ, — дайте ему развиваться согласно его народным началам, и вы увидите, в каком направлении он разовьет свою общественную жизнь... Или вы не видите семени, зародыша в его общинах без всякой централизации, в его цехах, мужских, женских и детских“.³

Видя в славянской общине средство против пролетаризации крестьян и путь к социализму, Ботев, подобно русским социалистам-

¹ А. Бурмов. Христо Ботев през погледа на съвременниците си. Спомени, впечатления и изказвания на ботеви другари и съвременници. София, 1945, стр. 100.

² Христо Ботев. Съчинения, т. I, стр. 224—225.

³ Там же, стр. 225.

утопистам, думал, что община поможет болгарскому народу перескочить через фазу капитализма и построить социалистический строй. Он не понимал исторической неизбежности развития капитализма и появления класса пролетариев как новой общественной силы.

Выражая интересы мелких производителей, Ботев выступал против строительства железных дорог, которые, по его мнению, давали возможность иностранцам наводнять Болгарию своими дешевыми товарами и разорять ремесленников, а также облегчали турецким порабощенным возможность подавления народных восстаний внутри страны. „Всякое открытие и усовершенствование в науке и индустрии, — пишет Ботев, — если оно не может применяться на практике каждым и приносить одинаковую пользу как богатому, так и бедному, вредно для прогресса, свободы, а следовательно, и для счастья человечества... Улучшение земледелия и развитие торговли отнимут землю и ее плоды из рук трудящихся и отдадут их в руки капиталистов; а железные дороги ускорят все это и принесут народу столько же вреда, сколько пользы они приносят своим строителям и покровителям...“ „Чтобы сохранить свою землю, свой труд, свой характер и самое свое существование, — заключает Ботев, — мы должны воспротивиться этим убийственным нововведениям“.¹

Таким образом, Ботев видел страдания, которые несет собой капитализм, но он не видел, что вместе с капитализмом нарождается новая общественная сила — пролетариат. Ботев являлся выразителем интересов мелкого производителя, страдающего одновременно и от феодального гнета и от проникновения новых, капиталистических отношений.

Вся его деятельность была направлена на борьбу с господствовавшим в Болгарии турецким феодально-крепостническим строем, за политическое и социальное освобождение болгарского народа.

При рассмотрении социально-политических и экономических взглядов Ботева нельзя не отметить известного влияния на него Маркса, с трудами которого он был, несомненно, знаком. Ботеву была известна идея Маркса о концентрации богатств в капиталистическом обществе и о борьбе труда и капитала.

„Посмотрите на все цивилизованные страны Европы, — пишет он, — вслушайтесь в вопли и страдания, которые слышны за официальными ширмами человеческого прогресса, обратите серьезное внимание на отчаянную борьбу между трудом и капиталом как в Европе, так и в Америке, и вы убедитесь в правильности наших слов и скажете вместе со здравым разумом, что при нынешнем общественном и политическом устройстве человечества бедняк везде раб, а раб везде бедняк“.²

„Все бедняки рабочие, — пишет Ботев 27 июля 1875 г., — к какой бы национальности они ни принадлежали, где бы они ни жили, являются братьями между собой, братьями по страданиям и по мачехе-судьбе. Угнетенные и ограбленные правительствами и богатыми, рабочие, хотя и трудятся до изнеможения, все же не в состоянии прокормить себя и живут хуже скота. Но эти их страдания, эта несправедливость по отношению к ним со стороны „помазанников“ и капиталистов привели

¹ Христо Ботев. Сочинения, т. II, стр. 74—77.

² Там же, т. II, стр. 74.

рабочих к соглашению, заставили их объединиться в целях выявления, откуда происходит зло и как от него избавиться... Под влиянием тех же причин зародился и развивается так называемый Интернационал, цель которого состоит в том, чтобы объединить всех обездоленных рабочих в одно разумное и сознательное целое, для того чтобы общими силами избавиться от своих эксплуататоров и мучителей — царей и капиталистов...¹

Ботев с восторгом встретил Парижскую Коммуну. Во втором номере газеты „Дума“ (от 25 июня 1871 г.) он помещает свою, ставшую широко известной, статью „Смешной плач“, в которой бичует отношение буржуазной журналистики к восстанию парижского пролетариата и образованию Парижской Коммуны. „По беззаветной преданности и страстности, — пишет в примечании к этой статье Михаил Димитров, — защита Парижской Коммуны, с которой выступает Ботев, может сравниться с защитой, оказанной ей Марксом. „Смешной плач“ представляет собой редкое явление в мировой литературе. В нем наш поэт раскрыл и свое мировоззрение, и свой темперамент, и всю свою пламенную натуру“.²

Возмущенный травлей и клеветой, с которой европейская, да и болгарская пресса обрушились на побежденную Парижскую Коммуну, Ботев пишет:

„Проклинайте коммунистов за то, что они разорили вашу столицу и сами погибли с разбойничьими, по-вашему, словами на устах: свобода или смерть, хлеб или свинец!... Бросайте грязь и камни на могилу Домбровского, потому что он не сделался слугой какой-либо коронованной головы, а стал поборником великой идеи, высокой цели и грудью встал против предателей Франции и виновников стольких человеческих бед... Таковы были и коммунисты“.

Парижская Коммуна произвела на Ботева огромное впечатление. Под влиянием Парижской Коммуны Ботев совместно с Величко Поповым основал в румынском городе Галаце в конце марта — начале апреля 1871 г. среди болгарских эмигрантов в Румынии Коммунистический комитет, а затем и Коммунистическое бюро. Воодушевленный событиями в Париже, Ботев шлет из Галаца Парижской Коммуне телеграмму с братским приветом от болгарских коммунаров.

По случаю образования Болгарской Коммуны в Галаце Ботев написал вдохновенный „Символ веры Болгарской Коммуны“.

Однако агитация Ботева за организацию коммунистических кружков не нашла сколько-нибудь значительного отклика среди болгарских эмигрантов в Румынии. «Хотя бездомные эмигранты кричали по корчам: „Да здравствует Коммуна!“ — отмечает Георгий Бакалов, — им было далеко до понимания значения идей коммунизма. Слишком цепкими корнями опутывала их мелкобуржуазная психика, слишком примитивна была их идеология, чтобы взобраться на такую идейную высоту. Ботев оставался одиноким среди болгар».³

«То обстоятельство, — пишет Бакалов, — что Ботев в революционном движении стоял ближе к пролетаризированной эмиграции, определяло как „крайность“ его взглядов, включающих в себя социализм, так

¹ Христо Ботев. Сочинения, т. II, стр. 264.

² Там же, стр. 443.

³ Г. Бакалов. Вступительная статья к „Избранным произведениям Христо Ботева“. М. — Л., 1930, стр. 29.

и неопределенность, расплывчатость его классовых позиций. Ботев был социалистом в преддверии классового оформления пролетариата. В революционном движении третьего сословия он явился идеологом и певцом самого левого крыла, охватывающего пролетаризированные элементы эмиграции. Благодаря этому размах его был шире, он шел дальше общего революционного движения и своими перспективами окрылял его и заражал энтузиазмом. Своим социалистическим знаменем Ботев выводил болгарскую революцию из ее узких национальных рамок на широкую историческую дорогу международной классовой борьбы за свержение классового господства».¹

Было бы ошибкой считать, что Ботев усвоил теорию Маркса и являлся марксистом, — он усвоил лишь отдельные положения марксизма, которые не всегда понимал правильно, да и не мог понимать в отсталых условиях окружавшей его действительности.

Известно, что в последние годы своей публицистической деятельности, особенно в период издания газеты „Знаме“, Ботев находился под сильным влиянием идей Прудона. Под влиянием идей Прудона, а также Бакунина, Нечаева и других анархистов он выступал не за завоевание власти пролетариатом, а против власти вообще, за уничтожение всяких властей и правительств. „Мы имеем полное право, — пишет Ботев, — сказать вместе с Прудоном, что всякое правительство является заговором против свободы человечества“.² И далее: „Основой любого государства являются кража, ложь и насилие“.³

Под пролетаризацией Ботев упрощенно понимал обеднение народа, и хотя он за год до смерти писал о том, что пролетариат всегда был и будет двигателем всех революций, пролетарии для него — все бедняки.

Социализм для Ботева — не историческая необходимость, а „требование человеческого разума“. Ботев не понимал основ исторического развития и не был в состоянии научно обосновать историческую необходимость и неизбежность победы социализма.

В силу отсталых экономических условий Болгарии того периода и отсутствия пролетариата, являющегося носителем идей научного социализма, Ботев не мог пойти дальше мелкобуржуазного понимания социализма, т. е. дальше утопического социализма.

Ботев был великим борцом за славянское единство. Из его многочисленных высказываний в газетах „Независимость“, „Дума“ и „Знаме“ видно, что по вопросам славянства он разделял взгляды лучших представителей передовой интеллигенции славянских стран того периода — великих революционеров-демократов Добролюбова, Герцена, Чернышевского, Светозара Марковича и других. В своих статьях Ботев выступал поборником союза южных славян, союза с русским народом, против завоевательных происков западных держав, стремившихся к порабощению славянских народов. Вместе с тем он — решительный противник царизма, панславизма и всех реакционных шовинистических течений в славянских странах.

Ботев с большой любовью и теплотой относился к русскому народу, подчеркивая кровную связь русского и болгарского народов. „Где тот русский, — восклицает он, — который поднимет свою десницу на право-

¹ Г. Бакалов. Ук. соч., стр. 4.

² Христо Ботев. Съчинения, т. II, стр. 65.

³ Там же, стр. 64.

славного славянина, страдающего под турецким рабством в течение пяти столетий?... Где тот русский, который пожертвовал бы славянские интересы в угоду габсбургской династии, причинившей до сих пор столько зла России?... Пусть говорит кто что хочет, а мы твердо уверены в том, что Россия не может быть нашим врагом..."¹

Ботев горячо приветствовал каждый шаг на пути к единству славянских народов. Так, он всецело одобрял стремление поляков сблизиться с русскими демократическими кругами. „Этому факту, — писал он, — радуются все друзья обоих народов, но больше всего должны радоваться западные и южные славяне! Это сближение пойдет на пользу и нашему народу“.²

Питая горячую любовь к русскому народу и лучшим его сынам, у которых он учился, Ботев решительно выступал против русского царизма, считая, что до тех пор, пока у власти стоит русское самодержавие, нельзя говорить об объединении славянских народов. „Да здравствует русский народ и будущая свободная Россия!“ — восклицает он.³

Будучи пламенным патриотом своей родины, Ботев являлся вместе с тем непримиримым врагом великобългарского шовинизма. Он энергично выступал и против великосербских шовинистов, полемизируя с сербской шовинистической газетой „Исток“ и теоретиком сербского шовинизма Милошем Милоевичем. Он не ждал союза с сербским народом от сербской правящей верхушки. „Единственные наши надежды на конфедерационный союз с Сербией, — пишет Ботев, — мы возлагаем на ту часть сербов, которую, в лице „Рада“ и „Будучности“ (направление Светозара Марковича. — Л. В.), преследуют белградские великаши [шовинисты], и ей мы вменяем, как первую обязанность перед ее народом и человечеством, популяризировать в своем доме идею о соглашении и соединении южных славян, притом, разумеется, на таких началах, на каких должна быть основана свобода народов, свобода личности и свобода труда“.⁴ При этом Ботев подчеркивал, что свобода и союз южных славян могут быть осуществлены лишь в том случае, если каждый из этих народов сохранит свои этнографические границы и если каждый из них останется свободным в своем собственном доме. Для Ботева предпосылкой и условием создания Южнославянской или Балканской федеративной республики должна явиться народная (не только национальная, но и социальная) революция, к которой он неустанно и энергично призывал. Ботев был сторонником создания Балканской федерации снизу в результате глубокого убеждения самих народов в ее необходимости. Он считал, что только так может быть создан „священный и лойяльный южнославянский союз, который был бы в состоянии связать южных славян в единое политическое целое, способное отразить любое насилие или нашествие“.⁵

Ботев развивал планы объединения балканских народов. После своего освобождения они должны образовать между собой крепкий федеративный союз, в котором верховная политическая и законода-

¹ Христо Ботев. Съчинения, т. I, стр. 245.

² Там же, т. II, стр. 332.

³ Там же, т. III, стр. 111.

⁴ Там же, стр. 67.

⁵ Там же, стр. 35.

тельная власть и ведение вопросов, касающихся их общих международных интересов, находились бы в руках совета, составленного из одинакового числа представителей всех независимых частей этого союза. Таково, по мнению Ботева, то здоровое и рациональное начало, которое должно лечь в основу будущего свободного существования балканских народов.

Так представлял себе Ботев союз болгарского народа со всеми балканскими народами и, прежде всего, с южными славянами, так он боролся за единство с русским народом.

* * *

Рассмотренные нами социально-политические взгляды Христо Ботева, характеризующие его как пламенного революционера и организатора народно-освободительной борьбы болгарского народа, великого социалиста-утописта, предтечи болгарского коммунистического движения, пламенного патриота и борца за славянское единство, показывают, почему память о Ботеве бережно хранит до сих пор каждый болгарский патриот.

Никто из деятелей предосвободительной эпохи не воплотил с такой силой и полнотой чаяний и стремлений болгарского народа. Роль Ботева в подготовке освобождения Болгарии от турецкого ига огромна. Правда, Апрельское восстание болгарского народа, вспыхнувшее в год гибели Ботева (1876), закончилось неудачей, но последовавшая после его подавления расправа турецких поработителей с болгарским народом только усилила в нем волю к освобождению и через год привела к освободительной русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Освобожденный с помощью русских войск, болгарский народ уничтожил старый, прогнивший турецкий феодальный политический и общественный строй. Народно-демократические и республиканские чаяния Христо Ботева не получили, однако, осуществления вследствие антинародной политики крупнокапиталистической и хищнической клики во главе с кобургской династией, которая после освобождения страны стала во главе общественно-политической и государственной жизни Болгарии. Братоубийственные войны, две национальные катастрофы, разорение народного хозяйства, два десятилетия кровавого ужаса фашизма — таковы плоды полувекового господства этой клики.

В период фашистского господства, как и в дни турецкого рабства, идеи и заветы Ботева вдохновляли лучших сынов болгарского народа на самоотверженную борьбу с тиранами. Дело Ботева было подхвачено всем болгарским народом. В освободительной борьбе болгарского народа против немецких захватчиков и их болгарских агентов образ Ботева являлся знаменем армии сопротивления, его именем была названа нелегальная радиостанция движения сопротивления, призывавшая болгарский народ к борьбе и сыгравшая важную роль в завоевании свободы, демократии и национальной независимости Болгарии.

Дело Ботева окончательно восторжествовало в результате народного восстания 9 сентября 1944 г. и решающей помощи братского русского народа, во второй раз освободившего болгарский народ от иноземного ига и оказывающего ему постоянную поддержку в борьбе за мир, демократию и социализм. Установленная в Болгарии народно-

демократическая власть Отечественного фронта под руководством Болгарской Коммунистической партии последовательно проводит демократизацию страны, неуклонно следуя по пути строительства социализма, укрепляя дружбу с двукратным освободителем Болгарии—великим Советским Союзом, с братскими странами народной демократии и другими свобододолюбивыми народами.

В статье, написанной по случаю 70-й годовщины со дня героической смерти Ботева, вождь болгарского народа Георгий Димитров писал: „Последовательный демократ-республиканец, убежденный, непримиримый враг политического и духовного мракобесия, зловредного шовинизма, страстный поборник вечной дружбы с великим русским народом, союза южных славян и братского сотрудничества балканских и всех других свобододолюбивых народов, гениальный поэт борьбы за народную свободу и национальную независимость, Христо Ботев был самым талантливым и самым дальновидным вождем национально-освободительного движения прошлого века...“

„Наш великий национальный герой, революционер и поэт Христо Ботев останется навсегда высоким примером для болгарского народа, для его молодежи, для его народного студенчества. В нынешней борьбе за демократию, народную республику и национальную независимость, за прогресс и подъем нашей нации, Христо Ботев—это знамя, которое все выше будет развеваться над новой, демократической Болгарией“.¹

¹ Георгий Димитров. Речи, доклады, статьи, т. III. София, 1947, стр. 292—293.

Д. Ф. Марков

ВЕЛИКИЙ БОЛГАРСКИЙ ПОЭТ-РЕВОЛЮЦИОНЕР ХРИСТО БОТЕВ¹

Есть писатели, произведения которых переживают своих творцов: внуки и правнуки обращаются к незабвенным страницам бессмертных созданий в связи с волнующими вопросами современности. Завидна судьба таких писателей. Их немного, но они есть у каждого народа. В Болгарии таким был Христо Ботев — великий поэт-революционер, отдавший без остатка всю свою жизнь и творчество борьбе за освобождение народа и заслуживший глубокое уважение и любовь своей родины.

Ботев прожил всего лишь неполных 28 лет, но он успел за этот короткий срок увековечить свое имя в памяти народа. Нет такого уголка в Болгарии, где бы не знали поэта. О нем с гордостью говорят: „наш Ботев“. Он живет в памяти народа благодаря своему творчеству поэта-революционера и личным подвигам своим, ставшим символом доблестной борьбы за демократическую Болгарию; всей своей деятельностью он выразил с неповторимой полнотой вековые чаяния народа, создал изумительные песни борьбы такой революционной, эмоционально-художественной силы, какой не знала до него болгарская литература.

Две силы подняли Ботева на гребень революционного величия и неувядаемой славы: это, во-первых, национально-освободительное движение Болгарии и, во-вторых, русская революционно-демократическая общественная мысль. Эти две силы определили собой общее направление и основные черты деятельности великого болгарского поэта.

Христо Ботев родился 100 лет назад — 7 января 1849 г. Шло пятое столетие турецкого владычества в Болгарии. „...Болгарский народ влачил под турецким игом беспросветное существование эксплуатируемой, бесправной и угнетаемой „райи“², обреченной на полную потерю своей национальности и исчезновение с лица земли в качестве отдельного народа“³.

Болгарский народ вел непрерывную борьбу за свое освобождение. Вначале это были выступления отдельных, разрозненно

¹ Доклад на научной сессии Института славяноведения АН СССР в январе 1949 г., посвященной 100-летию со дня рождения Христо Ботева.

² „Райя“ — по-турецки „стадо“.

³ Н. С. Державин. Христо Ботев. М.—Л., 1948, стр. 3.

действующих чет, потом волна движения начала захватывать все более и более широкие слои народа и достигла во времена Ботева наивысшего подъема, выдвинув из своей среды таких выдающихся деятелей, как Георгий Стойков Раковский, Василий Левский и др.

Условиями самой жизни Христо Ботев был подготовлен к участию в этой всенародной борьбе. Он еще с детства видел и понял горе народа. Социальная жизнь городка Калофер, где родился поэт, была источником первых впечатлений Ботева. Поэт понял, что народ страдал под двойным гнетом — завоевателей-турок и болгарских чорбаджиев. Ботев с детства возненавидел чорбаджиев как эксплуататоров народа. Он горел желанием помочь угнетенным, но чувствовал свою беспомощность. Это настроение бессилия выражено впоследствии в стихах Ботева „К матери“ (1867) и „К брату своему“ (1868), написанных на первом этапе творчества поэта.

Основной мотив обоих стихотворений — одиночество. В первом поэт говорит о своем подавленном настроении; он видит страдания народа и это терзает его — нет ему радости в жизни, нет веселья, увядает без времени молодость. Единственным утешением для него является мать, которой поэт хочет выплакать свое горе.

Та же душевная тяжесть выражена и в стихотворении „К брату своему“. Но сквозь элегический тон здесь уже прорывается сила непримиримости:

В мыслях мрачных и мятежных
Душу я распял живую,
Чья ж рука утешит нежно
В сердце боль мою большую?
Нет такой! Оно не знает
Ни восторгов, ни свободы,
Лишь безумно закипает,
Слыша горький плач народа.

Здесь нет ни примирения, ни отчаянья. Поэт ищет крепкую руку, которая вылечила бы „в сердце боль большую“; ему еще неизвестны пути борьбы, и он заявляет, что нет такой руки, но сама постановка вопроса говорит о том, что поэт не остановится в своих поисках, не перестанет с тревогой биться его сердце, „слыша горький плач народа“.

В этих строках звучит жажда борьбы, слышится стремление найти выход. Что делать? — вот роковой вопрос, в упор вставший перед Ботевым. К ответу на этот вопрос болгарский поэт пришел под прямым и благотворным влиянием русской революционно-демократической общественной мысли.

Отец Ботева был деятелем болгарского просвещения. Он учился в России, на всю жизнь сохранил чувство уважения к русской прогрессивной мысли и мечтал отправить сына учиться в Россию. Его хлопоты увенчались успехом: в 1863 г. молодой Христо Ботев прибыл в Одессу для продолжения образования.

Это была пора огромного подъема революционного движения в России: передовая Россия жила идеями недавно умершего Добролюбова, который звал на смертный бой против „внутренних турок“; пел свои скорбные песни и взывал к суровой мести Некрасов. Знаменем времени был Чернышевский.

Ботев был близок к русской разночинной интеллигенции. Как свидетельствуют данные его биографии, он был хорошо знаком

с произведениями русских революционных демократов, которыми страстно увлекался и которые оказали на него большое влияние. Ботев жил идеями Чернышевского и Добролюбова, и это сыграло решающую роль в формировании его революционного мировоззрения.

Заточенный в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, Чернышевский все же оставался вождем революционного движения. Именно тогда, в 1863 г., т. е. к прибытию Ботева в Россию, в мартовской книге журнала „Современник“ Некрасов опубликовал знаменитый роман Чернышевского „Что делать“. Герои Чернышевского были образцом поведения для всей революционно настроенной молодежи.

Для Христо Ботева роман Чернышевского явился ответом на мучившие его вопросы, болгарский поэт познал великую силу революционных идей. Многочисленные печатные свидетельства говорят о том, что произведение Чернышевского было настольной книгой Ботева.

Так в условиях высокого общественно-политического подъема в России формировалось революционное мировоззрение болгарского поэта. „До Христо Ботева, — пишет болгарский критик Георгий Бакалов, — не было другого болгарина, который поднялся бы до социализма. Ботев в буквальном смысле слова первый болгарский социалист, причем социализм он воспринимал не как некую быстро проходящую моду, а как глубокое убеждение, которое определило весь его жизненный путь“.¹

Социализм Ботева был утопическим: Болгария была крестьянской страной, и Христо Ботев, подобно русскому революционному народничеству, думал о возможности перехода к социализму через крестьянскую общину, минуя стадию капиталистического развития.

Важно, однако, подчеркнуть, что при всей ограниченности взглядов, объясняющейся историческими условиями, Ботев был последовательным революционером. Идея социальной революции составляет основу всей его деятельности. Напрасно болгарская буржуазия, фальсифицируя истинный облик Ботева, пыталась использовать великое имя поэта в своих националистических целях. Она замыкала всю деятельность Ботева в узкие рамки борьбы с турецким игом. Между тем идея освобождения от турецкого ига связана у Ботева с идеей социального освобождения народа. Ботев одинаково сильно ненавидел как завоевателей-турок, так и подлых слуг турецкого султана — болгарских чорбаджиев, которых поэт называл предателями и кровопийцами. Он заклеил их в памфлете „Вот что вас ждет“, где создал отвратительный образ богача-эксплоататора кир Михалаки, который властно держит все в своих руках, презирует народ и нагло издевается над ним. Христо Ботев рисует сцену народной расправы с богачом и тем самым напоминает всем эксплуататорам, что их ожидает та же участь. Памфлет Ботева напоминает о грядущем грозном суде народа над насильниками чорбаджиями.

Борьба против турецкого ига и одновременно борьба против всякой экономической и политической эксплуатации, в том числе эксплуатации крестьянства со стороны болгарского чорбаджийства — вот основное содержание общественно-политической деятельности Христо Ботева, которой он посвятил всю свою жизнь.

В очень короткий период времени в Ботеве развился с исключительной силой редкостный талант организатора-революционера. Нацио-

¹ Г. Бакалов. Христо Ботев. София, 1934, стр. 22.

нально-освободительное движение к моменту выступления Христо Ботева уже выдвинуло таких деятелей, как Раковский, Левский. Георгий Раковский был первым революционером-организатором, который начал объединение разрозненно действовавших партизанских отрядов и первый поставил перед нараставшим движением определенные политические задачи. После смерти Раковского в 1867 г. его достойным продолжателем стал выдающийся революционер Василий Левский, деятельность которого приобрела громадный размах: был создан Болгарский революционный центральный комитет. Левский создавал в Болгарии революционные организации, готовил народ к освободительной борьбе. Но и деятельность Левского продолжалась недолго. В 1872 г. провокаторы выдали его турецким властям, зверски расправившимся с революционером: Левский был повешен в Софии в начале 1873 г.

Христо Ботев был не только современником, но и участником великого дела Левского. Он глубоко переживал тяжелую утрату. В прекрасном стихотворении: „Казнь Василия Левского“ Ботев волнуяще оплакивал гибель славного сына Болгарии. Устами поэта говорил замученный, бесправный, взывающий к мести народ.

После гибели Левского главная роль в революционном движении — руководство подготовкой народного восстания — перешла к Христо Ботеву. Ботев развил широкую общественно-революционную деятельность; ценою материальных лишений он издает газеты: „Слово болгарских эмигрантов“, „Знамя“, „Новая Болгария“, в которых излагает свою программу действий. Он пропагандирует революционный путь борьбы как единственно верный путь освобождения народа.

Делу революционной борьбы Ботев отдал без остатка и свою личную жизнь и свою поэзию. С этой поры революционной зрелости поэта начинается новый этап в его творческом пути: прежние элегические ноты одиночества сменяются глубокой верой в революцию. Именно в этот период Ботев написал лучшие свои произведения.

Все с большей силой начинают звучать в его поэзии героические мотивы. Уже в стихотворении „Прощание“, написанном в 1868 г., Ботев воспевает борьбу как средство освобождения народа. В основе этого стихотворения лежит реальный факт готовившейся переправы через Дунай отряда болгарского воеводы Желю. Ботев записался в отряд Желю знаменосцем. В период подготовки к переправе он и создал стихотворение „Прощание“. Стихотворение это исполнено чувства революционного патриотизма. Ненависть к туркам и чорбаджиям находит выход в идее о борьбе, о революционном отмщении. Страшная картина растерзанной родины, где туретчина глумится над отеческим кровом, где в неволе и нищете гибнут его отец и братья, рождает бурю злости и ненависти, и поэт уже не отступает, как прежде, в ужасе перед тираном, а зовет к суровой мести и сам готов идти в бой:

Берусь я сейчас за оружие,
Спешу я на зов народа;
Сразиться с врагом неверным
За всё, что мне любо и свято —
За мать, за отца, за брата!...

Духовная и эмоциональная сила этого стихотворения — в лирической взволнованности обращений поэта к матери и к любимой. Любовь к матери из простого чувства вырастает в чувство героическое: если раньше эта любовь была единственным утешением, то теперь поэт

просит мать приобщиться к его героическому настроению и в случае возможной смерти сына найти утешение в том, что он погиб за родину. Поэт сознает возможность гибели, но готов жертвовать собой:

Тронулась наша дружина;
Путь ее страшен, но славен!
Быть может, погибну в битве,
Но хватит и той награды,
Что скажет народ когда-то:
Он умер, бедняга, за правду,
За правду и за свободу!

Это — новый мотив в поэзии Ботева, мотив бессмертия борца, характерный для многих произведений поэта и выраженный с наибольшей художественной силой в его стихотворении „Хаджи Димитр“.

Прославляя борцов за народную свободу, Ботев не раз обращался к изображению подвигов хайдуков, которых он считал единственными защитниками народа. Говоря о народной ненависти к туркам и чорбаджиям, Ботев писал в статье „Вместо программы“: „Кто желает в этом убедиться, тот пусть вдумается в смысл нашего хайдуцкого эпоса, пусть вспомнит Шопское, Браильское и Дядониколово восстания“.¹

В неоконченной поэме „Хайдути“, написанной в стиле народно-героического эпоса, Ботев создал образ хайдутина Чавдара, который, защищая народ, поднял знамя восстания.

Идея социальной революции ясно выражена в стихотворении „Борьба“ (1871), где, как писал академик Н. С. Державин, „мы имеем своеобразное поэтическое преломление событий Парижской Коммуны“.² Ботев клеймит продажный мир лицемерия и ханжества, мир, где царствует ложь, прикрываемая религией, где умных считают глупцами, а богатых глупцов повсеместно почитают. Поэт ликует:

В этом царстве кровавом, грешном,
Слез и разврата и черного дела,
В сем царстве скорби, где злу нет предела,
Вскипела борьба, вскипела!
И близится он, священный конец,
Скоро мы кричим: Хлеб или свинец!“

В полном согласии с Чернышевским, писавшим: „К топору зовите Русь!“, Христо Ботев говорил, что только революция может разрешить восточный вопрос и привести страну к счастью.

Именно это убеждение и подняло Христо Ботева на такую, до сих пор никем в болгарской литературе не превзойденную, высоту. Ботев требовал беззаветного служения делу революции и сам служил ей как личной жизнью, так и своим огромным поэтическим талантом. Поэт был открытым врагом так называемого „чистого искусства“. „Необходимо, — писал он, — чтобы и наука, и литература, и поэзия, и журналистика, словом, вся духовная деятельность его [народа] руководителей приобрела характер политической пропаганды, т. е. сообразовалась с жизнью, стремлениями и потребностями народа — так, чтобы не было науки для науки, искусства для искусства“.³

¹ Христо Ботев. Избранное. М., 1948, стр. 147.

² Н. С. Державин. Христо Ботев. М. — Л., 1948, стр. 84.

³ В статье: „Единственное спасение — в революции“. В рус. пер.: Христо Ботев. Избранное. М., 1948, стр. 175.

Литературное творчество Ботева стало могучим и острым орудием в борьбе за революцию. Как в своей поэзии, так и в публицистике Христо Ботев беспощадно разоблачал не только открытых врагов народа — турок и чорбаджийство, но и всех тех, кто сеял дурман в народе, кто лицемерно выставлял себя защитником народа, а на самом деле предавал его интересы. Поэт бичевал либералов и реформистов — сторонников „мирного прогресса“, предлагавших отказаться от борьбы и терпеливо ждать благополучного конца. „Ждите, ждите, господа, — отвечал им Ботев, — ждите и ведите народ по пути вашего дурацкого мирного прогресса — он скоро станет похож на ту знаменитую карикатуру, при помощи которой святые отцы второй французской революции высмеяли свое собственное дело. Они изобразили то животное, которое называется ослом (да простит нам народ это выражение!), и протянули от седла к самой его голове жердь, к которой привязана охапка сена, — так, что животное не может дотянуться до него мордой. Осел старается достать сено и — голодный, алчущий, обманутый — шагает вперед, двигаясь по пути прогресса. Таков и у нас смысл того мирного прогресса, который проповедуют в настоящее время среди нашего народа, но с той разницей, что французский осел шел сам по себе, а на нашем сидит босфорский идиот, и ведет его экзархия, а погоняют наши свободолюбивые и прогрессивные рабы“.¹

Разоблачению открытых и замаскированных врагов революции Христо Ботев посвятил цикл своих сатирических произведений. В стихотворении „Странник“ поэт клеймит политическую тупость, эгоизм и мещанское малодушие. Странник, вернувшийся в свой дом, узнает, что невесту его силой отдали за другого, что турки убили отца и братьев —

Их пытали, их травили,
Их сгноили в каземате...

Но отупевшие разум и чувства глухи к призывам борьбы. Стремление к устройству своего личного благополучия заслоняет все. Поэт клеймит его словами:

Вот глупец, он тем и занят —
Для достатка и живет.
Он-то уж гадать не станет,
Человек он или скот.

В стихотворении „Моя молитва“ Христо Ботев разоблачает религию, считая ее злейшим врагом революции. Необходимость борьбы с религией диктовалась историческими условиями общественной жизни Болгарии, где наряду с политическим произволом турецкого тирана особенно тяжелым оказался груз средневековых предрассудков. Ботев писал об этом в статье „Решен ли церковный вопрос?": „Умственные и политические события новой истории наш народ проспал, находясь в условиях рабства, под властью гораздо худшей, более варварской, чем сама инквизиция, под политическим гнетом, неслыханным в истории какого бы то ни было народа. Мертвый лежал он под башмаком турка и монаха, когда Европа разрушала средневековое здание рабства, религии, предрассудков...“²

¹ Христо Ботев. Избранное, стр. 175.

² Христо Ботев. Соч., т. I, стр. 235.

Ботев понимал, что в данных исторических условиях борьба против религии составляет одну из важных задач общей революционной борьбы. В стихотворении „Моя молитва“ поэт бичует гневным словом сатиры бога лжи и лицемерия, того, —

... Пред кем ночами
Поп с монахом ломят спины,
И кого коптит свечами
Православная скотина.
... Кто бедных учит
Лишь молитвам да терпенью
И до самой смерти мучит
Лишь надежд пустых гореньем.

Особенно сильное чувство гнева и омерзения вызывали в душе Христо Ботева скрытые враги народа, лицемеры и лжепатриоты в разных масках. О них поэт писал:

Патриот, отдаст он душу
За науку, за свободу.
Не свою, конечно, душу —
Душу нашего народа.

Этих тупых торговцев идеями Ботев встречал в среде болгарской эмиграции и в Бухаресте, и в Браиле, и в других местах. Они шумно кричали о свободе, но предательски-трусливо прятали головы, когда нужно было действовать. Известно, что для издания газет, как и для переправы партизанских отрядов через Дунай в Болгарию нужны были средства. Между тем, так называемые „патриоты“ отказывались участвовать даже в этом. „Стыд и позор нашим богатым патриотам, — писал Ботев, — стыд и позор всей нашей эмиграции, стыд и позор всем тем, кто так пламенно и самонадеянно начал дело и кто так прозаически и так бесславно спасовал“. Далее Ботев говорит о тяжелой судьбе отрядов, обреченных на бездействие из-за отсутствия средств. Он рассказывает о том, как воевода Филипп не мог найти денег, чтобы вооружить свой отряд, и, преследуемый румынским правительством, принужден был бежать из Румынии и искать поддержки в России; Желю был обманут „патриотами“, „белградскими бесчувственными философами и браильскими щедрыми на слова спекулянтами...“¹ Те же лицемеры-патриоты предали турецким властям славного сына Болгарии, лично близкого Ботеву Василия Левского.

Все это тяжело действовало на Ботева. Он выразил свое настроение в прекрасном стихотворении „В корчме“. Бурю ненависти и злобы вызывают у Ботева шумные балаганщики пивных, кто только кричит о свободе, а в действительности неспособен на борьбу.

От вина, от буйных песен
Скалим зубы на тирана,
И кабак уже нам тесен:
„На Балканы! На Балканы!“
Но как только протрезвеем,
Забываем клич похода,
Речи, клятвы, и немеем
Перед жертвами народа.

¹ Христо Ботев. Избрани произведения. Киев, 1940, стр. 236.

Душевная тяжесть не дает поэту покоя, и он хочет в вине отвлечься от ужасающей действительности.

О, налейте! Чтоб скатилась
С сердца тяжесть роковая,
Чтобы спьяну опустилась,
Мягкой став, рука мужская!

В горечи поэта нет, однако, отказа от борьбы, от революционных идей, и вообще не мотивы отчаяния, а призывы к мести звучат в стихотворениях, потому что Ботев видел, как

Тиран еще свирепей
Наш родимый край терзает,
Режет, сковывает цепью,
В казематах убивает.

Идеалом Христо Ботева является героическая личность, беззаветно преданная своему народу и родине, готовая жертвовать собой во имя борьбы за народное освобождение. Этот революционный идеал нашел свое самое сильное поэтическое воплощение в прекрасном стихотворении „Хаджи Димитр“.

Хаджи Димитр — известный болгарский воевода, который в 1868 г. вместе со своим отрядом и отрядом Стефана Караджи перешел через Дунай на болгарский берег и героически погиб в боях за родную землю.

В 1871 г. Ботев написал статью „Петрушан“, которой предпослал эпиграф из Меркантини: „Мы пришли умереть за свою страну“. Речь здесь идет о героической смерти Хаджи Димитра. Ботев глубоко понимал, что личная смерть одного такого героя не только не убивает силы народа, но усиливает его волю к борьбе. Смерть одних рождает подвиги других.

„... Кровь этих мучеников, — пишет Ботев, — еще не высохла на полях нашей родины. Тени их днем и ночью бродят и ждут тех, кто в Петрушанах пожелал им счастливого пути и удачи“... „Эти мученики за свободу, умиравшие с улыбкой на устах, были нашими братьями... Мы делили с ними печаль и радость, смех и слезы, сидели с ними за богатой и бедной трапезой, беседуя о судьбе нашего поруганного отечества... Делились с ними всем — только смерть и свободу не могли разделить! Давайте же, братья, восстановим в памяти их подвиг, добрый и святой в наших глазах, славный в глазах нашего несчастного народа!“¹

И надо признать, что никто не сумел с такой художественной силой „восстановить в памяти добрый и святой подвиг“ героев, как это сделал Христо Ботев в стихотворении „Хаджи Димитр“. Начальные слова „жив еще, жив он“ являются лейтмотивом всего стихотворения. Жива борьба, жив народ, и эта мысль о бессмертии борца и народа утверждается самим фактом героической гибели Хаджи Димитра. Образ умирающего на Балканах юнака опоэтизирован Ботевым

¹ Христо Ботев. Соч., т. I, стр. 228, 232.

8 Ученые записки, том II

с исключительной любовью: дело юнака свято, и вся природа с благоговением относится к нему —

Днем осеняет крылом орлица,
Волк ночью кротко зализает раны;
И спутник смелого — сокол-птица —
О нем печется, как брат названный.
Его с песней окружают горные феи:
Травой раны одна врачует,
Водой студеной кропит другая,
А третья в губы его целует,
С улыбкой милой, сестра родная.

Революционный дух Хаджи Димитра продолжает жить в произведениях Ботева. Мы слышим это в грустных напевах крестьян во время жатвы и верим в рождение новых героев.

Христо Ботев, подобно Хаджи Димитру, в мае 1876 г. вместе со своим отрядом, завладев австрийским пароходом „Радецкий“, переправился через Дунай в Болгарию и пал там геройской смертью в боях за родную землю. Личный подвиг и песня поэта слились в единое целое, и это еще более возвеличило образ Ботева, о котором можно сказать его же словами:

Кто в грозной битве пал за свободу,
Тот не погибнет: по нем рыдают
Земля и небо, зверь и природа,
И люди песни о нем слагают...

Ботев умел расслышать мужественные мелодии песен борьбы в шуме леса, в реве бури, в суровом величии балканских гор, в грозной поступи партизанских отрядов.

Поэзия была для Ботева выполнением гражданского долга, и это роднит его с великой демократической русской поэзией — Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Гражданскому долгу подчинял поэт все свои личные чувства и переживания. Свою любимую Ботев просит не петь любовную песню — не до нее ему, когда отчизна страждет, когда в горе и несчастье живет замученный народ. Поэту нужна песня борьбы:

Чей же голос мне спеть сумеет
Ту кровавую здравицу боя,
От которой любовь немеет?
А тогда и сам запою я
О том, что навек люблю я!

Такой „кровавой здравицей боя“ была поэзия великого Христо Ботева. Стихотворения его стали народными песнями: их поют и в городах, и в крестьянских хатах, они близки народу по содержанию и широко доступны по форме — их поэтической основой явилось народное творчество. Почти все поэтические произведения Ботева написаны в стиле народного эпоса и народной лирики.

Ботев создал замечательные картины природы Болгарии, страны, объятай тревожным духом борьбы за свою свободу. Эта борьба слышится и в ботевском пейзаже:

Настанет вечер — при лунном свете
Усеют звезды весь свод небесный.
В дубравах темных повеет ветер —
Гремят Балканы хайдуцкой песней.

Написанная в мягких тонах картина летнего вечера вполне гармонирует здесь с величественным шумом леса и дуновением ветра, и обобщающе обрамляется хайдуцкой песней Балкана.

Ботев любил свою страну, ее природу и историю. Он верил в будущее своего народа, мечтал о подлинно демократической Болгарии. Будучи патриотом своей родины, он был в то же время убежденным интернационалистом. Поэт говорил о свободном и дружественном союзе народов как о необходимом условии счастья на земле. Это делает Ботева близким всему прогрессивному человечеству. „Только разумный и братский союз между народами,— говорил Ботев,— в состоянии уничтожить муки, нищету и паразитов человеческого рода, и только этот союз в состоянии водворить истинную свободу, братство, равенство и счастье на земном шаре“.¹

Христо Ботев был поборником славянской солидарности и дружественного объединения славянских стран. Его заветной мечтой была Балканская федеративная республика, в которой поэт видел залог свободы и самостоятельности балканских народов. С исключительной политической прозорливостью Ботев говорил, что если ослепленные националистическими мечтами государственные деятели вместо объединения начнут борьбу за гегемонию на Балканском полуострове, они могут привести свои страны к гибели.

Только полное равноправие народов принесет человечеству счастье—таково глубокое убеждение Ботева, который жил непоколебимой верой в неизбежность торжества великих принципов коммунизма. Ботев писал:

„Верую в единую общую силу рода человеческого на земном шаре—творить добро. И в единый коммунистический общественный порядок—спаситель всех народов от векового гнета и страдания через братский труд, свободу и равенство.“²

В связи Ботева с народом—источник силы и непреходящей жизненности его поэзии. Революционный пафос песен Ботева, глубокая народность его творчества стали ботевской славной традицией в болгарской литературе. Эти традиции живут в песнях революционных поэтов нового времени—Христо Смирненского, Николы Вапцарова и других.

Мечты Ботева сбылись в современной демократической Болгарии. В общенародной борьбе за свободу страны как бы принимал участие и Христо Ботев.

Ботев велик и сегодня своими освободительными идеями. В пору, когда свора империалистов готовит новую войну, мы слышим голос великого славянского поэта, зовущего к борьбе за демократию, прогресс и мир между народами.

Свято хранит Болгария память о своем народном поэте. Несмотря на то, что Ботев написал только немногим более 20 стихотворений, он продолжает оставаться самым любимым поэтом широких масс болгарских трудящихся, вдохновителем в их борьбе за строительство новой Болгарии.

¹ Христо Ботев. Избрани произведения. Киев, 1940, стр. 209.

² Цит. по кн.: Н. С. Державин. Христо Ботев. 1948, стр. 17.

**К 150-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АДАМА МИЦКЕВИЧА**

С. С. Советов

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ АДАМА МИЦКЕВИЧА¹

Адам Мицкевич — величайший польский народный поэт, живший и творивший в условиях развития национально-освободительной борьбы в Польше 20—50-х годов XIX столетия. Он был связан с гениальным русским поэтом Пушкиным и с другими выдающимися представителями прогрессивной русской культуры.

Идейный и творческий рост молодого Мицкевича протекал в обстановке борьбы прогрессивных сил — „молодых романтиков“ — со старой реакционной шляхетской идеологией, носителями которой в области литературы были в большинстве случаев „варшавские классики“. Ведь не случайно Ян Снядецкий в своем трактате „О классических и романтических произведениях“ (1818) патетически восклицал: „Бежим от романтизма, как от школы измены и заразы“, ибо романтизм „возбуждает воображение против разума“.² А Каetan Кóзьмян, этот яркий противник романтизма как нового демократического движения, защищая диктатуру Хлопицкого и нападая на прогрессивные силы, действовавшие в восстании 1830—1831 гг., подчеркивал именно политическую основу в романтическом движении: „Наконец, после выявления последствий революции [имелись в виду, конечно, революционно-демократические последствия этого движения, задушенные диктатурой Хлопицкого. — С. С.], я объяснил себе мои частые споры с самою известною молодежью, хотя бы о романтизме, под которым скрывались в ее сердце политические цели“, — писал он в своем „Дневнике“ (1858—1865) о дне 29 ноября 1830 г.³

В первый, так называемый виленско-ковенский период творчества Мицкевичем были созданы жемчужины польской лирической поэзии — баллады и романсы, проникнутые любовью и симпатией к своему народу. И здесь, как и во всех других произведениях Мицкевича, выступает на передний план их идейно-социальная сторона. Ярким примером в этом отношении является баллада „Рыбка“, где дается трагический образ обманутой владетельным паном крестьянки-русалки и возмездие, полученное князем и княгиней, превращенными в камень.

¹ Доклад на научной сессии Института славяноведения, посвященной 150-летию со дня рождения Адама Мицкевича.

² J. Śniadecki. O pismach klasycznych i romantycznych. Dzieła, t. V. Wyd. nowe M. Balińskiego. Warszawa, 1837—1839.

³ K. Koźmian. Pamiętniki (w trzech oddziałach). Poznań, 1859—1865. (В особом разделе, посвященном восстанию 1830—1831 гг.).

Когда читаешь баллады Мицкевича, поражаешься богатству и разнообразию мотивов, чувств и настроений, вложенных в них: любовное лирическое настроение в социально-трагической окраске на фоне романтического пейзажа, взятого из живой природы („Свитезь“, „Свитезянка“, „Курган Марыли“, „Я люблю“); сентиментальное настроение („Подснежник“, „Дударь“); простота, доходящая до детской наивности („Возвращение тяти“); народный юмор, сатира („Пани Твардовская“, „Тўкай“); борьба за правду и мщение за обиду („Лилии“) и т. п. Во всех этих балладах чувствуются народная мудрость и человеческая правда, реалистическое понимание мира, образы народной фантазии.

Чтобы понять рост общественного самосознания поэта в этот период, достаточно привести историю стихотворения „Песнь филаретов“. Оно вначале было задумано как застольная песенка для небольшого кружка филоматов, ближайших друзей поэта (первый вариант), а впоследствии приспособлена к потребностям Общества филаретов (второй вариант). Позже, в варианте того же стихотворения „Ода к юности“, перед нами выступает уже другой Мицкевич: „Kwas Bacha“, „Pierwiastek słoduczy“, „Филаретской песни“ забыты: их место занимают революционные устремления поэта. Здесь перед нами предтеча Конрада из „Импровизации“, подчинивший и дружбу и любовь более высокой цели — борьбе за свободу, уверенный, что эта великая цель даст ему и нужную силу.¹

Мария Конопницкая так писала об этом стихотворении: „Ода понятна всем. В ней — сама жизнь. Гигантскую, прометеевскую интуицией будущего заканчивается этот могучий взрыв вдохновения. На малом пространстве она провозглашает наивысшую правду“.² Это был своего рода гимн молодого поколения, гимн, отличавшийся гораздо более высоким жизненным смыслом, чем шиллеровские „Die Freundschaft“, „An die Freunde“, „Das Ideal und das Leben“. Мицкевич не делает самоцелью человека дружбу и любовь в их философских абстрактных понятиях, как Шиллер, а подходит более реалистически и практически. Он, говоря образным языком этой оды, стремится „содрать заплесневелую кору мира и вывести из древнего хаоса внутренний мир человека к новым достижениям и устремлениям“.³ Ода была написана в 1820—1821 гг.,⁴ но по цензурным условиям не смогла войти в первый томик его поэтических произведений 1822 г. Она распространялась во многих рукописях и впервые появилась в печати только в 1827 г. во Львове, в сборнике Щепаньского „Polihymnia“.⁵ Поэт в это время находился уже в России в апогее своей славы.

Почти одновременно с Одой появилась „Romantyczność“. В этом замечательном стихотворении воображение поэта блестяще соединило теорию поэзии с поэтической практикой. „Варшавские классики“ утверждали, что необходимо писать по раз и навсегда установленным пра-

¹ См. подробнее о толковании двух вариантов „Филаретской песни“ в статье: Ф. Ф. Зелинский. Филаретская поэзия. — В его книге: „Из жизни идей“, т. IV, Пг., „Academia“, 1922, стр. 141—156.

² М. Конопницкая. O Mickiewiczowskiej „Odzie do młodości“, 1890.

³ Об этом еще в свое время писал Ю. Калленбах в своей работе: „Adam Mickiewicz“, t. I. Kraków, 1897, s. 55.

⁴ „Oda do młodości“ была написана, по мнению Ю. Калленбаха, в Ковно в декабре 1820 г.; по мнению Ф. Ф. Зелинского — в Ковно весной 1821 г.

⁵ См. примечание Ю. Калленбаха к стих. „Ода к юности“ в изд.: A. Mickiewicz. Poezje, t. I. Wydanie III. (Biblioteka Narodowa, serja I, N 6, Kraków, 1926, s. 24).

вилам и во главу угла ставили ограниченный социальными рамками шляхетский „разум“ без всякого чувства, вдохновения. Мицкевич, наоборот, право первенства отдавал человеческому чувству. Это чувство он противопоставил „разуму“, ограниченному определенными правилами, размеренному и косному разуму „варшавских классиков“. Этими двумя стихотворениями он провозгласил новые эстетические нормы, которые заключались в том, что в поэзии выражаются чувства, вдохновение, страсти обыкновенных, простых людей, и поэтому не поэзия должна применяться к правилам, а поэтические правила должны рождаться из жизненной правды народной поэзии. Таким образом, конкретное субъективное чувство простого человека, которое он противопоставлял абстрактному „разуму“, было для него объективной ценностью, ибо оно было всенародно, воплощало идею народности. Разум народа Мицкевич противопоставлял „разуму“ классиков, ограниченному, узкому пониманию мира, мертвому, застывшему началу, оторванному от народных масс. Новая поэзия, провозглашенная Мицкевичем, включала социальные мотивы. Этот общественный, гражданский мотив, как правильно отметил Юзеф Калленбах, брал верх над поэтическими канонами. Наплыв новых мыслей разрывал форму обычной баллады.¹ Недаром с такой злобой обрушивался на Мицкевича Каetan Кóзьмян в письме к Франтишку Моравскому, говоря, что „упорную горячность Мицкевича раздували грязные литовские судомойки“. ² Мицкевич писал не для „варшавских классиков“, а для простого народа, для широкого круга людей.

В 1822 г. в Вильно вышел в свет первый томик „Поэзии“ Мицкевича, содержащий 17 небольших поэм. Проф. Калленбах в образной форме сформулировал значение для польского народа этого маленького томика стихов Мицкевича: в душную атмосферу условных, будуарных сентиментов, пропитанную мускусом Телимены, упали „Баллады“, словно связка обрызганных росой весенних цветов с деревенских полей. От этих майских цветов, от этих весенних подснежников с берегов Свитези, от аромата черемухи на холмике Марыли повеяло свежестью по всей Польше.³ Сам Мицкевич уже позднее говорил по этому поводу своему другу Александру Ходзько: „Первые пятьсот экземпляров были раскуплены неожиданно быстро“.⁴

В этот же виленско-ковенский период Мицкевичем были написаны в форме лирико-драматической поэмы II и IV части „Дзядов“, эпическая поэма „Гражина“, не говоря уже о многих мелких лирических стихах.

Вторая часть „Дзядов“ характерна тем, что основой ее явились народные мотивы и предания, как бы противопоставленные церковному догматическому христианству и защищавшиеся поэтом от разрушения их католическою церковью. (См. просьбу Густава в IV части „Дзядов“.)

Во II части „Дзядов“ мы видим еще более яркое проявление социальных мотивов. Здесь дан незабываемый образ злого помещика в виде отвратительного призрака, терзаемого ночными птицами, в которых

¹ См. во вступительной статье Ю. Калленбаха к I тому „Poezje“ Мицкевича в цит. изд., стр. XIII.

² Koźmian. List do Franciszka Morawskiego z marca 1827 r. [в кн.: L. Siemieński. Obóz klasyków. — Dzieła, t. V. Warszawa, 1881, s. 67—68].

³ См. во вступительной статье Ю. Калленбаха к I тому „Poezje“ Мицкевича в цит. изд., стр. XVII.

⁴ Там же, стр. XVI.

обитали души его крепостных крестьян. Мицкевич этим образом заклеил навсегда крепостное право, которое разъедало организм старой Польши и породило непримиримую классовую рознь между польским шляхтичем и польским крестьянином.¹ Недаром цензор Фрейман 18 января 1889 г. писал о переводе на украинский язык II части „Дзядов“: „Пьеса эта, кроме пропагандирования коммунистических начал, очевидно, написана с тою целью, чтобы восстановлением в памяти простого народа печальных событий времен крепостничества возбудить в низшем сословии ненависть к высшему“.²

О IV части „Дзядов“ можно было бы повторить и сейчас то, что сказал о ней известный польский критик, теоретик польского романтизма, современник Мицкевича — Маврикий Мохнацкий. Он назвал IV часть „Дзядов“ „источником огненного духа, потоком самого чистого энтузиазма, самым высоким лирическим вдохновением, пламенем любви“.³ И это была несомненная правда. Это была песнь поэта о потерянной любви. Мицкевич первый из польских поэтов выразил свои чувства в стихах. Своей IV частью „Дзядов“ поэт освобождал себя не только от угнетавшего его чувства, но гениальной передачей его в совершенно новой художественной форме открыл новые горизонты для развития польской лирики. В этом произведении личность приобрела право голоса на искреннее выражение своих чувств. Одним из характернейших моментов этой лирической драмы, рожденной польским романтизмом, является то, что выражение этих личных чувств проникнуто подлинным реализмом. Личные переживания поэта-Густава придали поэзии силу правды.⁴

Наконец, третья большая поэма, написанная в тот же период, „Гражина“, рисует светлый образ героической женщины, которая ради спасения своей родины, Литвы, погибла в борьбе с немецким крестовым орденом и своей смертью спасла литовский народ от немецкого порабощения. Эта историческая поэма ставит вопрос о борьбе между личным долгом и гражданским и показывает в красочных образах, на фоне исторической борьбы литовцев с немецкими интервентами, победу общественного долга, героическую любовь к родине. В поэме поставлен также вопрос о моральном и боевом единстве народа, которое дает силу для победы над врагом.

Эта новая тематика, это новое восприятие мира, дало основу для создания совершенно новых литературно-художественных жанров, как, например, жанра лирико-драматической поэмы, который Мицкевич противопоставил жанрам старой классической поэтики. Этот жанр всего более подходил к отражению широко задуманной народной тематики. Если национально-историческая тематика господствовала также и в среде

¹ С точки зрения типично буржуазной этот же социальный момент трактуется и проф. Калленбахом в его вступительной статье ко II и IV частям „Дзядов“. См. в кн.: A. Mickiewicz. Dziady wileńskie. Wyd. 5-e. — „Biblioteka Narodowa“, serja I, N 11, Kraków, 1829, s. X—XI. Wstęp.

² Доклад цензора Фреймана 18 января 1889 г. о присланной Главным управлением по делам печати на рассмотрение Цензурного комитета рукописи на малорусском языке, под заглавием „Складка“ (сборник) — альманах на 1888 год, № 2, сост. В. Александров (Харьков, стр. 116—142). — ЛОЦИА. Дело СПб. цензурного комитета № 139, 1889 г. По рассмотрению сочинений на малороссийском наречии, л. 22.

³ M. Mochnacki. O literaturze polskiej w wieku dziewiętnastym. — „Biblioteka Narodowa“, serja I, № 56, Kraków, 1923, s. 119 (rozdział trzeci).

⁴ A. Mickiewicz. Dziady wileńskie. Цит. изд., стр. XII—XIV. Wstęp.

„варшавских классиков“, создавая историческую драму („Barbara Radziwiłłówna“ Алоиза Фелиньского) или эпическую поэму („Sybilla“ Яна Павла Воронича или „Jagiellonida“ Боньчи Дымзы Томашевского), то „Гражина“ представляет совершенно новый тип эпической поэмы с национально-историческим содержанием, построенной по совершенно новым художественным принципам и не имеющей ничего общего с поэмой Томашевского. Это было объединение национально-исторического, классического стиля эпохи Яна и Петра Кохановских с новым, народным романтическим стилем, создавшим в своем единстве народно-героическую эпiku. Эти произведения Мицкевича явились совершенной новостью и в области создания польской поэтической речи того времени. Работая одновременно над II и IV частями „Дзядов“ и над „Гражиной“, Мицкевич создавал, с одной стороны, язык эпических поэм и, с другой — язык лирико-драматических поэм, резко отличавшихся по своей конструкции. То новое, что создавал в этом отношении Мицкевич, отразилось в области лексики и главным образом в построении совершенно нового поэтического синтаксиса, отличного от старого, „классического“ представления о синтаксисе. Когда мы читаем изыскательные строки из стихов Каэтана Козьмяна: „Powtarzaj z mistrzem: co to będzie, co to będzie!“¹ или зlostную перифразу в эпиграмматическом стиле, приписываемую Людвигу Осинскому: „co to było! nic nie będzie. Głupio było, głupio będzie...“ (в насмешку на язык II части „Дзядов“),² можно понять, какое огромное значение имел язык Мицкевича в борьбе за новое демократическое мировоззрение.

Формирование творчества молодого Мицкевича происходило под благотворным влиянием устного народного творчества, которое нашло свое отражение в творчестве Мицкевича на протяжении всего его пути. Уже с самых ранних лет он привык в сопровождении своих друзей странствовать по окрестным селам и прислушиваться к голосу народа. В своих более поздних примечаниях к статье „Франтишек Карпинский“ поэт писал: „Под народными песнями мы понимаем польские песни, баллады и идиллии, повторяемые мелкою шляхтою и классом служащих, говорящих на польском языке. Некоторые из этих песен носят признаки древности, но где они создавались — в Литве ли, или занесены из Польши, — до сих пор никто не поинтересовался исследовать этот вопрос“.³ Под влиянием народного творчества формировался и язык Мицкевича.

В своей романтической программе, как утверждает проф. Юлиан Кшижановский, Мицкевич всегда ставил на передний план знакомство с народным творчеством и умение осмыслить его в своих художественных произведениях. Народные мотивы нашли свое яркое выражение и проявились с чрезвычайно большой силой как в ранний период творчества Мицкевича, так и в более поздних его произведениях —

¹ K. Koźmian. Odpowiedź Franciszkowi Morawskiemu na jego list o klasykach i romantykach (1825). — „Różne wiersze“, Kraków, 1881, s. 96.

² „Wiek XIX. Sto lat myśli polskiej“, t. II. Warszawa, 1907, s. 16. — У Мицкевича во II части „Дзядов“ это место, выступающее как рефрен хора, звучит след. образом:

Ciemno wszędzie, głucho wszędzie,
Co to będzie, co to będzie?

³ A. Mickiewicz. Franciszek Karpiński. В кн.: A. Mickiewicz. Pisma estetyczno-krytyczne. — „Biblioteka Narodowa“, serja I, N 79, Kraków, 1924, s. 82. (Примечание Мицкевича.)

в „Пане Тадеуше“, в „Лекциях по истории славянских литератур“. Хотя последние, как известно, создавались далеко от родины, в шумном Париже, они содержали множество таких подробностей, которые свидетельствуют о том, что поэт, записывавший в молодости народные литовские, белорусские и польские песни, сохранил до конца жизни животворящее влияние непосредственного соприкосновения с народом, с его устной поэзией.¹ Мы вправе сказать, что отражение народного творчества в поэзии Мицкевича не случайно; оно не является аксессуаром романтизма или результатом скоро проходящей моды. Народное творчество было для Мицкевича той жизненной, реальной силой, которая побудила его впервые вложить в польскую поэзию совершенно новое содержание и заставила ее зазвучать новыми звуками, заиграть яркими красками новых образов. Как не похоже все это было на то, что создавалось ранее под знаком народности. Мицкевич уже своими ранними произведениями показал, что он подлинный, народный, национальный польский поэт.

Здесь уместно напомнить тот исключительно пластический национальный образ-сравнение, который мы находим в „Пане Тадеуше“ и который, несомненно, вошел в мировую поэзию под влиянием народной славянской поэзии.

Разве не является прекрасной наша почтенная береза,
Которая, словно крестьянка, оплакивающая сына,
Или вдова мужа, ломает руки, распускает
По рукам до земли поток своей косы!
Немая от горя, [она] внешним видом так выразительно рыдает.²

Разве в этих пяти строках из простого описания природы не вырастает перед нами такой правдиво жизненный, такой сильный, исполненный социальной трагедии, образ польской женщины-крестьянки. И разве не к этой же крестьянке Мицкевич обращает свой голос в эпилоге к „Пану Тадеушу“:

О, как хотел бы я дожить до той радости,
Чтобы эти книги попали под соломенную крышу [изб],
Чтобы крестьянки, крутя веретено,
Когда поют любимые песни...
Взяли, наконец, в руки
Эти книги, простые как их песни.³

Вторым, не менее важным по существу фактором, оказавшим благотворное влияние на Мицкевича как на национального поэта, были литературные влияния польских национальных поэтов, в первую очередь Яна Кохановского, Игнатия Красицкого и в особенности Станислава Трембецкого.

Классическая литературная традиция Яна Кохановского оказала существенное воздействие на создание „Гражины“. О великом поль-

¹ J. Krzyżanowski. Z motywów folklorystycznych u Mickiewicza. (Paralele XV). — „Pamiętnik Literacki“, Lwów, 1934, roczn. XXXI, z. 1—2, s. 105 (в отделе II. Notatki). — Из старых русских работ по этому вопросу вызывает интерес статья И. Эйзенбет. Влияние народной поэзии на Пушкина и Мицкевича. — Пушкинский сборник, под ред. А. Кирпичникова. М., 1900, стр. 136—176.

² A. Mickiewicz. Pan Tadeusz. Księga III, строки 594—598. (Слова Тадеуша, который свою родную березу противопоставляет южным деревьям в Западной Европе в ответ на насмешливое отношение к родной природе со стороны Графа и Телимены.)

³ A. Mickiewicz. Epilog do „Pana Tadeusza“, строки 107—116.

ском поэте XVI в. Мицкевич не раз упоминал в своих парижских лекциях, а в маленькой статье „О драматическом искусстве в Польше“, написанной на французском языке (1822—1823), он специально останавливается на Кохановском как на драматурге.¹ Красицкого он ценил как великого сатирика XVIII в., и, как нам удалось проследить, он во многом следовал языковой традиции своего предшественника. Стиль Станислава Трембецкого нашел особенно яркое отражение в ранних произведениях Мицкевича. Трембецкому он посвятил обстоятельный разбор „Зофьювки“, где показал себя глубоким знатоком современной ему польской литературной речи, тонко разбирающимся в вопросах языка.² Именно благодаря Трембецкому, одному из лучших стилистов своего века, Мицкевич продолжил прогрессивную линию в истории развития польского литературного языка.³ Влияние этих и других национальных поэтов, например Франтишка Карпинского, Юлиана Немцевича, а не западноевропейских, легло в основу его поэтического творчества. Сам Мицкевич признавал, например: „Я не написал бы баллад, если бы не было Карпинского и Немцевича“.⁴

Наконец, третьим существенным фактором явилось и культурно-идеологическое влияние на Мицкевича в раннем периоде его творчества демократа Иохима Лелевеля и его дружеские связи с Лелевелем в последующие периоды жизни. Карл Маркс и Фридрих Энгельс дали верную характеристику Лелевелю, этому, по их выражению, „гениальному человеку“, провозгласившему демократические лозунги во время восстания 1830 г.,⁵ за что реакционно настроенные польские шляхтичи не переставали чернить его, называя „демагогом“ и „клу-бистом“. Не случайно „варшавский классик“ поэт Франтишек Вэнжик иронически писал о Лелевеле в своей работе „Восстание Польского королевства“: „Эта жестокая резня в королевском замке продолжалась больше часа. И вот это есть то, что Лелевель называл избавительным движением“.⁶ Свое отношение к Лелевелю Мицкевич выявил уже в „Оде к Лелевелю“ от 1822 г., особенно в ярких последних ее

¹ A. Mickiewicz. O sztuce dramatycznej w Polsce. — Pisma estetyczno-krytyczne. Цит. изд., стр. 76—77. Пер. на польский яз. Ю. Калленбах.

² A. Mickiewicz. O poemacie opisowym „Zofjówka“. Wstęp i objaśnienia. — Работа эта появилась в первый раз в виленском изд. „Поэзии“ Трембецкого в 1822 г. у Б. Нэуманна. Кроме вступительной статьи, посвященной описательной поэзии и художественной оценке поэмы, эта работа включает и подробные объяснения филологического характера. (Pisma estetyczno-krytyczne. Цит. изд., стр. 71).

³ Мицкевич писал во „Вступлении“ к этой поэме: „Трембецкий был более сильным, чем всеобщий обычай, чем господствующие мнения и мода. Поэтому проводимая, как новость, галломания не имела влияния на его талант и язык“. И далее он перечисляет достоинства языка Трембецкого, которые являются, по его мнению, основным двигателем в развитии литературной речи: „Воскрешение [родных] слов, незаслуженно забытых, внедрение чужих [слов] из братского языка [имелся в виду украинский язык], создание новых, нарушение [обычно принятого] синтаксиса, использование смелых выражений и оборотов“ и т. д. (A. Mickiewicz. Pisma estetyczno-krytyczne. Цит. изд., стр. 73—74). См. статью: С. С. Советов. Стилистическое осмысление „муж. личных“ и „предметных“ окончаний в поэтическом языке „Гражины“ Мицкевича (Ученые записки АГУ, сектор филологический, т. XIV (97), 1949, стр. 51—75).

⁴ См. Wł. Mickiewicz. Żywot, t. I, s. 247. — В письме к Чечоту от 3 (15) апреля 1823 г. Мицкевич писал: „Ученые певцы [kantorki] хотят итальянщины, народ же повторяет песенки Карпинского“ („Archiwum Filomatów“, cz. III, t. V, s. 171).

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 265; т. XV, стр. 551.

⁶ F. Weżyk. Powstanie Królestwa Polskiego w roku 1830—1831. Kraków, 1895. (Rzecz 15 sierpnia).

строках. В тяжелые минуты своей жизни, в минуты колебаний и раздумий он всегда обращался к Лелевелю, о чем свидетельствует их переписка. Большое идейное значение имела для Мицкевича при создании III части „Дзядов“ брошюра Лелевеля „Новосильцев в Вильне“.¹ Лелевель поддерживал в нем полемический дух и тогда, когда Мицкевича атаковывали „варшавские классики“.

Отличительной чертой великого польского поэта была энергичная деятельность во все периоды его жизни. Этой практической деятельностью он, несомненно, во многом обязан своему учителю и другу Лелевелю еще со времен Виленского университета.

Таким образом, виленско-ковенский период, как первоначальный этап в развитии идейного и художественного творчества Мицкевича, показывает, что именно на этом этапе его роста уже наметились в общих контурах те народно-демократические и патриотические идеи, которые в будущем стали ведущими в творчестве Мицкевича и получили реалистическое, более глубокое осмысление, и те литературные жанры, которые нашли свое окончательное оформление в III части „Дзядов“, как дальнейшее развитие жанра лирико-драматической поэмы, в „Пане Тадеуше“, как дальнейшее развитие жанра национальной эпической поэмы.

* * *

Второй этап в развитии творчества А. Мицкевича начинается с момента его приезда в Россию. В результате поездки по Крыму Мицкевич написал „Крымские сонеты“. Однако не следует думать, что это только блестящее описание красот южной природы, только „безделушки“, как их назвал В. Д. Спасович.² Нет! В них можно отметить единую идейную направленность, которая выражена лирическими концовками почти в каждом сонете. „Крымские сонеты“ отражают мысли, чувства и настроения поэта-изгнанника; это те чувства, которых он не знал раньше, которые углубили его самосознание. И это сказывается в восприятии поэтом самой природы, которая как бы отражает мысли и чувства поэта: образы моря, бури, утесов, гор.

В некоторых сонетах проглядывает грусть, воспоминания поэта об утраченной отчизне (в особенности в сонете „Пилигрим“), оторванность от нее, желание услышать сквозь тишину аккерманских степей призыв к борьбе из далекой Литвы. Чрезвычайно ярко во многих сонетах выступает образ коня. Даже морской корабль рисуется поэту в образе коня (сонет „Мореплавание“).³ Конь — образ, выражающий стремительность полета (сонет „Байдары“), конь преодолевает все преграды: горные хребты и ущелья (сонет „Гора Кикинеиз“). Это тот же конь, который, преодолевая вместе со своим всадником все препятствия, понесет Фарыса через пустыню на поиски нового счастья для людей (в известной касиде „Фарыс“, посвященной поэту

¹ A. Mazanowski. Adam Mickiewicz od r. 1829—1832. — „Przewodnik naukowy i literacki“, Lwów, 1884, s. 1145—1146.

² В. Д. Спасович. Адам Мицкевич и его поэтическое творчество. — „Вестник Европы“, СПб., 1899, т. IV, кн. 8, стр. 553—554.

³ Об этом сравнении уже писал ранее Станислав Виндакевич в статье: „Sonety Krymskie“. Studium. — „Przegląd Polski“, Kraków, 1896, t. 120, N 360, z. XII, s. 626.

И. И. Козлову).¹ Наконец, „Крымские сонеты“ показывают, насколько поэт сумел найти в них взаимодействие содержания и формы и раскрыть всему миру богатство польской чеканной поэтической речи.

Здесь же, в России, Мицкевич создал и издал большую поэму „Конрад Валленрод“—это исключительное по своей идейной и художественной силе произведение, еще проникнутое романтическими настроениями. Совесть народа, изображенная еще в „Гражине“ в лице Рым-вида, здесь переплавляется в более глубокий, в более мудрый, в более близкий к народу образ Гальбана, а мотив победы гражданского долга над личным счастьем на фоне исторической борьбы литовцев с немецкими интервентами получает в этой поэме в лице Конрада Валленрода еще более смелое, еще более решительное выражение, чем в „Гражине“.

Интересно отметить тот факт, что, в то время как в России передовая общественность рукоплескала „Сонетам“ и „Валленроду“ Адама Мицкевича, польские реакционеры всячески пытались принизить достоинства этих произведений. Мицкевич вынужден был выступить публично в защиту своих новых устремлений и дать резкую полемическую отповедь тем, кто желал повернуть историю вспять. Он почувствовал отныне в себе новые силы для такой борьбы. Эта сила проявилась с особой остротой в статье „O krytykach i recenzentach warszawskich“, являющейся предисловием („К читателю“) к петербургскому изданию стихотворений поэта в 1829 г.

Еще в письме к Лелевелю от 16 января 1828 г. Мицкевич писал: „За это предисловие я буду побит камнями в Варшаве. Я сломал копья в борьбе со всеми почти благосклонными и неблагосклонными писателями. В замечаниях по поводу польской исторической школы, начиная от Голянского до Людвига Осинского, я проявил много сарказма по адресу варшавского „Маленького городка“ [т. е. классиков], их взаимной лести и полного неведения в иностранных делах. Это предисловие является только открытием великой борьбы, которую я хочу начать и имею смелость довести до конца... Наконец, мое нападение повлечет за собою с их стороны взаимные атаки, если они будут читать мои статьи, а это [т. е. борьба] всегда идет на пользу“.²

Пребывание польского поэта в России имело для всего его поэтического творчества огромное значение. Этот период был новым, более высоким в качественном отношении, этапом по сравнению с виленско-ковенским периодом, благодаря прогрессивному влиянию передовой русской общественности на развитие Мицкевича и на его дальнейшее поэтическое творчество. Первый русский исследователь Мицкевича проф. П. П. Дубровский в 1858 г. выразился очень метко: „Нам, русским, лира Мицкевича особенно близка потому, что в ней слышатся родные струны, большею частью настроенные в сердце самой России“.³

¹ Вопрос о связи „Крымских сонетов“ с поэмой „Фарыс“ поставил Р. Пилят в статье: „Geneza „Farysa““. — Pamiętnik Towarzystwa literackiego imienia A. Mickiewicza, t. II.

² Henryk Zychyński. Wstęp do wydania: Adam Mickiewicz. Pisma estetyczno-krytyczne. Цит. изд., стр. XXX—XXXI.

³ П. П. Дубровский. Адам Мицкевич. Из очерков новейшей польской литературы. СПб., 1858—1859, стр. 2. — Работа Дубровского первоначально была напечатана в „Отечественных записках“, СПб., 1858, т. 120, стр. 39—72 (статья I); стр. 417—460 (статья II); т. 121, стр. 87—162 (статья III); стр. 647—668 (статья IV).

Мицкевич считал, что русская литература и ее передовые носители стояли на большой высоте и шли впереди всех других славянских литератур. Характеризуя русского писателя пушкинской эпохи и отдавая ему превосходство перед писателями Западной Европы, Мицкевич говорил в своей знаменитой статье „Александр Пушкин“ (1837), написанной вне России: „Писатели в России составляют род братства, спаянного не одними узами... Следует здесь признать в похвалу русских писателей, что они показали в этом случае [т. е. будучи в оппозиции к царскому правительству. — С. С.] силу души и нелюбви, примеров чего мы не нашли бы в странах, более свободных и гораздо более цивилизованных...“¹

Мицкевич, будучи в Москве, возмущался недооценкой русской культуры иностранцами. Он писал в „Записке“ по поводу желанного выпуска в Москве польской газеты „Iris“: „Выходящая в Москве польская газета не сможет оставаться равнодушной ко все возрастающему богатству русской литературы, развитию науки, искусства и ремесел, к изменениям, вызываемым в столь могущественном государстве непрерывным прогрессом цивилизации. Неоднократно приходилось отмечать тот достойный сожаления факт, что среди иностранных писателей до сих пор еще держатся и распространяются совершенно превратные сведения о нынешнем положении в России“.²

Нельзя не отметить и того знаменательного факта, что именно в момент пребывания Мицкевича в Москве и в Петербурге эстетические воззрения польского поэта подверглись основательным изменениям. Здесь именно наметились в его творчестве новые пути от раннего романтизма к реализму III части „Дзядов“ и „Пана Тадеуша“. Мысль о связи творчества с действительностью начинает занимать поэта все больше и больше. В письме к Одыньцу в сентябре — октябре 1827 г. Мицкевич пишет: „Где нет выразительной, яркой, хорошо понятой писателем мысли, где нет простого и могучего чувства, там, кроме громких слов, фигур, никто ничего не найдет“.³

Этому принципу Мицкевич останется верен навсегда. Произведения, лишенные глубоких мыслей и правдивых чувств, он будет оценивать как пустую декламацию.⁴

Большинство польских ученых как в прошлом, так и в настоящем, в особенности за последнее время, признает несомненным тот факт, что именно в России Мицкевич вступил на новый творческий путь (Петр Хмелевский, Калленбах, Третяк, Хлебовский, Спасович, Клейнер и др.). „Пребывание Мицкевича в России явилось для него основательной школой жизни, из которой он вышел победителем и как человек и как поэт“, — пишет проф. Юзеф Калленбах в одной из своих статей о Мицкевиче.⁵ Но когда говорят об этом влиянии, то обычно некоторые из ученых ограничивают его только узкими рамками. Многим кажется, что как только Мицкевич попадает на Запад, в нем

¹ A. Mickiewicz. Aleksander Puszkina. В изд.: A. Mickiewicz. Pisma estetyczno-krytyczne. „Biblioteka Narodowa“, serja I, N 79, Kraków, 1924, s. 135—136. Цит. с польского перевода. Собр. соч. А. Мицкевича, т. IV. Изд. проф. Пини.

² А. Мицкевич. Избранные сочинения. Москва. 1943.

³ A. Mickiewicz. Dzieła. Wyd. Piniego i Reitera, t. X.

⁴ См. Н. Życzowski. Wstęp do wydania: A. Mickiewicz. Pisma estetyczno-krytyczne. Цит. изд., стр. XXVI.

⁵ J. Kallenbach. Wstęp do wydania (czwartego) — A. Mickiewicz. Dziady, cz. trzecia. — „Biblioteka Narodowa“, serja I, N 20, Kraków, 1925, s. 5.

наступает перелом; он якобы подпадает под влияние западноевропейской литературы, погружается в католический мистицизм, который в различных оттенках является, по мнению этих исследователей, движущей силой его творчества, вызывает написание III части „Дзядов“. Нельзя не отметить большой заслуги проф. Бой-Желеньского, который дал суровую критику этим взглядам, поставив вопрос о вредности влияния идей товянизма на творчество Мицкевича. Проф. Бой-Желеньский как бы продолжил этим дискуссию, которая развернулась на страницах газеты „Wiadomosci literackie“ в 1925 г. между Яном Непомуценом Миллером и Игнатием Хшановским и между Каден-Бандровским и Юзефом Калленбахом. Когда возникает вопрос об отношениях между Пушкиным и Мицкевичем, то на передний план польские пушкинисты (Третяк, Ледницкий) выдвигают обычно проблему влияния Мицкевича на Пушкина. Утверждается, что Мицкевич оказал свое воздействие на „Русалку“, „Бориса Годунова“, на поэму „Галуб“, „Полтаву“, на прозу — „Путешествие в Арзрум“, на стихотворения „Анчар“ и „Пророк“.¹ Между тем, в польской литературе совершенно недостаточно разрабатывался вопрос о влиянии Пушкина и его окружения на Мицкевича. В этом отношении интересны наблюдения и фактические данные, приводимые Генрихом Батовским, Северином Поляком, Самуэлем Фишманом, Генрихом Шипером и многими другими литературоведами и критиками народно-демократической Польши.² Чрезвычайно любопытно, например, указание Г. Батовского, что именно декабристы, и главным образом Пушкин, ввели Мицкевича в круг вопросов о славянской народной поэзии и, в частности, пробудили в нем интерес к сербскому народному творчеству.³ Далее, необходимо отметить, что именно в Москве в 1826 г. у Мицкевича впервые зародилась мысль о создании исторической драмы, о которой он писал Лелевелю в письме от 7 января 1827 г. и просил от него помощи в присылке исторического материала. Эта мысль возникла у Мицкевича тотчас же после чтения Пушкиным в кругу литераторов рукописи „Бориса Годунова“. Об этом факте упоминали и старые представители польского литературоведения.⁴ Эти вопросы требуют более тщательного синтетического изучения. В чем же именно конкретно проявилось в наибольшей степени это оплодотворяющее влияние русской передовой общественной мысли на Мицкевича?

¹ J. Tretiak. Ślady wpływu Mickiewicza w poezji Puszkina в кн.: „Mickiewicz i Puszkini“. Warszawa, 1906, s. 210, 231, 223—224, 228—229, 222, 207; W. Lednicki. Aleksander Puszkini. Studja. Kraków, 1926, s. 179—180 (z historii poetyckiej przyjaźni).

² H. Szyper. Adam Mickiewicz—poeta i człowiek czynu. Spół. Wyd. „Czytelnik“, 1947 (II изд. в 1949 г.). Работа Генриха Шипера — первая монография после войны, делающая попытку по-новому осветить вопрос о Мицкевиче. (См. рецензию на эту книгу Мариана Пэхала в журнале „Nowiny literackie“ Warszawa, 18 stycznia 1948, № 3 (44), s. 4 и др. См. также небольшую, но содержательную заметку: H. Bato-w-ski. Na marginesie tematu „Mickiewicz w Rosji“. — „Twórczość“, r. IV, z. 3, 1948, s. 118—121 s. Fiszman Mickiewicz w Rosji. Warszawa. Państwowy Instytut Wydawniczy. 1950 (96 стр.) и др. В связи с 150-летием со дня рождения поэта появилось большое количество работ о Мицкевиче. О культурных и литературных связях Мицкевича с Россией дал в последнее время популярный обзор М. Живов в статье: „Поэзия Мицкевича в переводах и откликах русских писателей“ (А. Мицкевич. Избранное. ГИХЛ, Москва, 1946, стр. 12—47).

³ H. Bato-w-ski. Mickiewicz a serbska pieśń ludowa. Przegląd faktów. — Pamiętnik literacki“, Lwów, 1934, roczn. XXXI, z. 1—2, s. 34—41.

⁴ J. Kallenbach. Adam Mickiewicz, t. I. Kraków, 1897, s. 231. (Ср. Korespondencja, t. III, s. 282).

Мы знаем, что, изучая суровую русскую действительность и общаясь с лучшими передовыми русскими людьми, в частности с декабристами, Мицкевич прислушивался к их голосу. Ведь Рылеев не случайно писал Туманскому, что „по чувствам и образу мыслей они [т. е. Мицкевич, Ежовский, Малевский. — С. С.] уже друзья“, а Бестужев подчеркивал: „Я ручаюсь за его душу и талант“.¹ В России Мицкевич впервые ярко осознал идею действия, идею борьбы за социальную правду, за любовь к угнетенным народам. „Я люблю весь народ... Я хочу его сдвинуть, осчастливить...“, — восклицал он устами Конрада. И именно в России проснулась в нем священная ненависть к варварскому средневековому деспотизму, к порабощению миллионов людей немногими имеющими власть тиранами — все равно, касалось ли это поляков или русских. Девиз Мицкевича, которым была проникнута III часть „Дзядов“, звучал: „За вашу и нашу свободу“.

Е. Усиевич в статье „Великий польский поэт“ пишет: «Вот как Мицкевич ставил вопрос о польском патриотизме в 1833 г.: „Подлинным носителем польского духа был тот человек, который во время революции [восстание 1831 г. — Е. У.] написал на польских знаменах: „За вашу и нашу свободу“ — и слово „вашу“, вопреки всей прежней дипломатической логике, поставил впереди слова „нашу“».² Эту идею он вывез из России, и уже за пределами России, когда наступил третий, так называемый эмиграционный, период в развитии его творчества, воплотил ее в художественные образы в своем величайшем произведении — в III части „Дзядов“, которая не могла появиться в России даже на польском языке вплоть до Октябрьской революции. Как известно, Мицкевич сам назвал эту часть „единственным произведением, достойным чтения“ (в письме к А. Одыньцу от февраля 1834 г.), и посвятил ее своим лучшим польским и русским друзьям.

В чем же заключается идея „Дзядов“, написанных в Дрездене в 1832 г.? Прежде всего, Мицкевич, как и в поэме „Конрад Валленрод“, хотел выразить этой драматической поэмой основную идею национально-освободительного движения, идею борьбы, которая единственно могла способствовать делу освобождения польского народа. Эта идея впоследствии целиком нашла свое воплощение в публицистической работе поэта в эпоху революции 1848 г. Мицкевич сам признавался, что в этот период, после поражения восстания 1830 г., война против царизма могла вестись не мечом, а идейным словом, „песней“, как говорил Мицкевич. Поэтому-то художественная литература должна была стать именно таким актуальным, боевым, идейным оружием.

Для выражения этой борьбы в драме он создает реальный исторический фон в образе филаретского движения, участником и организатором которого он был и которое было подавлено верным агентом самодержавия — Новосильцевым. Объективная реалистическая трактовка избранной им темы чрезвычайно ярко гармонирует с раскрытием психологических черт основного героя — носителя этой идеи борьбы и действия, Конрада. В этой поэме Мицкевич дает нам прометеевский образ героя-мятежника, борющегося за независимость, право и свободу

¹ Из письма К. Рылеева и А. Бестужева к В. И. Туманскому от 15 января 1825 г. СПб. См. Н. Ш. „Туманский и Мицкевич“. — „Киевская старина“, 1899, т. XIV, № 3, стр. 300.

² Огонек, 19 декабря 1948 г., № 51, стр. 14.

народа. Не за личное счастье Густава, как это было в IV (более ранней) части „Дзядов“, а за миллионы, за народ.

Я и родина — это одно;
Я называюсь Миллион: за миллионы
Люблю и претерпеваю страдания... —

воскликает Конрад в „Импровизации“, противопоставляя себя как человека — божеству, ставя земного человека выше самого божества. Недаром реакционеры всех мастей называли „Импровизацию“ Конрада сценой богохульства. Десятью годами ранее для Мицкевича существовала только трагедия личных чувств, овеянных дымкой романтизма; теперь, после возвращения из России, трагедия личных чувств переросла в трагедию угнетенного народа. Об этом заявил сам поэт в III части „Дзядов“ в сжатой латинской формуле: „Gustavus obiit... hic natus est Conradus“ (т. е. „умер Густав... родился Конрад“). Это была скромная надпись в тюремной келье базилианского монастыря, куда были заточены филареты в 1823—1824 гг. Но если идея борьбы в поэме „Конрад Валленрод“, написанной в России, должна была быть замаскирована и внешней художественной формой и всей композиционно-сюжетной архитектурой поэмы, а романтически-байроновский плащ Конрада Валленрода должен был скрыть самого Конрада от бдительного ока царской цензуры, то, наоборот, в „Дзядях“ поэт мог раскрыть идею борьбы со всей откровенностью и жизненной правдой художественного реализма.

В чем же выражался художественный реализм поэмы „Дзяды“? Прежде всего, в том, что поэт воплотил идею социальной любви к миллионам и ненависть к кучке врагов в остром, контрастирующем переплетении и в резком сопоставлении диаметрально противоположных друг другу образов и настроений, причем отрицательные моменты представлены в форме самой резкой и острой сатиры. Перед нами встает образ бунтаря Конрада, готового сокрушить высшее божество и овладеть его силой для счастья своего народа на земле: „Я бы свой народ создал как живую песнь... Я сотворил бы чудо: я запел бы счастливую песнь“. И рядом с Конрадом, т. е. как бы его (Конрада) второе „я“, — образ ксендза Петра, воплощение христианского смирения. Этот образ Петра, хотя он тоже выражает протест против деспотизма царя (см. сцену „Видение Петра“), несомненно есть позднейшая реакция на мятеж Конрада, уступка влиянию, идущему со стороны западноевропейского католицизма. В раздвоенности образа мы видим противоречия, которые преследовали Мицкевича в период его жизни среди польской эмиграции на Западе. Это была борьба прогрессивно-демократических элементов творчества Мицкевича с отрицательными влияниями, идущими от реакционных слоев западноевропейского общества и польской эмиграции. Ведь „Импровизация“ Конрада была написана раньше всех других сцен и совершенно самостоятельно. Она должна была явиться основным ядром в содержании драмы. Сцена „Видение Петра“ как бы противопоставлялась сцене с Конрадом.¹

¹ Об этом факте см. более подробно во вступительной статье Ю. Калленбаха к 4-му изд.: A. Mickiewicz. Dziady, cz. trzecia в уже цит. нами серии „Biblioteka Narodowa“, стр. 14—17. — Следует, однако, отметить, что сопутствующие этому факту толкования Калленбаха основаны на антинаучных религиозных представлениях и, следовательно, не имеют никакой ценности для науки. Интерес представляет

Перед нами проходит реалистическая сцена бала, танцев и оргии в покоях Новосильцева, написанная в сатирических тонах, а на фоне этого — трагический образ г-жи Роллисон, протестующей перед Новосильцевым против пыток над сыном, переносимых им в тюрьме по распоряжению самого же Новосильцева. Перед нами сцена, сотканная из древнейшего народного поверия — фантастического обряда „дзядов“, и рядом с нею реалистическая картина отправления ссыльных по этапу в Сибирь. Далее изображена в так наз. „Эпизоде“ („Ustęp“), в добавлении к III части „Дзядов“, массовая сцена зимнего парада войск на Марсовом поле в Петербурге — единая безличная масса, движущаяся по указке царя — фигляра и деспота, а в конце этой же поэмы — одинокий труп замерзшего на посту верного солдата. Вначале слышится едкий и острый саркастический смех поэта при описании парада, а в конце поэт восклицает, обращаясь к одинокому замерзшему солдату: „Отчего у меня слезы в глазах и бьется сердце, когда я думаю о твоём подвиге?“ В этих контрастных переплетениях, сатирических и трагических, реальных и фантастических, в этих коллизиях — весь социальный драматический смысл, вся трагедия чувств, вся сила художественного раскрытия образов поэмы Мицкевича „Дзяды“. Правда, это только один из моментов литературного стиля поэмы.

Представители буржуазного польского литературоведения считают, что поэма покоится на католической религиозности Мицкевича. Так писал, например, о „Дзядях“ упомянутый нами проф. Калленбах в 1897 г., так же писал он и в 1925 г.: «Не связанные интригой, сцены „Дзядов“, однако, спаяны друг с другом таинственной нитью руководящей идеи, а именно веры во влияние добрых и злых духов на сферу людских деяний, веры в великое общечеловеческое общение чувственного мира с загробным, потусторонним миром. Эта вера являлась самым содержанием души Мицкевича...»¹

Мы не отрицаем религиозных мотивов в творчестве Мицкевича, нашедших свое выражение в этой поэме. Об этом писал и сам Мицкевич в предисловии к III части „Дзядов“. „Все писатели, — читаем мы там, — которые упоминали о тогдашнем преследовании Литвы, сходятся все на том, что в деле виленских учеников было что-то мистическое и таинственное. Мистический, кроткий, но непреклонный характер Зана..., религиозное отречение, товарищеское согласие и любовь молодых узников... оставили глубокое впечатление в умах тех, которые были свидетелями и участниками событий...“

Как видно из слов Мицкевича, он и в самое понятие религиозности вкладывал иной смысл, чем это хотелось бы видеть проф. Калленбаху. Но разве в этом заключалась основная сила III части „Дзядов“? — Конечно, нет! Сила III части „Дзядов“ — в постановке польским поэтом впервые во всей широте социальной проблемы, которая сказалась в протесте против феодально-крепостнического строя, против бюрократически-чиновничьего режима в России, против реакционных веяний эпохи. Мицкевич после поражения восстания 1830—1831 гг. выступал не против России, а против суровых и печальных сторон русской действительности, оставаясь другом русского народа

только само фактическое исследование рукописи „Импровизации Конрада“ в связи с остальной рукописью „Дзядов“.

¹ A. Mickiewicz. Dziady, cz. trzecia. изд. 4-е, „Biblioteka Narodowa“, предисловие Ю. Калленбаха, стр. 17.

и лучших его представителей в лице декабристов, о поражении которых он писал уже позднее, в 1837 г., с таким глубоким сожалением: „Возмущение в Петербурге замерло, восстание в южной провинции было подавлено, и несчастные революционеры пропали навсегда в сибирских рудниках“.¹

А разве не чувствуется сострадание к русскому солдату и ироническое отношение к царю, когда польский поэт в стихотворении „Крепость Ордона“ пишет: „Где же сам король [т. е. Николай I], что отправляет эти толпы [русских солдат] на резню? Разделяет ли их отвагу, или грудь свою подставляет сам? — Нет, он сидит в пятиястиках милях в своей столице...“²

Царская цензура заклеимила самым черным пятном III часть „Дзядов“. В 1833 г. цензор Дукшинский писал: „Нет почти ни одной страницы, которая бы не дышала ненавистью к России...“³ „Россией“ для царского цензора был, конечно, не русский народ, а самодержавие. Чрезвычайно показательны в этом отношении взгляды на III часть „Дзядов“ русских ученых славянофильского толка и взгляды представители революционно-демократической мысли. Если представители официальной для того времени науки видели в III части „Дзядов“ „много преувеличенного и неестественного“ (Дубровский),⁴ „странные идеи, отвергаемые рассудком“ (Будилович),⁵ „сцены в художественном отношении слабые“, „плод расстроенного ума“ (Макушев),⁶ „проповедничество католического начала“ (Ламанский),⁷ картины, полные „ослепления“, но соединенные „с красотой стиха“ (Гильфердинг),⁸ „болезненную вспышку“ (Спасович)⁹ и, наконец, „излияние религиозно-политического чувства“, „фантазмагорию, тяжелый кошмар“ (Морозов)¹⁰ и т. д. (мы могли бы умножить эти примеры), — то, наоборот, такие представители революционно-демократической мысли, как А. И. Герцен и В. Г. Белинский, улавливали как раз сильные, прогрессивно-политические ноты в этом произведении польского поэта, направленном исключительно против царской феодально-крепостнической России, против деспотизма русского самодержавия.¹¹ 22 января

¹ A. Mickiewicz. Aleksander Puszkina. Цит. изд., стр. 137.

² A. Mickiewicz. Poezje, t. II. Wyd. 2-е. — „Biblioteka Narodowa“, serja I, № 66. Kraków, 1928, s. 148, строки 29—31.

³ ЛОЦИА. Rapports du Comité de la censure étrangère, 1833, t. II, л. 433—434. Рапорт № 982.

⁴ П. П. Дубровский. Адам Мицкевич. СПб., 1858—1859, стр. 47—52.

⁵ А. С. Будилович. А. Мицкевич. В сб.: „Песни славян“, под ред. Н. В. Гербеля. СПб., 1871, стр. 428.

⁶ В. В. Макушев. Андрей Товианский, его жизнь, учение и последователи (по новым источникам). — „Русский вестник“, М., 1879, т. 139, № 2, стр. 502.

⁷ В. И. Ламанский. История новой польской литературы. Лекции, читанные в СПб. ун-те в 1884—1885 акад. году. 1885, стр. 53. (Литограф. изд.)

⁸ А. Ф. Гильфердинг. Взгляд западных славян на Россию. — Собр. соч., т. II, СПб., 1868, стр. 272—274.

⁹ В. С. Спасович. Адам Мицкевич и его поэтическое творчество. — „Вестник Европы“, СПб., 1899, т. IV, кн. 8, стр. 578—579.

¹⁰ П. О. Морозов. Новая польская литература (XVIII—XIX вв.). — „Всеобщая история литературы“, под ред. В. Ф. Корша и А. Кирпичникова, т. III, ч. 1 (вып. XVIII), СПб., 1885 (1888), стр. 165—166.

¹¹ В статье: „Русский народ и социализм“. — Письмо к Ж. Мишле, написанное в Ницце в 1851 г. А. И. Герцен подчеркивал: „Поляки почувствовали, что борьба идет не между русским народом и ими: они поняли, что им впредь можно сражаться не иначе, как за их и нашу свободу, как было написано на их революционном знамени“.

1843 г. Герцен делает в своем „Дневнике“ интересную запись о III части „Дзядов“: „Читал Мицкевича. Много прекрасного, высокохудожественного в этом плаче поэта. Боже мой, как хороша у него картина русской дороги зимой!“ И далее Герцен останавливается на политических мотивах III части „Дзядов“.¹ В статье „О русской повести и повестях Гоголя“ (1835) Белинский причислял „Дзяды“ (имелась в виду, конечно, III часть) к созданиям „новейшей идеальной поэзии“, какими являлись „Фауст“ Гете, „Манфред“ Байрона и др. Он находил точки соприкосновения в поэмах Байрона, Пушкина, Мицкевича.² В декабре 1840 г. в письме к В. П. Боткину Белинский называл Мицкевича „благородным и великим поэтом“, который имеет „священное право оплакивать падение того, что дороже ему всего в мире и в вечности — его родины, его отечества“,³ имея в виду идею борьбы, изображенной в III части „Дзядов“.

Таким образом, из этих примеров наглядно выступает различие взглядов на одно из выдающихся произведений Мицкевича представителей разных направлений в русской литературе, и это весьма важно для оценки этого произведения. Если одни видели в „Дзядях“ упадок поэтического гения Мицкевича или религиозную экзальтацию, то прогрессивные русские деятели подчеркивали именно творческое величие польского поэта и прежде всего обращали внимание на идейно-прогрессивные, реалистические стороны в содержании этой лирико-драматической поэмы.

Мицкевич продолжал работать и думать над „Дзядями“ и в дальнейшем, вплоть до 1839 г. В письме к Юлиану Немцевичу в 1833 г. он, между прочим, писал: „В одной из последующих частей я ввожу одного пленника-конфедерата, который, просидевши в петербургской крепости всю жизнь, дождался 1825 года и рассказал новым товарищам о тюремном заключении Костюшки и Немцевича“.⁴ Конрад, во всем своем противоречивом облике, должен был выступить как реальный борец против самодержавия николаевских времен. Но как десять лет назад работа над II и IV частями „Дзядов“ переплеталась с работой над „Гражиной“, так и теперь эта работа над „Дзядями“ переплеталась с работой над „Паном Тадеушем“. Таков уж был стиль и ритм работы Мицкевича. И это новое творение должно было выдвигаться на передний план, как в свое время это было с „Гражиной“.

В период с декабря 1832 г. до февраля 1834 г., в течение многих месяцев напряженной творческой работы, которая иногда прерывалась общественными делами, была создана поэма в 10 тысяч стихов, самое крупное, самое величественное и превосходное по своей простоте из всех поэтических творений Мицкевича. Можно только удивляться, каким огромным запасом творческих сил обладал этот великий народный польский поэт! „Пан Тадеуш“ — это та же политически актуальная тема о родине, но в новом художественном, еще более величественном оформлении. Это — жанр национальной эпопеи, созданный Мицкевичем в противовес веяниям польской эмиграции в Париже, о чем

¹ „Дороги, пересекающие ту степь, вызваны не торговлей, но народной нуждой, а проведены по приказу дая“, и пр., и пр. (А. И. Герцен).

² В. Г. Белинский. Избр. философские соч. ОГИЗ, 1948, т. I, стр. 170.

³ Там же, стр. 563.

⁴ J. Kallenbach. Wstęp do czwartego wydania: A. Mickiewicz. Dziady, cz. trzecia. Цит. изд., стр. 21—22.

свидетельствует сам поэт в своем знаменитом „Эпилоге“ к „Пану Тадеушу“.¹ На грандиозном полотне, яркими красками, эпическим тоном Мицкевич развернул (как правильно указывает Ст. Пигонь, известный исследователь „Пана Тадеуша“) картину борьбы двух мировоззрений, двух культур, двух идеологий: старой (феодальной), уходящей в область предания, и новой (буржуазно-демократической), завоевывающей себе дорогу в борьбе с так называемым „сарматским“ бытом шляхты; он показал процесс формирования нового сознания, приобщение к новой культуре, основанной на просвещении, на уважении человека. Вот эту-то во многих отношениях переходную эпоху начала XIX в. Мицкевич и изобразил в „Пане Тадеуше“: дал облик этого общества как раз в момент перелома, отобразил внешнюю перемену и в то же время внутреннее состояние людей не в столице, где эта перемена уже совершилась гораздо раньше, а в провинциальном быту, в сельской среде. В „Пане Тадеуше“ увековечена не только могила старой Польши, но и колыбель новой Польши, не только умирающее поколение, но и новая, нарождающаяся, молодая Польша. Вот это-то именно и придавало поэме подлинный характер реалистической национальной эпопеи.² Гений Мицкевича, пройдя через ряд этапов в развитии его творчества, в этой поэме синтезировал и воплотил со всей силой именно народно-демократическую идею, ту идею, которую он вкладывал еще в свои ранние произведения. Эта идея нашла свое яркое, полное реалистической правды выражение в национальных образах Тадеуша и Зоси. В то время как их отцы и деды погрязли в старом быту, они были носителями новых идей, были готовы к борьбе во имя этих идей — к борьбе за освобождение крестьян.

В XII книге „Пана Тадеуша“ мы читаем в словах Тадеуша, обращенных к Зосе:

Мы сами свободны, сделаем свободными и крестьян,
Отдадим им в наследственное пользование землю,
На которой они родились, которую кровавым трудом
Добыли, с которой всех кормят и обогащают. [Строки 502—505].

Любовь к родине и победа общественного над личным, идея борьбы на благо народа, отмеченная нами в „Гражине“, „Конраде Валленроде“ и в „Дзядях“, нашли яркое выражение в образе Яцька Соплицы (Робака) — отца Тадеуша, получив иное реалистическое оформление. Не случайно Мицкевич вплоть до 1851 г. думал о продолжении „Пана Тадеуша“. В его воображении рисовался образ сына пана Тадеуша как участника восстания 1830 г. Наконец, в этой поэме нашли свое воплощение: народное устное творчество как национальная основа всей поэмы; литературная традиция национальных польских писателей в лице Франтишка Заблоцкого, Юлиана Немцевича и др.; народный юмор и сатира; идея национальной солидарности и гуманизма, например в обрисовке образа Янкеля, русских суворовских

¹ Единственное счастье тому, кто в сумерки
С несколькими друзьями сел у камина,
Двери запер от криков Европы,
Унесся мыслью к счастливейшим временам
И думал, думал о своей стране. [Эпилог, строки 24—28].

² S. Pigon. Wstęp do wydania: A. Mickiewicz. Pan Tadeusz. — „Biblioteka Narodowa“, seria I, N 83. Kraków, 1929, s. LXXI—LXXIV.

воинов; реалистическое описание природы, например в картине (книга VI, строки 573—580), где сравнивается работа солнца как созидателя природы с трудом ткачей и ткачих из города Слуцка, которые выводят узор на золотом поясе, и т. п.¹

Пребывание Мицкевича в эмиграции — самый тяжелый период его жизни. Именно в этот период он больше всего подвергался отрицательным влияниям реакционных кругов польской эмиграции, католической системы мышления, мессианистских идей. Противоречивые черты шляхты в тогдашних исторических условиях нашли свое отражение и в художественном творчестве Мицкевича. Но народно-демократические идеи всегда и во всех случаях побеждали в нем влияние антинародной, чуждой ему реакции. И лучше всего об этом сказал сам Мицкевич в письме к Богдану Залескому от 24 апреля 1840 г.: «Витвицкий говорит, что ты печатаешь в Страсбурге поэму „Wyprawa Zbaraska“. Радуюсь, что ты печатаешь, но грущу, что в Страсбурге, если можно было бы в родной стране. Я убежден, что эмиграция немного получит пользы от твоей поэзии, что она не сумеет ее оценить, что первая брошюра против Дверницкого или какого-нибудь там комитета больше займет внимание наших [эмигрантов. — С. С.], нежели твои гимны. Эмиграция является чрезвычайно бедной [морально. — С. С.] и слишком глупой, поэтому она не приспособлена для слушания песен. Ты — не поэт эмиграции и им не будешь. Для нее может родиться поэт разве только из ее среды, до чего мы не доживем. Ты же пиши для народа!»²

Мицкевич и в своем художественном творчестве, и в публицистической деятельности, несмотря на отражавшиеся в них противоречия, был и остается до наших дней выразителем лучших, прогрессивных демократических чаяний своего народа, полным веры в лучшее будущее угнетенных народов. Именно картины народных страданий, так ярко выступающие в III части „Дзядов“, заставили Жорж Занд поставить Мицкевича — представителя одного из славянских народов — выше всех западноевропейских корифеев прошлого и нового времени. „Картины эти, — писала она в 1839 г., — таковы, каких ни Байрон, ни Гете, ни Данте не могли бы изобразить... ни один голос не вознесся с такой силой, чтобы воспеть такой важный предмет, каким является падение народа“.³

Мицкевич был глашатаем идеи независимости и национального освобождения славянских и неславянских народов, идеи солидарности и братства этих народов. Пушкин, близко знавший и понимавший своего друга, не случайно подчеркивал именно эту сторону в деятельности Мицкевича:

...Нередко
Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.⁴

¹ О положительной обрисовке в „Пане Тадеуше“ русских суворовских солдат в свое время писал Е. Каль в статье: „Очерки из новейшей польской литературы“, I. — Сб. „Славянский ежегодник“, Киев, 1878, стр. 111—112 и 113.

² Цитирую по книге: Mieczysław Zastrun. Mickiewicz. Państwowy Instytut Wydawniczy. Warszawa, 1949, стр. 236.

³ G. Sand. Essai sur le drame fantastique (Goethe, Byron, Mickiewicz). — „Revue de deux mondes“, 1839, décembre.

⁴ А. С. Пушкин. „Он между нами жил...“ Полное собр. соч. в 10 томах, т. III. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 280.

В данном случае небезынтересно привести слова проф. Дубровского по этому поводу: „От П. А. Плетнева, — пишет Дубровский в 1858 г., — я слышал, что эта мысль была выражена Мицкевичем в его речи на французском языке, которую он однажды импровизировал в дружеском кругу русских литераторов, в Петербурге“.¹

Голос великого Мицкевича, нашедший братский отклик в словах и сердце его великого собрата — Пушкина, — звучит особенно сильно в наши дни. Этот пламенный, кипучий, вдохновенный голос польского поэта особенно близок нам, созидателям новой, социалистической культуры, ибо это голос одного из лучших предшественников новой, демократической Польши. И в наши дни мы никогда не забудем замечательных слов, начертанных великим поэтом и гражданином Польши сто лет назад: „Мы всегда будем на стороне людей, которые, будучи верны прогрессивному инстинкту масс, будут работать над созданием общественного строя, соответствующего новым потребностям народа!“²

¹ П. П. Дубровский. Адам Мицкевич. СПб., 1858—1859, стр. 1 (примеч.).

² A. Mickiewicz. Nasz program. Paryż, 14 marca 1849. Trybuna ludów. Przegląd, wstęp i komentarz Emila Haецкера. Wyd. 2-e. — „Biblioteka Narodowa“, seria I, N 27. Kraków, 1923, s. 7.

Е. А. Говардовская

РЕАЛИЗМ ПОЭМЫ МИЦКЕВИЧА „ПАН ТАДЕУШ“

Творческий путь Мицкевича сложен. Это был путь от классицизма через романтизм к реализму, то-есть от поэзии условной, далекой от непосредственной действительности, — к поэзии все более и более жизненной, правдивой.

Увлечение классицизмом у Мицкевича продолжалось недолго. Классицизм не удовлетворял демократических стремлений поэта. Растущие революционные настроения в среде мелкого дворянства, разночинной городской интеллигенции, учащейся молодежи вызывали потребность в новой поэзии. Такой была поэзия романтическая.

Романтический период творчества Мицкевича был весьма продуктивным. Он создал в этот период гражданскую поэзию, отличающуюся высоким патриотизмом („Гражина“, „Конрад Валленрод“, „Дзяды“, особенно 3-я часть). Его настроения ярко выражены в заключительной строфе стихотворения „Пловец“:

Нет, лучше с бурей силы мерить,
Последний миг борьбе отдать,
Чем выбраться на тихий берег
И раны горестно считать.

В 1832—1834 гг., в эмиграции, Мицкевич создал самое крупное свое произведение, определяющее последний период его поэтического творчества, — поэму „Пан Тадеуш, или последний литовский наезд“. Эта поэма по своей направленности реалистична. Она считается лебединой песней поэта, так как после нее он отходит, по существу, от поэтического творчества. Объясняется это рядом обстоятельств: сказалось и временное увлечение товянизмом, бесплодные мистические идеи которого подавили вдохновение поэта, и болезненное состояние, к которому прибавилась изнуряющая борьба с нищетой, и убеждение, что в переживаемую эпоху публицистика важнее поэзии.

Естественно, возникает вопрос: какие же условия способствовали появлению реалистической поэмы?

В польскую литературу Мицкевич вошел как поэт-романтик. Тем не менее, появление „Пана Тадеуша“ нельзя считать случайным.

Переход Мицкевича от романтизма к реализму был обусловлен активным отношением поэта к общественной жизни своего времени.

Это неизбежно приближало его поэзию к современности, вносило и в романтические произведения элементы реализма.

Атмосфера правительственной реакции 20-х годов XIX в., полицейский режим, установленный Новосильцевым, исключительно жесткая цензура — все это делало Польшу очагом восстаний.

В таких условиях тема борьбы за независимость звучала весьма актуально. Именно такую тему и берет Мицкевич для своих поэм „Гражина“, а позже „Конрад Валленрод“, раскрывая ее на материале родной истории времен борьбы литовского народа с Тевтонским орденом. Эта борьба была очень продолжительной и имела чрезвычайно важное значение в жизни Литвы.

Таким образом, историческая тема у Мицкевича перекликается с современностью, и взята она с определенной политической целью.

Исторически верно изображает Мицкевич ненависть литовского народа к немцам. Примечания же автора к своим поэмам, в частности к „Конраду Валленроду“, говорят о том, что он заботился об историческом правдоподобию изображаемых явлений и лиц: „Хотя в истории Валленрода я позволил себе домыслы, однако надеюсь оправдать их правдоподобием“.¹

В романтических поэмах находят место и бытовые сцены. Мицкевича привлекают реальные картины, и порою даже картины фантастические кажутся в его изображении конкретными (например, „Дзяды“).

В феврале 1824 г. Мицкевич был выслан в Россию, где он пробыл до мая 1829 г., то-есть более пяти лет. Жизнь в России оставила на нем глубокие следы. Мицкевич увидел перед собой две России: Россию царскую, официальную, способную только на гнет и насилие, и Россию передовых, революционно настроенных, честных людей, расположенных к польскому народу, мечтающих о свободе, равенстве, справедливости для всех населяющих ее народов, увидел не только мечтающих, но и действующих борцов — будущих декабристов, с которыми у него установились дружеские отношения.

Рылеев писал о Мицкевиче в письме Туманскому: „Полюби Мицкевича и друзей его, Малевского и Ежовского: добрые и славные ребята. Впрочем, и писать лишне: по чувству и образу мыслей они уже наши друзья, а Мицкевич к тому же поэт — любимец своей нации“.²

Мицкевич посвящает декабристам пламенные строки стихотворения „Друзьям в России“.

Пребывание в России значительно расширило кругозор поэта, внутренне укрепило его. Он поверил в свои поэтические силы, получив единодушное восторженное признание передовой русской литературной общественности.

Мицкевич попал в самую гущу литературной жизни, встречаясь с Пушкиным, Грибоедовым, Вяземским, Баратынским и другими. Исключительно плодотворно было общение его с Пушкиным. Их сближало не только взаимное уважение и восхищение талантом друг друга, но и известная общность во взглядах на литературу.

Необходимо принять во внимание, что Пушкин в то время выступил уже как художник-реалист, автор романа „Евгений Онегин“

¹ А. Мицкевич. Избранное. М., 1946, стр. 577.

² К. Ф. Рылеев. Полное собр. соч., 1934, стр. 477.

и исторической драмы „Борис Годунов“. Мицкевич дал высокую оценку роману, считая его „наиболее прекрасным, наиболее оригинальным и наиболее национальным произведением“.¹ Общение с Пушкиным было для Мицкевича своеобразной школой реализма.

Современники и биографы Мицкевича единодушно признают, что жизнь в России способствовала творческой зрелости поэта. Переводчик сонетов Мицкевича И. Козлов говорил Одыньцу, близкому другу поэта: „Взяли мы его у вас сильным, а возвращаем могучим“. Малевский пишет Лелевелю о Мицкевиче: „Талант его созрел“.² Творческая зрелость поэта проявилась в большой определенности взглядов на поэтическое творчество.

Романтическую поэзию он понимал как стремление воспроизвести в своем творчестве живую действительность, черпая содержание произведений непосредственно из жизни. По сути дела, это — требование реалистической поэзии еще при отсутствии в литературе термина „реализм“. С такими взглядами на литературу мы встречались и в высказываниях Пушкина.

Об отношении Мицкевича к реализму как к передовому и жизненно правдивому искусству позволяет судить и некролог, посвященный Пушкину. Мицкевич пишет о появившейся в то время поэме „Цыганы“, а позже „Мазепа“: „замечательные произведения, свидетельствующие о прогрессивной природе таланта Пушкина. Оба эти произведения более глубоко связаны с действительностью. Тема их сама по себе проста, характеры лиц поняты глубже, стиль их уже свободен от всякой романтической аффектации“.³

Еще более высокую оценку, чем этим поэмам, Мицкевич дает роману „Евгений Онегин“. Проследивая творческий путь Пушкина, он отмечает переход поэта от „романтической аффектации“ к поэзии, связанной с реализмом; отмечает признаки реализма у Пушкина: простую тему, глубокие характеры, связь с действительностью.

Итак, знакомство с развивающимся в русской литературе реализмом и общение с передовыми русскими людьми, способствовавшее творческому созреванию поэта, подготовило появление реалистической поэмы „Пан Тадеуш“.

Известие о вспыхнувшем в ноябре 1830 г. в Варшаве восстании вскоре дошло и до Мицкевича, находившегося в Риме. Мицкевич не надеялся на успех восстания, но решил, что в час испытаний он должен быть со своим народом. Однако все его попытки проникнуть в объятые восстанием Королевство Польское остались безрезультатными. Мицкевич поселился на некоторое время в местечке Будищево близ Познани, у Лубенских. Здесь у него впервые мелькнула мысль о поэме из недавнего прошлого Литвы. Тут же им был сделан начальный набросок (описание литовского фольварка).

Жестокое подавление восстания, тяжелые репрессии, которыми сопровождалась расправа царского правительства с восставшими, массовая эмиграция повстанцев — все это Мицкевич переживал очень болезненно. Он пытается разобраться в происшедшем, многое для

¹ A. Mickiewicz. Poezje, t. IV. Warszawa, 1940, s. 274.

² А. Мицкевич. Полное собр. соч., под ред. Полевого. М., 1883, т. II, стр. 275.

³ A. Mickiewicz. Poezje, t. IV, s. 274.

него неясно. За разъяснениями он, прежде всего, обратился к Лелевелю. Очень характерно, что Мицкевич ждал помощи именно от этого человека, который, по словам Энгельса, „резко нападал на узость взглядов господствующего класса... , призывая к оружию всю старую Польшу... , предоставляя гражданские права евреям и крестьянам, надевая последних землю, восстанавливая Польшу на основах демократии и равенства...“¹

Мицкевич пишет Лелевелю: „Вы выяснили бы мне много непонятных для меня эпизодов, так как объяснениями первого встречного я не верю.“²

Поэт глубоко уважал Лелевеля и разделял во многом его взгляды, что нашло известное отражение в поэме „Пан Тадеуш“, например в постановке вопроса об участии в восстании крестьян, о необходимости их освобождения.

Нравственное потрясение, испытанное поэтом, усугублялось положением эмигранта, вынужденного жить

...среди лжи, обманов низких,
Утраченных надежд, проклятий, споров,
И сожалений поздних, и укоров.³

Все чаще и чаще обращается его мысль в „край детских лет с надеждами и снами“.

Обостренное чувство любви к родине и желание найти хотя бы относительное забвение в воспоминаниях о родине заставляют Мицкевича, наконец, основательно взяться за разработку сюжета своей „сельской поэмы“. Мицкевич надеялся, что поэма о недавнем прошлом Литвы, описание жизни, быта, нравов, светлых надежд своего народа сможет несколько поднять настроение у соотечественников.

С большой любовью принимается он за поэму. 28 января 1833 г. он сообщает Одыньцу: «Я переписываю теперь „Гяура“ и, к величайшему сожалению, должен был отложить шляжетские поэмы».⁴

20 апреля 1833 г. Мицкевич пишет ему же: „Я опять принялся за сельскую поэму, которая в настоящее время является моим баловнем. Я пишу ее, и мне кажется, что я нахожусь в Литве“.⁵

Итак, бурные общественные события, крушение польского восстания толкнули поэта к новому произведению о своей родине. Но слишком его волновало настоящее, чтобы можно было только переноситься мыслью в далекие исторические времена. Кроме того, его созревший поэтический талант властно тянулся к реалистической теме и реалистическому стилю. Это и привело к созданию им поэмы „Пан Тадеуш“.

Поэму „Пан Тадеуш“ можно считать реалистическим произведением. Это определяется, во-первых, общим характером тематики и идейного содержания, характером сюжета, образов и средств художественного изображения.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 265.

² А. Мицкевич. Полное собр. соч. Цит. изд., т. II, стр. 297.

³ Русский перевод поэмы В. Бенедиктова, Н. Семенова и др. А. Мицкевич. Полное собр. соч. Цит. изд., т. IV—V.

⁴ Там же, стр. 308.

⁵ Там же, стр. 312.

Основной и наиболее волнующей Мицкевича темой поэмы является тема о любви к родине, что выражено, прежде всего, в лирических отступлениях. Здесь автор указывает, что его наиболее волнует судьба родины, что в родине — основной смысл личной жизни:

Литва! Отчизна дорогая!
Ты — как здоровье: мы в своем
Лишеньи, все с тобой теряя,
Тебе всю цену сознаем...

Во-вторых, — самим характером использования историко-бытового материала. Все персонажи ждут от исторических событий 1812 г. решения вопроса о политической самостоятельности Польши, правда, возлагая при этом глубоко ошибочные надежды на Наполеона. Бытовой же стороной поэмы автор стремится подчеркнуть национальную самобытность культуры, значительность национальных традиций в жизни Литвы и Польши.

В-третьих, — неоднократными прямыми высказываниями действующих лиц, особенно Робака, одного из главных героев поэмы. Ксендз Робак возмущен тем, что Судья накануне больших исторических событий, когда решается такой важный вопрос в жизни каждого человека, как вопрос о родине, — занят мыслями о своих ничтожных личных интересах. Сам же он в предсмертной исповеди говорит, что им владела все последние годы лишь мысль о честном, бескорыстном служении отчизне.

Патриотическая тема с давних пор волновала Мицкевича, но в данный момент, в связи с событиями восстания 1830—1831 гг., в связи с тяжелым настроением в эмигрантской среде, эта тема прозвучала особенно актуально.

Исключительно важно и то, что на этот раз тема о любви к родине раскрывалась на материале, взятом непосредственно из действительности, из недавнего прошлого, очень близкого автору.

В письме к Одыньцу от февраля 1834 г. Мицкевич пишет: „Вчера я его [„Пана Тадеуша“. — Е. Г.] кончил. Огромные 12 песен! Много светлого, но и много хорошего прочтешь. Через несколько недель начну печатать. Лучше всего удались картинки нашего края с натуры и наших нравов“.¹

Реалистичность темы „Пана Тадеуша“ обуславливается не только ее жизненностью и раскрытием на бытовом материале действительной жизни, но и глубиной раскрытия.

Прежде всего, следует отметить, что патриотизм Мицкевича носит демократический характер, что особенно ярко отразилось в заключительной главе поэмы, где Тадеуш Соплица, один из идейных героев поэмы, воплощающий новые, передовые воззрения, высказывает свое решение отпустить крестьян на волю, но обязательно с земельными наделами:

Вот мы теперь своей Отчизне
Возвращены для лучшей жизни.
Но, ведь, для этих поселян
Не прибыль — быть под новой властью,

¹ А. Мицкевич. Полное собр. соч. Цит. изд., т. IV—V, стр. 319.

Пускай они возьмут в наследство
 Всю землю, где из рода в род
 Отцы и деды их жилали.
 Ее чрез свой кровавый пот
 Они давно завоевали,
 Причем из этой же земли
 И нам богатство извлекали.

Ксендз Робак, политический эмиссар, проводивший подготовку к восстанию, считает необходимым участие крестьян в освободительной борьбе.

Теме любви к родине посвящена бо́льшая часть содержания поэмы.

Любовь к родине, по мнению автора, означает стремление к политической независимости страны, борьбу за нее с оружием в руках. В постановке этого вопроса можно отметить расхождение взглядов Мицкевича с точкой зрения аристократической эмигрантской группы, возлагавшей надежды преимущественно на „мирное“ дипломатическое вмешательство западноевропейских государств в польский вопрос и боявшейся как огня мысли о привлечении к восстанию крестьян.

Любовь к родине в освещении Мицкевича — это беззаветное служение ее интересам (пример — жизнь Ядека Соплицы). Только любовью к родине может человек смыть с себя пятно преступления, например убийство. Причем проводится определенное разграничение: убийство, совершенное в интересах народа, оправдывается.

В поэме есть два образа, опровергающих всякие обвинения автора в национализме: еврей-корчмарь Янкель и русский капитан Рыков. Янкель добр, честен, умен, справедлив, большой патриот. Его уважают все поляки. Рыков тоже честен, неподкупен, с большой приязнью относится к полякам и пользуется их расположением. Он говорит:

Я — Рыков. Верьте, к вам питает
 Сочувствие душа моя...

 Могли б ведь жить мы и без драк,
 Россия — русским, ляхам — Польша.
 Казалось бы — чего тут больше?
 Да царь-то думает не так.

Интересно, что Рыков противопоставляется резко отрицательной личности — перебежчику-поляку майору Плуту.

Любовь к родине, по мнению Мицкевича, непременно включает в себя и чуткую любовь к природе своего края. Тадеуш, молодой человек, не искушенный в красноречии, тем не менее с большой страстью выступает в защиту родных и близких ему грабов и берез, маститых буков, калины и боярышника, густого тополя и мохнатых стражей леса дубов, так безжалостно высмеянных Телименой и Графом. Северная береза, напоминающая мать, которая оплакивает единственного сына, ближе и дороже ему, чем кипарис, о котором он говорит:

Немецкий виден в нем лакей,
 Который по обряду света
 Не смеет рук пошевелить,
 Ни на бок голову склонить,
 Чтоб не нарушить этикета.

Чувствует свою органическую связь с природой и Зося, простая девушка, выросшая в деревне.

Любовь к родине, наконец, означает для Мицкевича и глубокое уважение к родной культуре, национальным обычаям и презрительное отношение ко всему наносному, поверхностно воспринимаемому. Отсюда становятся понятными многие комические черты в Телимене и Графе.

В реалистичности поэмы „Пан Тадеуш“ убеждает, таким образом, глубокая и широкая, жизненная в своей основе постановка вопроса, далекая от романтической односторонности. Автор включает в понятие любви к родине интересы народа и активную борьбу за независимость, любовь к природе и родной культуре и ряд других моментов. Реализм проявляется и в самом характере понимания любви к родине: демократические симпатии, враждебность узкому национализму и пр. Наконец, раскрывается тема „родного края с натуры“.

Сюжет поэмы тоже реалистичен. Горький определяет сюжет как „связи и противоречия, симпатии и антипатии и вообще взаимоотношения людей, историю роста и организации того или иного характера“.¹

Итак, сюжет реалистического произведения непременно отражает определенные социальные отношения, жизненные противоречия и отличается историчностью, типичностью, естественными и закономерными мотивировками поступков. Все эти особенности обнаруживаются при анализе сюжета поэмы „Пан Тадеуш“.

Место и время действия определяются ясно и точно не только благодаря прямым авторским указаниям, но и благодаря реалистическим картинам литовской природы, описанию фольварка, шляхетского поселка, быта и обычаев, национальных костюмов.

Многие герои выступают под именами-титулами: Войский, Подкоморий и ряд других, что является особенностью уклада польской и литовской общественной жизни того времени. Многократные указания на события 1791—1795 гг. — упоминания конституции 3 мая 1791 г., Тарговицкой конфедерации, исторических лиц, принимавших участие в восстании Костюшко, — говорят, что события последнего раздела Речи Посполитой были еще очень свежи в памяти многих действующих лиц. Описание же политического состояния Литвы в заключительных строфах I главы уточняет время действия: 1811—1812 гг.

Точное знание места и времени действия, в свою очередь, помогает понять историческое своеобразие изображаемых событий.

Полное название разбираемой поэмы Мицкевича — „Пан Тадеуш, или последний литовский наезд“. Сюжет поэмы внешне строится на изображении наезда, событий и обстоятельств, приведших к нему, и его последствий. Сам автор называет наезд „обычаем старинным“. Действительно, наезд — явление довольно своеобразное, присущее именно старой Речи Посполитой и связанное с особенностями ее государственного и правового устройства. Пользуясь слабостью суда в шляхетской Польше, истец при помощи окрестной шляхты силою осуществлял свои права, совершая наезд в поместье противника. Нередко наезд сопровождался кровопролитием.

¹ М. Горький. О литературе. М., 1937, стр. 315.

Таким образом, наезд для Речи Посполитой — явление типичное. Но поэма названа „последний литовский наезд“.

В описываемое время этот „обычай старинный“ потерял свое значение: так, например, в землях Речи Посполитой, отошедших после третьего раздела к России, существовали русские полицейские отряды, следившие за исполнением судебных решений. Поэтому наезд в поэме и назван последним. И это название, и образы последнего Возного на Литве, последнего Ключника и др. подчеркивают, что старая феодальная Польша безвозвратно уходит в прошлое. Все это служит одним из подтверждений типичности и историчности сюжета.

Реалистичность сюжета определяется и типичностью общественных отношений, изображенных в поэме.

В центре внимания автора — жизнь шляхты. Шляхта не представлена однородной массой, она социально дифференцирована: родовитое богатое панство (покойный Стольник, Граф), средняя шляхта (Судья, Тадеуш) и мелкая шляхта (обитатели Добжинского застенка). Каждый из этих слоев характеризуется специфическими чертами: так, например, показанная в поэме жизнь мелкой застенковой шляхты типична именно для данного исторического периода, когда в связи с растущим кризисом прежних феодальных отношений и с разделами Речи Посполитой утратилось, как мы уже упомянули, бывшее значение наездов, походов, широко практиковавшихся раньше панями, привлекавшими к участию в них прежде всего мелкую шляхту. Это повлекло за собой и изменение жизни последней:

Был должен шляхтич поневоле
Трудиться и с сохой в поле
Ходить на барщину к себе.

Каждая из указанных групп находится в определенном взаимоотношении с другими.

Мелкая шляхта далеко не всегда благоволит к панам:

Богаты! Пусть и спорят смело
Пан с паном! Нам какое дело?

Понимает и Судья, что положение „сиятельных панов“ отличается от положения бедняков. Когда после кровопролитной схватки шляхтичей с полицейским отрядом майора Плутова, многим литовцам нужно бежать из Литвы, Судья иронизирует над желанием Графа уехать:

Иное дело — беднякам:
Правительство к ним строго будет.
Оно захватит их, засудит,
Накажет... Ну, а вы — не то!
Коль к вам и придерется кто —
Богаты вы — лишь за полгода
Пожертвуйте, любезный Граф,
Вы суммой своего дохода,
Так пан сиятельный и прав.

Но социальные отношения отражаются не только в отдельных моментах развития действия. Они лежат в самой основе сюжета, служат движущей силой его развития.

Богатый Стольник использует в своих интересах мелкого шляхтича Яцека, полюбившего его дочь. Сам Яцек прекрасно понимает отношение к себе Стольника:

Расчетами руководим,
Со мной он был притворно дружен
Затем, что я ему был нужен.

Подобные взаимоотношения между Стольником и Яцеком Соплицей представляют собой отражение типичных социальных отношений между панством и мелкой шляхтой.

Дальнейшее развитие действия раскрывает взаимоотношения между Соплицами и Горешками и обуславливается вполне реальными причинами. Мотивировка поступков естественна и почти всегда социально обусловлена.

Примером служит хотя бы поведение Гервазия, ключника Горешкова. Его слепая ненависть ко всем Соплицам, стремление жестоко отомстить за погибшего Стольника и уничтожить всех представителей ненавистного соплицовского рода кажутся странными и даже смешными. Однако и характер Гервазия и его поступки оправдываются и объясняются жизнью. Мелкие шляхтичи часто не могли удержать в своих руках землю и находились в прямой зависимости от магнатов, жили у них при дворах, занимая различные должности. Вот таким представителем старого поколения мелкой шляхты и был живший при дворе Стольника Гервазий.

Находясь с юных лет в замке богатого пана, он видел блеск и величие панской фамилии, могущество пана, от которого зависело богато одарить или жестоко наказать. Постепенно он проникался сознанием своей неразрывной связи с этой панской фамилией, впитал в себя вкусы и привычки своего патрона, жил его интересами, не мог представить своего существования вне стен родового замка, вне привычных порядков, обычаев, становясь тем самым неотъемлемым придатком своего сиятельного пана. Но безвозвратно ушли в прошлое времена, когда ключник был на своем месте. Разрушаются родовые замки. Меняется уклад жизни, и сами магнаты начинают жить иначе. Граф далек от Стольника. Только во сне Гервазий может увидеть себя сильным, бодрым, энергичным предводителем отряда, а в действительности он—караулящий руины замка, слабый, засыпающий старик.

Таким образом, реализм сюжета проявляется в его историческом своеобразии, в типичности изображаемых общественных отношений, в реалистичности мотивировок, в конкретности времени и места действия.

Важным признаком реалистичности произведения является жизненность, историческая правдивость, типичность его персонажей.

Поэма названа именем Тадеуша Соплицы, но нельзя сказать, чтобы Тадеуш играл в ней основную роль. Он—лишь один из главных представителей шляхты. Называя его именем поэму, автор подчеркивает идейное значение в ней Тадеуша.

Центральная фигура поэмы, как мы уже отметили выше,—шляхта в целом. Она представлена обширной галереей образов. Одни из них занимают больше места и охарактеризованы подробнее, другие—более скупой, но каждый персонаж имеет какую-то свою особую черточку, которая выделяет его из общей массы и помогает запомнить.

Все действующие лица (исключение до некоторой степени представляет ксендз Робак)—простые, обыкновенные люди: простодушный, откровенный юноша Тадеуш, милая, жизнерадостная Зося, любящий вспомнить былые времена Войский и многие другие.

Ясно чувствуется сознательное стремление автора сделать своих героев людьми земными, не чуждыми слабостей человеческих, взятыми прямо из жизни. В этом проявляется окончательно сложившийся у Мицкевича взгляд, что задача подлинно романтической поэзии—стоять как можно ближе к жизни, воспроизводить живую действительность. Таким образом, подлинно романтическая поэзия в понимании Мицкевича очень близка по своему содержанию к поэзии реалистической.

Очень любопытен в поэме образ Графа, романтика по своему отношению к жизни. Введен он, без сомнения, с определенной целью: высмеять все отрицательное, что автор видел в романтизме не „истинном“, а театральном, надуманном.

Граф выглядит смешным и нелепым со своим чрезмерным восторгом пред всем необычным, со стремлением видеть таинственное и загадочное в самых обыкновенных явлениях жизни. Так, например, Зося, кормившая морковью детей, кажется ему нимфой с рогом изобилия в руках. Смешными представляются читателю заоблачная мечтательность Графа и его восхищение романтическими рыцарскими подвигами, тайнами немецких замков, красотами итальянской природы. Собственно, у Графа и к Соплицам нет настоящей социальной ненависти; в наезде его привлекает, прежде всего, романтическая сторона походов. И сам Граф и положения, в которые он попадает благодаря своей „романтической“ натуре, рисуются автором в остро комических, а подчас и иронических тонах (например, разговор с Телименой о природе).

Итак, к своим героям Мицкевич подходит с реалистических позиций. В таком случае, естественно, возникает вопрос о типичности персонажей.

Не имея возможности подробно останавливаться на каждом персонаже, мы должны все же отметить, что каждый из них, правда, в различной степени, включает в себе определенные типические черты своего времени (хотя бы, например, ключник Горешков, о котором мы говорили выше).

Типичность достигается: во-первых, отмеченной выше социальной дифференциацией, в основном, верно уловленными взаимоотношениями различных групп шляхты.

Во-вторых, исторически правильно отмеченными отрицательными чертами шляхты и шляхетской „республики“ в целом. Так, в поэме приводятся факты дворянского самоуправства и бесчинства, свидетелем и жертвой которых был Возный (мелкий шляхтич, исполнявший судебные поручения). В круг его обязанностей входило предъявление решения трибунала и вызовов в суд. При этом ему не раз приходилось переживать острые моменты: шляхтич Джиндолет, приставив к груди Возного пистолет, приказал ему лезть под стол и лаять там по-собачьи. Когда же Возный предъявил вызов в суд Володкевичу, который характеризуется, как

... сильный пан,
Все трибуналы разгонявший,
Премного делавший проказ
И даже сеймики не раз
Самоуправно разгонявший —

то этот „сильный пан“ порвал акт в клочки и, угрожая шпагой, приказал Возному съесть их.

В поэме отмечается и осуждается склонность шляхты к распрям, к тяжбам, к длительным судебным процессам. Судья, тип в основном положительный, не может отказаться от искушения захватить в свою собственность замок Горешков, не имея на то никаких прав. Отказаться от мелочного судебного процесса он не хочет даже накануне больших исторических событий. С большой иронией относится Мицкевич и к кичливости шляхты своим происхождением, к ее крикливости (сцена в корчме, шляхетский совет в Добжинском застянке—глава VII).

Трезвое отношение автора к шляхте проявляется и в понимании им классового и личного эгоизма шляхты, в понимании ее пренебрежительного отношения к поселянам. Собравшиеся в корчме шляхтичи жалуются на притеснения царского правительства. Вдруг осмелился вступить в разговор один из поселян и заявил, что ему приходится еще тяжелее. На это последовал „вразумительный“ ответ шляхтичей:

Ты! Хам! (то был Скалубы крик).
Простак! Взгляни себе на рожу!
Ведь ты, как угорь, уж привык,
Чтобы с тебя сдирали кожу!
А нам, имеющим свой двор,
Нам — людям избранной породы,
Вкушать привыкшим с давних пор
Златое яблоко свободы!..
Эх, братцы!

В этих строках автор показал, что интересы хлопов были чужды шляхте, когда она „вкусала яблоко свободы“; чуждыми они остаются и после потери этого „златого яблока“.

Между тем, „спасти Речь Посполитую от гибели было возможно только при условии крестьянской реформы и уничтожения шляхетской диктатуры“.¹

В-третьих, типичность, правдивость лиц достигается также яркостью и жизненностью образов, что, в свою очередь, связано с полнотой, многосторонностью их раскрытия. Прямая авторская характеристика по занимаемому объему уступает косвенной, помогающей раскрыть образ во всей сложности жизненных связей и отношений. К многообразным приемам косвенной характеристики относятся: взаимоотношения героев, взаимная характеристика, самохарактеристика, портрет, раскрытие внутреннего мира. Хотя в поэме нет сложной психологизации, но прекрасным средством раскрытия переживаний человека является портрет, использованный автором достаточно искусно.

Таков, например, внешний вид Графа, находящегося в состоянии романтического экстаза:

Вдруг стает, ни на шаг вперед!
Столбняк его как будто схватит,
Недвижим; неба в синий свод
Умилно он глаза закатит
И смотрит долго, точно кот,
Который в вышине несносной
Увидел воробья над сосной.

¹ История СССР, т. I, под ред. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина и В. И. Лебедева. Госполитиздат, стр. 664.

Тонко используется и описание костюма как средство характеристики (национальный литовский костюм Зоси, кокетливое пестрое убранство Телимены, обветшалое одеяние с полувытертыми гербами Гервазия, ультраромантический костюм Графа и т. д.).

В-четвертых, в изображении персонажей Мицкевич далек от всего абстрактного и туманного. Созданию конкретных, сочных образов помогает общий фон, которым в поэме служат бытовая обстановка и природа.

Поэма „Пан Тадеуш“ по своему характеру — бытоописательная. Мицкевич писал своему брату Франциску 19 апреля 1834 г.: „Мое новое произведение, которое я теперь печатаю, разыгрывается в Литве; ты в нем найдешь описание домашней жизни, охоты, чиновничьи остроты и пр. Писание этих вещей меня крайне занимало, перенося меня в нашу милую родину“...¹

Картины быта необыкновенно широки, они включают в себя и изображение обстановки, в которой живут герои (поместье Судьи, Замок Горешков, Добжинский застенок), и изображение самого уклада жизни, обычаев и т. д.

Эти картины помогают раскрытию социальной принадлежности персонажей (жизнь застенковой шляхты нельзя спутать с укладом жизни в фольварке Судьи), определяют их идейную сущность. Так, дом Судьи, как неоднократно подчеркивает автор, был „новым модам непослушным“, внутри все было на „стародавний лад“. Здесь неукоснительно соблюдаются старые обычаи, превращающиеся иногда в своеобразный торжественный церемониал, например, обеды, ужины и пр. Кроме того, они выявляют характерные особенности отдельного персонажа, помогают индивидуализации образа (Зося показана в окружении цветов, птиц, детей) и несут в себе авторскую оценку родной культуры и многих старинных обычаев.

Бесконечно близка Мицкевичу и природа родного края, которую он рисует в полных изумительной свежести картинах. Отношение действующих лиц к природе — важный момент в их характеристике.

Наконец, не представляет сомнения и факт использования фольклора. Он дает о себе знать и в изображении жизни животных в литовских лесах, и в описании лесов.

Все это, вместе взятое, придает особый национально-исторический колорит изображаемому, позволяет говорить о реализме и содержания и формы произведения, о реалистичности поэмы Мицкевича.

Поэма „Пан Тадеуш“ сложна и многообразна. Это огромное полотно, на котором нарисована изумительно яркая картина. В ней сочетаются ирония с мягким юмором, снисходительное отношение к слабостям героев с трезвым критическим взглядом на шляхетскую Польшу.

Обращая внимание на самую характерную особенность поэмы — реалистичность, — тем не менее нельзя не отметить в поэме „Пан Тадеуш“ и некоторых элементов романтизма, с одной стороны, а с другой — элементов идеализации как действующих лиц, так и старопольского уклада жизни, обычаев, что до некоторой степени суживает общий реалистический фон произведения.

Следы романтизма сказываются в раскрытии образа Ядека. В течение значительного промежутка времени он выступает в поэме

¹ А. Мицкевич. Полн. собр. соч. Цит. изд., т. II, стр. 320.

таинственной личностью, скрываясь под личиной ксендза Робака. О прошлом ксендза можно догадываться только по сохранившимся на его лице следам сабельных ударов да по огромной физической силе. Покрыта таинственностью и исполняемая им миссия. Да и смерть его, с предшествующим покаянным монологом, сближает Робака с романтическими героями Мицкевича.

Но в то же время Робак далек от своих предшественников: он показан в бытовом окружении, поступки его реалистически мотивированы; он как бы растворяется в шляхетской массе, а не стоит гордым одиночкой.

Что же касается второго момента—идеализации, то она объясняется, главным образом, одним обстоятельством: у автора нет достаточно ясного и четкого понимания глубоких социальных противоречий между крестьянами и шляхтой. Поэтому Мицкевич, отмечая, что от гнета царского правительства крестьяне страдают больше, чем шляхта, мало говорит о взаимоотношениях между этими двумя классами.

Отсюда вытекает и идеализация старопольского уклада жизни в поместье Судьи, который изображен образцовым хозяином, ладящим с крестьянами. Между тем, указанный период времени характеризуется кризисом феодально-крепостнических отношений в Польше, обострением социальных противоречий между шляхтой и крестьянством, массовым обезземеливанием последнего. Этого процесса Мицкевич не показал.

Автор неоднократно проводит и типичную для польской демократии той эпохи мысль, что в национально-освободительной борьбе все сословия выступают единым фронтом, что в этот период сглаживаются социальные противоречия. Когда Робак в корчме рассказывает о генерале Домбровском и готовящейся борьбе, поселянин заключает в объятия шляхтича, с которым только что спорил.

История Польши показывает, что неудачи восстаний (в частности, восстания 1830—1831 гг.) связаны прежде всего с тем, что крестьянство не было заинтересовано в них и не проявляло поэтому достаточной активности. Сам Мицкевич сознает, что крестьянам необходима свобода и наделение землей, иначе они ничего не выиграют от изменения власти (песнь XII). Однако в идеологии Мицкевича, как и большинства польских прогрессивных деятелей того времени, центральное место занимал национальный вопрос, и он оставлял временно в тени проблему классовых противоречий.

Революционная эпоха от Четырехлетнего сейма до восстания 1830—1831 гг. выдвинула на первый план решение национального вопроса. Это послужило почвой и для политических мечтаний и для развития романтической литературы, в частности, и поэзии Мицкевича. В решении же крестьянского вопроса намечались отдельные попытки, так как предполагалось, что крестьян освободят сами помещики. С этой распространенной точкой зрения мы встречаемся и в „Пане Тадеуше“.

Восстание 1830 г. послужило переломным моментом в исключительно важном для Польши крестьянском вопросе. Оно показало, что решить национальную проблему в отрыве от социальной нельзя.

Активное отношение Мицкевича к событиям общественной жизни сказалось в создании им реалистического произведения — поэмы „Пан Тадеуш“, отразившей, как мы видели, многие актуальные вопросы современности.

Взгляды Мицкевича во многом были близки „Демократическому обществу“, программа которого содержала ряд прогрессивных моментов: необходимость участия в борьбе широких народных масс, аграрной революции и т. д. Но в то же время эта программа страдала половинчатостью, боязнью постановки острых вопросов, глубоко неверным убеждением в единстве национальных интересов всех классов.

Слабые стороны программы „Демократического общества“, отразились частично в поэме Мицкевича; в частности, они послужили почвой для проводимой им идеи общей национальной борьбы.

Но несмотря на указанные недостатки поэмы, общий реалистический дух ее побеждает. Главное внимание автор сосредоточил на изображении объективной действительности, и эта действительность подчас, невзирая на субъективные стремления автора (а Мицкевич не ставил перед собой разоблачительных целей), говорит сама за себя, что нашло особенно яркое выражение в вопросе о типичности образов и отрицательных сторонах шляхты.

Реалистическая манера Мицкевича в поэме „Пан Тадеуш“ отличается рядом особенностей.

Первая особенность ее — эпичность, которая проявляется в широте охвата действительности. Большой, очень насыщенный событиями, бытописанием, массовыми сценами материал укладывается в очень небольшой промежуток времени.

Детальное бытописание ведется в несколько замедленном, эпически спокойном тоне повествования, чему способствуют подробное описание манер, костюмов, обеденного стола, кушаний и пр. и пр. Достаточно вспомнить, как подробно рассказывает автор о приготовлении бигоса на свежем воздухе после охоты. Не может не влиять на темп повествования и введение не прекращающегося на протяжении всей поэмы спора между двумя заядлыми охотниками, Ассессором и Регентом, о сравнительных достоинствах их собак. Он прерывается, возобновляется снова, сочетаясь с обширными повествованиями Войского об охотничьих подвигах, причем рассказы его тоже неоднократно прерываются ходом действия и затем возобновляются. Когда этот эпический тон сочетается с незначительностью описываемых событий, — повествование приобретает особо комическую окраску.

Широко использует автор и прием развернутых сравнений и отчасти прием повторений; так, обед всегда начинается одной и той же картиной:

Молитву ксендз провозгласил
Латинскую. Вот — дали водку
Мужчинам. Сели, наконец,
И молча принялись в охотку
Вкушать литовский холодец.

Другая особенность реалистической манеры Мицкевича — сочетание юмора с лиризмом, искусное использование комического. Лирическое настроение создается главным образом благодаря лирическим отступлениям и чудесным картинам природы. Мы чувствуем аромат литовских лесов, их своеобразную музыку. Лесные мелодии смог уловить Войский и исполнить на охотничьем роге своего рода лесную симфонию.

И наряду с такими сценами — „охота“ Телимены на Тадеуша, а Войского — на мух.

Шутка пронизывает все повествование поэмы, проникая и в область „серьезного“. Так, например, битва шляхтичей с полицейским отрядом во многих внешних моментах пародирует „Илиаду“. Или: после совершенного наезда в поместье Судьи Гervазий требует от Возного официального признания Графа владельцем замка, угрожая в противном случае смертью. Протагий искусно спасается бегством в надежное прибежище — конопляник:

И, как он делал зачастую,
Кричит оттуда: „Протестую!“

Простой и, в то же время, богатый, исключительно гибкий, эмоциональный и образный язык поэмы довершает ее художественную ценность. Поэма „Пан Тадеуш, или последний литовский наезд“ — первое крупное реалистическое произведение польской литературы, это первый плод польского реализма.

В эпилоге к поэме Мицкевич задавал вопрос: дождется ли когда-нибудь он счастья увидеть свою книгу под соломенной крышей, возьмет ли когда-нибудь в свои руки крестьянская девушка, распеваящая народные песни, эту книгу, простую, как ее песня.

Мы можем с уверенностью сказать, что никогда еще не был Мицкевич так близок народу, как сейчас. А. М. Горький прекрасно выразил сущность творческого гения Мицкевича, поставив его рядом с Пушкиным и Шевченко: „Каждый духовно здоровый человек являет собою как бы туго свернутую хартию, исписанную впечатлениями исторического бытия его племени. В счастливых условиях эта хартия, развертываясь, обогащает нас такими радостными явлениями, как Шевченко, Пушкин, Мицкевич — люди, воплощающие дух народа с наибольшей красотой, силой и полнотой“.¹

¹ „Литературный критик“, 1940, № 11—12.

СТАТЪИ

И. С. Миллер

КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ В ПОДГАЛЬЕ В 1651 ГОДУ

История польского крестьянства была и по сей день еще остается одной из наименее изученных областей истории польского народа. С еще большим основанием это можно сказать об истории крестьянских движений в Речи Посполитой. Нередко в польской исторической литературе можно было встретить мнение, что восемь веков польской истории — от восстания крестьян и рабов в 30-х годах XI в. и до галицийского восстания 1846 г. — не знают ни одного выступления крестьянства против феодальной эксплуатации. Польские крестьяне избегали при этом покорными и инертными, способными лишь на бегство от эксплуататора-феодала, но не на активную борьбу с ним и со всем феодальным строем.

Буржуазно-шляхетские историки не ограничивались утверждением, что крепостническая Речь Посполитая представляла в этом отношении удивительный контраст по сравнению с соседними с нею государствами, но пытались найти этому логическое и историческое обоснование. Один из первых историков польского крестьянства, Мацеевский, ставит вопрос — возможны ли были в Польше крестьянские войны, подобные крестьянской войне в Германии в 1525 г., и смело отвечает: нет, это пустое и воистину ребяческое опасение, о восстании нашего народа никакой речи и быть не могло. Это заключение Мацеевский основывает на том, что крестьянская война в Германии была, по его мнению, результатом реформации, а польский народ был „телом и душой привязан к католической вере и своей народности, что, собственно, стало поныне положительной чертой его характера“.¹

Было бы ошибкой думать, что такого рода суждения являются лишь архаизмом и не могут встретиться и в более новых работах. Несмотря на то, что еще в 70-х годах XIX в. появился и приобрел широкую известность очерк Кубали о крестьянских движениях 1651 г.

Условные сокращения: Ossol. — рукописи Zakładu narodowego im. Ossolińskich (ранее во Львове, в настоящее время — частью во Вроцлаве, частью в Львовской библиотеке АН УССР); Wawog. — рукописи бывшей библиотеки Баворовских (в настоящее время в составе фонда Львовской библиотеки АН УССР).

¹ W.-A. Maciejowski. Historia włościan i stosunków ich politycznych, społecznych i ekonomicznych, które istniały w Polsce od czasów najdawniejszych aż do drugiej połowy XIX wieku. Warszawa, 1874, s. 311 i n.

(см. о нем ниже), в обширной работе Александра Свентоховского эти движения не только не нашли соответствующего отражения, но и прямо отрицались: „Вызванное им [Хмельницким. — И. М.] бурное народное движение не зажгло крестьян в Короне“.¹ Эта точка зрения была воспринята даже Юлианом Мархлевским: „История человечества — есть история классовых битв. Не такова история Польши с XV по конец XVIII столетия, ибо здесь не было уже в эту эпоху острых классовых битв“.²

Чтобы полностью преодолеть это шляхетско-буржуазное извращение истории польского крестьянства и дать правильное представление о характере и формах классовой борьбы в феодально-крепостнической Польше, разумеется, недостаточно лишь констатировать несомненную ложность идейных и методологических основ этих взглядов. Необходимо обратиться к изучению самих крестьянских движений, стремясь при этом к полному освещению тех социальных, экономических и политических условий, которые их порождали. Только на базе таких, почти отсутствующих ныне, монографических исследований станет возможным воссоздание во всей полноте истории крестьянских движений в феодально-крепостнической Речи Посполитой. Только таким путем можно будет дать подлинно научное определение и тех особенностей, вследствие которых борьба крепостного и зависимого крестьянства в собственно польских областях не достигла того размаха, каким были отмечены крестьянские движения в большинстве стран Восточной Европы, в том числе и в украинских и белорусских землях самой Речи Посполитой.

Настоящая статья посвящена истории крестьянского восстания в польском Прикарпатье в 1651 г. Это восстание не единственное и, по нашему мнению, не крупнейшее из движений польского крестьянства в XVI—XVIII вв.

Следует, однако, иметь в виду, что это восстание занимает особое место среди других движений польского крестьянства. Возникновение его стоит в определенной связи с могучим освободительным движением украинского народа, которое находилось в это время в одной из наивысших фаз своего развития. Уже одно только это обстоятельство оправдывает особый интерес советского исследователя к этому восстанию. Вместе с тем надо иметь в виду, что связь польского крестьянского восстания с украинской освободительной войной привлекала к этому восстанию внимание и современников. Восстание это нашло отражение во многих письмах, дневниках, хрониках, столь многочисленных в ту бурную эпоху. Можно с уверенностью сказать, что по степени освещения источниками оно значительно превосходит все известные до сих пор аналогичные движения польского крестьянства, представляя в силу этого наиболее благодарный материал для исследования. Неудивительно поэтому, что полностью игнорировать это восстание польская буржуазная историография не могла и, в отличие от других крестьянских восстаний, оно было уже несколько раз объектом изучения и нередко ему посвящались краткие заметки в общих курсах истории Польши. Особенно популярным этот сюжет стал в художествен-

¹ Świątchowski. *Historja chłopów polskich*, wyd. 2-e, Poznań (b. r.), s. 123.

² Ю. Мархлевский. *Польская конституция 3 мая 1791 г.* — Соч., т. VI. М.—Л., 1931, стр. 131; см. там же: „Возникновение Польского государства и диктатура дворянского класса“, стр. 272.

ной литературе (к нему обратились такие выдающиеся польские писатели, как Тетмайер и Оркан-Смречинский).¹ Польские буржуазные историки проходили мимо тех вопросов, которые в первую очередь привлекают наше внимание при изучении народных движений. Весь интерес этих историков сосредоточен на личности руководителя восстания, а причины, цели классовой борьбы крепостного крестьянства, ее значение они обходили молчанием. Нас не могут удовлетворять эти работы и по их общим методологическим установкам и по их конкретному освещению изучаемого крестьянского движения. Они сохраняют лишь известный историографический интерес и могут быть полезны в той мере, в какой в них привлекаются недоступные для нас неизданные источники.

Первой работой, посвященной восстанию 1651 г. в Краковском воеводстве, был очерк Щенского Моравского „Rozruchy ludu podgorskiego“ в книге „Świątek Boży i życie na nim“, вышедшей в Жешове в 1871 г. Моравский (1818—1898) не был специалистом историком. За свою 80-летнюю жизнь он успел испытать свои силы на самых различных поприщах: был художником, публицистом, администратором, писал исторические повести и т. д. Работа Моравского о восстании 1651 г. является, к сожалению, в равной мере и первым историческим исследованием и первым художественным произведением на эту тему. Не говоря уже о том, что в этой работе полностью отсутствует какой-либо научный аппарат (лишь в конце Моравский бегло и нечетко перечисляет источники, легшие в основу его рассказа), автор, не задумываясь, дополняет материал источников „вполне вероятными“, по его мнению, подробностями, вплоть до диалогов. Отделить материал, основанный на источниках, от привнесений в повести Моравского чрезвычайно трудно, часто невозможно. Помощь в этом отношении может оказать изучение рукописи другой работы Моравского, „Arjan polskich“, в которой автор несколько умереннее „реставрировал“ историю, и особенно изучение выписок и заметок Моравского.² Этот тяжелый и неблагодарный, на первый взгляд, труд оправдывается, так как Моравский был прекрасным знатоком архивов Краковского воеводства и пользовался многими недоступными для нас источниками.

Почти одновременно с Моравским восстанием 1651 г. заинтересовался известный львовский историк Людвик Кубаля (1838—1918), опубликовавший в 1873 г. в журнале „Przewodnik naukowy i literacki“ статью „Kostka-Napierski“, вошедшую затем в книгу „Szkice historyczne“.

¹ Этот интерес польских писателей к крестьянскому движению вызвал даже раздражение у такого реакционного историка, как Михаил Бобжинский. М. Bob-
gzyński. Dzieje Polski w zarysie, t. III. Warszawa, 1931, s. 338.

² Morawski. Arjanie polscy. Lwów, 1906. Работа издана после смерти автора чрезвычайно небрежно; издателями сделан ряд купюр, общий объем которых превышает изданный текст. Купюры сделаны настолько неудачно, что часто превращают текст в набор бессвязных и бессмысленных фраз. В работе этой Моравский вновь возвращается к вопросу о восстании 1651 г. В издании вся интересующая нас часть выпущена. Мы пользовались хранившейся в Оссолинеуме (№ 4646) четырехтомной рукописью Моравского, носящей несколько иное, чем в издании, вероятно, лишь условно принятое название „Arjanie polscy. Zbój podgorski. Szwedów parad. Rakocy“, а также пятью рукописями набросков, носящих название „Zapiski do Arjan polskich“ (Ossol., № 4459—4463), еще одной рукописью набросков к той же работе (Ossol., Zbiór Człowski, № 2489) и несколькими рукописями Моравского из частного собрания проф. Александра Чоловского. Среди них особенно интересны составленные Моравским реестры подгорских разбойников.

В своей статье Кубаля, в отличие от Моравского, стремился дать научный очерк восстания 1651 г. Кроме частичной проверки Моравского по указанным им источникам, Кубаля привлек еще один весьма важный источник — дневник Освенцима. Очевидно, предпочитая данные Освенцима неподтвержденным данным Моравского, Кубаля целиком следует за Освенцимом, нередко делая при этом ошибки, которые можно было бы исправить по другим источникам. Зависимость Кубали от Моравского наложила отпечаток на статью, придав ей тот полубеллетристический характер, за который справедливо упрекал Кубалю Грушевский.¹

Тем не менее статья Кубали была первой попыткой научной разработки истории восстания 1651 г. Автор не стремился, впрочем, к глубокому анализу причин восстания; он не ставил своей задачей привлечение для рассмотрения истории этого восстания возможно большего числа источников; цель его статьи более скромная — он желал лишь привлечь внимание к этому эпизоду, сыгравшему определенную роль в борьбе шляхетской Речи Посполитой с восставшим украинским народом. Надо отметить при этом, что Кубале был чужд воинствующий национализм большинства современных ему польских историков. Из всех польских историков он дал наиболее положительную и наиболее близкую к истине характеристику Хмельницкого.² Несомненно, сочувственно изображает он и польское крестьянское восстание.

Большинство более поздних работ, как польских, так и русских и украинских авторов,³ не привлекало никакого нового материала; эти авторы с большей или меньшей добросовестностью и полнотой излагали лишь очерк Кубали. И хотя Грушевский в IX томе „Історія України-Руси“ вышел за пределы материалов Кубали, однако вся проблема польского крестьянского движения занимала у него лишь побочное, третьестепенное место.

Между тем за 70 с лишним лет, прошедших со дня опубликования статьи Кубали, появился материал новых исследований по истории аграрных отношений в Краковском Подгорье, представляющий значительный интерес и при изучении истории восстания 1651 г. Сам Кубаля не вернулся к сюжету своей ранней работы. Лишь в 1930-х годах эта проблема вновь попала в поле зрения исследователя. Краковский историк Станислав Щотка прочитал 18 января 1938 г. в секции социальной и экономической истории Львовского научного общества два реферата о польских горцах-разбойниках и о восстании горцев в 1651 г. под руководством Костки Наперского.⁴ Щотка поставил задачей дать историю восстания Наперского на фоне социально-экономических отношений Краковского Подгорья. Однако резюме рефератов показывает, что работа Щотки в это время находилась еще в сравнительно ранней стадии. Продолжая работу над этой темой,

¹ М. Грушевський. Історія України-Руси, т. IX, ч. 1. Київ, 1928, стр. 267.

² См. L. Kubala. Wojna moskiewska z r. 1654—1655. Warszawa, 1910, s. 7—18.

³ Н. И. Костомаров. Богдан Хмельницкий. — Соч., т. IV. СПб., 1904, стр. 430—434; П. А. Кулиш. Отпадение Малороссии от Польши (1340—1654), т. III. М., 1889, стр. 270—280; Fr. Rawita-Gawroński. Bohdan Chmielnicki od elekcji Jana Kazimierza do śmierci (1648—1657). Lwów, 1909, s. 125—126.

⁴ Sprawozdania Towarzystwa Naukowego we Lwowie, roczn. XVIII—1938, zeszyt I, s. 69—78 (в дальнейшем, при ссылках — Щотка).

Щотка подготовил к печати монографию.¹ К сожалению, этот труд был уничтожен в годы немецкой оккупации.²

В настоящей статье, представляющей собой часть более обширной работы, написанной в 1940—1941 гг., мы ставим себе целью рассмотреть, на основе имеющихся монографических исследований, аграрные отношения в Краковском Подгорье, предпосылки и условия возникновения крестьянских движений в этом районе в середине XVII в., дать на основе максимального количества доступных источников очерк восстания 1651 г., осветив при этом отдельные вопросы, выпадавшие из поля зрения исследователей (программа восстания) или недостаточно разрешенные ими (подготовка восстания, подавление его и др.).

Зависимость от материала источников будет не раз сказываться в статье. По ряду вопросов и прежде всего по самым главным — о масштабах распространения восстания, о его массовости, о действиях отдельных крестьянских отрядов — источники дают чрезвычайно скудные сведения, касаются этих вопросов лишь мимоходом. Обработывая материалы и выбирая из них по крупицам эти данные, автор в то же время стремился учесть все, что могли дать источники для воссоздания возможно более полной картины восстания. В силу этого некоторые вопросы, которым источники уделяют особенное внимание (например, характеристика Наперского), заняли в статье относительно большее место, не соответствующее их объективной значимости. Автор сознательно идет на это, считая необходимым собрать воедино материал об этом до сих пор мало известном народном движении.

Остановимся кратко на использованных в настоящей исследовании источниках.

Источники истории крестьянского восстания 1651 г. в Подгалье весьма разнообразны. Здесь и документы в узком смысле слова (универсалы, официальные сообщения), и переписка, и дневники очевидцев, и, наконец, хроники. Я даю краткий обзор этих источников, почти исключительно с формальной стороны, чтобы избежать излишних повторений, так как разбор достоверности отдельных положений, сравнение разноречий и т. п., т. е. критику содержания неизбежно придется давать при изложении истории самого восстания. Останавливаясь лишь на тех источниках, которые относятся непосредственно к истории восстания.

Особенностью наших документальных источников является то обстоятельство, что почти все они дошли до нас лишь в копиях, приводимых в дневниках или переписке. Поэтому наиболее целесообразным будет рассматривать их не отдельно, а вместе с тем источником, благодаря которому они нам известны.

Наиболее важным из всех источников является дневник Станислава Освенцима.³

Станислав Освенцим [1606 (?)—1657] происходил из небогатого шляхетского рода. О жизни его до 1643 г. (первого сохранившегося

¹ См. упоминание об этом в вышедшей в канун войны 1939 г. книге Щотки „Udział chłopów w walce z potopem szwedzkim“. Lwów. 1939, s. 57.

² Автор сообщил об этом в ответе на анкету журнала „Odrodzenie“; см. № 28, за 1946 г.

³ *Scriptores rerum polonicarum*, t. XIX. Stanisława Oświęcima dyaryusz 1643—1651, wydał dr W. Czermak. Kraków, 1907.

Проведенное нами сопоставление подтвердило, что издание в интересующей нас части точно воспроизводит рукопись (Ossol., № 224).

в дневнике) мы знаем сравнительно мало. В 1643 г. мы застаем его на службе у великого коронного гетмана Конецпольского, где он оставался до самой смерти гетмана (1646), будучи чем-то вроде маршалка его двора. Через руки Освенцима проходила вся корреспонденция гетмана — гласная и секретная. Уже тогда Освенцим усвоил привычку выписывать к себе в дневник многие проходившие через его руки документы; благодаря этой особенности дневника Освенцима сохранились наиболее интересные документы, относящиеся к подгальскому восстанию. В последующие годы Освенцим был связан с Любомирским, особенно с Александром Михаилом, коронным конюшим, и Юрием — великим коронным маршалком.¹ В 1651 г., находясь при Александре Михаиле Любомирском, Освенцим вместе с польским войском и посполитым рушением проделал марш к Берестечку, но не был ни очевидцем, ни участником сражения, потому что 26 июня был послан на подавление восстания в Подгалье. Вероятно, уже в Кракове он переписал в свой дневник несколько документов, относящихся к восстанию. Освенциму мы обязаны сохранением следующих документов:

- 1) охранного свидетельства, выданного Наперским тынецкому монастырю;
- 2) письма Наперского к Лентовскому;
- 3) письма Радоцкого к Наперскому;
- 4) универсала Наперского;²
- 5) письма Наперского к Здановскому;
- 6) универсала Яна Казимира и
- 7) аттестации великого коронного маршалка Юрия Любомирского, выданной шляхтичам, посланным на подавление восстания в Подгалье.

Но значение дневника Освенцима не исчерпывается этими приводимыми им документами. Освенцим дает яркое изображение того впечатления, которое произвело в королевском лагере под Берестечком известие о крестьянских восстаниях в Польше. Он лично участвовал в экспедиции, посланной для подавления восстания в Подгалье, и дает в своем дневнике описание этой экспедиции. Кроме того, Освенцим имел возможность на месте проверить и подтвердить те сведения о восстании, которые он имел раньше. Все это делает его дневник особенно полным, достоверным и ценным источником.

Документы и письма, приводимые Освенцимом, дополняются еще некоторыми публикациями.

Мы будем цитировать в дальнейшем некоторые сообщения папского нунция в Польше де Торреса.³ Особенный интерес представляют два письма (от 24. VI и 1. VII 1651 г.), сообщающие о восстании в Великой Польше и о восстании в Подгалье.

¹ См. подробнее о биографии Освенцима и его дневнике предисловие Чермака к изданию Освенцима.

² Универсал Наперского см. также Ossol., № 225, s. 400—400', и публикацию Грабовского: „Ojczyście spominki w pismach do dziejów dawnej Polski. Dyaryusz, relacye, pamiętniki i t. p., służyć mogące do objaśnienia dziejów krajowych, tudzież listy historyczne do panowania królów Jana Kazimierza i Michała Korybuta, oraz listy Jana Sobieskiego, marszałka i hetmana wielkiego koronnego, z rękopismów zebrane przez Ambrożego Grabowskiego“. Kraków, 1845, t. I, s. 86—87.

³ Жерела до історії України, видає археографічна комісія наукового товариства імені Шевченка, т. XVI, 1, Львів, 1919. Ватиканські матеріали до історії України, зібрав і видав Стефан Томашевський, т. I; донесення Джованні де Торрес, архієпископа адринопольського в рр. 1648—1652 [в дальнійшій при ссылках — Жерела].

К этой же группе источников относятся еще два, на которых не имеет смысла останавливаться подробно. Авторы их мало осведомлены о восстании, поэтому дневники их представляют лишь второстепенный интерес. Это — дневник шляхтича Белзского воеводства Николая Емёловского,¹ в котором, после описания Берестечкой битвы есть упоминание о получении в королевском лагере сообщения о взятии Чорштына, и дневник шведского гонца Иоганна Майера,² направленного в Крым и записавшего 3 июля 1651 г. рассказ какого-то таможенного чиновника о восстании Костки.

Многие документы разысканы нами в рукописных фондах львовских библиотек. Так, в рукописи 225 Оссолинеума находятся:

1) письмо неизвестного, вероятно, шафлярского плебана (см. об этом ниже, стр. 203) от 14. VI 1651 г. из Нового Тарга, сообщающее о начале восстания;

2) письмо неизвестного из Кракова от 18. VI 1651 г.;

3) письмо Гембицкого Сметанке от 20. VI 1651 г.;³

4) письмо Гембицкого в Варшаву от 25. VI 1651 г. с известием о взятии Чорштына;

5) письмо неизвестного из-под Берестечка от 26. VI 1651 г. об отправке экспедиции в Подгалье против восставших;

6) универсал Наперского.

В рукописи 235 Баворовских находятся:

1) письмо из Великой Польши от 7. VI 1651 г. о начавшемся там восстании;

2) письмо неизвестного без даты о восстании в Подгалье.⁴

В рукописи 2973 Оссолинеума (Teki Stanisława Lukasa, t. I. Correspondence de Suede) имеется выписка из бумаг Шведского государственного архива о посольстве Наперского в Швецию в 1648 г.

В рукописи 5656 Оссолинеума (Acta do wyprawy beresteckije 1651 z archiwum królewicza Karola Ferdynanda) — письмо ксендза Ремигиуша Пясецкого из-под Берестечка от 26. VI 1651 г. о восстании в Подгалье.

Наконец, чтобы закончить описание этой группы источников, укажем еще одно собрание документов и писем. Это — теки Нарушевича,⁵ богатейшее, к сожалению не опубликованное, собрание, которое содержит два письма, относящихся к интересующему нас вопросу. Первое — от подканцлера Радзеевского королевичу Карлу Фердинанду, рисующее впечатление в лагере под Берестечком при получении из Кракова известий о восстании. Второе, — представляющее особенный интерес, — сандомирского войскового Шуцкого какому-то ротмистру, описывающее оборонительные мероприятия Сандомирского воеводства против восстания.

¹ Pamiętnik Mikołaja Jemiołowskiego, ... obejmujący dzieje Polski od r. 1648 do 1679 spóźnie, porządkiem lat opowiedziane. Lwów, 1850. Сверено с рукописью (Ossol., № 2099).

² Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссией для разбора древних актов, ч. III, т. 6. Акты Шведского государственного архива, относящиеся к истории Малороссии (1649—1660). [Дневник путешествия шведского дипломатического агента Иоганна Майера из Бахчисарая через Молдавию, Украину и Польшу в Стокгольм. 1 мая — 28 июля (ст. стиля) 1651 г.]. Киев, 1903.

³ Письмо неизвестного от 18. VI и письмо Гембицкого от 20. VI опубликованы Грабовским (Oczyste spominki, s. 85—86) по находящейся в Кракове рукописи Пиноцци.

⁴ Оба письма скопированы в рукописи 2286 Оссолинеума.

⁵ Teki Naruszewicza. Цитирую в дальнейшем по рукописной копии, находящейся в отделе рукописей Библиотеки АН УССР в Киеве, II 13698—13716.

Переходим к хроникам. Первая из них появилась вскоре же после восстания — в 1652 г. Это было „*Bellum scythico-cosacicum*“¹ Пастория. Восстанию в Подгалье посвящены 206—216 страницы книги.

Пасторий — один из наиболее популярных польских историков XVII в. Изложение Пастория, не отличающееся особенной глубиной, обычно подробно и обстоятельно. Это относится и к интересующей нас части его работы. Для нас Пасторий имеет значение первоисточника. Восстание в Подгалье описано им самостоятельно по неизвестным нам документам и рассказам. Свое обещание, данное в заглавии книги, написать более полный труд Пасторий выполнил в вышедшей уже после его смерти (Пасторий умер в 1681 г.) книге „*Historiae polonae plenioris partes duae. Joachimi Pastorii ab Hirtemberg, Dantisci, MDCLXXXV*“.

В этой книге, по сравнению с „*Bellum scythico-cosacicum*“, сделаны существенные добавления. Изложение гораздо подробнее, более насыщено фактами. Если не считать нескольких мелких добавлений, новый вариант развивает и дополняет в основном два вопроса: деятельность Наперского до занятия Чорштына и подавление восстания. Пасторий дает наиболее подробное описание осады и взятия Чорштына епископскими войсками.

Вскоре после работы Пастория появилась стихотворная хроника Яна Бялобоцкого,² представляющая собой панегирическую эпитафию Иеремии Вишневецкому. По интересующему нас вопросу Бялобоцкий дает очень мало ценного и может быть интересен лишь для подтверждения данных других источников.

Краткую заметку о крестьянских восстаниях 1651 г. дает в своей хронике Ян Лаврентий (Вавжинец) Рудавский. Свою книгу Рудавский закончил в 1660 г.³ но увидела она свет лишь в 1755 г.

Следующий очерк подгальского восстания дает один из виднейших польских историков и поэтов XVII в. — Веспасиан Коховский (1633—1699). Крупнейшее произведение Коховского — его четырехтомная история „*Annalium Poloniae ab obitu Vladislavi IV Climacteres*“, в которой он описывает правление Яна Казимира и Михаила Вишневецкого, деля их на семилетия-климактеры. В первом томе этой истории („*Climacter primus, Cracoviae 1683*“) он описывает восстание в Подгалье. Описание это весьма интересно подробностями, резко отличающимися Коховского от других историков.

В числе авторов, писавших о восстании в Подгалье, находится один крупный польский поэт XVII в., Самуил из Скшипны Твардовский (около 1600—1660). Изданная уже после смерти Твардовского поэма „*Wojna domowa*“⁴ во второй части содержит страничку о восстании

¹ Полное ее название: „*Bellum scythico-cosacicum seu de conjuratione Tartarorum, Cosacorum et plebis Russicae contra Regnum Poloniae ab Invictissimo Poloniae et Sveciae Rege Ioanne Casimiro profligata. Narratio plenioris historiae operi praemissa. Autore Ioachimo Pastorio*“. Dantisci, 1652.

² *Odmiana postanowienia sfery niestateczney kozackiej z wruszeniem pokoju od miesiaca Stycznia 1651 do Września 1651 ... przez Jana Białobockiego* wydana, w Krakowie, 1653.

³ *Historiarum Poloniae ab excessu Vladislai IV ad Pacem Oliwensem usque seu annales regnante Ioanne Casimiro Poloniarum Sveciaeque rege ab anno MDCXLVIII usque ad annum MDCLX, libri novem, auctore Laurentio Ioanne Rudawski, ...Varsoviae et Lipsae, 1755*. Есть польский перевод Спасовича (Petersburg i Mohylew, 1855).

⁴ Полное ее название: *Wojna domowa z Kozaki i Tatary, Moskwą, potym Szwedami, i z Węgry, przez lat dwanaście za panowanie Jana Kazimierza, Krola Polskiego, tocząca się*. Calissi, 1681.

в Подгалье. Краткое изложение Твардовского имеет значение лишь подсобного источника.

Это же можно сказать и о хронике Самуила Грондского.¹ Она, как и история Рудавского, увидела свет много позднее своего написания. Грондский около 1655 г. эмигрировал в Венгрию и принимал участие в походе Ракочи на Польшу в 1657 г., истории которого в основном посвящена его книга. Краткое описание восстания в Подгалье Грондским мало прибавляет к основным источникам и может иметь лишь вспомогательное значение.

Следующая хроника принадлежит профессору историографу Краковского университета (Академии) Станиславу Темберскому.² Темберский в 1651 г., во время восстания Наперского, находился в Кракове, поэтому от этого источника можно было бы ожидать особенно интересных сведений. Хроника, однако, не оправдывает этих надежд. Темберский излагает историю восстания очень кратко и сухо, наряду с некоторыми интересными замечаниями, он делает явно неверные и даже нелепые. К его материалу приходится подходить очень осторожно.

Несколько особняком стоит интересный источник — хроника,³ написанная Андреем Комонецким [1658(?)—1729], в течение 40 лет бывшим бессменным войтом Живца. Хроника эта, за позднейшие годы написанная по личным заметкам, в интересующей нас части составлялась по рассказам старшего поколения. Сведения, сообщаемые Комонецким, не дублируют никакой источник и в то же время проливают свет на обстоятельства, обусловившие быстрое падение Чорштына.

Небольшие заметки о восстании дают также Симон Старовольский⁴ и Александр а Езу (Андрей Кохановский).⁵

Я не останавливаюсь здесь на не относящихся непосредственно к истории восстания документах сеймиков и сейма 1652 г. Документы эти (инструкции послам, пропозиция, сеймовые речи и т. д.) не вносят ничего существенно нового в историю восстания и представляют интерес лишь как показатель впечатления, которое это восстание произвело.

I

Уже с конца XV и особенно в XVI в. экономический и социальный строй феодальной Речи Посполитой так же, как и других стран Восточной Европы, переживает серьезные изменения. Сущность и формы этого процесса уже не раз были предметом исследования польской историографии (здесь следует указать, как на наиболее

¹ *Historia belli cosacco-polonici authore Samuele Grondski di Grondi conscripto anno MDCLXXVI... Pestini, 1789.*

² *Scriptores rerum polonicarum, t. XVI. Stanislai Temberski. Annales 1647—1656, edidit dr W. Czermak. Cracoviae, 1897.*

³ *Andrzeja Komonieckiego Dziejopis żywiecki, wydał St. Szczotka, t. I (do r. 1704). Żywiec, 1937 (Biblioteka żywiecka, nr 1).*

⁴ *Vitae antistitum cracoviensium per Simonem Starowolscium edita. Cracoviae MDCLVIII.*

⁵ *Wizerunek pasterza dobrego w Jaśnie Oświeconym Xiążęciu JM. X. Pietrze Gem-bickim... przez W. O. Alexandra a Jesu. W Krakowie 1658. Интересующий нас отрывок перепечатан у Грабовского (Ојсзyste spominki, s. 87—88) с незначительными сокращениями.*

значительный, труд Яна Рутковского);¹ они нашли отражение и в одной из новейших советских работ — монументальном исследовании академика Б. Д. Грекова.² В настоящей статье, рассматривающей только одну частную проблему, непосредственно связанную с этим процессом, нам представляется необходимым лишь кратко отметить его основные черты, используя результаты упомянутых исследований.

В XIV и XV вв. фольварк, т. е. домен, барская запашка, был очень невелик, нередко вообще отсутствовал; основным видом феодальной ренты был оброк, натуральный или денежный. Развитие товарно-денежных отношений, появление рынка для сбыта сельскохозяйственных продуктов, особенно хлеба, вызвало стремление помещиков к созданию крупных хозяйств, производящих продукты на рынок (вызывающий до сих пор еще дискуссию вопрос о том, какой рынок — внутренний или внешний — играл в Польше определяющую роль на различных этапах развития указанного процесса, для нас в данной связи не существен). Фольварочное хозяйство стало более выгодным, доходным для помещика, чем старая оброчная, чиншевая система.

Само развитие товарно-денежных отношений было признаком начинающегося упадка феодального способа производства. „Производство хлеба помещиками на продажу, особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распада старого режима“.³ Особенностью развития стран Восточной Европы было, как указывает Энгельс, то, что „капиталистический период оповестил на селе о своем пришествии в форме крупного сельскохозяйственного производства на основе барщинного труда крепостных крестьян“.⁴ При этом Речь Посполитую от большинства других стран Восточной Европы отличало еще то, что вследствие особенностей социального, экономического и политического развития Польши здесь крупное феодально-крепостническое помещичье производство надолго задушило слабые ростки капиталистического производства в городе. Застой, загнивание феодального способа производства, общий экономический и политический упадок — таков был конечный итог процесса вторичного закрепощения крестьянства и утверждения барщинной формы феодальной эксплуатации в Польше.

Но в настоящей работе мы имеем дело с этим процессом на его ранней, „восходящей“ стадии развития.

XVI век — время стремительного роста фольварочного хозяйства в Польше. Расширение старых и учреждение новых фольварков лишь в малой степени могло еще идти за счет корчевки леса, распашки лугов, пастбищ, наконец, просто целины. По большей части эти возможности были уже использованы, и увеличение барской запашки шло в основном за счет уменьшения крестьянских земель. К фольварку присоединялись земли беглых крестьян; у крестьян отнимались земли „самовольно запаханные“, т. е. участки выкорчеванного леса, луга и т. п., которые ранее крестьяне очищали для своей запашки с молчаливого одобрения помещика, заинтересованного, в условиях господства натуральной или денежной ренты, в расширении и укреплении

¹ J. Rutkowski. Historia gospodarcza Polski, t. I, wyd. 3-e, Poznań, 1947.

² Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М.—Л., 1946, стр. 372—390.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 158.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, стр. 642.

нии крестьянских хозяйств. Наконец, повсеместно идет уменьшение основных крестьянских наделов и экспроприация общинных земель. Уже к концу XVI в. становятся весьма многочисленны такие категории крестьянства, как загородники, халупники, коморники, почти или совершенно не имеющие своих наделов. Уменьшение крестьянских наделов происходило в течение всего XVI и первой половины XVII в. все более нарастающими темпами. Если в XVI в. типичным считалось полулановое хозяйство, то уже к середине XVII в. даже имеющие четверть лана земли крестьянские хозяйства были относительно „зажиточными“.¹ Громадное большинство (более 63%) крестьян имело карликовые участки менее четверти лана или было совсем безземельным.

Одновременно с обезземеливанием крестьянства идет массовый перевод крестьян с чинша (оброка) на барщину и увеличение барщины. Право пана переводить оброчных крестьян на барщину или изменять, т. е. повышать, чинш законодательно закрепил торуньско-быдгощский сейм 1520 г. Еще в конце XV в. в королевщинах барщина равнялась четырнадцати, восьми, часто даже шести дням в году, торуньско-быдгощский сейм же устанавливал обязательную норму барщины в королевских землях — один день в неделю. Однако в середине XVI в. упоминается трехдневная барщина как нормальная. Как обычно, в деле закрепощения впереди шла церковь. В деревнях Станёнцкого монастыря уже в XV в. крестьяне работали на барщине зимой три, а летом пять дней в неделю.²

Хозяйство самого крестьянина приходило в упадок. Рутковский замечает,³ что из-за того, что крестьянин не имел возможности нормально вести свое хозяйство, повсеместно наблюдался упадок животноводства. Крестьянину оставалось после барщины для работы на себя один-два дня в неделю, а часто и меньше из-за чрезвычайных работ и побочных повинностей. Общий жизненный уровень крестьянства по сравнению с XV в. понизился.⁴

Изданный в 1496 г. пётровский статут свел до минимума право крестьянского выхода; в первой половине XVI в. оно ликвидируется окончательно. Утверждаются худшие формы крепостничества, крестьяне рассматриваются как *glebae adscripti*, что, однако, не мешает помещику переводить крестьянина с лучшей земли на худшую, переселять его из одного своего поместья в другое.

Крестьянин находился полностью во власти панской вотчинной юрисдикции. Пан был абсолютным владыкой в деревне, крестьян он называл „своими подданными по божьему соизволению“. Старая крестьянская община — громада — потеряла свое значение. В состав громады не входили, между прочим, безземельные крестьяне-халупники и коморники. Шляхта широко пользовалась своей неограниченной властью над крестьянством, правом располагать его жизнью и имуществом. Не говоря уже о бесчисленных случаях насилия и произвола, регламентированные штрафы и наказания были чрезвычайно тяжелы и жестоки.

Беспощадная феодальная эксплуатация, насилие и разорение вызывали крестьян на протест, ожесточали их против угнетателей. Наиболее

¹ Здесь имеется в виду так называемый фламандский (малый) лан — мера поверхности, равная 30 моргам (около 17 га).

² A. Świętochowski, s. 92—93.

³ J. Rutkowski, s. 140.

⁴ I. Baranowski. Krótki zarys dziejów wsi polskiej. Warszawa, 1917, s. 21.

массовым и распространенным видом крестьянского протеста было бегство. Насколько оно было частым, видно из того, что после пётр-овского статута 1496 г., запрещавшего уход крестьян из деревни без разрешения пана, уставы против беглых сыплются как из рога изобилия. В течение XVI в. их было издано более 20, а в XVII в. — уже 38 (и это лишь важнейшие).¹ Но бегство крестьян продолжалось и усиливалось.

Сопrotивление крестьянства, угнетенного, задавленного и забитого, принимало чаще всего форму пассивного протеста. Но это не было единственной формой сопротивления крестьянских масс, что мы и покажем в дальнейшем.

Таковы общие черты процесса возврата феодального хозяйства к отработочной ренте, усиления феодальной эксплуатации и превращения зависимых крестьян в крепостных в Польше в XVI—XVII вв. Однако процесс этот претерпевал значительные видоизменения как в зависимости от различий условий в королевщинах, церковных или шляхетских землях, так и в зависимости от различия условий в отдельных воеводствах и поветах.

Нам предстоит выяснить, какие формы принял этот процесс в том районе, где развернулось рассматриваемое нами восстание, в южных, горных частях Краковского воеводства, прежде всего в Подгалье, которое было центром восстания 1651 г.

Подгалье² расположено на северном склоне центральной, самой высокой части Карпат — Татр. В административном отношении оно входило в состав Сандецкого повета Краковского воеводства. Через эту приграничную область с очень давних пор проходили важные торговые пути, соединявшие Краков с закарпатскими странами. Крупнейшая из этих дорог шла из Венгрии через Спиз к Чорштыну и далее разветвлялась на Новый Сонч и Новый Тарг, где находились большие склады товаров. Об оживленности торговли свидетельствовали многочисленные таможенные учреждения — коморы, прикоморки, обсерватории, пограничные заставы (szlaki), податные посты с обширным штатом писарей, ревизоров, экспедиторов и стражников, в обязанности которых входили сбор мыта и борьба с контрабандой. Шерстяные и полотняные изделия Подгалья высоко ценились на ярмарках в Новом Тарге и Бялке и даже на закарпатских рынках. Важный предмет торговли представляла также соль из-под Велички. Соль была одним из важнейших предметов контрабанды в Словакию, контрабанды, с которой жестоко боролись и польские и венгерские объездчики.

Торговля играла важную роль в жизни Подгалья; в значительной степени благодаря этому большинство оброков здесь было переведено на деньги.³

Никакой добывающей промышленности в Татрах в XVII в. не существовало. Делавшиеся еще в XVI в. попытки добывать в Татрах серебро оказались безрезультатными и прекратились.⁴

¹ A. Świątochowski, s. 103—104, 120—123.

² Название „Podhale“ происходит от „hala“ — горный луг, пастбище.

³ См. инвентарь сел Новотаргского староства 1638 г., изданный Игнацием Барановским в кн.: „Materiały do dziejów wsi polskiej“, s. 20—28.

⁴ См. статью: St. E. Radzikowski. Zakopane przez stu laty („Pamiętnik towarzystwa tatrzańskiego“; за 1901—1902 гг.), а также другие статьи того же автора в тех же номерах журнала.

Подгалье было чисто сельскохозяйственным, преимущественно животноводческим районом. Зерновое хозяйство было мало развито; сеяли лишь овес, редко — ячмень. Косить хлеба часто приходилось еще зелеными из-за раннего снега. Результатом слабого развития земледелия были периодически повторявшиеся голодовки, уменьшившиеся лишь после появления в 70-х годах XVIII в. картофеля. В XVII же веке голодовки опустошали целые деревни.

Сильно развито было в Подгалье льноводство. Мы уже упоминали, что грубые подгальские полотна были одним из основных предметов торговли с Венгрией.

Но важнейшей отраслью хозяйства было животноводство. Стада паслись все лето на горных пастбищах: крупный рогатый скот и кони — в долинах, овцы и козы — на верхах. Особенно развито было овцеводство. Вместе со стадами уходила в горы добрая половина деревни в качестве пастухов. День выхода скота на пастбище был деревенским праздником. Раз в три-четыре дня пастухи привозили в деревни молочные продукты и забирали для себя пищу — овсяную муку, которую ели с молоком или с сывороткой. Всем скотом заведывал один выборный главный пастух — баца, отвечавший за скот перед хозяевами. Он распределял между пастухами скот и отводил им места выпаса, принимал выдоенное молоко, наблюдал за изготовлением и хранением сыра. Величина стада зависела от размера гали (пастбища); обычно оно не превышало 200—300 овец.

И без того тяжелый труд пастуха в Татрах усугублялся частой сменой погоды — среди лета нередко выпадал глубокий снег. Пастухам приходилось выбираться по бездорожью, по занесенным снегом горным уступам. Замерзал скот, замерзали и гибли сами люди. Снег лишал крестьян возможности провесты сенокос на гаях; часто та часть скота, которую удавалось вывести из гор, погибала от бескормицы.

Эта тяжелая, суровая жизнь в маленьких, затерянных меж гор и лесов деревнях и хуторах или почти в полном одиночестве на горных пастбищах накладывала на жителей этих гор особый отпечаток. Подгальяне „образом жизни, обычаями и т. п. более сходны с швейцарцами, тирольцами, пиренейцами, чем с краковяками или мазурами, с которыми их объединяет лишь общность языка“, — замечает Зейшнер — этнограф и фольклорист XIX в.¹ Можно сказать, что и общность языка подгальян с краковяками и мазурами была далеко не абсолютной, что прекрасно подтверждают собранные тем же Зейшнером песни. В диалекте подгальян польские слова нередко перемежаются с украинскими, словацкими, иногда и венгерскими. Эти особенности, хорошо заметные и в новое время, в XVII в. были, несомненно, выражены гораздо резче.

Подгалье в XVII в. почти целиком входило в состав королевских земель. Здесь находились два больших староства — Новотаргское и Чорштынское и одно меньшее — Островское староство (или держава). Исключение составляли лишь деревня Лопушна, принадлежавшая шляхтичам Лисицким, и так называемая „Опатовщина“, владение Шижицкого бернардинского монастыря, состоявшее из трех деревень — Людзьмеж, Рогозник и Крашов. Таким образом, большинство подгальян принадлежало к королевским крестьянам.

¹ Zejszner. Pieśni ludu podhalan. Warszawa, 1845, s. 1—2.

Еще в XVI в. в Подгалье было много незаселенных земель. Плотность населения была невелика. Старосты, стремясь к увеличению населения и связанному с этим увеличению доходности своих старост, давали различные льготы новоселам. В Подгалье было много солтысов, т. е. крестьян(иногда мелких шляхтичей)-предпринимателей, организовывавших новые поселения, так называемые „осады“, и получавших за труды сравнительно большие наделы земли. Солтысы собирали для старосты чинш и подати с крестьян, принимали участие в суде старосты и были обязаны отбывать военную службу в случае объявления посполитого рушения. Старосте же они платили лишь относительно небольшой чинш, вносившийся каждые три месяца (так называемое „поквартильное“).

Вновь организованные осады пользовались льготой — вольностью обычно в течение 20 лет. Мы находим много примеров этого и в XVII в. Такова, например, деревня Гличаров. По инвентарю 1638 г. в ней всего шесть крестьянских хозяйств, повинности ограничиваются лишь барщиной — 12 дней в году — и обязанностью представить по 3 локтя пряжи из панского льна. Другие новооснованные деревни упоминаются в инвентаре вообще без указания о каких-либо повинностях. „Дзяниш. Недавнее поселение, основатель — Валентин Петшиковский, льгота этих подданных кончается (*wola wychodzi*) в 1639 году... Луб и Ястшенбец. Эти две деревеньки, которые еще вольные (*na woli siedzą*), основаны паном Викторином Здановским, имеющим на это королевский привилей. Кончается вольность этих подданных в 1640 году“.¹

Права деревень и отдельных солтысов подтверждались документально;² обязанности их были фиксированы, и старосты не имели права их изменять. Старосты, действительно, опасались открыто нарушать права или увеличивать повинности подгальян. Это объясняется, разумеется, не особой почитательностью старост к королевским привилеям, а заинтересованностью в заселении местности, в возможно большем увеличении крестьянских хозяйств — платежных единиц своего староства. В XVI в. в Подгалье еще почти не было фольварков, поэтому основными статьями дохода старост были чинши и так называемая „баранья дань“, т. е. налог на выпас скота в Татрах. Этим объясняется и то, что старосты смотрели сквозь пальцы на вырубку и корчевку лесов, будучи прямо заинтересованы в увеличении выпасов и связанном с этим увеличении поголовья принадлежащего крестьянам скота.

Однако уже в конце XVI — начале XVII в. положение изменяется. В долинах и низинах Подгалья начинают учреждаться фольварки, что влечет за собой уже известные нам результаты: усиление феодального гнета, увеличение крестьянских повинностей. Старосты, как мы видели на примере цитированного инвентаря, не отказываются еще от льгот новоселам, но проводят, несмотря на это, последовательное наступление на крестьянство.

Это наступление выразилось прежде всего во введении почти не существовавшей ранее в Подгалье барщины. Процесс введения и

¹ I. Barański. *Materiały...*, s. 27—28.

² Зейшнер указывает, что он (в XIX веке!) видел такие привилеи во многих родовых архивах подгальян; например, у Калятов в селе Шафляры хранились грамоты Казимира III и многих позднейших королей, подтверждающие или изменяющие их права и повинности (стр. 30).

увеличения барщины ярко отражен в инвентаре Новотаргского староства 1638 г. Наряду с расположенными в горах и сохранившими свои старые повинности деревнями Гронь, Буковина, Белый Дунаец, Ратулов, крестьяне которых работают на барщине 12, 6, 5 и даже 2 дня в году, и такими деревнями, как Манишина, Баньска весь, Хохолов, крестьяне которых еще не знают барщины, мы находим ближайшие к центру староства, Новому Таргу, деревни Ваксмунд, Шафляры, Кликушеву, Лясек, в которых каждый крестьянин работает на барщине летом 3 дня в неделю с упряжкой, четвертый — без тягла, а зимой — три дня с упряжкой; Скрыпне и Ниву, где каждый крестьянин (деревня состоит лишь из загородников) работает по 3 дня в неделю без тягла; в Моравчине крестьяне отбывают барщину по 4, по 3 и по 2 дня в неделю и т. д.

Таким образом, инвентарь этот отражает далеко еще не завершенный, но уже совершенно явственно определившийся процесс. Старосты уже не стесняются нарушать привилегии крестьян, повышать чинш, обязывать крестьян барщиной.

Старосты начинают противодействовать и корчевке лесов под пастбища. Корчевка лесов в Подгалье носила совсем иной характер, чем в равнинных местностях, где очищенная площадь могла быть использована под фольварочную запашку. Здесь она обычно могла быть использована лишь под пастбища. Подгальские старосты, как, впрочем, и большинство помещиков в Польше, занимались лишь зерновым хозяйством, а не животноводством; поэтому не могли использовать этих земель. Стремление же сохранить возможно большее количество рабочих рук внизу — в деревнях — оказалось сильнее выгод „бараньей дани“. Таким образом, в Подгалье, как и в других польских областях, развитие фольварков нанесло удар крестьянскому хозяйству и в первую очередь животноводству. Однако, если в равнинных, земледельческих районах этот ущерб имел лишь второстепенное значение, то здесь это было ударом по самой основе крестьянского хозяйства и вызвало резкий протест крестьянства.

Прекрасно иллюстрирует наступление на подгальское крестьянство в первой половине XVII в. деятельность чорштыньских старост. Первые столкновения крестьян со старостой начинаются еще в последние годы XVI в. при старосте Сененском. Крестьяне подают жалобы на старосту в королевский референдарский суд.

Право обжалования действий старосты в референдарском суде было одним из преимуществ королевских крестьян перед панскими. Практически же право это мало чем улучшало положение крестьян. Они боялись обращаться в референдарский суд даже в случае явных незаконий старосты. Староста всегда, разумеется, был в более выгодном положении, чем крестьянин; не говоря уже о пристрастности суда, крестьянам было трудно в течение многих месяцев, а иногда и лет (дела в референдарском суде решались очень медленно) посылать ходяков на бесконечные рассмотрения в далекую Варшаву. В случае же неявки крестьянских представителей дело прекращалось или решалось в соответствии с желаниями старосты. Даже добившись положительного решения, крестьяне зачастую ничего не выигрывали. Старосты не чувствовали себя связанными решениями референдарского суда и отказывались выполнять их. Никаких же реальных гарантий исполнения решения суд не давал. В практике референдарских судов

не было ни одного случая отрешения старосты. Неудивительно, что крестьяне редко обращались в референдарский суд, тем более, что жалобщиков, даже при выигрыше дела, ждала месть старосты.

Известный польский писатель XVII в. Старовольский красочно рисует, к чему приводили жалобы крестьян на старосту. „Если же какого-нибудь [старосту] привлекут к ответу по закону, тогда те паны, которые будут в это время при дворе, один другого защищают, обеляют перед королем, как могут, хлопочут за ответчика, ругают, отчитывают, страдают крестьян и говорят им, чтобы непременно отказались от дела и умолчали о своих невыносимых притеснениях. А если какие из разумнейших крестьян, надеясь на какое-нибудь улучшение, будут крепко стоять за свое право и не перестанут обращаться с жалобами ко двору, — немедленно приказывают их убить или утопить, а скарб, если какой имели, конфисковать и раздать своим доезжачим, заявив истерзанному крестьянину, что бунтовщик был, что опришек, что держал злодейскую связь с пограничными“.¹

Отрывок этот кажется написанным буквально с натуры. Так было и в Чорштынском старостве.

Крестьяне три раза (в 1591, 1594 и 1595 гг.) обращались в референдарский суд с жалобами на Сененского. Раздраженный староста посадил жалобщиков в замковую тюрьму Чорштына, не освобождая их и не изменяя своих требований к крестьянам, несмотря на положительные для крестьян решения суда. Крестьяне так и не добились ничего от Сененского до самой его смерти (1596).²

Главная же борьба крестьян со старостой развернулась через 20 лет, при старосте Яне Барановском. Облик Чорштынского староства за четверть века управления Барановского (1616—1643) совершенно изменился.

Что представляло собой Чорштынское староство в начале XVII в.? В старостве было одно местечко — Кросьценко и 11 деревень. В каждой из этих деревень были солтыства, в некоторых также и усадьбы выбранцев.

Институт выбранцев был создан в королевщинах сеймовой конституцией 1578 г. С каждых 20 ланов крестьянской земли в военное время должен был выставляться один вооруженный крестьянин-выбранец, освобожденный за свою военную службу от барщины и податей. Ему полагался один лан земли. Созданный чрезвычайными обстоятельствами военного времени, этот новый институт почти при самом своем появлении слился с гораздо более старым институтом совершенно иного происхождения — институтом солтысов. Выбранцы, подобно солтысам, были освобождены от личных повинностей, имели значительный участок земли, были обязаны военной службой. Неудивительно, что вскоре солтысы и выбранцы слились в одну общую массу своеобразной „крестьянской аристократии“. Уже в начале XVII в. различия между солтысом и выбранцем не делалось и часто выбранцами называли солтысов, владеющих одним ланом земли. В документах часто встречается объединение обоих понятий — „scultecia alias wybraństwo“.

¹ S. Starowski. Reformacja obyczajów polskich. Цит. по книге: A. Świętochowski, s. 128—129.

² J. Rafacz. Z dziejów czorsztyńskiego starostwa. — Przewodnik naukowy i literacki, 1918, s. 305—308.

С наступления на солтысов и выбранцев и начал староста Барановский. Первым его шагом было проведение в 1619 г. перемера земли, при котором каждому нарезался надел согласно его привилея. Солтысы теряли при этом выкорчеванные участки и все каким-либо иным способом приобретенные сверх зафиксированных привилеем земли.¹

Одновременно староста начал поход против прав солтысов. Солтысы имели право на: 1) земельный надел; 2) содержание мельницы; 3) содержание корчмы, варку пива и винокурение; 4) сбор дров в королевском лесу; 5) охоту и рыбную ловлю; 6) лесные и полевые пастбища; 7) шестой грош из крестьянских чиншей; 8) третий грош из судебных штрафов. Староста запретил солтысам брать несухой лес (до этого солтысы распространяли свое право сбора дров и на строительный лес), охотиться и ловить рыбу, пасти скот на старостинских пастбищах, причем отбирал у солтысов овец сверх ста. Кроме того, он отказал солтысам в праве взимания шестого гроша и запретил крестьянам пользоваться мельницами солтысов, заявляя, что мельницы эти предназначены лишь для домашних надобностей солтысов. Все эти меры Барановский проводил неуклонно, не останавливаясь перед заключением и даже бичеванием протестующих солтысов; один из них от полученных увечий вскоре умер.

К чему стремился Барановский в своих нападениях на солтысов? Основной задачей его было запугать солтысов и добиться продажи ими солтыств для учреждения на освободившихся землях фольварков. При этом в деревню, где уже не было солтыса, староста назначал вместо него войта. Войт исполнял те же обязанности, что и солтыс (кроме военной службы), но вовсе был лишен его прав и доходов; в лучшем случае на время исправления должности он освобождался от отбывания повинностей со своей земли.

Солтысы обратились в референдарский суд, который в приговоре от 19 декабря 1619 г. приказал старосте вернуть солтысам и выбранцам забранную у них землю и не препятствовать солтысам во взимании шестого гроша, по всем же остальным пунктам стал на сторону старосты.²

Барановский не признал этого решения, и процессы тянулись до 1624 г., когда староста „радикальным“ способом разрешил спор, насильно скупив почти все солтыства. Позднее (до 1635 г.) та же участь постигла выбранцев.

В 1619 г. из 11 солтыств Чорштынского староства 8 держали солтысы-крестьяне и только 3 солтысы-шляхтичи (в том числе одно солтыство держал сам староста); всего через пять лет солтысов-крестьян осталось только два. Нападая на солтысов, староста прежде всего боролся с солтысами-крестьянами, так как солтысы-шляхтичи защищались против старосты индивидуально, а солтысы-крестьяне и выбранцы действовали сообща.

Интересно отметить, что в то время как происходила вся эта ожесточенная борьба между старостой, с одной стороны, и солтысами

¹ J. Rafacz. Starosta Baranowski a sołtysi i wybrańcy czorsztyńscy. — Pamiętnik towarzystwa tatrzańskiego. 1914, № 35, s. 83 — ссылка на Lib. relationum Crac., t. 45, p. 1187—1189.

² J. Rafacz. Starosta Baranowski..., s. 85 — ссылка на Obl. Sandecens., t. 115, p. 782—788.

и выбранцами — с другой, в референдарский суд не поступило ни одной жалобы от чорштынских крестьян. Это не случайно. Борясь с солтысами, староста опасался задевать крестьян, возбуждать их против себя, так как это могло сплотить крестьян и солтысов и довести дело до восстания. Мы увидим ниже на примере Новотаргского староства, насколько были основательны эти опасения. Кроме того, до ликвидации солтыств и выбранств староста и не имел по существу возможностей усилить эксплуатацию крестьян. Во всем старостве было лишь два небольших фольварка — кросьценский и подзамковый чорштынский.

Крестьяне, с своей стороны, не могли питать никакой симпатии к солтысам, требовавшим от крестьян трех или шести дней работы в году на солтысских участках, получавших в день св. Мартина каждый шестой сыр и каждого шестого барана из крестьянских стад и заинтересованных в регулярном взимании чинша, из которого солтысы брали себе шестой грош, и в максимальном количестве судебных штрафов, из которых они получали третий грош. В описанных выше событиях ярко проявляется двойственность природы самого института солтысов: с одной стороны, они находятся в феодальной зависимости от помещика и в силу этого связаны с угнетенным крестьянством, с другой же они являются одним из составных элементов аппарата феодальной эксплуатации. Солтысы были и более явными, непосредственными и даже более усердными эксплуататорами в глазах крестьян, чем сам староста. Понятно, что крестьяне безучастно относились к разгрому солтысов.

Однако вскоре после закрепления победы старосты крестьяне почувствовали на себе его тяжелую руку. В дополнение к двум существовавшим до этого фольваркам Барановский учреждает новые на месте скупленных солтыств и выбранств. Его преемник (с 1643 г.) Плятемберг учредил фольварк на месте самого большого солтыства — щавницкого. От крестьян староста требовал отбывания барщины на вновь созданных фольварках. Еще при Барановском прежние основные виды дохода старосты — чинш и дань — отошли на задний план перед доходами с фольварков.

Крестьяне пытались защититься от притязаний старосты ссылкой на свои права. Так, 2 октября 1643 г. они подали для записи в сандецкие гродские книги изданный Сигизмундом III 8 ноября 1595 г. по спору крестьян со старостой Сененским декрет, которым устанавливалась двухдневная барщина с лана.¹ Наилучшим свидетельством неудачи этих попыток является то, что уже в 1651 г. Чорштынское староство становится центром крестьянского восстания.

Мы остановились так подробно на вопросе о положении крестьянства в Чорштынском старостве не только потому, что оно особенно интересно для нас в связи с восстанием 1651 г., но и потому, что происходивший здесь нажим на крестьянство типичен для всего польского Прикарпатья.

Существовали, правда, и исключения; таким исключением было Мушинское староство краковского епископа. Краковский епископ не стремился насаждать в Мушинском старостве фольварки. Староство

¹ J. Rafacz. *Starosta Baranowski...*, s. 94 — ссылка на *Obl. Sandecens.*, t. 123, p. 616—620.

было малоодоходным, оно едва окупало свои административные расходы. Ценность для краковских епископов оно представляло своим важным стратегическим положением (Мушина находилась на венгерской границе и замыкала долину Попрада) и тем, что оно поставляло основные контингенты надворных епископских войск особенно гарников (специальные отряды для борьбы с разбойниками). Солтысы в Мушинском старостве не только не притеснялись, но даже находились в особо привилегированном положении.¹ Нам придется в дальнейшем упоминать о роли мушинских гарников в подавлении восстания Наперского.

Интересно отметить особенности похода на крестьянство в Новотаргском старостве. Здесь староста Николай Коморовский, в отличие от осторожного Барановского, повел наступление сразу по всему фронту, одновременно и сгоня солтысов с их земель и требуя от крестьян работы на вновь учреждаемых фольварках. Результаты этого не замедлили сказаться. Солтысы и крестьяне сплотились в борьбе против старосты. 1624—1633 гг. ознаменованы серьезным крестьянским движением в Новотаргском старостве. Возмущенные крестьяне дважды обращались в референдарский суд и оба раза выигрывали дело. Коморовский, однако, не подчинился решению суда. Тогда солтысы объявили посполитое рушение против ненавистного старосты. Вооруженные отряды крестьян собрались к Новому Таргу. Крестьяне одержали верх в нескольких стычках с вооруженными слугами старосты. Коморовский с трудом спасся из Подгалья. Известно, чем бы кончилось это восстание, если бы староста внезапно не умер.

Руководил движением солтыс из Черного Дунайца Станислав Лентовский, будущий помощник Наперского, заслуживший в эти годы прозвище „маршалка“ и исключительную популярность среди крестьянства.²

Следующий староста, Адам Казановский, учитывал опыт своего предшественника и действовал осторожнее. Тем не менее и при нем подгальяне из деревни Тихой (Ciche) обращаются к защите референдарского суда.

Не всегда, разумеется, дело доходило до восстания. Формы крестьянского протеста были весьма разнообразны. Встречается и обычное бегство. Цитированный выше инвентарь сохранил следующую любопытную запись: „Бжеги. Эта деревня недавно заселена, хотя была давно заселена, подданные разбежались из-за тягот, наложенных на них предыдущими старостами“.³

Следует отметить, что в Подгалье существовал специфический вид бегства от вводимой барщины — уход крестьян из деревень, лежащих у подножья Татр, в глубь гор. Здесь на месте прежних летних построек на полянах начали создаваться постоянные деревни.⁴ Бывало,

¹ Wębynek. Starostwo Muszyńskie, własność biskupstwa krakowskiego. — Przewodnik naukowy i literacki, 1914—1916.

² Я не останавливаюсь подробнее на истории этого движения, это слишком отвлечло бы нас от основной темы. О восстании против Коморовского см. обстоятельную статью: Edw. Długopolski. Rzeczy Mikołaja Komorowskiego na Podhalu. — Pamiętnik towarzystwa tatrzańskiego, 1911, N 32.

³ I. Baranowski. Materiały..., s. 21.

⁴ Так возникло, например, в XVII в. известное Закопане (см.: St. E. Radzikowski. Zakopane przez stu laty).

что крестьяне забирались так далеко в горы, что долгое время вообще не учитывались старостинскими инвентарями. Разумеется, эти высокогорные деревни и хутора были чисто скотоводческими, и голод посещал их еще чаще, чем низинные. Но крестьяне предпочитали все же селиться наверху, в так называемом *skalnem* или *zimnem Podhalu*, чем быть в пределах досягаемости старостинских чиновников.

Формой активного крестьянского протеста было так называемое разбойничество. Сильно распространенное по всему Прикарпатья, оно было особенно развито в Татрах. Нигде в Польше не были так многочисленны и сильны разбойничьи дружины. На сравнительно небольшом пространстве Краковского Подгорья было больше разбойников, чем во всей Речи Посполитой. Неудивительно, что именно здесь, в Бече, существовал единственный в Польше цех палачей, набиравший учеников и поставлявший мастеров для всего государства.¹ Разбойники составляли громадную силу, а в горах — и единственную власть. Один из современников — „венгерский Симплициссимус“² — рисует весьма любопытную сцену. Симплициссимус, совершающий вместе с несколькими студентами путешествие через Татры, приходит в расположенную перед перевалом деревню, где застает около 80 путников, к которым вскоре присоединяется знатный польский пан с 30 рейтарами. Дальше идти они боятся из-за разбойников. После совета решают послать к разбойникам одного из рейтаров и проводника, чтобы договориться о конвое и безопасности. Проводник одобрил эту мысль, говоря: „Я хорошо знаю гетмана. Он уже не раз меня конвоировал“. Посланные договорились с разбойниками, и все путешественники отправились в путь, конвоируемые двумя разбойниками. В дороге они не видели ни одной души, хотя „конвоиры“ часто пересвистывались с невидимыми товарищами. О силе разбойничьего отряда можно судить по тому, что не говоря уже о рейтарах, остальные путники также не были безоружны. Упоминаемые далее Симплициссимусом разбойничьи атаманы (*harnasi*; от венгерского *hadnagy* — старший) Янко, Хаврон и Бейхус имели каждый более чем по 100 человек в отряде. Какой численности достигали разбойничьи дружины, видно из того, что два судимых в Бече в 1653 г. разбойника под пыткой назвали 109 сотоварищей из 40 деревень.³

Подобный эпизод не был единственным в путешествии Симплициссимуса. Все горные перевалы были заняты разбойниками. То же было и по ту сторону Татр, в Словакии, о чем говорит приводимая Симплициссимусом песенка:

Hej, koszyckie hory, zbójnickie komory.

¹ J. Sygański. *Historja Nowego Sącza od wstąpienia dynastji Wazów do pierwszego rozbioru Polski*. Lwów, 1901, t. II, s. 75; Radzikowski, s. 131.

² *Podróż Simpliciissimusa węgierskiego do Tatr w XVII wieku*. Z niemieckiego przełożył, wstępem i objaśnieniami zaopatrzył Baltazar Szopiński („Pamiętnik towarzystwa tatrzańskiego“, 1907, N 28). — Здесь помещены отрывки из одного из многочисленных подражаний гринмельсгаузенскому Симплициссимусу, которое было издано в Левоче на Спиже в 1683 г. В нем есть несколько глав, описывающих пребывание Симплициссимуса в Татрах. Комментаторы расходятся по вопросу о том, к какому времени нужно отнести это путешествие, однако оба варианта решения — 30—40-е годы XVII в. или конец 50-х годов — позволяют рассматривать „венгерского Симплициссимуса“ как современника исследуемого нами восстания.

³ Morawski. *Arjanie polscy*. — Ossol., N 4646, s. 261—261' с ссылакой на *Scabinalia Biecz.*, p. 82—100.

Разбойники, действительно, были в горах как дома. Они чувствовали себя в безопасности благодаря характеру местности, близости границы, сочувствию населения. Разбойники не порывали связи с родными деревнями. Пастухи прятали их в горах, снабжали пищей. Крестьяне предупреждали их об опасности:

Uciekajcie, chłopcy, do lasa, do boru,
Bo was będą łapać hajducy do dworu,¹

поддерживали их мужество:

Nie bój się, chłopaku, nie bój się ty tego nic,
Krakowskiego zamku, myślenickich szubienic.²

Симплициссимус пишет, что конвоиравшие путешественников разбойники специально оговаривали, чтобы горцы, снабжающие их провиантом, тоже получили свою долю оплаты. Сам Симплициссимус не видел в этом ничего удивительного — „ведь известно, что мужик (drab) и злодей всегда друг другу помогают“ (стр. 43). Разбойники воспевались в песнях,³ ставились в пример, были любимыми героями подгальян.

Польские и венгерские власти беспощадно боролись с разбойниками. Борьба велась по всему Прикарпатья. Галицкие сеймики 1648, 1649, 1652, 1654, 1656 и других годов специально разбирали вопрос о борьбе с опришками. Дело доходило даже до освобождения шляхты от посполитого рушения и оправдания (заранее) старост плохо укрепленных замков, которые будут спастись от опришков.⁴

На западе Прикарпатья положение было такое же. Варшавский сейм 1620 г. специальным решением разрешил освенцимскому старосте сбор чрезвычайного налога для защиты освенцимского и заторского княжеств от разбойников. Заторские сеймики утвердили этот налог в 1624, 1633, 1635, 1638, 1640, 1641 и других годах. Один только город Вадовице в 1638 г. дал на борьбу с разбойниками 625 злотых.⁵ (Для того чтобы составить представление о том, что означала такая сумма, укажем, что не менее крупный город, поветовый центр Новый Сонч, не мог в 1651 г. уплатить 200 злотых налога для посполитого рушения). Такие же решения принимались сеймиками Краковского воеводства в Прошовицах.⁶

Как велика была активность разбойников в Краковском воеводстве, показывают следующие приводимые Моравским⁷ факты: дружина атамана Баюса⁸ напала в 1644 г. на Янушковице, где убила панов

¹ Zejszner, s. 159.

² Pieśni Górali Bieskidowych z okolic Rabki, zebrał J. Kopernicki (Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, t. XII). Kraków, 1888, rozdz. 7—Zbójcekie, N 10.

³ Так называемые „разбойничьи песни“ занимают видное, если не центральное, место в подгальском фольклоре.

⁴ Ant. Prochaska. Samorząd województwa ruskiego w walce z opryszkami. Kraków, 1907, s. 5—7.

⁵ J. Putek. O zbójnickich zamkach, heretyckich zborach i oświęcimskiej Jerozolimie. Kraków, 1938, s. 191—192.

⁶ E. Długopolski. Z życia zbójników tatrzańskich. — Pamiętnik towarzystwa tatrzańskiego, 1912, N 33, s. 39.

⁷ Morawski. Świątek Boży, s. 114—116.

⁸ Шопиньский, комментатор „Симплициссимуса“, считает, что этот Bajus и Bejhush, казненный в Прешове, одно и то же лицо.

Трояновского и Бобровницкого; затем убила пана Былину из Лещин, напала на усадьбу Ольшевского в Сярах, Доморадзкого в Роппе. Оба последние спаслись случайно. Дружина Чепца и Савки (украинцев из Закарпатья), позднее участников восстания Наперского, напала весной 1649 г. на Ямгруд, укрепленную усадьбу Менцинского; затем, в мае, напала на усадьбу Дельпаца в Глиннике, Циковского в Жегляцах, Козловского в Роппе и т. д.

Польские и венгерские суды подвергали пойманных разбойников пыткам и устрашающим казням. Симплициссимус описывает казнь в Прешове трех разбойничьих атаманов: Янка, Хаврона¹ и Бейхуса. У Хаврона были вырезаны на спине две полосы кожи, которые палач продавал с эшафота; затем он был повешен на крюке за ребро. Бейхуса колесовали, а затем сдирали с него полосы кожи. Даже Симплициссимус, не преминувший купить одну из содранных с Хаврона полос, ужасается этому зрелищу. Наконец, Янко, исколотый ножами, был зашит в свежегодранную шкуру и выставлен на солнцепек, где он умер на третий день, заживо съедаемый насекомыми. Женщин, снабжавших разбойников порохом и свинцом, вешали. На прешовской площади виселицы, колеса и колы стояли, как лес.

Все эти жуткие подробности приведены, чтобы по достоинству оценить заключение Симплициссимуса, в котором он говорит, что „разбойников не убавлялось. Бывало, что тот, кто сегодня смотрел на эту страшную экзекуцию, назавтра уходил к разбойникам, и много бывало случаев, что те самые гайдуки, делом которых было ловить и выдавать властям разбойников, сами переходили к ним“ (стр. 64—65).

Чем объясняется эта необыкновенная популярность разбойников среди крестьянства, пополнявшего их ряды, несмотря на все эти устрашающие казни? Что представляло собой разбойничество?

Несомненно, что под личиной разбоя в значительной степени скрывается одна из форм борьбы зависимого крестьянства: поджоги и разгром шляхетских усадеб, убийство панов, вызванные не целями грабежа, а крестьянской ненавистью.

Шляхетские суды умышленно или всерьез смешивали воедино крестьянскую борьбу и разбой, смешивало, впрочем, их и само крестьянство. Это немудрено, так как разбой и крестьянская борьба нередко переплетались. Однако любовь, с которой относилось к разбойникам крестьянство, для которого они были олицетворением мужества, смелости, народолюбия, борцами против богатых и защитниками бедных и угнетенных, показывает, что разбой был лишь второстепенным моментом. „Разбойничество“ никогда не могло бы вырасти до таких грандиозных размеров, каких оно достигло в Подгалье, если бы оно не воплощало в себе борьбы угнетенного крестьянства. Мы знаем, что „разбойными и неорганизованными“² были даже такие крупные движения, как восстание Разина. Неудивительно, что в несравненно более мелких движениях, какими были крестьянские движения в Подгалье, эти моменты были выявлены особенно ярко. Разбойничество

¹ Хаврон, вероятно, как и Бейхус-Баус, — реальная фигура. Липтовский разбойник *Gawron* упоминается в кн.: *Morawski. Arjanie polscy.* — Ossol., № 4646, s. 266'.

² И. В. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. См.: Ленин — Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б), т. III, М., 1937, стр. 527.

было примитивной, стихийной, но излюбленной и наиболее распространенной формой борьбы крестьянства в Подгалье.

Нельзя, наконец, забывать и того, что в глазах шляхты любой восставший крестьянин был разбойником. Получая сведения почти исключительно из шляхетских источников, будь то судебные протоколы или записки современников, мы окажемся в весьма затруднительном положении, если будем всерьез принимать их понятия и терминологию.

Разбойники представляют для нас особенный интерес потому, что они не остались в стороне от восстания 1651 г. Как гуцульские опришки при первом известии о приближении Кривоноса приступили к осаде Каменца,¹ так и подгальские разбойничьи дружины приняли активное участие в восстании 1651 г.

Подгалье было районом напряженной крестьянской борьбы. Прав был Освенцим, характеризуя подгальских крестьян как людей „всегда по натуре своей склонных к бунту“.² Неудивительно, что Подгалье стало основным очагом восстания 1651 г.

II

Прежде чем обратиться к истории самого подгальского восстания, нужно осветить обстановку, в которой оно возникло, остановиться на вопросе о связи этого восстания с освободительной войной украинского народа, определить место, которое занимает это восстание в системе всех движений, происходивших в 1651 г. в различных областях Речи Посполитой, в том числе и собственно польских областях.³

Восстание в Подгалье вспыхнуло в канун битвы под Берестечком, когда шляхетская Речь Посполитая напрягала все силы для борьбы с охватившим Украину грандиозным пожаром народной войны. Это не было, разумеется, случайным совпадением. Современники не сомневались в прямой связи этих событий.

Так, согласно одному из наших источников, руководитель восстания в Подгалье, Наперский, „в прошлом [1650] году был у Хмельницкого“ и, — добавляет автор, — „возможно, опираясь на советы Хмельницкого, магистра всех искусств, готовил восстание“.⁴ Пасторий называет Наперского „презренным орудием Хмельницкого“.⁵ Грондский говорит, что „Хмельницкий... возбуждал новое восстание в Польше, подстрекая некоего самозванца Напирского“, и далее, что он [Наперский] действовал, „побужденный Хмельницким (как признался этот человек под пыткой)“.⁶ Шуцкий говорит: „Это делает Хмель, который пускает в ход все способы для разгрома Короны. Он будет оттягивать битву, чтобы здесь тем временем его шпионы натворили бед.“⁷ Так же

¹ Костомаров. Богдан Хмельницкий, стр. 195.

² Oświęcim, s. 326. — Аналогичные оценки подгальян есть и в других наших источниках.

³ Одному из этих движений — восстанию в Великой Польше, в Калишском воеводстве, мы посвящаем отдельную статью, уже подготовленную к печати. Там же мы шире останавливаемся на вопросе о связи локальных движений в польских областях с освободительной войной украинского народа.

⁴ Temberski, p. 185.

⁵ Pastorius. Historia, p. 238.

⁶ Grondski, p. 179. — Пасторий излагает показания Наперского в более осторожной форме — *spem sibi auxiliorum a Chmielnicio... luxisse* (Historia, p. 237—238).

⁷ Письмо Шуцкого 23. VI 1651. — Teki Naruszewicza, t. 145, s. 186.

представляет дело и Торрес: „Он [Хмельницкий] отправил в город Чорштын у границ Венгрии... небольшое число козаков“. И дальше: „взят в плен и отправлен в Краков руководитель Костка, знатный пруссак, с 45 другими козаками“.¹ Более того, о своей тесной связи с Хмельницким говорит и сам Наперский: „Мы имеем крепкую договоренность с Хмельницким и татарами“, — пишет он 18 июня из Чорштына своему ближайшему помощнику Станиславу Лентовскому.²

Наконец, в тот же день, 18 июня, из Кракова было отправлено неизвестным³ письмо, в котором, извещая о начавшемся восстании, автор пишет, что между бумагами Наперского нашелся „универсал Хмельницкого, обращенный ко всем подданным польской Короны (о чем свидетельствует шафлярский приходский ксендз и под присягой, как нам об этом сообщено, признавал, что читал его), такого содержания: Богдан Хмельницкий. Оповещаю всех подданных Короны польской, что по счастью и благословению, дарованным нам господом богом, покорив земли этой Короны польской нашей власти, обещаю освободить всех вас от повинностей и барщины. Будете на одних лишь чиншах со всеми вольностями, как шляхта была, только чтобы были нам верны, как русские наши подданные, чтобы панов своих бросили, против них восставали, и к нам в как можно большем числе собирались“.⁴

Можно ли на основании этих свидетельств источников с уверенностью говорить не только о связи подгальского восстания с освободительной войной украинского народа, но и о том, что между вождем украинского народа и руководителем восстания в Подгалье существовал определенный личный контакт?

Мы считаем, что в этом вопросе следует различать две стороны. Несомненным является то, что Наперский координировал свои действия с ходом событий на основном театре войны, использовал создавшуюся и объективно способствовавшую восстанию обстановку, наконец, широко пользовался в своей агитации примером украинского народного движения и авторитетным и популярным среди польского крестьянства именем Хмельницкого.

Значительно труднее сделать заключение о существовании непосредственной связи между Хмельницким и Наперским. Не говоря о рискованности выводов, основанных на простых догадках современников, мы не можем положиться и на приведенное выше свидетельство Темберского, не находящее подтверждения ни в одном другом источнике. Неточность других сообщаемых Темберским сведений заставляет относиться к нему с большой осторожностью. Опасно основывать выводы и на признаниях Наперского, данных под пыткой на суде, тем более, что самые осведомленные из авторов источников либо совсем не упоминают о признании Наперским своей связи с Хмельницким (Голинский), либо говорят об этом весьма сдержанно (по Пасторию,

¹ Жерела..., стр. 122—124. Поместья Костков находились в Королевской Пруссии; в частности, в Пруссии был и Штемберг (Наперский называл себя Косткой из Штемберка).

² Oświecim, s. 327. — См. приводимый нами далее (стр. 199) текст письма.

³ Моравский (Arjanie polscy. — Ossol., № 4646, s. 222) безосновательно считает автором этого письма краковского подстаросту Сметанку.

⁴ Ossol., № 225, s. 378—378; Grabowski. Ojczyście spominki, s. 85—86 (По рукописи Пилюцци из краковского городского архива).

Наперский признался лишь в том, что надеялся на помощь Хмельницкого).

Вряд ли возможно без колебаний опереться и на помещенное Наперским в воззвании к крестьянам (а именно такой характер носит его письмо к Лентовскому) заявление, что он имеет договоренность с Хмельницким и татарами (!). Оно может быть также трактовано как определенный агитационный прием, во всяком случае не может явиться основой для решения вопроса.

Вызывает также сомнение и подлинность универсала Хмельницкого.¹ Этого универсала нет ни в одном ином собрании, он не был известен в других местах. В универсале отсутствуют обычные вступительная и заключительная формулы. Если и предполагать, что универсал этот является подлинным, и отнести его особенности за счет не исправности копии, то это еще не может само по себе служить доказательством непосредственной связи Наперского с Хмельницким. Интересно отметить здесь предположение Моравского,² что универсал этот, одно из многочисленных распространяемых Хмельницким воззваний, попал к Наперскому через украинских разбойников — Чепца, Савку и др.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении источники не дают исчерпывающих данных для того, чтобы с уверенностью признать наличие связи между Хмельницким и Наперским, а следовательно, и организационной связи между подгальским восстанием и украинской народной войной. Вместе с тем, вопрос этот представляет огромный интерес и заслуживает дальнейших изысканий. Чтобы яснее определить, насколько значительны могут быть выводы из того или иного решения поставленного вопроса, нам следует рассмотреть его также в несколько иной связи.

Широко известна и неоднократно исследовалась многосторонняя и активная дипломатическая подготовка Хмельницким кампании 1651 г. Вербуя союзников для предстоящей борьбы, Хмельницкий стремился использовать даже те переговоры, которые не давали непосредственных результатов, чтобы создать видимость широкой антипольской коалиции, заставить Речь Посполитую опасаться нападения с разных сторон и дробить свои силы. Видное место в дипломатии Хмельницкого занимали его сношения с трансильванским князем Георгом II Ракочи и его братом Сигизмундом. Известно, что значение этих переговоров отнюдь не ограничивалось созданием лишь мнимой угрозы Речи Посполитой; Ракочи склонялся к мысли о выступлении в союзе с Хмельницким против Польши уже в 1651 г. Все источники, как русские,³ так и украинские⁴ и польские,⁵ свидетельствуют о том, что стратегической целью выступления Ракочи считался Краков. Путь на Краков из Венгрии лежал через Подгалье.

Восстание в Подгалье следует рассматривать, постоянно учитывая особое стратегическое значение этого района в связи с ожидаемым

¹ См. в кн.: Грушевський. Історія України-Руси, т. IX, стр. 268.

² Morawski. Arjanie polscy (Ossol., № 4646, s. 222).

³ Акты Южной и Западной России, т. III, стр. 456.

⁴ Teki Naruszewicza, t. 145, s. 179—180; Ossol., № 225, s. 372'; № 5656, s. 143—144; № 2286, s. 180'.

⁵ Ossol., № 225, s. 358—359, 367; № 5656, s. 41; № 2286, s. 154—155, 158; Bawoc., № 235, s. 63—64.

выступлением Ракочи. Это наложило отпечаток на весь ход восстания. Освенцим описывает, как боялась шляхта движения Хмельницкого на Краков для возможного соединения с Ракочи, принимая каждое перемещение козацкого войска за начало такого марша, и как все планы кампании подчинялись задаче — создать заслон для обороны Кракова.¹ Опасение, что Ракочи поддержит восставших, подгоняло экспедицию, посланную из-под Берестечка на подавление восстания в Подгалье.² Заметим также, что в то время, когда со всей Польши под Берестечко были стянуты все мало-мальски пригодные силы и когда для подавления восстания в Калишском воеводстве приходилось посылать 300 конных из Варшавы, в Краковском воеводстве оставались силы, позволившие епископу Гембицкому стянуть для осады Чорштына в несколько дней почти 2 тысячи человек, число весьма значительное по таким обстоятельствам.

Универсал от 6 мая 1651 г., которым Ян Казимир поручал оборону Кракова краковскому епископу, свидетельствует о серьезнейшей тревоге за судьбу Кракова. Гембицкому были предоставлены самые широкие и чрезвычайные полномочия.³ Изданный Гембицким 25 мая 1651 г. универсал перечисляет и конкретные меры, которые принимались для обороны Кракова и его пригородов — Казимежа, Клепажа, Страдома и др. Каждый хозяин дома и каждый жилец должен был выставить одного человека для копания валов и создать полугодовой запас провизии и боеприпасов. Было создано городское ополчение из всех способных носить оружие, под чьей бы юрисдикцией они ни состояли. Смотр ополчения был назначен на 5 июня. Для борьбы с бродягами замуровывались подвалы. Предписывалось строжайшим образом карать дезертиров и их укрывателей и т. д.⁴

Интересным показателем этой паники, сознания грозящей Кракову опасности могут служить предсказания краковских астрологов. Об этих предсказаниях нам сообщают Пасторий, Коховский и Рудаковский (последние два в скептическом тоне). Предсказания эти сводились в основном к тому, что „в этот год с городом Краковым произойдет нечто фатальное“.⁵

Широко известные в Польше сведения о сношениях Хмельницкого с Ракочи возбуждали страх за судьбу Кракова и вызывали чрезвычайные мероприятия для обороны Кракова и Краковского воеводства; слухи же о предстоящем выступлении Ракочи могли послужить и, несомненно, служили для руководителей подгальского восстания основанием надеяться на помощь Ракочи.

И здесь перед нами встает вопрос — ограничивался ли Наперский только предположениями о возможности получить поддержку Ракочи или пытался установить с ним контакт. Некоторые из наших источников настаивают на последнем. Так, Пасторий даже ссылается на письмо Наперского: „в письме было обнаружено, что он просил о том же [о помощи] Венгрии; эти письма тот же Наперский (называя себя в них Станиславом Лентовским [так!]), писал 8 июня к Маршалку“. Ошибка

¹ Oświęcim, s. 290, 304.

² Oświęcim, s. 363.

³ „Pamiętnik krakowski“, 1866, № 6, s. 41—42.

⁴ Там же, 1866, № 4, s. 25—26.

⁵ Rudawski, p. 75; Kochowski, p. 271—272; Pastorius. Historia, p. 238.

Пастория, спутавшего отправителя и адресата, не уменьшает значения любопытного указания на недошедшие до нас документы.² Особенный интерес представляет замечание Освенцима: „Мы получали известия... о концентрации к тамошним границам войск Сигизмунда Ракочи, который имел свою переписку с этими нашими бунтовщиками, а не менее и с Хмельницким“.³ Для нас, представляющих себе оживленность сношений между братьями Ракочи и Хмельницким, показательно то, что Освенциму более известна переписка Ракочи с подгальскими „бунтовщиками“, чем с Хмельницким.

В обоих случаях сведения эти сообщают наиболее осведомленные и наиболее точные из наших авторов, ссылаясь при этом на недошедшие до нас документальные данные. При самом осторожном отношении к этим сообщениям источников мы не можем их игнорировать и должны предположить существование определенной связи Наперского с Ракочи.

Эти предположительные связи Наперского, видимо, не ограничивались связью с Хмельницким и Ракочи. Наперский организует набор вспомогательного войска в Империи, в первую очередь в Силезии.⁴ Германия после окончания Тридцатилетней войны была переполнена кочующими отрядами безработных ландскнехтов. Такие отряды и собирался нанять Наперский. Факт набора германского войска не вызывает сомнений. О нем свидетельствует выданная Наперским уже 8 мая охранная грамота Тынецкому монастырю,⁵ написанная на польском и немецком языках. О немецком войске говорит Наперский и в письме Лентовскому 18 июня: „немецкое войско придет нам на помощь“.⁶ Есть, наконец, еще одно интересное сообщение, свидетельствующее о том, что войска эти были готовы и даже направлялись для поддержки восстания. „Найдено также другое письмо Наперскому из Германии, написанное кем-то, в котором тот, кто бы он ни был, напоминает, что он приготовил некоторое количество солдат и через немного дней прибудет, когда ему будет послано жалованье“.⁷

В связи с этим набором ландскнехтов особенный интерес приобретает запись в дневнике Освенцима от 24 января 1651 г. следующего содержания: „Пришло предостережение от [германского] императора [польскому] королю, якобы из тех людей, что остались без дела по установлении мира в Империи, Хмельницким завербовано четыре тысячи хороших солдат, чтобы, вторгнувшись через Спизскую область в Польшу и соединившись с взбунтованными в горах крестьянами, пошли на Краков и далее делали, что можно важного, только бы могли разделить наших людей“.⁸

Подведем некоторые итоги. До сих пор мы обращали внимание главным образом на возможные ошибки наших источников, подвергали

¹ Pastorius. Historia, p. 238. — Возможно, впрочем, что Пасторий неточно (так как в этом письме нет упоминания о Венгрии) передает содержание известного нам письма от 18 июня (т. е. 8 по ст. ст.).

² Ōswicim, s. 363.

³ Tamże, s. 326.

⁴ Tamże, s. 325.

⁵ Tamże, s. 327.

⁶ Pastorius. Historia, p. 238.

⁷ Ōświęcim, s. 257. — В тесной связи с этим стоит указание Щотки на два королевских универсала от 17 и 20 января 1651 г., где приводятся слухи о движении к границам Польши иностранного полка под командой Лоренса Гофкирха. Щотка сам ставит вопрос — нет ли связи между этими слухами и набором иностранных войск Наперским. См. Щотка, стр. 75—76.

их сведения сомнению, вполне оправданному, если учесть, что современники нередко, стремясь установить причинную связь между событиями, принимают возможное и ожидаемое за действительное. Наконец, нельзя не учитывать, что значительную часть сведений мы получаем не от непосредственных участников или непосредственных свидетелей, безыскусно излагающих события, а от историков профессиональных (как Пасторий, Коховский и др.) или любителей (как Освенцим), часто получавших сообщения из третьих рук, историков XVII в., не умевших критически разобраться в этих сообщениях. Все это дает основание для особой осторожности при построении окончательных выводов. Такова одна сторона дела.

Рассмотрим, однако, и другую сторону. Как объяснить появление в дневнике Освенцима за полгода до начала восстания в Подгалье записи, которая в основном воспроизводит картину будущего восстания с его характерными особенностями? Есть ли это простое совпадение или это первый отголосок уже начавшейся деятельности Наперского? Как объяснить приводимые галицким стольником Мяковским в письме от 4 августа 1651 г.¹ (т. е. уже после Берестечской битвы, когда посполитое рушение двигалось в глубь Украины) заявления украинских крестьян, что поляки „должны будут вернуться под Краков оборонять его от Ракочи и от тех, что наш гетман на бунтованье людей разослал?“ Не есть ли это свидетельство существования каких-то связей между Хмельницким, Ракочи и подгальскими повстанцами? Чем объяснить исключительное тяготение, даже прикованность восстания к Чорштыну, если не стратегическим значением этого пункта, открывавшего путь на Краков из Венгрии? И не следует ли думать, что такое решение плана восстания основывалось не только на предположениях о предстоящих действиях Ракочи, но на договоренности с ним?

Если же допустить наличие связи Наперского с Хмельницким и с Ракочи, то следует произвести коренную переоценку всей системы политических и военно-стратегических планов Хмельницкого в 1651 г. Мы должны будем прийти к выводу, что деятельность Наперского по подготовке подгальского восстания направлялась Хмельницким и началась еще в 1650 г., что восстание это не было обособленным и лишь одновременным событием с берестечской кампанией, а являлось ее органической частью, что подгальское восстание вместе с другими аналогичными движениями в собственно польских областях должно было в решительный, кульминационный момент кампании разобщить силы шляхетской Речи Посполитой и довершить ее полный разгром.

Быть может, привлечение новых материалов даст возможность окончательно разрешить эту проблему, имеющую определяющее, принципиальное значение не только для истории подгальского восстания, но и для одного из наиболее важных этапов освободительной войны украинского народа. Сейчас эта проблема может быть только намечена.

III

Во главе подгальского восстания 1651 г. стоял человек, относительно личности, происхождения и даже имени которого источники дают самые разноречивые сведения.

¹ Ossol., № 2286, s. 180'.

В нашем распоряжении есть четыре документа, написанных им самим (копии их включены в дневник Освенцима): охранное свидетельство, выданное Тынецкому монастырю, письма Лентовскому и Здановскому и универсал к крестьянам; кроме перечисленных документов, имеется одно письмо к нему Радоцкого. К сожалению, ни один из этих документов ничего не говорит о происхождении и личности руководителя восстания. Мы можем установить на их основании лишь его имя, точнее, как он себя называл.

Охранное свидетельство подписано: „Александр Лев из Штемберка“. Письмо к Лентовскому—„Александр Лев“, письмо к Здановскому—„Александр Лео из Штемберка“; это лишь варианты той же подписи. Не меняет дело и письмо Радоцкого, адресованное „пану Леону“.¹

Остается лишь универсал. Нам он известен из трех источников. Его приводит Освенцим;² текстом Освенцима пользовался Кубалья.³ По публикации Кубали он был впоследствии воспроизведен в популярных хрестоматиях.⁴ Вторым источником, сохранившим этот универсал, является рукопись Пиноцци в Кракове. На этой рукописи основана публикация Грабовского,⁵ на нее же ссылается и Моравский,⁶ приводя универсал Наперского. Наконец, третьим источником, сохранившим этот универсал, является одна рукопись Оссолинеума, представляющая собой собрание различных писем, актов, реляций и т. п., составлявшееся современником.⁷ Насколько нам известно, публикаций на основании этой рукописи не было. Все эти три текста почти не разнятся между собой. Единственным (если не считать колебаний в правописании) различием является именно подпись универсала. В рукописи Пиноцци (как это видно из публикаций Грабовского и Моравского) универсал вообще не подписан; в рукописи же Освенцима и в рукописи 225 универсал подписан: „Александр Лев из Штемберка Костка“.

Таким образом, руководитель восстания сам называл себя Александром Львом (или Леоном) из Штемберка⁸ Косткой. При обзоре документов, однако, бросается в глаза, что и сам Костка и его помощники предпочитали не употреблять фамилии, ограничиваясь обычно только именем. Действительно, в пяти подписях и обращении лишь один раз упоминается фамилия Костки.

„Косткой“ называют его почти все письма, документы, дневники и т. п., написанные во время восстания,⁹ не сомневаясь в правильности

¹ Oświecim, s. 326—328.

² Ossol., № 224, s. 1162—1163. — В издании Чермака универсал, как уже опубликованный Грабовским, опущен.

³ Kubala. Szkice historyczne, wyd. 5-e (Dzieła Ludwika Kubali, t. II). Lwów — Warszawa, 1923, s. 210—211.

⁴ Teksty źródłowe do nauki historii w szkole średniej, zeszyt 39—Panowanie Jana Kazimierza, opracował Wł. Konopczyński, 1923, s. 6—7; Хрестоматия по истории средних веков под ред. Н. П. Градцианского и С. Д. Сказкина. М., Учпедгиз, 1938, т. II, ч. 2, стр. 353 (с сокращениями).

⁵ Grabowski. Ojczyście spominki, s. 86—87.

⁶ Morawski. Świątek Boży, s. 177—179; Arjanie polscy.—Ossol., N 4646, s. 223'.

⁷ Ossol., № 225, s. 400—400'.

⁸ Вариант Кубали и всех пользовавшихся его очерком — „из Стернберка“ — результат ошибочного чтения рукописи Освенцима.

⁹ Письмо из Нового Тагра от 14. VI 1651 (Ossol., № 225, s. 337); письмо из Кракова от 18. VI 1651 (Ossol., № 225, s. 378; Grabowski. Ojczyście spominki,

этого имени; лишь один Емёловский делает оговорку: „если имеет основание так называться“.¹

Большинство же хроник и даже некоторые наиболее осведомленные авторы дневников не считают фамилию „Костка“ настоящей его фамилией. Пасторий пишет о нем: „Наперский, который хотел зваться Косткой, именем знатного и знаменитого в Польше рода, — человек пустой и ветреный“.²

Коховский говорит о нем: „Александр Напирский... незаконно присвоил себе имя и герб достойнейшего дома Костков“. Описывая затем допрос Костки, Коховский пишет: „Преступник, спрошенный о происхождении и роде, сказал, что он происходит из Мазовии, зовется Напирским, а имя и герб Костков он захватил самозванно“.³

К Коховскому примыкает Грондский: „Напирский, который выдавал себя за Костку, члена знатного и знаменитого рода“.⁴

Так же решают вопрос Твардовский и „Historja o buntach Chmielnickiego“. „Наперский... чтобы приукрасить свое злобное преступление, заявил, что принадлежит к знатнейшему в Польше роду Костков“.⁵ Темберский знает только фамилию „Костка“, хотя и берет ее под сомнение.⁶

Рудавский комбинирует оба имени: „Некто Александр Лев Наперский из Стемберка Костка, человек ловкий, сведущий в языках, похожий на иностранца не только поведением, но и одеждой“.⁷

Наконец, Освенцим называет Костку: „Некто Александр Лео из Стемберка [или Штемберка] Костка иначе Напёрский“.⁸ Позднее он пишет, что Костка „при попытке отречься от имени Костки (на которое лишь потому претендовал, что воспитывался в доме панов Костков), назвав себя незаконным сыном покойного короля и Напёрским и, наконец, перед смертью — Шимоном Бзовским“.⁹

Каково же было имя руководителя подгальского восстания, был ли он Косткой, Наперским или Бзовским? Каково его происхождение и прошлое? Какое значение имеет объявление им себя побочным королевским сыном и являлся ли он им в действительности? Вопросы эти нельзя считать маловажными. Решение их может в известной степени осветить и особенности подготовки восстания, и поведение, и связи его руководителя. Значительный интерес представляет также проблема самозванства.

Историки, освещавшие историю подгальского восстания 1651 г., несмотря на то, что их интерес прежде всего привлекала личность

s. 85—86); письмо Пясечного королевичу Карлу Фердинанду из-под Берестечка 26 VI. 1651 (Ossol., № 5656, s. 109—110); дневник Майера. Архив Юго-западной России, ч. III, т. 6; письмо Щуцкого от 23. VI 1651. (Teki Naruszewicza, teka 145, s. 186); письмо Торреса от 1. VII 1651. Жерела, стр. 124; Białobocki, s. 30.

¹ Jemiołowski, s. 26.

² Pastorius. Bellum, p. 206; Historia, s. 227.

³ Kochowski, p. 224.

⁴ Grondski, p. 179. — Напирским (а в одном месте даже Напирковским!) называет его также анонимная хроника — „Opisanie wojny kozackiej to jest buntów Chmielnickiego“ (Ossol., № 2098, s. 55'—56).

⁵ Twardowski, cz. II, s. 50; Historja o buntach Chmielnickiego... przez nieznanego autora. Wrocław, 1842, s. 92.

⁶ Temberski, p. 185.

⁷ Rudawski, p. 75.

⁸ Oświęcim, s. 326.

⁹ Oświęcim, s. 363.

его руководителя, не дали удовлетворительного объяснения противоречивых сведений о нем. Не сличая данных различных источников, они обычно пользовались лишь одним из них. Это относится и к наиболее осведомленному — Кубале. Он пользуется лишь данными Освендима. Изложение Кубали вкратце таково (Szkice, s. 206). Костка-Наперский был „если верить его показаниям“ — единственная оговорка Кубали) побочным сыном Владислава IV и назывался Шимон Бзовский. Младенцем он был отдан на воспитание в семейство Костков, затем мальчиком был взят в фрауциммер королевы Цецилии Ренаты. Позднейшая судьба его неизвестна. В 1648 г. он, имея верительные грамоты ко всем христианским монархам и князьям, был в качестве королевского посланца в Швеции с целью изыскания помощи для проектируемой войны с Турцией. По смерти Владислава IV он три года пропал неизвестно где; вероятно, у казаков или при дворе Ракочи. Появившись близ Кракова, назвал себя Александром Косткой из Стернберка. Радоцкий подделал ему грамоту, выданную королем в 1650 г. некоему Наперскому, на имя Александра Льва из Стернберка Костки-Наперского.

Предположение Кубали, что фамилия „Наперский“ появилась случайно и лишь накануне восстания, удивляет нас тем более, что Кубале был известен документ, полностью опровергающий это заключение. Я имею в виду содержащееся в сделанных Станиславом Люкасом выписках из шведской государственной корреспонденции сообщение, что в июне 1648 г. (т. е. уже после смерти Владислава IV, но до получения в Швеции официального подтверждения этого) в Стокгольм прибыл личный посланник покойного польского короля — Александр Лео из Штемберка Наперский для переговоров с королевой Кристиной о присоединении Швеции к создаваемой в Польше антитурецкой лиге.¹

Таким образом, вопреки мнению Кубали, фамилия „Наперский“ фигурировала еще в 1648 г., притом — как единственная фамилия.

Моравский, как и Кубала, считает и фамилию „Наперский“ и фамилию „Костка“ самозванными, настоящее же имя Наперского, по мнению Моравского, было Войцех или Станислав Бзовский.² Мнение это, как и приводимая Моравским романтическая история о причинах, заставивших Наперского покинуть королевский двор, совершенно не аргументируется и не находит подтверждения ни в одном из известных нам источников. У нас нет никаких оснований ставить под сомнение данные шведского источника или предполагать, что Наперский уже в 1648 г. действовал под вымышленным именем.

Наиболее вероятным поэтому нам представляется имя Александр Лев (или латинизированное — Лео) Наперский.³ Все данные говорят за то, что фамилия „Костка“ появилась лишь после 1648 г. и не была его настоящей фамилией. Почему же Наперский принял ее? Здесь нужно, прежде всего, указать на прямую связь между фамилиями Костка и Наперский. Оба эти шляхетских рода принадлежали к одному

¹ Teki Stanisława Lukasa, t. I. (Correspondence do Suède). Ossol., № 2973, s. 8.

² Morawski. Świątek Boży, 117—118; Arjanie polscy. (Ossol., № 4646, s. 217).

³ Из трех вариантов этой фамилии — Napierski, Napirski, Napiorski — первый наиболее часто встречается в источниках. Он, кроме того, подтверждается и гербовником Несецкого.

гербу Dąbrowa.¹ Естественно поэтому предположить, что Наперский принял фамилию родственного дома, с которым он, если верить Освенциму, был связан с детства. Причины, побудившие его выступить под фамилией Костки, могли быть двоякого характера. Во-первых, это могло усыпить бдительность шляхты в период подготовки восстания: имя Костки, старого и знатного магнатского рода, сразу должно было внушить шляхте доверие; во-вторых, из рода Костков происходил святой — Станислав Костка, и это родство со святым могло оказать известное влияние на некоторую часть крестьянства. Этим можно объяснить, между прочим, и то, что, в отличие от других документов, избегающих употребления фамилии, универсал к крестьянству имеет подпись „Костка“.²

Большинство источников прямо или косвенно говорит о том, что Наперский был шляхтичем, и, во всяком случае, нет ни одного источника, отрицающего это или даже дающего основание усомниться в этом.³ Это полное единодушие мнений в вопросе о сословной принадлежности Наперского делает особенно удивительной скудость сведений о его биографии и то обстоятельство, что в источниках нет ссылок на очевидцев его деятельности до восстания. Единственное указание подобного рода делает Пасторий, да и то безличной формулировкой: „quidam memorant“. Таким образом, кроме замечания Коховского — „происходит из Мазовии“ — и Освенцима, что Наперский воспитывался в доме Костков, мы не имеем сведений ни о его происхождении, ни о воспитании. А между тем источники дают возможность составить об этом известное представление. Голиньский⁴ говорит, что он „имел

¹ Niesiecki. Herbarz polski, Lipsk, 1839—1846, t. 5, s. 292; t. 6, s. 516. — Из данных Несецкого видно, что предполагать возможность двойной фамилии „Костка-Наперский“ нет основания.

² Этому противоречит указание Вл. Лозинского, который, ссылаясь на архивный документ, утверждает, что еще весной 1650 г. Александр Костка, который в это время служил в качестве офицера в полку Хуваляда, совершал вооруженные нападения в Перемышльской земле (см. Wł. Łoziński. Prawem i lewem, t. I, wyd. 4-e. Lwów, 1931, s. 212). Доцент Ленинградского университета О. Е. Иванова предостерегла мне возможность ознакомиться со снятой ею копией того документа из саноцких городских книг, на который ссылается Лозинский. В документе этом „Костка“ упоминается без имени, и нет никаких оснований идентифицировать это лицо с Косткой-Наперским, руководителем подгальского восстания. Более того, мнение Лозинского прямо опровергается дневником Освенцима, в котором под 3 июня 1651 г., т. е. в момент, когда Костка-Наперский находился в Подгалье и готовил нападение на Чорштын, в составе полка Хуваляда в королевском лагере под Сокалем упоминается Костка (см. Oświecim, s. 293).

³ Противоположного рода утверждение с глухой ссылкой на какие-то (вероятно, не опубликованные до сих пор) исследования мы находим в книге: Kaz. Ma j. Chłopi w dawnej Polsce. Warszawa, 1947, s. 44: „Костка-Наперский (как показали новые исследования) был крестьянином“. Спорить с этим заявлением невозможно, так как нам неизвестна аргументация автора, но мы считаем, что все данные знакомых нам источников абсолютно исключают возможность того, чтобы Наперский был крестьянином. Аналогичное нашему мнению уже высказано Ст. Щоткой (см. Roczniki dziejów społecznych, i gospodarczych, t. X. Poznań, 1948, s. 35), который опирается на некоторые неизвестные нам документальные данные (см. о них ниже — сноску 1 на стр. 191).

⁴ Ср. цитату: L. Kubala, s. 206. — Дневник Голиньского, райцы города Казимежа под Краковом, очевидца восстания, один из наиболее интересных для нас источников, известном, к сожалению, лишь по отрывкам, приводимым Моравским, Кубалей, Грушевским. Рукопись Голиньского находилась в Оссолинеуме (№ 189); в феврале 1939 г. она была переслана в Краков и не была оттуда возвращена. Поэтому нам не удалось ознакомиться с ней.

манеры большого пана, который никогда не имел надобности держаться гордо и никогда не был покорным". Голинский же, как и Темберский, Коховский, Рудаковский, говорит, что Наперский знал иностранные языки. Знание им латыни и немецкого подтверждает выданное им тынецким бенедиктинцам охранное свидетельство. Это был человек, получивший хорошее образование, писавший стихи (см. его письмо Здановскому), производивший впечатление выходца из „знатного и великого рода“ (Голинский).

Пасторий и Коховский упоминают о том, что Наперский служил при дворе; Коховский ограничивается лишь указанием: „на самом последнем положении“. Пасторий пишет: „его некогда видели при королевском дворе, но занятого уборкой стола и еще более низкой службой в покоях королевы“.

Щотка, ссылаясь на сохранившиеся письма Наперского, говорит, что во время Тридцатилетней войны Наперский был шведским офицером, а в 1649 г. был направлен королем в дипломатическую миссию в Испанию.¹

Трудно что-либо сказать об этих данных. Вызывает лишь удивление, что шведский офицер Наперский был, как это видно из сообщения об его посольстве, совершенно неизвестен в Швеции. Тем более сомнительным представляется посольство Наперского в Испанию в 1649 г. (т. е. уже при Яне Казимире). Хотя в выписке из шведского государственного архива и говорится, что Наперский имел „общую верительную грамоту ко всем королям, республикам и князьям“, посольство его потеряло всякий смысл уже в 1648 г. после начала восстания Хмельницкого и крушения всех планов войны с Турцией. Если бы Щотка не ссылался на собственные письма Наперского, логичнее всего было бы предположить, что и служба его в шведской армии, и посольство в Испании есть всего лишь преломление факта посольства в Швецию в 1648 г.

Дальнейшие данные о биографии Наперского еще более неясны. Из ряда замечаний источников видно, что он находился в большой бедности.² Пасторий сообщает также, что он занимался вербовкой войск для каких-то дворян.³ Мы уже приводили в высшей степени любопытное, но внушающее сомнение замечание Темберского: „Он даже был в прошлом году у Хмельницкого“.⁴

В заключение следует остановиться на версии, которая, впервые появившись в статье Кубали, перешла из его работы в работы других историков, воспринявших ее полностью (Костомаров, Кулиш) или частично (Равита-Гавроньский). Согласно этой версии, Наперский был побочным сыном Владислава IV. Кубаля основывается лишь на Освенциме, сообщая, что Наперский назвался побочным сыном Владислава IV под пыткой. Освенцим сам придает мало значения этому показанию, говоря о нем мимоходом. Единственным подтверждением своего мнения, кроме Освенцима, Кубаля выставляет посольство

¹ Щотка, стр. 76. — Вновь об этих данных Щотка говорит в своей рецензии на книгу Мая. Здесь, однако, посольство в Испанию он относит к началу 1648 г., и королем, направляющим миссию Наперского, является Владислав IV.

² Pastorius. Bellum, p. 207; Historia, p. 227; Kochowski, p. 224. — О плохой одежде Наперского, посла Владислава IV, говорит и шведский источник (Ossol., № 2973, s. 8).

³ Pastorius. Bellum, p. 227.

⁴ Temberski, p. 185.

Наперского в Швецию. Сам факт этого посольства, несомненно, свидетельствует об известной близости Наперского ко двору и, в частности, если не к самому Владиславу IV, то, во всяком случае, к канцлеру Юрию Оссолинскому, главному вдохновителю войны с Турцией, но, разумеется, отнюдь не может рассматриваться как доказательство того, что Наперский был побочным сыном короля.

Эта версия Кубали, на наш взгляд, — результат некритического использования источника, отражение свойственного его очерку налета „беллетристичности“.

Чем можно было бы объяснить, что ни один из авторов, описывающих время Владислава IV и Яна Казимира, не знал об этом побочном королевском сыне, что ни один человек не видел его или не слышал о нем? А между тем это именно так. Ни один из наших источников, кроме Освенцима, ничего не знает об этом.

Показательным является и то, что Наперский в период восстания ни разу не говорил о своем „королевском происхождении“. Между тем, он не был, как мы видели, чужд самозванства, называя себя Косткой. Это вполне объяснимое со стороны простого шляхтича Наперского самозванство становится совершенно нелепым со стороны побочного королевича, которому для тех же целей гораздо больше могло послужить его собственное имя.

Объяснить же причины, по которым Наперский объявил себя побочным королевичем на суде, можно, прежде всего, вспомнив, что показания эти давались под пыткой. Вероятно, Наперский добивался прекращения пыток, задержки хода судопроизводства. Он мог, как мы увидим в дальнейшем, рассчитывать даже на то, что его освободят восставшие. Объявление себя королевским сыном было для Наперского лишь средством, которым он хотел смягчить условия судебного разбирательства или оттянуть сроки вынесения и исполнения приговора. Безуспешность же этой попытки и суровость наказания ясно доказывают, что суд не принял этого заявления всерьез, а, может быть, даже отнесся к нему как к обстоятельству, усугубляющему вину Наперского.

Все сведения, которыми мы располагаем о личности Наперского, воссоздают облик изгоя-авантюриста, каких немало было среди шляхты в эти бурные и критические для Речи Посполитой времена. Нет, разумеется, никаких оснований для искусственного облагораживания и идеализации Наперского, наиболее ярким примером которых является роман Оркана, где Наперский представлен пламенным народным трибуном, отрешившимся ради народного блага от всего, что ему лично дорого. Вместе с тем ограничиться констатацией того, что в личности Наперского явно выступают определенные элементы авантюризма, было бы при всей его справедливости суждение одностороннее.

Предполагая в действиях Наперского присутствие личных и своекорыстных мотивов, не имеющих ничего общего с интересами восставшего крестьянства, не следует упускать из виду и то обстоятельство, что ни в ходе восстания, правда весьма непродолжительного, ни во время суда над Наперским мы не можем отметить никаких проявлений его личных побуждений и интересов, отделявших его от восставших. Он не был лицом, случайно примкнувшим к уже начавшемуся восстанию, но сам активно содействовал его возникновению. Воззвания Наперского отражали подлинные интересы крестьянства, хотя

у нас и нет доказательств того, что он разделял их искренне; его поведение во время восстания, когда он не обнаружил ни способностей, ни опыта истинного руководителя движения, свидетельствует, однако, о его готовности до конца бороться за дело, с которым он связал свою судьбу. Наконец, показательным является и отношение к Наперскому шляхетского суда, который видел в нем отнюдь не обычного шляхтича-„удальца“, блудного, но исправимого сына, а опасного врага, достойного кары еще более суровой, чем его сподвижники-крестьяне.

Мы отказываемся от попытки объяснить, — в силу чего этот чужой крестьянству человек оказался во главе крестьянского движения, — не только потому, что материал источников не дает основания для выдвижения сколько-нибудь доказуемой гипотезы, но и потому, что не придаем самому этому вопросу существенного значения. Было бы ошибкой следовать за Моравским и Кубалей в персонифицировании подгальского восстания в Наперском. Почва для восстания создавалась в течение долгого времени; распространение восстания происходило стихийно, в значительной мере вне связи с Наперским. Наконец, не падение Чорштына и захват Наперского епископскими войсками, а исход берестечской битвы определил спад и ликвидацию восстания. Роль Наперского сводилась по существу лишь к пробуждению движения. Силы, которые он пробуждал, существовали помимо него и, придя в движение, действовали почти независимо от него.

В то же время необходимо отметить, что если классовая борьба крепостного крестьянства в Подгалье шла непрерывно в различных формах и почва для возникновения восстания была подготовлена всем ходом развития социально-экономических отношений, то непосредственным толчком, искрой, необходимой для вспышки восстания, явилась агитация Наперского и его непосредственных помощников. На этом сходятся все источники, об этом говорят и действия Наперского до начала открытого восстания, но имеющие в виду будущее восстание (набор вспомогательного войска, выдача охранных свидетельств, распространение универсала Хмельницкого и др.). К сожалению, мы не можем ответить на вопрос — действовал ли Наперский на свой страх и риск или был исполнителем части грандиозного военно-политического плана, задуманного Богданом Хмельницким. Не можем мы указать точно и времени, когда Наперский начал действия по подготовке восстания. С уверенностью мы можем говорить об этой деятельности со второй половины апреля 1651 г.

Наперский, начав подготовку восстания, прежде всего заботился о подыскании надежных и способных помощников.

Таким помощником его стал Станислав Лентовский, солтыс из Черного Дунайца, известный нам уже по восстанию 1624—1633 гг., в котором он был руководителем-маршалком. Под именем „маршалка“ он и известен большинству наших источников. „К нему в качестве союзника присоединился способный к возбуждению беспорядков человек, повсюду хваставший его примером, какой-то крестьянин, ставший, впрочем, повсюду известным еще прежде, во время больших смут против могущественного здесь дворянина Коморовского. Он принял с того времени имя Маршалка. Им [т. е. Наперским. — И. М.] он был использован как возбудитель и организатор простого народа“.¹ Пасторий

¹ Pastorius. Bellum, p. 208; Historia, p. 228.

придает ему такое большое значение, что ставит наравне с Наперским, говоря об этом последнем: „один из двух заговорщиков“.¹ Освенцим аттестует его следующим образом: „первейший бунтовщик и разбойник в этом крае“.² О Лентовском (под прозвищем Маршалка) знают и другие наши источники — Грондский, называющий его „каким-то крестьянином, но прославленным разбоями“,³ Твардовский и др.

Коховский путает двух участников восстания, объединяя в одно лицо Лентовского и Чепца: „Чепец, носящий также прозвище Маршалка (полагаю — по контрасту)“, или „Маршалок, солтыс, прозванный Чепцом⁴ (!)“. Судя по характеристике, можно установить, что описываемое Коховским лицо — Лентовский.

Участие Лентовского в восстании устанавливает прямую связь и преемственность движений 1624—1633 и 1651 гг., показывает, насколько живы были в это время традиции борьбы прежних лет.

Лентовский сразу и безоговорочно примкнул к восстанию, стал одним из активнейших его организаторов. Недаром Коховский называет его „умелым собирателем народа“.⁵ Наперский относился к нему с большим уважением и высоко ценил его. Когда восстание началось, Лентовский стал в качестве „полковника“ во главе крестьян Новотаргского староства (см. универсал Наперского), а затем был в Чорштыне, разделив с Наперским руководство обороной замка, заключение и, наконец, казнь.

Другим сподвижником Наперского стал Мартин Радоцкий. Он известен лишь немногим источникам: о нем упоминают Темберский, Освенцим и вскользь Коховский. Все они не знают его фамилии. Основные сведения о нем дает Голиньский. Радоцкий был в течение 40 лет учителем в селе Пцим, расположенном близ Мыслениц, пользовался громадным авторитетом и доверием среди крестьянства и заслужил у шляхты репутацию „истинного негодяя и постоянного бунтовщика против каждого из краковских каштелянов, панов своих“.⁶

Радоцкий, как указывает Кубаля, был анабаптистом. (Намек на это есть в письме самого Радоцкого к Наперскому, где он говорит о „верных ревнителях христовой правды“)⁷. Этот факт представляет значительный интерес. Анабаптисты были одной из наиболее революционных сект средневековья. Они принимали активное участие, а подчас играли и руководящую роль в крупнейших революционных движениях XVI в. — крестьянской войне 1525 г. в Германии, мюнстерской коммуне 1534 г., восстании Кэта Норфолькского в Англии в 1549 г. Энгельс говорит об анабаптистах, что это была секта, „связанная только общей оппозицией против всех господствующих классов и общим символом вторичного крещения, аскетически строгая в образе жизни, неутомимая, фанатичная и бесстрашная в своей агитации...“⁸

Знаменательно, что и среди руководителей польского крестьянского восстания мы находим анабаптиста, несмотря на то, что представители этой секты, вообще пришедшей в упадок в XVII в., в Польше

¹ Pastorius. Bellum, p. 207.

² Oświęcim, s. 326.

³ Grondski, p. 180.

⁴ Kochowski, p. 244, 271.

⁵ Kochowski, p. 271.

⁶ Oświęcim, s. 327.

⁷ Там же. — См. текст письма далее на стр. 198.

⁸ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. Госполитиздат, 1939, стр. 58.

в это время насчитывались единицами. Радоцкий был истинным анабаптистом—постоянным бунтовщиком, неутомимым, фанатичным и бесстрашным агитатором.¹

Щотка приводит интересные данные, свидетельствующие о серьезных столкновениях крестьян деревень краковской каштелянии, особенно Пцима, с каштелянскими управителями. Крестьяне отказывались выходить на барщину, ссылаясь на поддельную (как полагает Щотка) королевскую грамоту. Дело дошло до референдарского суда. Перед самой берестечкой экспедицией 12 апреля 1651 г. Ян Казимир обратился со специальным письмом к крестьянам, приказывая им, „согласно старому обычаю, исполнять барщину для держателя поименованного войтовства“. Организатором крестьянского движения и автором поддельной грамоты Щотка считает Мартина Радоцкого.²

Как и Лентовский в окрестностях Нового Тарга, Радоцкий в своем округе стал „полковником“ восставших крестьян, был причислен подавителями восстания к его главным руководителям и казнен в Кракове вместе с Наперским и Лентовским.

Письмо неизвестного из Кракова от 18 июня 1651 г. упоминает, что Наперский „привлек к себе Гославского (издавна малопорядочного)“.³ Ни в одном другом источнике этот Гославский, однако, не упоминается, и роль его в восстании неизвестна. Не знаем мы ничего и о тех вербовщиках, которых Наперский посылал в Силезию.

Сам Наперский должен был принять меры к тому, чтобы не возбуждать подозрений шляхты своими частыми переездами, знакомствами и связями, наконец, неучастием в посполитом рушении. Поэтому вскоре после своего появления в Краковском воеводстве он выступает как королевский полковник, посланный королем для охраны безопасности венгерской границы. Это свое звание и миссию он подтверждал официальными документами—какими-то грамотами. Грамотам этим источники уделяют большое внимание.

Пасторий говорит, что, живя в Новом Тарге, Наперский „рассеивал всюду слухи, что он послан королем, чтобы наблюдать за действиями Ракоци, трансильванского князя, и препятствовать ему по возможности“.⁴ Говоря далее о занятии Наперским Чорштына, Пасторий пишет: „Самозванец притворился, что он явился защищать эту столь заброшенную крепость по королевскому приказу, показывая грамоту, скрепленную большой печатью. Ибо еще годом раньше он ее выпросил у короля для вербовки войск. Когда эти малограмотные [речь идет о бургграфе и арендаторе.—И.М.] ее увидели, то они мало сопротивлялись человеку, являющемуся якобы королевским служащим“.⁵ Пасторий еще раз возвращается к этим грамотам, описывая оправдания Наперского перед первым епископским отрядом: „И он, как доказывают грамоты (которые он показывал вторично)—королевский уполномоченный“. Руководитель посланного епископом отряда,

¹ Вероятно, именно Радоцкого имеет в виду Ж. Корман, когда говорит о присутствии ариан (в статье анабаптисты рассматриваются как левое, радикальное течение ариан) „в окружении Костки Наперского“. См. Z. Kormanowa. Arjanie polscy. — Nowe drogi, 1949, № 4 (16), s. 113.

² Щотка. s. 75.

³ Ossol., № 225, s. 378; Grabowski. Ojczyście spominki, s. 85.

⁴ Pastorius. Historia, p. 228.

⁵ Pastorius. Bellum, p. 209; Historia, p. 229.

„видя бесстрашный дух [этого] человека и опасаясь нанести оскорбление дворянину, показывающему к тому же королевские грамоты, начал колебаться“¹.

Так же рисует дело и Рудавский. „Под видом королевской грамоты предъявлял народу какие-то пропускные грамоты“. И дальше: „... незаконно пользуясь, как уже сказано, королевской грамотой“.²

Другие источники, в том числе Коховский, Освенцим, Торрес, считают, что Наперский пользовался поддельными королевскими универсалами.³

Однако, как мы видели, наиболее осведомленный из наших источников—Пасторий—вообще не считает грамоту фальшивой. По его мнению, дело заключалось в незаконном пользовании настоящей грамотой. Так же оценивает это и Рудавский. Заметим при этом, что вряд ли можно согласиться с Рудавским, что это были лишь какие-то пропускные грамоты. Если такой обман мог бы подействовать на малограмотных бургрфа и арендатора, то он не мог бы быть успешен в других случаях. Можно предположить, что дело обстояло так: имевшиеся у Наперского старые приповедные (вербочные) листы были помечены новым сроком, переправлены (как об этом говорилось раньше) на имя королевского полковника Костки Наперского и дополнены универсалом, сообщавшим от имени короля, что полковнику Костке Наперскому поручена оборона венгерской границы. Эти исправления были, очевидно, сделаны весьма искусно, поскольку до самого восстания полномочия Наперского не вызывали подозрений. Начал же пользоваться ими Наперский отнюдь не со времени ухода шляхты на посполитое рушение, как это думает Кубаля,⁴ а много раньше—во всяком случае не позже апреля 1651 г., когда он впервые появился в качестве „королевского полковника“ в Новом Тарге. Подделку, вероятно, произвел Радоцкий. Коховский, перечисляя казенных руководителей восстания, говорит: „школьный учитель, изготовитель подложных грамот, был обезглавлен“.⁵ Речь здесь, разумеется, идет о Радоцком.

Имея эти документы, Наперский без опаски мог начать подготовку восстания. Своей штаб-квартирой он избрал Новый Тарг,⁶ хотя и не находился там постоянно. Во время одного из выездов в район Кракова в начале мая было выдано упоминавшееся выше охранное свидетельство Тынецкому монастырю. Новотаргский подстароста Викторин Здановский, старый шляхтич, занимавший свою должность более 30 лет, проникся полным доверием к Наперскому и относился к нему с большим почтением и предупредительностью. Отношения Здановского с Наперским были настолько хороши, что впоследствии в письме к Лентовскому и в универсале Наперский специально просит „не трогать

¹ Pastorius. Historia, p. 231—232.

² Rudawski, p. 75.

³ Kochoński, p. 244; Oświęcim, s. 326; Жерела... стр. 122; письмо неизвестного из Кракова от 18. VI 1651. Ossol., № 225, s. 378—378'; Grabowski. Ojczyście spominki, s. 85.

⁴ L. Kubala. Szkice, s. 207.

⁵ Kochoński, p. 271; Ludimagister, diplomatis impostorii machinator, gladio finire.

⁶ Pastorius. Historia, p. 228.

пана Здановского“, а в посланном самому Здановскому 18 июня из Чорштына письмо приглашает его приехать в Чорштын и остаться там хозяином после того, как Наперский выступит с войском.¹

Радужно принял Наперского не один только Здановский. „Он снискал себе благоволение и почет у многих даже хороших граждан“, замечает Пасторий.² Наперский стал полным хозяином в Новом Тарге. Об этом говорит следующий эпизод: „И до того дошла его власть в Новом Тарге как королевского полковника, что он освободил от казни трех человек, приговоренных к обезглавливанию, сделав это под тем предлогом, что лучше бы они погибли в будущей войне. Потом он привлек их, обязанных таким благодеянием, к соучастию в своих замыслах“.³ Моравский делает весьма важное пояснение к этой заметке Пастория. Осужденные были уже упоминавшиеся ранее ата-маны крупнейших разбойничьих дружин — Чепец и Савка.⁴ Это особенно правдоподобно, потому что имя Чепца упоминает, как нам известно, Коховский. Эта связь с разбойничеством, наиболее массовой формой крестьянской борьбы в Подгалье, очень важна, в нем восстание 1651 г. имело громадный резерв.

Положение королевского полковника позволило Наперскому вернуть массовую агитацию; под видом вербовки войска для обороны границы он принимал крестьян и объезжал окрестные деревни. „Заговор легко укреплялся среди этих гор, каждый день все больше людей присоединялось к преступному обществу“, — пишет Пасторий.⁵ „Постепенно сходились люди, темная толпа, по безотчетной преданности вполне ему повиновавшаяся“.⁶ „Легко собралось несколько толп, к которым скоро должны были присоединиться и другие, прочие в единодушном молчаливом согласии только ждали первых успехов мятежа“.⁷ Знаком, отмечавшим деревни и дома, примкнувшие к восстанию, стали гирлянды из зелени или венки на шестах.⁸

Агитацию среди и без того мятежного крестьянства Подгалье облегчили еще и вызвавшие возмущение крестьян бесчинства расквартированных в Подгалье войск. В Чорштынском старостве на зиму 1650 г. была расквартирована хоругвь стобницкого старосты Кшиштофа Бальдвина Оссолинского, в Новотаргском старостве — хоругвь луцкого подсудка Захарьяша Четвертинского. Жалоба крестьян Чорштынского староства на притеснения со стороны солдат, поданная в гродский суд, осталась безрезультатной.⁹

Агитация через крестьянство проникла и в епископское войско. Об этом свидетельствует следующее указание Пастория: „Говорят, что многие из воинов, собранных епископом, были знакомством и

¹ Oświęcim, s. 327—328; Ossol., № 224, s. 1163; № 225, s. 400; Grabowski. Ojczyste spominki, s. 87.

² Pastorius. Historia, p. 228.

³ Ibid. — Голинский говорит, что он добывал союзников, „прямо вырывая их у палача, говоря, что королю очень нужны люди и не следует их казнить“ (см. Грушевский, стр. 267).

⁴ Morawski. Swiatek Boży, s. 130—131.

⁵ Pastorius. Bellum, p. 209; Historia, p. 228.

⁶ Rudawski, p. 75.

⁷ Kochowski, p. 244.

⁸ Oświęcim, s. 327—328; Ossol., № 224, s. 1163; № 225, s. 400; Grabowski. Ojczyste spominki, s. 87.

⁹ Щотка, стр. 75.

сочувствием к движению связаны с псевдо-Косткой и его союзниками".¹

Восстание должно было начаться после выступления посполитого рушения.

IV

Какова была программа этого восстания? Под какими лозунгами собрал Наперский подгальское крестьянство? Для ответа на этот вопрос нам нужно пользоваться в основном документами, исходящими от самих восставших. Хроники дают мало материала, но и тем немногим, что можно из них почерпнуть, приходится пользоваться с большой осторожностью, так как авторы хроник — шляхтичи — искажали цели восстания, да и писали о них зачастую по собственным догадкам.

Из документов восстания наиболее подробно освещает программу восстания универсал Наперского. Нам уже неоднократно приходилось упоминать о нем, придется обращаться к нему и в дальнейшем. Универсал этот был издан по просьбе Радоцкого, писавшего 20 июня 1651 г. из Пцима Наперскому: „О тех известиях, которые я получил в письме вашей милости, буду как можно быстрее и аккуратнее народ информировать вместе с теми, кто является верными ревнителями христовой правды, а также преданными е. в. наянейшему государю Яну Казимиру, божией милостью королем польскому и нашему милостивому государю. Итак, соблаговоли, ваша милость, вновь как можно скорее лично обратиться к народу в этих местах с письмом, которое усилило бы их [крестьян] доверие, и тогда они охотнее будут собираться. Многие из них уже говорили: когда бы слышали слова или дозволение е. к. в., тогда бы на законном основании пошли бы неуклонно, наступая на шляхетские усадьбы, разоряли бы их, чтоб уже более не господствовало на земле их гордость, высокомерие, тиранская злоба“.²

В ответ на это письмо Наперский и написал свой универсал, который ввиду его важности привожу целиком:

„Мир Христов! Всем вообще и каждому в отдельности верным подданным е. к. в., государя нашего милостивого, желаю с добрым здоровьем от господа бога всемогущего святой вольности и свободы. Объявляю всем божью волю и волю е. к. в., что [так как] шляхта хочет поднять рокош против короля, е. в., государя нашего милостивого, поэтому, кто только верен е. к. в., пусть как можно скорее собирается под крылья мои под Чорштын, под водительством пана ректора пцимского, как полковника е. к. в., который, как верный е. к. в., приведет вас ко мне и будет вами командовать, давая вам всем информацию. Обещает при этом е. к. в. различные вольности всем тем, кто теперь за него встанет, — и будут нашими шляхетские усадьбы со всем тем, что в них находится. Освобождайте сами себя из этой тяжелой неволи, покуда не поздно. Чем, чтоб они вас в конец уничтожили, лучше вы их всех уничтожьте. Уж вдосталь намучили вас эти панки, так что плач ваш взывает к богу о мести. Посылая второе уже письмо пану ректору, издаю этот универсал и предостерегаю вас, как это поручено мне коро-

¹ Pastorius. Bellum, p. 211. — Это подтверждает и письмо из Нового Тарга от 14. VI 1651. Ossol., № 225, s. 377.

² Qświęcim, s. 327—328.

лем, е. в., чтоб вы никаким универсалам, хотя бы они были с печатью и подписью е. к. в., не верили, потому что он принужден издавать их, боясь шляхты. Но мы должны делать, то что нужно, делать, как можно скорее, и на св. Яна пойдем под Краков. Я уже всюду разослал универсалы к крестьянам, которые охотно явятся, и в Новотаргской области все, а пан Станислав Маршалок будет их полковником. Прошу лишь, будете идти через Новый Тарг, не трогайте пана Здановского, а также все те деревни, где увидите венки на шестах. Также прошу, чтоб всегда охранялись костелы, поскольку мы будем воевать во имя бога, за людские обиды и непослушание королю, е. в. Дан в Чорштыне 22 июня 1651 г. Желаящий вам доброго здоровья Александр Лев из Штемберка Костка, староста чорштынский¹.

Значение универсала имеет также письмо Наперского Лентовскому от 18 июня из Чорштына. Привожу его в выдержках:

„... Покорно прошу именем е. к. в., чтобы ваша милость со своим полком прибыл как можно скорее и с возможно бóльшим числом людей, сказав им, чтоб они припомнили все обиды, которые терпят от своих панов, и то, насколько бедный люд истомлен и обременен, а сейчас они имеют такой удобный случай. Пусть же воспользуются им; если и теперь его пропустят и не сбросят ига, то должны будут остаться вечными невольниками у своих панов... Пусть оставят в покое пана Здановского, всю же остальную шляхту пусть берут и делают с ней что хотят... Напомни, ваша милость, чтоб одни брали с собой топоры, а другие — лопаты. Мы все пойдем под Краков и дальше, через всю, если сможем, Польшу. Мы имеем крепкую договоренность с Хмельницким и татарами, и немецкое войско придет нам на помощь. Прошу Вашу милость хорошо проинформировать других, а самому прибыть к нам. Остальное устно расскажет податель письма...“².

Подведем некоторые итоги.

1. Основной задачей восстания должно было стать раскрепощение крестьянства, уничтожение „кривд и тягот“, т. е. уничтожение феодальной эксплуатации. Это подтверждают и хроники. „Бесчестными предложениями (обещаниями освобождения от ига господ) приобрел многих союзников“ (Грондский); „распространял также слухи между крестьянами, что приходит мстителем за народ для освобождения от тирании шляхты и евреев“; „уже настало время [говорит Наперский], когда они [крестьяне] смогут заслужить славу и ему, и себе, и своим, так что они сами тем яснее смогут показать, что они достойны свободы... А если мы будем побеждены, то нужно ожидать для нас или смертной казни, или рабства, ничем не лучшего казни“ (Пасторий).³ У восставших не было четкой характеристики этих „кривд и тягот“, такой, какую давали, например, „Двенадцать тезисов“ крестьянской войны в Германии. Не было также, очевидно, ясного представления о том строе, который должен был установиться в результате победы восстания. Речь идет обычно о „всех вольностях“ без расшифровки этого понятия. Единственным, хотя так же мало что поясняющим указанием, является замечание приводившегося ранее универсала Хмельницкого: „будете только на чинах со всеми вольностями, как шляхта была“. Эта

¹ Ossol., № 224, s. 1163; № 225, s. 400—400'; Grabowski. Ojczyście spominki, s. 86—87.

² Oświęcim, s. 327.

³ Grondski, p. 180; Pastorius, Bellum, p. 208; Historia, p. 228, 232.

неясная формулировка только сильнее подчеркивает туманность, неразработанность положительной части программы восстания.

2. Главным врагом восставшие считали шляхту. Освобождение могло притти только через беспощадное уничтожение шляхты, когда не будут господствовать на земле ее гордость, высокомерие и тиранская злоба, когда шляхта будет обращена „w piwecz“. Одновременно ненависть восставших была направлена против евреев. Это не было результатом религиозного, а тем более шовинистического чувства. Евреи-арендаторы были олицетворением, конкретными выразителями того же шляхетского произвола, и ненависть к ним была классовым чувством так же, как и ненависть к шляхте.

3. Иное отношение было к церкви. Крестьянство было религиозно, и это мешало ему понять истинную роль церкви-феодала. Отражением этого является забота Наперского в универсале о сохранности костелов. Об этом говорит и Освенцим: „Прежде всего, желая снискать себе доверие людей, приказал всем охранять костелы, заботясь о благочестии, и давал им для большей безопасности свои универсалы“.¹ Освенцим приводит одно из таких охранных свидетельств: „Я, нижеподписавшийся, поручаю и строго приказываю, чтоб этот Тынецкий монастырь² со всеми деревнями был оставлен в целости и нерушимости проходящими солдатами, находящимися под нашей командой, под страхом смертной казни того, кто бы осмелился поступить иначе и нарушить воинский приказ, выданный для охраны и собственноручно мною подписанный и скрепленный печатью“.³ Наперский подчеркивал свое благочестие, отсылая, например, Здановскому перстень на образ богородицы.⁴ Как мы уже говорили, эта религиозность крестьянства, возможно, повлияла и на принятие им имени Костки. Забота о костелах диктовалась лишь настроениями крестьянства, и это подчеркивают данные Голиньского, который указывает, что сам Наперский на суде показал, что он хотел „сжигать монастыри, костелы, шляхетские усадьбы“.⁵

Таким образом, в то время как руководители восстания — Наперский и, без сомнения, анабаптист Радоцкий — сознавали необходимость борьбы с церковью, они были принуждены скрывать это, так как массы крестьянства не понимали феодальной сущности церкви, не осознали необходимости борьбы с ней.

4. Ненавидя шляхту, крестьянство было заражено иллюзиями относительно королевской власти. Ему требовалось „дозволение его королевского величества“, „законное основание“ для восстания. Подобно восстававшим русским крестьянам, польские крестьяне „были царистами: они выступали против помещиков, но за „хорошего царя““.⁶ Эти царистские настроения и придали такую своеобразную форму агитации Напер-

¹ Oświęcim, s. 326.

² О хороших отношениях Наперского с тынецкими монахами говорит также и Пасторий (Historia, p. 228). Это немудрено, так как Наперский выступал в роли королевского полковника. Моравский, как всегда без аргументации, заявляет, что именно тынецкие монахи, опасаясь нападения Ракочи, посоветовали жившему в Тындзе Наперскому заняться обороной Подгорья и даже указали на Чорштын как слабый пункт (Arjanie polscy. — Ossol., N 4646, s. 217—217').

³ Oświęcim, s. 326.

⁴ Там же, s. 328.

⁵ Morawski. Świątek Boży, s. 210 или Kubala. Szkice, s. 218, przyp. 15.

⁶ И. В. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. — См. Ленин—Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б), т. III. М., 1937, стр. 527.

ского, наполнили его письма и универсал почтительными упоминаниями „его королевского величества, государя нашего милостивого“, заставляли руководителей восстания распространять легенду о рокоше шляхты и призыве короля к крестьянам о защите. И это несмотря на то, что сам Наперский хорошо знал, чего он может ждать от королевских универсалов, и заранее объявлял их подложными.

5. Восстание с самого начала не мыслилось как чисто местное, ограничивающееся только Подгальем или только Краковским воеводством. Говоря о направлении первого удара — на Краков, Наперский указывал, что „мы пойдем дальше через всю Польшу“. Восстание в Подгалье мыслилось, таким образом, как начало общепольской крестьянской войны.

6. Эту крестьянскую войну Наперский предполагал развернуть в тесном союзе с борющимся украинским народом, при поддержке Ракочи, и используя наемное немецкое войско. Идея союза с украинским народом была идеей не только руководителей. Письмо Наперского Лентовскому и распространение Наперским универсала Хмельницкого показывают широкую народную популярность этого союза.

V

Краковская шляхта собиралась на посполитое рушение очень медленно; была даже опасность, что она вообще опоздает. Неохотно шли шляхтичи на войну в далекую Волынь, с беспокойством оставляя свои усадьбы, страшась нападения Ракочи и крестьянского восстания. Сбор шляхты был назначен на 5 июня.¹ Как мы уже упоминали, на время посполитого рушения хранителем безопасности края король назначил краковского епископа Петра Гембицкого.

Гембицкий был одним из влиятельнейших польских клириков. Он происходил из магнатского дома, поставлявшего духовных пастырей для Речи Посполитой. Сам Петр Гембицкий был коронным подканцлером (1635—1638) и канцлером (1638—1642), а одновременно и епископом перемышльским (1637—1642). В 1642 г. он стал краковским епископом, передав канцлерскую печать Юрию Оссолинскому.

В первых числах июня шляхта выступила, наконец, на посполитое рушение. В горах уже начали собираться крестьянские отряды. Сигнал начала общего восстания должен был дать Наперский, и он дал его, заняв замок Чорштын — важнейший стратегический пункт Подгалья. Чорштын расположен на Дунайце, в 21 км от Нового Тарга, и являлся пограничным пунктом на главной дороге в Венгрию. Путь Ракочи на Краков лежал именно через Чорштын. Он был ключом ко всей системе горных путей и укреплений, и обойти его было невозможно.² Стратегической важности расположения Чорштына соответствовало укрепление замка. Вот как описывает его Пасторий: замок расположен „на высокой горе у реки Дунайца в той части, которая обращена к реке; чрезвычайно труден для доступа“.³ То же говорит

¹ Грушевський. Історія України-Руси, т. IX, стр. 256 (с ссылкой на рукопись Голинського).

² H. Langerówna. System obronny doliny Dunajca w XIV w. Kraków, 1929; Morawski. Sądeczyzna, t. I. Kraków. 1863; Szydłowski. O zamkach Czorsztyń i Dunajcu. Kurjer literacko-naukowy, 1930, № 53, 25. XII; Szydłowski. W sprawie ruin Czorsztyń. Kurjer literacko-naukowy, 1937, № 17, 19. IV.

³ Pastorius. Bellum. p. 206; Historia, p. 226.

и Освенцим: „защищен самой природой места (ибо лежит на скале, приступной лишь с одной стороны)“.¹ Замок был окружен тройной стеной.²

Чорштынский староста Юрий Плятемберг (или Платенберг), венденский подкоморий, „приезжал туда редко или совсем никогда, а если нужно было что сделать в своем старостве, он заботился об этом через слуг“.³ Замок вместе со староством был сдан в аренду краковскому еврею. Пасторий говорит о том, что в замке был еще бургграф, прочие же источники считают, что попечение о замке было целиком поручено еврею-арендатору.⁴ Рассматривая староство исключительно как статью дохода, Плятемберг, несмотря на то что всей шляхте только и мерещилось нападение Ракочи, оставил Чорштын без всякого гарнизона и вооружения.

Наперский, хорошо знакомый с положением в Подгалье, был, разумеется, осведомлен и о состоянии Чорштына. Незащищенность этого сильного замка и его исключительно важное стратегическое положение побудили избрать его объектом первого нападения.

На рассвете 14 июня Наперский подошел к Чорштыну с очень небольшим отрядом⁵ и, вызвав арендатора (а по Пасторию — бургграфа и арендатора), заявил, что как лицо, уполномоченное королем следить за охраной границы, он принимает этот лишенный защиты замок в свое ведение. Свои полномочия он подтвердил уже известной нам грамотой. Хранитель замка не решился возражать, и Наперский без единого выстрела и осады овладел Чорштыном.

Сразу же после занятия Чорштына началось открытое восстание, в течение нескольких дней охватившее все Подгалье и продолжавшее расти и шириться. Наиболее важными районами восстания стали староства Новотаргское и Чорштынское, район Мыслениц, староство Ляницкоронское⁶ и села краковской каштелянии — Пцим, Стружа и др. Восстание близ Мыслениц и Ляницкороны угрожало самому Кракову.

С другой стороны, движение стало разрастаться на на восток Чорштына в районах с украинским (лемковским) населением. Украинские крестьяне под Змигродом, Кросно, Дуклей, из западных районов Саноцкой и Перемышльской земель Русского воеводства организовывались в отряды под руководством опришков и отправлялись к Чорштыну.⁷

Район восстания Наперского, таким образом, почти смыкался с театром действий украинской народной войны.

Польское крестьянское восстание нашло отклик и поддержку не только среди украинского, но и среди словацкого крестьянства. Об

¹ Oświęcim, s. 326.

² Pastorius. Bellum, p. 209; Temberski, p. 204; Twardowski, s. 50; Kochowski, p. 244.

³ Pastorius. Historia, p. 227. — Пасторий называет Плятемберга — veterus Aulicus. См. о нем: Niesiecki, t. VII, s. 321.

⁴ Pastorius. Bellum, p. 209; Historia, p. 229; Temberski, p. 204; Kochowski, 244; Twardowski, s. 50.

⁵ Письмо из Нового Тапра от 14. VI 1651. — Ossol., № 225, s. 378; Grondski, p. 180: cum parva quidem manu insedit; Pastorius. Bellum, p. 209; Historia, p. 229: nulla cum valida manu. Торрес (Жерела, стр. 122—123) говорит о 45 „казаках“.

⁶ Голинський. Ossol., № 189, s. 491; см.: Грушевський, стр. 269.

⁷ Kubala. Szkice, s. 211—212; Ю. Тарнович. Ілюстрована історія Лемківщини. Львів, 1936, стр. 147—156; Ш. Курилло. Збойніцтво на Лемківській Русі. Перемишль, 1936 и др.

этом говорит следующее указание Грондского: Наперский „получил множество союзников из сопредельных государств Польши и Венгрии“.¹ Указание Грондского особенно ценно потому, что он лучше всех остальных наших авторов знал положение дел в Венгрии и мог пользоваться недоступными другим венгерскими материалами.

Легкость взятия Чорштына имела свою обратную сторону, и это сразу же почувствовал Наперский. Замок не имел никакого вооружения, никаких боеприпасов. Наперский послал несколько человек для покупки пороха и свинца в Краков. Одновременно, полагаясь всё на те же „королевские грамоты“ и рассчитывая усыпить бдительность епископа, а заодно и вооружиться на его счет, Наперский написал в Краков Гембицкому, сообщая, что он, имея от короля полномочия для наблюдения за действиями Ракочи и для организации обороны, занял находящийся в небрежении Чорштын и просит выслать для укрепления замка несколько пушек и боеприпасов.²

Однако еще раньше и одновременно с письмом Наперского епископ получил письма от приходских ксендзов из Нового Тарга и из Любня (деревни недалеко от Пцима), извещавшие, что крестьяне тайно собираются и украшают, против обычая, хаты зеленью. В это же время было получено и известие от шафлярского приходского ксендза о том, что он лично видел универсал Хмельницкого, распространяемый Наперским.³ Осведомителями Гембицкого были не только „духовные жандармы“. Темберский указывает, что „некоторые крестьяне, достойные лучшего упоминания, открывали своим господам опасное дело; когда же они [господа. — И. М.] отсутствовали, то слуги приходят к краковскому епископу, говорят, что опасность ясна“.⁴ О том же сообщает и письмо из Нового Тарга от 14 апреля 1651 г. (по некоторым данным можно предположить, что автором его является тот самый шафлярский ксендз, который видел универсал Хмельницкого): „крестьяне ходят уже советоваться, что следует делать, рассказывая, что нас [т. е. крестьян] этот немец [?] именем е. к. в. убеждает, чтоб мы подняли восстание против панов — шляхты. Солтысик из Сенявы признался, что ему этот вышепоименованный сказал: пристань ко мне, ибо такова воля е. к. в.; когда нас соберется больше 10 тысяч (kilka-paście tysięcy), пойдем на дворы шляхетские и богатых плебанов; ведь знаете, как хорошо повелось на Украине, что были нищими мужичками (ubodzy chłopkowie), а как обогатились; так же и у вас будет с божьей помощью. Так еще грозит: через две недели увидите, что будет делаться“.⁵ Все эти сообщения сильно обеспокоили епископа. В довершение, посланные Наперским покупщики боеприпасов были схвачены и под пыткой подтвердили подозрения Гембицкого.⁶

Епископ начал бить тревогу и созвал на совет всех шляхтичей, оставшихся в Кракове.⁷ Было решено, послав в Чорштын небольшой отряд, — не столько с целью взятия замка (это было бы для него

¹ Grondski, p. 180.

² Kochowski, p. 270.

³ Письмо из Кракова от 18. VI. 1651. — Ossol., № 225, s. 378'; Grabowski. Ojczyście spominki, s. 85—86.

⁴ Temberski, p. 185.

⁵ Ossol., № 225, p. 377'.

⁶ Kochowski, p. 244.

⁷ Письмо из Кракова от 18. VI 1651. — Ossol., № 225, p. 378; Grabowski. Ojczyście spominki, s. 86.

непосильной задачей), сколько для разведки, — тем временем собирать все наличные силы воеводства и известить о восстании соседние воеводства и короля. Совет этот происходил, вероятно, 16 или утром 17 июня, так как уже в ночь на 18 июня посланный епископом отряд прибыл в Чорштыну. „Епископ без промедления призывает в совет Михаила Иордана, старосту добчицкого, мужа славного и на войне и при мире, имевшего в то время равным образом от короля и сената власть для набора войск для защиты Краковской области“.¹ Этот „славный муж“, имя которого попадает в описания достопамятного бегства под Пилявцами,² руководил первым отрядом, посланным против Наперского. Эту первую экспедицию описывает нам Пасторий³ и сам Наперский в своем стихотворении „Осада львиного гнезда“,⁴ приложенном к письму Здановскому.

Согласно Пасторию, отряд состоял из 60 конных и 25 драгун; руководил им не сам Иордан, а посланный им Хжастевицкий. Наперский считает руководителем отряда Иордана. По Пасторию, Хжастевицкий, направляясь к Чорштыну, выслал вперед 15 всадников, которые, неожиданно подъехав к замку (еще раз напомним, что дело было на рассвете), ворвались в первые ворота (т. е. ворота в первой стене), а затем заняли и вторые, прогнав охранявших их крестьян. В это время по тревоге поднялись все находившиеся в замке и начали осыпать нападавших градом камней. Попытка взять третьи ворота не удалась: перелезшему было через стену солдату пришлось спасаться бегством. В это время прибыл весь отряд с Хжастевицким и общими усилиями начал осаждать третьи ворота. Однако, когда двое из осаждавших были поражены пулями, стало ясно, что замок взять можно лишь с большим отрядом: атаки начали ослабевать, и командиры с трудом удерживали солдат, чтобы они не разбежались. Наперский обратился к осаждавшим и „сладкими речами“ (*blandis verbis*) начал убеждать их, чтобы они его выпустили, ссылаясь на то, что он королевский уполномоченный. Не убедив осаждающих, Наперский разгорячился и обрушился на Хжастевицкого с угрозами. Тот, увидя у Наперского королевские грамоты, перепугался и вскоре, оставив караулы, отправился обратно в Краков доложить обо всем епископу. Едва он успел уехать, как из соседних лесов выбежала толпа крестьян почти в 500 человек и, подбадриваемая Наперским со стен замка, напала на солдат, которые обратились в бегство.

Наперский рисует дело следующим образом: Иордан, подойдя к Чорштыну, спрятал весь свой отряд между скал, а к замку послал „своих краснобаев и несколько попов“. Эти „фарисеи“, как их аттестует Наперский, начали уговаривать его, чтобы он передал им замок, а сам пусть свободно отправляется, куда захочет. Во время этих переговоров драгуны подожгли стены замка. Восставшие принялись заливать стену и обстреливать осаждающих, нанеся урон им и особенно их коням. Иордан еще с тремя (*samoczwart*) бросился бежать, за ним побежали и солдаты.

Письмо Наперского позволяет в некоторых деталях поправить Пастория. Повидимому, только после того как Иордан убедился, что

¹ Pastorius. Historia, p. 230.

² Костомаров. Богдан Хмельницкий, стр. 224.

³ Pastorius. Historia, p. 230—232.

⁴ Oświęcim, s. 328—329.

уговоры ни к чему не приведут, он (или Хжастевицкий) перешел к нападению на замок. Вряд ли также можно согласиться с Пасторием, что Наперский сам уговаривал выпустить себя из замка. В остальном более подробный рассказ Пастория не противоречит Наперскому. Сообщение относительно занятия первых и вторых ворот подтверждается Торресом:¹ „вчера уже [т. е. 23 июня] было сообщено королеве, что он [Гембицкий] отвоевал двое ворот этой крепости“. Речь, очевидно, идет об экспедиции Иордана.

Так бесславно окончилась первая попытка отвоевать Чорштын. Наперский отбил ее, имея весьма немногочисленный гарнизон. По данным Кубали (которые, к сожалению, как обычно, приводятся без ссылок), в замке было всего 27 крестьян и 5 женщин. Пасторий и Освенцим количество защитников Чорштына определяют в 40 человек, Коховский — в 55.² Исход осады решил, как мы видели, подошедший крестьянский отряд уже значительной численности — почти в 500 человек, руководимый „одним из тех злоумышленников, что прежде [Наперский] освободил от смертной казни“,³ т. е. Савкой или Чепцом.

Нападение Иордана показало Наперскому, что медлить и рассчитывать на действие грамот нельзя. В тот же день 18 июня — он пишет приводившееся выше письмо Лентовскому, торопя его приход. Однако, как ясно из дальнейшего хода событий, большой крестьянский отряд, выручивший на этот раз Чорштын, не остался у замка. Наперский же продолжал оставаться в Чорштыне.

Между тем краковский епископ энергично взялся за организацию подавления восстания. Уже 19 июня он отправляет к Чорштыну 280 пехотинцев, о чем сообщает краковскому подстаросте и гродскому судье Сметанке в следующем любопытном письме:

„Из Кракова 20 июня 1651 года. Чорштын захвачен и наполнен разбойниками. Посланные при первом известии, чтоб загасить пламя, люди ничего не добились, и этот огонь тлеет, так как крестьянство восстает. Ради любви и помощи отчизне, приезжай, ваша милость, в Краков, подыми оставшуюся дома шляхту, соберемся и посоветуемся все о средствах, какие могут быть, чтобы не быть уничтоженными. Послал я вчера 280 пехотинцев, чтобы попытались отбить этот замок, но не думаю, что удастся. Приезжай, торопись, лети, ваша милость, ибо это страшный огонь!“⁴

Письмо это, как видно, возымело должное действие, так как уже на следующий день — 21 июня — Сметанка в краковском замке издал оповещение к шляхте краковского воеводства. В этом оповещении Сметанка пишет, что „неизвестный и осмелившийся на разбой человек, присвоив имя старого и заслуженного перед Речью Посполитой и королем дома панов Костков, пытается поднять в этом воеводстве мятеж, подобный казацкому. Недель восемь назад он без слуг, пешком, одетый в простой иностранный кафтан, появился в Новотаргшине

¹ Жерела..., стр. 123. — Анонимное письмо без даты (между 20 и 24 июня 1651 г.) определяет численность этого первого отряда в 100 конных. — *Bawor.*, № 235, s. 65—66; *Ossol.*, № 2286, s. 158.

² *Kubala. Szkice*, s. 212; *Pastorius. Bellum*, p. 212; *Oświęcim*, s. 363; *Kochowski*, p. 270. Моравский (*Świątek Boży*, s. 185) приводит (также без ссылок) близкие данные — 54 мужчины и 5 женщин.

³ *Pastorius. Historia*, p. 232.

⁴ *Ossol.*, № 225, s. 378—379; *Grabowski. Ojczyście spominki*, s. 86 — по рукописи Пиноцци.

Там он, хотя и был неизвестен, был любезно принят паном Здановским, тамошним экономом, и оставался в его доме, получив в распоряжение коней. Личной агитацией, своими письмами и через подготовленных лиц он бунтует и приводит к мятежу подгорское крестьянство обещаниями вольности, освобождения от зависимости, добычи и свободы грабежа, безнаказанности преступлений и, наконец, уничтожения шляхетского сословия... В прошлую пятницу, собрав толпу мятежников из Нового Тарга и новотаргских деревень, он захватил остающийся без надлежащего гарнизона пограничный чорштынский замок". Далее подстароста призывал всю шляхту прибыть вооруженной к 27 июня в Краков.¹

Паника охватила шляхту воеводства. Шляхтичи, бросая усадьбы, бежали в Краков или в ближайшие крепости и крупные города.

Сыганьский рисует интересную картину организации обороны Нового Сонча. При первом известии о взятии Чорштына Наперским магистрат города выслал под Чорштын гонца для получения точных сведений. Когда гонец подтвердил, что Чорштын занят восставшими, началась лихорадочная организация обороны. Особо отличился ксендз Николай Щерский, администратор сандецкого аббатства норбертанов (премонстранцев), который приказал согнать всех крестьян аббатства с лопатами, тачками, корзинами на починку городских укреплений. Крестьяне работали под надзором чиновника два дня без передышки. Были поправлены также подъемный мост и палисад в том месте, где не было стены. На Венгерской башне, т. е. башне, обращенной в сторону Чорштына, были установлены пушки, был устроен даже мотострелкового вооруженного мещанства, чтобы обучить мещан владеть оружием.²

Паника охватила не только Краковское, но и соседние воеводства. Иллюстрацией этого может служить сохранившееся в теках Нарушевича письмо Щудкого от 23 июня к неизвестному ротмистру.³ Привожу его в сокращенном виде:

„Как дает знать краковский епископ, чорштынский замок захватил какой-то Леон Александр Костка и там в нем засел с бродягами и разбойниками, желая нападать оттуда на города и шляхетские усадьбы и чтоб крестьяне собирались к нему. В этом же письме [Гембицкий] просит, чтоб я усилил его и его воеводства людей, посланных на подавление этого разбойника, людьми нашего воеводства, по меньшей мере двумястами, посланными вооруженными. Какой дать ответ на эту просьбу, это я докладывал на совете с панами войскими, подстаростами и ротмистрами нашего воеводства... Я полагал бы, не двигая с места хоругви, послать по человек 20 (*kulkunastu*) пехотинцев и столько же конных из каждой хоругви для укрепления нашего повета: это весьма необходимо, а тамошнему пану ротмистру, присоединив их к своим, итти на границу своего [так! — И. М.] воеводства и нашего повета и, смотря по возможности и обстоятельствам, делать это [т. е. помогать подавлению восстания. — И. М.], ибо лучше его уничтожить сейчас с людьми [Краковского] воеводства, чем самим потом

¹ Morawski. *Świątek Boży*, s. 180—182. — по Голинському.

² Sygański. *Historja Nowego Sącza*, t. I, s. 80—81; см. также Morawski. *Świątek Boży*, s. 189—190.

³ Teki Naruszewicza, t. 145, s. 185—186. Автор письма — предположительно Станислав Щудкий, судья сandomирский, был в это время, как видно из письма, генеральным войском Сandomирского воеводства.

гнаться за ним, в то время как этот замок [Чорштын] недалеко отстоит от нашего повета [речь идет, вероятно, о Пильзненском или Тарновском повете. — И. М.]... Прошу также вашу милость присматривать за теми, что там по копиям, карьерам, плавильням и горам [górach; может быть gorzelniach — винокурнях — ? — И. М.], не менее уверенны [мятежники] чем горцы, чтобы не доискались между собой какого-нибудь Дракона вместо Леона. Прошу также панов старательнейшим образом оберегаться, чтобы никакими насилиями малейшего повода к бунтам не давать..."

Письмо это представляет значительный интерес во многих отношениях. Не говоря уже о том, что оно показывает, какую бурную деятельность развил епископ Гембицкий, собирая силы для подавления восстания, по письму этому можно судить также, с какой серьезностью отнеслась к восстанию шляхта Сандомирского воеводства, опасавшаяся переброски восстания в свои земли. Автор письма сознает, что восстание нужно подавить как можно скорее; в то же время он боится дать Гембицкому значительные силы, боясь возможного восстания в самом Сандомирском воеводстве. Показательны также советы, которые он дает своему адресату: не давать ни малейшего повода к бунтам, остерегаться каких бы то ни было насилий. Если бы мы не имели никаких других источников, уже одно это письмо могло бы дать ясное представление о том, насколько серьезно было положение, как велика была опасность для шляхты самых коренных польских воеводств в это время. Наконец, весьма интересно высказываемое Щуцким опасение, как бы к восстанию не примкнул предпролетариат, который может усилить и обострить борьбу (выдвинуть Дракона вместо Леона, как выражается Щуцкий). Это замечание дает основание предполагать, что еще до 1651 г. польский крепостной предпролетариат, несмотря на свою слабость и малочисленность, уже дал шляхте повод опасаться себя, вел борьбу, сведения о которой до нас, к сожалению, не дошли.

Гембицкий просил помощи не только у соседних воеводств, он обратился за помощью и в королевский лагерь.

Первое письмо Гембицкого о восстании в Подгалье, „более всего встревожившее всех“, было получено под Берестечком 23 июня.¹ Совет по этому поводу из-за наступления ночи пришлось отложить на следующий день. 24 июня было получено новое письмо от Гембицкого, в котором он просил как можно скорее прислать подкрепление. Немедленно же состоялся совет, однако в этот вечер не пришли ни к какому решению.² Сообщения Гембицкого сильно встревожили шляхту краковского воеводства, которая собиралась вся уйти с посполитого рушения. Напрасно приводился в качестве довода закон о неделимости посполитого рушения. Краковская шляхта стояла на своем.³ В такой обстановке 25 июня был вновь собран совет. Было решено послать не часть посполитого рушения, а несколько наемных военных отрядов. Руководство этой экспедицией было предложено коронному маршалку Юрию Любомирскому, но он отказался, желая, как полагает Освенцим, на глазах короля восстановить свою подмоченную под

¹ Oświęcim, s. 326.

² Там же, s. 329—332.

³ Kochowski, p. 245.

Пилявцами репутацию. Тогда руководство было возложено на Михаила Зебжидовского, коронного мечника. В экспедиции участвовал также и патрон Освенцима, коронный конюший Александр Михаил Любомирский, а также его брат — Константин, санецкий староста.¹ Все трое посланных были всеми своими интересами связаны с Краковским воеводством и с самим районом восстания. Зебжидовский был лянцкоронским старостой; у Любомирских, сыновей незадолго до того умершего краковского воеводы Станислава, были громадные поместья в южной части воеводства. Кроме того, Александр Михаил был заторским старостой, Сандецкое же и Спижское староства, т. е. наиболее близкие к району восстания, сделались почти наследственными в роду Любомирских. Все они были, таким образом, кровно заинтересованы в подавлении восстания и являлись поэтому наиболее подходящими руководителями карательной экспедиции. Даже Освенцим, говоря о причинах, побудивших его патрона, Александра Любомирского, принять участие в этой экспедиции, принужден отметить: „...с другой стороны, опасался, как бы поместья (*majętności*) его, которые почти все находятся около Кракова, не были разорены этими бунтами“.²

В составе экспедиции находилось также 56 шляхтичей из Краковского воеводства, освобожденных по этому поводу от посполитого рушения. Им была выдана великим коронным маршалком Юрием Любомирским аттестация (освобождение от посполитого рушения), в которой первым же при перечислении этих 56 шляхтичей назван Станислав Освенцим.³ Аттестация дополняла соответствующий королевский универсал. Кроме того, король издал еще один универсал, в котором оповещал о полученных им известиях „про этот инструмент Хмельницкого — некоего Александра Костку-Наперского, который взбунтовал против короля и отечества немалую часть крестьянства в старостах Чорштынском и Новотаргском, распускает универсалы Хмельницкого, писанные на русском языке, и через подставных лиц подбивает к непослушанию и восстанию против своих панов примером казацкой ребелии, а для приманки тамошнего крестьянства к этому своеволию обещает всякие вольности, свободы и богатую добычу в шляхетских домах“. В заключение король призывал краковскую шляхту собраться под руководством Зебжидовского для обороны Кракова и подавления восстания.⁴

Численность войск, посланных для подавления подгальского восстания, определяется источниками различно. Письмо Радзеёвского дает цифру — 1500, Темберский и Коховский — 2000, Пасторий в обеих своих работах и Рудавский — 3000.⁵ Любопытно, что Освенцим, участник экспедиции, не указывает никакой цифры. Он дает, однако, материал для проверки всех этих разноречивых указаний, говоря, что

¹ *Oświęcim*, s. 331, 363. — Данные Освенцима подтверждают письмо Пясецкого Карлу Фердинанду от 26. VI 1651. — *Ossol.*, № 5656, s. 109—110; *Pastorius. Bellum*, p. 215; *Historia*, p. 237; *Białobocki*, s. 33—34; *Twardowski*, s. 50 и др.

² *Oświęcim*, s. 331.

³ *Tamże*, s. 331—333.

⁴ Грушевський, стр. 270 — с ссылкой на Краковскую городскую *liber relationum* № 79.

⁵ *Teki Naruszewicza*, t. 145, s. 176; *Temberski*, p. 173, 185; *Kochowski*, p. 245; *Pastorius. Bellum*, 215; *Historia*, p. 237; *Rudawski*, p. 75.

в экспедицию Зебжидовский и Любомирские отправились „со своими людьми“, которым были приданы для усиления четыре наемные казачьи хоругви и четыре эскадрона драгун пана Мартина Чарнецкого. Численность „своих людей“ Зебжидовского и Любомирских устанавливается, по Освенциму, следующим образом. 26 мая, описывая свой приезд вместе с Александром Любомирским под Сокаль, Освенцим пишет об отряде, пришедшем вместе с Любомирским: „две хоругви драгун и четыре хоругви очень хорошей польской пехоты“. На следующий день состоялся смотр польской конницы. Здесь Освенцим упоминает еще гусарскую хоругвь Александра Любомирского. Под 4 июня отмечен приезд в лагерь сандецкого старосты Константина Любомирского с двумя казачьими хоругвями и 100 пехотинцами. Наконец, 10 июня Освенцим записывает, что коронный мечник Михаил Зебжидовский привел прекрасный отряд: по хоругви польской пехоты, казаков, драгун и гусар.¹ Таким образом, экспедиция, направленная для подавления восстания Наперского, состояла из 2 хоругвей гусар, 7 хоругвей казаков, 3 хоругвей + 4 эскадрона драгун, 5 хоругвей + 100 человек польской пехоты. Ввиду неопределенности и непостоянства численности людей в хоругвях трудно дать точную цифру, но совершенно очевидно, что такому составу может соответствовать скорее всего максимальная из приводимых источниками цифр — 3000. Отряд этот считался довольно значительным, и Коховский пишет, что „трудно было скрыть напряжение против Наперского“.²

Экспедиция выступила в полдень 26 июня и двинулась так быстро, насколько успевала пехота.³ Чтобы не задерживаться на переправах, экспедиция после перехода через Буг под Сокалем разделилась. Зебжидовский и Константин Любомирский пошли так называемой народольской дорогой, Александр Любомирский — обычной южной через Цешанов. Однако, еще не дойдя до Кракова, они получили известие о взятии Чорштына епископскими войсками. Несмотря на то, что после получения известия о взятии Чорштына темп движения экспедиции значительно замедлился, уже под 9 июля бургомистр Нового Сонча, Мартин Франкович, делает в книге гродских расходов запись об „угощении его милости пана старосты [т. е. Константина Любомирского. — И. М.], когда он приехал из лагеря по поводу тревоги“.⁴

Часть экспедиции была распушена, но большая часть все же дошла до Кракова и составляла охрану города во время казни Наперского. Войска эти были использованы также и для окончательного усмирения Подгалья. Такое указание делает Бялобоцкий, а косвенно также Твардовский, считающий, что войска из-под Берестечка были посланы потому, что Гембицкий уже после взятия Чорштына не мог справиться с восставшими только своими силами. Это, разумеется, ошибка, но ошибка чрезвычайно показательная.⁵

¹ Oświęcim, s. 285, 286, 295, 299, 331.

² Kochoński, p. 249.

³ Oświęcim, s. 333, 363. В последнем случае Освенцим выражается еще категоричнее: już i piechocie nie folgując.

⁴ См. Sygański. Historia Nowego Sącza, t. I, s. 82.

⁵ Białobocki, s. 34; Twardowski, s. 51.

VI

Как мы видели выше, уже 19 июня в Кракове стало известно, что Иордан ничего не добился. Тревога усилилась. Епископ прилагал все старания, чтоб как можно скорее, до прихода к Наперскому крестьянских подкреплений, стянуть к Чорштыну возможно большее число войск. Одновременно „он рассылает указы, призывающие всех подданных не следовать подобным незаконным замыслам, и прибавляются страшнейшие угрозы против участников или подозреваемых в таковых [замыслах]“. Крестьян не только запугивали, но и уговаривали: „прибавлено для священников, чтобы они прилежнейшим образом отговаривали с кафедр своих слушателей от подобного злоумышления“.¹

Основным источником, дающим последовательное и подробное описание осады и взятия Чорштына, является „Historia“ Пастория. Она дает возможность установить более или менее точную хронологию этой осады. Описание осады Чорштына мы даем, не приводя отдельных ссылок, по Пасторию, за исключением специально оговоренных случаев.

19 июня Гембицкий послал к Чорштыну 280 человек своей надворной пехоты. Пасторий дает иную цифру — 400 пехотинцев и 60 драгун; иную цифру дает и письмо неизвестного из Подгорья без даты (между 20 и 24 июня) — 500 человек.² По всей вероятности, эти цифры не противоречат друг другу, так как, судя по Пасторию, войска были посланы не одновременно. Письмо Гембицкого отмечает, таким образом, посылку лишь первого отряда. Во главе этих отрядов были поставлены Яков Робак, Греуль, француз Рожен, Садовский (по сведениям Пастория).³ К ним был присоединен отряд горцев-гарников. Общая команда была поручена Рахвальскому, шляхтичу из Северского княжества, с приказом не возвращаться, не взяв в плен руководителей восстания. Эти отряды, насчитывавшие вместе более 600 человек и имевшие с собой пушки (число их Пасторий, к сожалению, не указывает) подошли к Чорштыну 21 июня.

Наперский постарался использовать бывшие в его распоряжении три дня для укрепления стен и особенно ворот крепости. Численность гарнизона Чорштына, однако, осталась прежней — в лучшем случае немногим превышая 50 человек. На этом настаивают все наши источники, а их вряд ли можно заподозрить в намеренном искажении фактов, к тому же преуменьшающем заслуги епископских войск.⁴ Некоторым пояснением того, почему не увеличился гарнизон Чорштына, могло бы служить указание Освенцима,⁵ что замок был плохо снабжен провиантом (это, впрочем, отрицает Пасторий) и боеприпасами, так что лишние люди могли бы стать обузой. В Чорштын прибыли за это

¹ Pastorius. Historia, p. 233.

² Pastorius. Historia, p. 233; Bawor., № 235, s. 65—66; Ossol., № 2286, s. 158. — Почти совпадает с данными Гембицкого указание Комонеецкого — 300 пехотинцев (s. 208).

³ Pastorius. Historia, p. 233: Ductoribus Jacobo Rubachio, Greulio, de Rosa Gallo, Sadovio; Коховский (стр. 270) также указывает, что во главе надворной пехоты стоял Робак (sub Rebachio aulicum). Транскрипцию фамилий даем по Моравскому (Świątek Boży, s. 183).

⁴ Только один источник — „Historia o buntach Chmielnickiego“ — указывает, что в Чорштыне было „pięć tysięcy chłopstwa“. Это, очевидно, ошибка. Автор „Historii“, целиком основывавшийся на Твардовском, искажил его фразу: już pięć tysięcy było ich w okolicy“.

⁵ Oswięcim, s. 363.

время Лентовский и один из освобожденных ранее Наперским в Новом Тарге разбойничьих атаманов. Это был, вероятно, Чепец, судя по тому, что имя его более известно нашим источникам.

Прибыв под Чорштын, епископские войска, по сведениям Коховского¹, сделали попытку получить замок без боя. Через трубача они предложили Наперскому выехать из замка для переговоров, к которым они уполномочены епископом. Возможно, что Коховский, вообще не упоминающий о первой попытке захватить Чорштын, сливает отдельные ее подробности с основной осадой Чорштына. Впрочем, не исключено, что, опасаясь прихода крестьянских отрядов, епископские офицеры вновь попытались договориться о сдаче Чорштына хотя бы ценой свободного выхода гарнизона.

Наперский приказал открыть огонь по епископским войскам. Те перешли к штурму, направив основной удар на ворота крепости, и пытались влезть на стены. Попытки эти продолжались безуспешно в течение почти четырех часов. Среди осаждающих было несколько раненых и убитых. Неудача убедила командиров епископских войск в необходимости применить пушки. Они были переведены Робаком на следующий день (22 июня) на возвышенное место. В это время осаждающие были усилены прибывшим из Кракова отрядом в 60 конных под командой королевского полковника Вильгельма Яроцкого и поспешным рушением солтысов Северского княжества².

Яроцкий принял на себя общее командование. Вряд ли кольцо осады было плотным, так как мы видели, что 22 июня Наперский издает свой универсал, рассчитывая, очевидно, переслать его, несмотря на осаду. Он не теряет бодрости и присутствия духа, ничего не говорит в универсале об осаде Чорштына и даже назначает день 24 июня днем начала похода на Краков. Универсал, однако, был перехвачен, а по Чорштыну была начата пальба из пушек. Осколком камня Наперский был ранен в голову.

На следующий день — 23 июня — силы осаждающих были увеличены прибытием ста гарников из Мушины под командой Домбровского и такого же отряда из Любовли (замка Любомирских) под командой Любовецкого. Каждый из этих вновь прибывших отрядов имел по две пушки.

Число осаждающих, таким образом, уже перевалило за тысячу, хотя, вероятно, и не достигало 2000 — цифры, указываемой Грондским.³ По Чорштыну вело огонь теперь уже 6 (или более) пушек. Повидимому, 23 июня осаждавшим удалось ворваться за первую и вторую стену замка. Это имело большое значение в ходе осады, так как между второй стеной и третьей находился единственный колодезь замка. О захвате этого колодца говорят многие наши источники.⁴ Положение осажденных, среди которых в этот день несколько было ранено и один убит, резко ухудшилось. Наперский, говорит Пасторий, „упал духом, и это тем более, что огромные машины обрушивали на замок еще чаще огонь, а он [Наперский. — И. М.] не имел чем им ответить“.⁵

¹ Kochowski, p. 270.

² Ibid.; Temberski, p. 185.

³ Grondski, p. 180.

⁴ Pastorius. Bellum, p. 212; Kochowski, p. 270; Grondski, p. 180; Twardowski, s. 50; Historia o buntach Chmielnickiego, s. 93; Opisanie wojny kozackiej. — Ossol., № 2098, s. 55—56.

⁵ Pastorius. Historia, p. 235.

В таком положении Наперский обратился через посланца к осаждающим, предлагая на время прекратить военные действия. Он явно хотел затянуть осаду, рассчитывая, что замок, попавший уже в безнадёжное положение, выручат крестьянские отряды или войска Ракочи. Это было единственной надеждой осажденных и этого серьезно боялись осаждающие. Посланному было отказано, но одновременно был дан „совет, который он должен был передать последователям самозванца, чтобы они выдали головку заговора, другим же преступление будет оставлено без наказания“.¹ Когда это стало известно осажденным, среди них не было единодушия.

Что представлял собой гарнизон Чорштына? Наряду с преданными делу восстания крестьянами во главе с Лентовским были и предатели. Нам приходилось выше говорить о том, что агитация проникла и в епископское войско, особенно в отряд, состоявший из горцев. „Но так как они видели, какое большое количество [войск] идет против начинающегося зла,—пишет Пасторий,—они изменили намерение и усердствовали в борьбе с заговорщиками, чтобы показать себя невиновными. Некоторые из них были научены, чтобы пришли с просьбой впустить их как будущих союзников мятежа. И они были впущены, так как еще недавно [Наперский] доверял им как проверенным людям и друзьям“.²

Особенно интересно сообщение об этом Комонеецкого. „Ксендз Станислав Кашкович, живецкий декан и патриот, собрал 70 гарников и двинулся с ними на помощь епископской пехоте. Одевшись по-гетмански под пером [разбойничьи гетманы обычно носили шляпу с пером.—И. М.], он ловко провел названного Костку, тем, что привел их на службу ему для обороны. Костка Наперский, поверив ему, приказал его с людьми впустить в замок, принимая их на службу для обороны замка; а тогда (вместо верной службы) он попал в руки живецких гарников и был выдан краковскому епископу. За эту услугу Речи Посполитой его милость ксендз Петр Гембицкий, епископ краковский, подарил ксендзу Станиславу Кашковичу свою одежду из вишневого бархата, затканного цветами, в которой Кашкович с эффектом приехал сюда, в Живец, и которую приказал переделать на ризу живецкому костелу и подарил во славу божию и для вечной памяти этого случая“.³ Рассказ этот, может быть и неточный в деталях, в основе своей опирается, несомненно, на достоверное предание. Очевидно, живецкие гарники, как и мушинские, выступили против восстания и сыграли роль во взятии Чорштына.

Это было результатом той особой политики краковских епископов по отношению к солтысам в своих владениях, особенно Мушине и Севере, о которой мы говорили ранее. Труднее объяснить участие в подавлении восстания живецких гарников. Живец, староство королевича Карла Фердинанда, был районом, в котором наступление на крестьянство проходило не менее интенсивно, чем в Подгалье,⁴ и до-

¹ Pastorius. Historia, p. 235.

² Ibid.

³ Komoniewski, s. 208. — Между прочим, Моравский, зная о факте измены и гадая, кому бы ее приписать, нашел решение вопроса в национальной розни — опришки-русины погубили польское восстание (см. *Świątek Boży*, s. 194—290; *Arjanie polscy*. — Ossol., № 4646, s. 225'). Никакого подтверждения в источниках такое предположение не находит.

⁴ См., например, о бергстве крестьян: *Szczotka. Stosunki Żywiecczyzny ze Śląskiem od XVI wieku do upadku Rzeczypospolitej*. Katowice, 1938, s. 67—68.

веренный Карла Фердинанда, регент коронной канцелярии Пясецкий, при первом известии о восстании Наперского начал бить тревогу, опасаясь распространения восстания и на Живец.¹ Вероятно, Кашковичу удалось повести живецких гарниров на подавление восстания еще до того, как слух о нем дошел до живецких крестьян, до того, как они разобрались в обстановке.

Изменникам внутри замка помогали изменники извне, посланные на подавление восстания горцы-гарники. „В том же самом стараются убедить осажденных также и горцы, посланные епископом, потому что среди тех они имели немало соединенных с ними связью знакомства и родства, да, кроме того, некоторые из них [епископских горцев] не отпирались, что они и сами были связаны с этим заговором, и теперь тем сильнее старались о противоположном, чтобы последующее доверие смыло предыдущее пятно“.²

Осажденные заколебались и попросили ночь для размышления. Известно, какая борьба происходила внутри крепости. Утром Наперский вторично обратился с просьбой воздержаться от военных действий, ссылаясь на святой день. Это было 24 июня—день святого Яна (Иоанна Крестителя), день, назначенный для похода на Краков. Осаждающие отказали, пушечная пальба и штурм возобновились. „Едва прошло полчаса, как один из раненых крестьян посылается со стен на веревке с письмами“.³ Осажденные соглашались на предложенные накануне условия и обещали сдать замок и выдать Наперского и Лентовского, при условии неприкосновенности всех остальных. В подтверждение гарантий они требовали письменной клятвы. Яроцкий написал письмо, в котором присягал не нарушать условий договора. Вскоре на стене появился „один из тех, кого самозванец освободил в Новом Тарге от казни“,⁴ спрашивая—может ли он доверять этому обещанию. Яроцкий подтвердил, подняв пальцы к небу. Через некоторое время осажденные вывели на стены связанными Наперского и Лентовского, а затем отворили ворота.⁵ Помощь осажденным так и не пришла.

Яроцкого и других епископских офицеров осуждали впоследствии за то, что они выполнили условия сдачи замка, отпустив остальных осажденных. Оправданием им послужило то, что они указывали на возможный приход крестьянских отрядов и важность ликвидации руководства восстания. Это заставило их, аргументировали они, принять такие „невыгодные“ условия и соблюдать данное ими слово.⁶

Наперского и Лентовского под охраной всех осаждавших Чорштын войск отправили в Краков. „Костка был весел, пил и приказывал себе играть, как если бы не сделал ничего плохого. Драгуны проводили его к Кракову и привезли его во вторник [т. е. 27 июня] вечером... Везли их через главные ворота, около вала, через Краков до

¹ Письмо Ремигиуша Пясецкого Карлу Фердинанду из-под Берестечка от 26.VI 1651. — Ossol., № 5656, s. 109—110.

² Pastorius. Historia, p. 235.

³ Ibid.

⁴ Ibid, p. 236.

⁵ День сдачи замка устанавливается точно на основании письма Гембицкого в Варшаву от 25. VI 1651, где сообщается, что Чорштын взят „вчера в полдень“ (Ossol., № 225, s. 379). Очевидно, по этому письму Торрес (Жерела..., стр. 124) знал о взятии Чорштына уже 1 июля.

⁶ Pastorius. Bellum, p. 214; Historia, p. 236.

епископского дворца, а оттуда они были отправлены в замок и посажены в башни, Костка в шляхетскую, маршалок в разбойничью".¹

30 июня начал заседания гродский суд под председательством краковского подстаросты Сметанки. К защите обвиняемых суд допустил шляхтичей Тучковского, Мроцицкого и Уейского. На следующий день — 1 июля — суд, отвергнув возражения защиты и предложения перенести дело в высшие инстанции, постановил применить пытки.

На пытке Наперский показал, что был связан с Хмельницким, Венгрией, вербовал немецкое войско, хотел собрать 30-тысячную крестьянскую армию, захватить Краков, жечь и уничтожать шляхетские усадьбы, костелы, монастыри.² Его показания относительно своего происхождения и имени я уже цитировал выше. Наперский, не скрывая, говорил о своих намерениях, не назвав, однако, ни одного имени своих сотоварищей и всячески стараясь принять всю вину на себя.

8 июля был предан суду Радоцкий, привезенный из Пцима. Он был также подвергнут пытке. Радоцкий подтвердил, что он является автором письма к Наперскому, подписанного „M. Rector Scholae Pcimensis“.

Вопрос о переносе дела в высшие инстанции окончательно разрешился, когда приехавший в Краков Зебжидовский представил королевский мандат на право суда и казни повстанцев.

11 июля суд вынес приговор Радоцкому — обезглавить и голову выставить на колу; 18 июля — приговор Наперскому и Лентовскому: Наперского посадить на кол, Лентовского четвертовать.³ Казнь была совершена в тот же день — 18 июля⁴ за Вислой, на горе Лассоте (современные Кшеменки).

Так как ходили слухи, что восставшие готовятся к набегу на Краков, чтобы отбить осужденных,⁵ к месту казни были стянуты все вооруженные силы воеводства. Однако ничто не помешало совершению казни.

Осужденные спокойно выслушали приговор. Мучительность казни Наперского была удешевлена еще тем, что палач не мог ее произвести, как полагалось, и несколько раз начинал сначала.⁶

Тело Радоцкого, по ходатайству его сына, служившего органистом у епископа, было разрешено похоронить, но голова его была оставлена на месте казни вместе с телами остальных казненных для устрашения. „Однако труп его [Наперского. — И. М.], не знаю благодаря чьему

¹ Goliński. Ossol. № 189. s. 494. Цит. по Моравскому (Świątek Boży, s. 201—202) и Кубале (s. 212).

² Pastorius. Bellum, p. 214; Historia, p. 237—238; Grondski, p. 179; Kochowski, p. 271; Голинский — см. Morawski. Świątek Boży, s. 210 или Kubala. Szkice, s. 218, przyp. 15.

³ Oświęcim, s. 363; Kochowski, p. 271.

⁴ Temberski, p. 185; Oświęcim, s. 363; Goliński, Ossol., N 189, s. 494 (см. Morawski. Świątek Boży, s. 216). — Моравский считает днем казни 28 июля, предполагая, что приводимая Голинским дата — 18 июля — дана по старому стилю. Такую же дату — 28 июля — дает и Кубала. Однако указание Голинского на день недели — вторник — подтверждает дату 18 июля нового стиля.

⁵ Моравский ссылается на показание каштелянских крестьян из деревни Стружа (Świątek Boży, s. 218). Это подтверждает сделанная им из Краковской гродской liber relationum № 80 выписка (рукопись без заглавия и пагинации, находившаяся в частном собрании проф. А. Чоловского).

⁶ Rudawski, p. 75; Голинский: „Kat Szymek nie umiał palać weń wbić, po kilkadziesiąt razy weń uderzył, nim pal przeszedł przezeń“. Цит. по Моравскому (Świątek Boży, s. 216).

милосердию, был унесен через несколько дней после казни. И несчастный кол также был спрятан. Также и члены другого [Лентовского. — И. М.], оставленные под открытым небом, чья-то дружеская рука спрятала, так что в скором времени не осталось ничего от этого знаменитого зрелища на горе¹.

Наши источники, к сожалению, основное внимание уделяют осаде Чорштына и лично Наперскому. Взятие Чорштына для них — это завершение разгрома восстания. В действительности взятие Чорштына не было, да и не могло быть эпилогом движения. Оно шло стихийно, без связи с руководителями, и захват и казнь этих руководителей не могли прервать начавшегося восстания.

Что восстание не окончилось, доказывает опасение, как бы крестьяне не отбили Наперского. Опасения шляхты, что восставшие нападут на Краков, сосредоточение войск говорят о том, что восстание далеко еще не затухало. Мы уже приводили выше данные о том, что для окончательного подавления восстания были использованы посланные в Краковское воеводство из-под Берестечка силы. 24 июля, уже после казни Наперского, в поле за Казимежем был проведен смотр вновь набранных для обороны воеводства войск в количестве 13 хоругвей. На смотре присутствовали епископ, Александр Любомирский, подстароста Сметанка и др.²

Переломным моментом в ходе восстания стало, очевидно, известие о результате битвы под Берестечком и о возвращении посполитого рушения домой. Восставшему крестьянству стало ясно, что на помощь Хмельницкого надеяться уже нельзя. Возвращалась шляхта с тем, чтобы судить и беспощадно карать восставших.

Ксендз сенковской церкви Михаил Жолчинский оставил на полях книги записи крещений описание одного из таких „усмирений“: „В том же 1651 году 17 июля пан Мартин Ольшевский, который держал солтыство в Сярах, уйдя с посполитого рушения [в составе карательной экспедиции Зебжидовского. — И. М.] и не бывши в лагере, приехал и хищническим образом, едзя по деревне, палил огнем своих крестьян. И спалил в тот же день халупу плебанского крестьянина Скшипка и Квасника на горе, не позволяя ничего выносить, и приказывал даже с огорода капусту и другие овощи кидать в огонь. Этого и язычники не делали. Напал даже на костел, но, получив от меня отпор, грозил мне пистолетами et multa absurda fecit et dixit“³.

Движение затухает; восставшие массами уходят в горы, присоединяясь к разбойникам. Многие деревни уходили целиком, перебираясь в Венгрию.⁴ Борьба с разбойниками, несмотря на жесточайшие меры против захваченных и обещания помилования предателям, затянулась до самого шведского нашествия 1655—1656 гг., когда разбойничьи дружины и вооруженное подгорское крестьянство оказались единственной силой, сопротивлявшейся шведским захватчикам.

¹ Pastorius. Historia, p. 238.

² Oświęcim, s. 364; Golinski. Ossol., № 189, s. 494, см. Morawski. Świątek Boży, s. 217.

³ Morawski. Zapiski do „Arjan polskich“, V — Ossol., № 4463 (без пагинации). — Это был, между прочим, тот самый Ольшевский, который за несколько лет до этого едва спасся от разбойничьей дружины (см. выше, стр. 180).

⁴ Об этом подробно, но как всегда без ссылок на источники, пишет Моравский. См. Świątek Boży, s. 219—220; Arjanie polscy. — Ossol., № 4646, s. 228—230.

VII

Все средневековые крестьянские восстания, „ввиду раздробленности и связанной с ней крайней отсталости крестьян, оставались совершенно безрезультатными“.¹ Это обуславливалось, прежде всего, общими причинами невозможности победы самостоятельных крестьянских восстаний. „Отдельные крестьянские восстания... ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут привести к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями“.² Это полностью относится и к восстанию польского крестьянства в 1651 г. Поражение подгальского восстания было, прежде всего, обусловлено этой общей для всех самостоятельных крестьянских движений причиной.

Однако, наряду с этой основной причиной и общими для всех самостоятельных крестьянских движений (и присущими и данному восстанию) — стихийностью, неорганизованностью, локальностью, а также расплывчатостью и неопределенностью программы восстания, — поражению подгальского восстания 1651 г., точнее — его быстрому поражению, способствовали особенности обстановки и тактические ошибки в ходе самого восстания.

1. Восстание началось в момент подъема освободительной войны украинского народа, оно не могло развиваться без связи с ним и без поддержки с его стороны. Поражение под Берестечком сделало невозможным эту связь и поддержку.

2. В момент начала восстания все силы Речи Посполитой были стянуты к Берестечку; поражение же украинской народной армии, освободив силы шляхты, дало возможность последней заняться „пассификацией“ польского крестьянства.

3. Восстание происходило в непосредственной близости к венгерской границе, и восставшие рассчитывали на помощь Ракочи, что и отразилось в выборе центрального пункта восстания. Помощь же так и не была оказана.

4. Угроза выступления Ракочи заставила Речь Посполитую держать в районе Кракова сравнительно значительные силы. Это дало возможность быстро организовать подавление подгальского восстания, не дожидаясь прихода посланных из-под Берестечка войск и шляхетского посполитого рушения. Все это привело к тому, что подгальское восстание оказалось изолированным, не получило помощи от своих истинных и предполагаемых союзников, в то время как подавители восстания сумели быстро организовать и собрать силы.

Наибольший успех восставшим сулило движение из Подгалья через Мысленице и Лянцкорону (охваченные восстанием районы) на Краков. Это могло консолидировать разрозненные крестьянские отряды в единую многочисленную и сильную группу, не давая в то же время объединиться силам противника.

Вместо этого Наперский избрал объектом первого удара Чорштын. Это не только не приблизило Наперского к Кракову, а, наоборот,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 42.

² И. В. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. См.: Ленин — Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП/б/, т. III, М., 1937, стр. 527.

удаляло от него и (что особенно важно) одновременно Наперский удалялся от основных районов восстания, лишая себя возможности организовать и объединить крестьянские отряды. Вместо того чтобы единой крестьянской массой бить разрозненные отряды шляхетских войск, Наперский предоставил шляхте возможность, сплотившись, бить раздробленные крестьянские отряды. Перенос центра тяжести на Чорштын давал, кроме того, епископским войскам возможность стягиваться к Чорштыну по дороге через Новый Сонч, район, менее охваченный восстанием, избегая дороги через Мысленице — Новый Тарг, районы особенно бурного восстания.

Немудрено, что крестьянство близ Мыслениц и Лянцкороны, находившихся в непосредственной близости к Кракову, не пошло на выручку Наперского в отдаленный Чорштын, а ждало, когда он сам, выйдя из Чорштына, пойдет на Краков.

Не было предпринято попытки двинуться и в другом возможном направлении — на восток, на соединение с отрядами лемковских опришков и группами восставшего украинского крестьянства, благодаря чему можно было бы стиснуть с двух сторон и обезвредить Мушину, отрезать Спиж с Любовльским замком, т. е. изолировать и уничтожить два важных опорных пункта епископских войск.

Весь ход восстания показывает, что над Наперским довлел гипноз сохранения связи с Венгрией, откуда должна была прийти помощь от Ракочи. Отражением этого и является стремление удержать Чорштын во что бы то ни стало.

И после захвата Чорштына Наперский не выступил на соединение с крестьянскими отрядами, а тратил время, пытаясь попрежнему разыгрывать „королевского полковника“. Возможность организовать и ударить на Краков, застав противника врасплох или слабо подготовленным, была упущена. Отбив при помощи подошедшего крестьянского отряда первую попытку осады Чорштына, Наперский совершает решающую ошибку — он переходит к обороне. В то время как Гембицкий с огромной энергией собирает все возможные силы, Наперский остается в Чорштыне с гарнизоном в 50 человек. Уже сам переход к обороне обрекал восстание на разгром; а то обстоятельство, что Наперский не позаботился собрать к Чорштыну мало-мальски серьезные силы, не возглавил и не удержал под Чорштыном уже подошедшие, крестьянские отряды, предreshило быстрое поражение восстания.

Этот переход к обороне был осуществлен в лишенном боеприпасов замке, который, очевидно, не мог долго продержаться; в замке, к которому сходились две крупные проезжие дороги, т. е. в одном из тех пунктов Подгалья, которые были наименее удобны для восставших и наиболее удобны для регулярных войск. Наперский совершенно не использовал природных условий Подгалья, одной из самых благоприятных для партизанской борьбы местностей во всей Польше, не использовал богатого опыта такой борьбы, имевшегося у разбойников. Отказавшись от наступления и от партизанской горной войны, Наперский принял бой в самом невыгодном пункте и, естественно, проиграл его.

Крестьянские отряды не пришли на выручку осажденным в Чорштыне, но они и не могли их выручить. Несорганизованные во-время крестьянские отряды были бы разгромлены поодиночке сконцентрированным под Чорштыном хорошо вооруженным, имеющим пушки, полутора-, если не двухтысячным епископским войском.

* * *

Несмотря на то, что подгальское восстание было быстро подавлено, впечатление, произведенное им, было велико. Отражением этого служат, кроме частично приводившихся выше оценок этого восстания в хрониках, также материалы предсеймовых воеводских сеймиков и сейма 1652 г.

Еще 25 августа 1651 г. епископ Гембицкий в ответе на обращение (*deliberatoria*) короля подчеркивал необходимость укрепления Кракова, а также, ссылаясь на недавние события, обращал внимание на состояние и охрану пограничных замков.¹

Два мотива — фортификация Кракова и привлечение к ответственности чорштынского старосты Плятемберга, виновного в небрежении, способствовавшем захвату Чорштына повстанцами, — повторяются в дальнейшем, в сочетании с выражениями признательности Гембицкому за его бдительность и решительность действий против восставших, в ряде инструкций воеводских сеймиков, происходивших в декабре 1651 г.

Наибольший интерес, естественно, представляет сеймик Краковского воеводства, происходивший в Прошовицах 15—19 декабря 1651 г. Послом от короля на сеймике, ксендзом Сценковским, было прочитано королевское письмо, в котором среди других пунктов высказывалось пожелание, чтобы было принято решение об обеспечении фортификации Кракова, Каменца и Львова. Присутствовавший на сеймике епископ Гембицкий и приславший письмо краковский воевода Владислав Доминик Заславский настаивали на принятии сеймиком решения о сохранении увеличенного состава и численности войск воеводства. Вместе с тем воевода приносил сеймику жалобу на действия Плятемберга. Принятая сеймиком инструкция не только включила предлагаемый королем пункт об укреплении Кракова, Каменца и Львова, но и дополнила его следующими любопытными пожеланиями: 1) о назначении надлежащего гарнизона в крепость Любавлю и уравнивании этого гарнизона в отношении содержания с гарнизоном Каменца (важнейшей крепости Речи Посполитой); 2) о подтверждении решений Бечского повета о местной обороне; 3) об ограждении мещан пригорода Кракова — Клепажа, приступивших за свой счет к фортификационным работам, от каких-либо препятствий в этом начинании. Нельзя не видеть несомненной связи между этими мероприятиями и пронесшейся над Краковским воеводством грозой крестьянского восстания.

Инструкция требует сеймового суда над Плятембергом,² выражает благодарность Любомирским, Зебжидовскому и ходатайствует о вознаграждении заслуг Александра Любомирского и нескольких шляхтичей, среди которых упоминается и Вильгельм Яроцкий.³

¹ Ossol., № 1411, s. 1285—1286.

² Сейм, заседавший в январе—марте 1652 г., был сорван, поэтому не вынес решения, однако в конституции следующего — чрезвычайного — сейма июля 1652 г. записан пункт о взыскании с Плятемберга понесенных Краковским воеводством по его вине убытков (на набор войска) в сумме 25 тыс. злотых (см. *Volumina legum*, t. IV, p. 168—169). И еще годом позже на брестском сейме 1653 г. воеводство продолжает добиваться взыскания с Плятемберга этих сумм (*ibid.*, p. 198).

³ *Sejmik w Proszowicach* (Ossol., № 5769. *Materiały Ludwika Kubali*, s. 687—714).

Показательно то, что не только в инструкции Краковского воеводства, но и в инструкциях трех ближайших воеводств¹ заслуги епископа Гембицкого отмечаются на первом месте, еще до упоминания о гетманах, воеводах и других отличившихся в берестечской кампании. Таким образом, в глазах шляхты областей, смежных с районом подгальского восстания, подавление этого восстания заслоняло один из крупнейших военных успехов Речи Посполитой, единственное успешное для нее генеральное сражение в войне против Хмельницкого.

В речи, которую произнес маршалок посольской избы, Анджей Максимилиан Фредро, на памятном в истории Речи Посполитой январском сейме 1652 г., епископ Гембицкий сравнивается с Атласом, поддерживавшим на своих плечах всю Польшу.² В таком же тоне превозносит заслуги Гембицкого Анджей Кохановский в изданном после смерти епископа траурном панегирике, говоря: „этот ручеек мог бы стать рекою, если бы его не запрудили; Наперский мог бы стать Хмельницким, если бы его действия не были быстро пресечены“.³

Если масштабы этих сравнений порождены красноречием ораторов, то чувства, выражаемые ими, были неподдельны. Шляхетская Речь Посполитая чувствовала себя избавленной от серьезной опасности. Ибо если еще в начале 1651 г., накануне берестечской кампании, предположение о возможности крестьянской войны в самой Польше смущало умы лишь наиболее осторожных из шляхетских политиков, внушая им ужас перед тем, что „отчизна может дойти до великого смятения, либо до полной гибели“,⁴ то теперь вставший перед глазами всей шляхты грозный призрак крестьянской войны не давал ей покоя, отравляя торжество кратковременной берестечской победы.

¹ Инструкцию сеймика Сandomирского воеводства (между прочим, первым среди послов в ней упоминается Станислав Шудкий, земский судья, предположительно — автор цитированного нами письма) приводит Освенцим (s. 380—391); инструкция сеймика Люблинского воеводства приводится в рукописи Оссолинеума, № 217, s. 88—94; инструкция вишненского сеймика (Русского воеводства) в XXI томе *Aktów ziemskich i grodzkich*. Lwów, 1911.

² *Swada polska y lacinska...* przez Jana Ostrowskiego Daneykowicza zebrana, t. I. W Lublinie, 1745, s. 20.

³ *Wizerunek pasterza dobrego w J. O. Xiążęciu J. M. Pietrze Gembickim przez Alexandra a Jesu...* W Krakowie, 1658, s. 11; см. также: *Vita antistitum cracoviensium*, per Simonem Starovolscium... edita. Cracoviae, 1658, p. 308—309.

⁴ Teki Naruszewicza, t. 145, s. 124 (Nowiny z Warszawy, 15 kwietnia, 1651).

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ
ПО БОЛГАРСКОЙ
ДИАЛЕКТОЛОГИИ
СССР

Выпуск I

С. Б. Бернштейн

ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ БОЛГАРСКИХ ГОВОРОВ СССР

На территории Советского Союза живет много болгар, большая часть которых занимается сельским хозяйством. Особенно славятся они как отменные огородники. Еще в прошлом столетии во многих наших южных городах целые районы были заселены болгарами, которые жили обособленно, сохраняя свой язык и обычаи (например, в Одессе, Кишиневе и других городах). В настоящее время городские жители в большинстве случаев уже смешались с местным населением. Вот почему очень часто здесь можно встретить русских, носящих фамилии Пенчев, Ангелов, Арнаутов, Стоянов, Желязков, Кочев... Компактное болгарское население в городах сохранилось лишь в Измаильской области УССР и в МССР (на территории бывшей Бессарабии). Здесь прежде всего нужно указать на болгарское население гор. Измаила, где болгары, по свидетельству Павла Алепского, жили уже в середине XVII столетия. Трудно, конечно, утверждать, что современные измаильские болгары являются прямыми потомками именно тех болгар. Мы знаем, что в Измаил много их переселилось в первой четверти XIX в. Нужно однако сказать, что лишь в селах болгары полностью сохраняют не только свой родной язык, но и многие черты быта.

Наиболее значительное болгарское население мы находим в настоящее время на территории Измаильской области УССР и МССР. По данным переписи 1907 г., в сельском населении Бессарабии было 111 624 болгарина.¹ От более позднего времени точных статистических сведений нет. Болгарское население в Бессарабии определяют теперь приблизительно в 130—140 тысяч человек.

Следует указать, что до сих пор нет полного списка болгарских сел Бессарабии. В известных работах академика Н. С. Державина указано много сел, где живут только гагаузы (например, села Димитровка, Чумлекьой, Дезгиндже, Чадыр-Лунга, Авдарма, Баурчи, Беш-Гьоз, Кириет-Лунга, Чешмекьой, Этулия и др.).² Ошибочно отнесены к болгарам гагаузы в селах со смешанным болгаро-гагаузским населением (например, в селах Кубей, Кирсово, Старый Траян и др.).

¹ Л. С. Берг. Население Бессарабии. Этнографический состав и численность. П., 1923, стр. 21.

² „Болгарские колонии в России“. — Сборник за народни умотворения, кн. XXIX, София, 1914, стр. 26—27.

Многие болгарские села Бессарабии не указаны ни в одном из имеющихся источников.

Большое число болгарских сел находим в Приазовье (ныне Запорожская область УССР). Сюда болгары переселились в начале 60-х годов XIX в. из южнобессарабских болгарских сел, которые, согласно решению Парижского мирного договора 1856 г., отошли от России к Молдавии. Отдельные болгарские села встречаем в Одесской и Николаевской областях УССР.

Очень старое болгарское население находим возле города Первомайск. Это — ольшанские болгары, поселившиеся здесь в 1774 г., на берегу живописной реки Синюхи и основавшие село Ольшанку. Уже позже, в XIX в., выселенцы из него основали новые села: Добру, Малу-Мазницю и Станковату. Язык их очень своеобразный, так как развивался под сильным влиянием украинского языка.¹

Рано появились болгары и в Бессарабии. По свидетельству первого историка болгарских поселений в России, А. Скальковского, между 1769 и 1791 гг. в Бессарабию переселилось около 2000 болгар. Особенно интенсивной болгарская колонизация была в последние годы XVIII в. и в первые годы XIX в. Много болгар переселилось во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг. Во время другой русско-турецкой войны, 1828—1829 гг., и в первые годы после нее происходило последнее массовое переселение болгар в Россию.² В первые же годы XIX в. были основаны болгарские села Одесской и Николаевской областей (Большой Буялык, Кубанка, Катаржино, Терновка и др.).

Выше мы уже говорили о перемещении болгарского населения на нашей территории в связи с установлением новых границ после 1856 г. Происходили передвижения болгар и позже. В Бессарабии в настоящее время имеется много болгарских сел, возникших в самом конце XIX в. и даже в XX в. Безземелье заставляло искать новых мест, на которых часто селились крестьяне из различных сел. Так, в болгарском селе Новое Вале-Перже, возникшем в конце XIX в., живут переселенцы из Старого Вале-Перже, из Твардицы, Исерлии, Девлетагача. Особенно много таких сел можно встретить на территории Молдавской ССР.

Болгарские переселенцы XVIII и начала XIX в. в массе своей были из самых северо-восточных областей Болгарии. Многие были из районов Шумена, Силистры, Добрича. Переселение в Россию шло через Добруджу и Молдавию.

Позже в колонизационном движении болгарского населения в Россию начали принимать участие жители более южных областей. В середине первого десятилетия XIX в. в Бессарабии появляются жители районов Сливена, Ямбола, Котела. Особенно много переселенцев из этих областей появилось здесь между 1829—1834 гг. Переселялись они не только через Добруджу, но и морским путем через наши черноморские порты.

В эти же годы переселилось к нам много болгар из восточной Фракии. Из других районов Болгарии массовых переселений не было.

¹ Подробнее см. „Болгарские говоры Украины (Ольшанский район)“. — Наукові записки Одеського державного пед. інституту, т. I, 1939.

² С. Б. Бернштейн. Страница из истории болгарской иммиграции в Россию во время русско-турецкой войны 1828—1829 годов. — Ученые записки Института славяноведения АН СССР, т. I, 1949, стр. 327.

В большом болгарском селе Шоп-Тараклии, также в Болграде поселились шопы. Однако их было очень мало и они почти всюду смешивались с восточноболгарским населением. Были отдельные переселенцы из Македонии. Группа видинских болгар основала в Приазовье в 1862 г. село Терновку.

Большинство болгарских колонистов нашего юга не помнит времени своего поселения в Россию; народная память не сохранила и имени того болгарского села, откуда родом были их предки. Редкое исключение представляет бессарабское село Твардица, жители которой и теперь хорошо знают историю своего поселения (подробнее см. ниже в статье Н. В. Котовой). Очень мало в этом отношении могут дать сохранившиеся документы. В лучшем случае они указывают на год основания данного села. Для установления года основания наших болгарских сел в свое время много сделал А. Скальковский. Более поздние историки лишь переписывали его данные. Вот почему некоторые ошибки Скальковского можно найти в более поздних работах (например, у Титорова).

Сохранилось большое количество архивных документов, относящихся к болгарской иммиграции в Россию. Особенно много их в Одесском историческом архиве, в делах канцелярии новороссийского генерал-губернатора. Весь этот фонд, относящийся к „задунайским переселенцам“, был мною изучен в течение 1934—1935 гг. Материал этот, представляющий для историка большую ценность, не дает, однако, ответа на многие вопросы. Чиновники, занимающиеся „устроением быта задунайских переселенцев“, не интересовались фактами „дорусского“ периода жизни болгар. В документах обычно указывается не коренное место их жизни, а тот пункт, из которого они отбыли в Россию. Очень часто не указывается года основания болгарских сел. Нет никакого сомнения в том, что ответы на многие важные для историка болгарского переселения вопросы может дать изучение языка переселенцев. Тщательное сравнительное диалектологическое изучение болгарских говоров СССР и говоров Болгарии даст совершенно точный ответ на вопрос — откуда, из каких областей Болгарии пришли эти переселенцы. Изучение говоров наших болгар может дать ответ на вопрос о времени основания того или другого болгарского села. Уже первый год работы над составлением болгарского лингвистического атласа СССР дал много материала, вскрывающего связь между некоторыми селами. Зная год основания одного села, можно таким путем предположительно установить время основания других сел, связанных единством языковых черт (подробнее об этом см. в статье Е. В. Чешко).

Изучение болгарских говоров в нашей стране имеет большое значение и для дальнейшего развития болгарской лингвистики. Перед наукой в Болгарии стоит огромной важности задача — тщательного и всестороннего изучения народных говоров. Противопоставляя местные (территориальные) диалекты „классовым“ жаргонам, обслуживающим узкую социальную верхушку, И. В. Сталин указывает на важность народных говоров. „Диалекты местные („территориальные“), наоборот, обслуживают народные массы и имеют свой грамматический строй и основной словарный фонд. Ввиду этого некоторые местные диалекты в процессе образования наций могут лечь в основу национальных языков и развиваться в самостоятельные национальные языки.

Так было например, с курско-орловским диалектом (курско-орловская „речь“) русского языка, который лёг в основу русского национального языка. То же самое нужно сказать о полтавско-киевском диалекте украинского языка, который лёг в основу украинского национального языка“.¹ В основу болгарского национального языка легли народные говоры северо-восточной Болгарии, широко представленные на нашей территории. Отсюда становится понятным, какое большое научное значение имеет изучение грамматического строя и основного словарного фонда именно этих говоров, изучённых до сих пор очень поверхностно.

Болгарские говоры изучены очень плохо. Почти нет монографических работ об отдельных говорах. Некоторых важных говоров мы совсем не знаем. Обобщающие работы Милетича мало дают в смысле фактического материала. Совсем не изучался народный синтаксис. При изучении фонетики и морфологии все время смешивалась современная система с фактами прошлых эпох. Не разграничивались чисто фонетические явления и фонетические явления, имеющие морфологический характер. Почти ничего не сделано в отношении изучения лексики говоров.

В деле изучения болгарских говоров посильную помощь должны оказать советские болгароведы, которые благодаря наличию болгарского населения в СССР имеют возможность непосредственно наблюдать и изучать болгарские говоры. Руководствуясь указаниями вождя советского народа И. В. Сталина в области языкознания, мы будем способствовать более быстрой перестройке болгарской диалектологии на новых методологических основах.

Одной из первоочередных задач болгарской диалектологии является создание лингвистического атласа болгарских говоров. В этом отношении болгарские диалектологи делают первые шаги.² Однако нужно сказать, что атласы бывают разные. Атласы французского, итальянского, румынского и многих других языков, построенные на основе лингвистической географии Жийерона, не могут служить образцом для будущего болгарского атласа. Советская лингвистическая география принципиально отличается от лингвистической географии, методологические основы которой достаточно ясно изложены в известной книжке Альберта Доза „La géographie linguistique“ (Paris, 1922). Вот почему нам представляется чрезвычайно важным создание лингвистического атласа болгарских говоров СССР, в работе над которым были бы применены достижения именно советской лингвистической географии. Таким путем была бы оказана реальная помощь болгарским диалектологам в трудном деле создания полного болгарского лингвистического атласа. Такой региональный атлас даст, конечно, много и для изучения говоров наших болгар. Эти говоры также должны войти в общий болгарский атлас.³ Работа над атласом началась еще в 1946 г. О первых итогах работы говорится в статье Е. В. Чешко.

Болгарские диалектологи уже давно интересуются вопросами классификации говоров. На эту тему написано много работ. Научные

¹ И. Сталин. „Марксизм и вопросы языкознания“, 1950, стр. 43—44.

² См. „Език и литература“, 1949, № 3.

³ С. Б. Бернштейн. Болгарский лингвистический атлас. — Вестник Академии Наук СССР, 1948, № 2, стр. 119.

результаты всех этих исследований, однако, незначительны. Это объясняется тем, что сами классификационные признаки устанавливались случайно и легко опровергались новым диалектологическим материалом. В результате работы над атласом болгарских говоров СССР нам удалось установить целую цепь связанных между собой признаков, характерных для северо-восточных говоров (дунайских и балканских говоров) и для говоров юго-восточных (фракийских). Только лингвистический атлас всех болгарских говоров сможет научно разрешить те важные проблемы, над которыми бесплодно бились Милетич, Цонев и другие диалектологи.

Большое внимание сектор филологии Института славяноведения АН СССР уделяет монографическому изучению отдельных говоров. Подобных работ в болгарской диалектологии очень мало. Детальное изучение языка отдельных наших сел может дать много ценного для изучения истории соответствующего говора Болгарии. Укажу на один пример. В данном выпуске „Статей и материалов по болгарской диалектологии СССР“ мы печатаем диалектологическое описание болгарского села Твардицы (МССР), которое до сих пор не привлекало внимания лингвистов. Говор этого села сохранил очень много архаичных языковых форм и лексику. Сопоставление говора коренного с говором болгар Твардицы может дать много интересного как для истории сливенского диалекта, так и для изучения характера языкового развития вообще говоров переселенцев. В этом же плане интересен говор села Кирютни, краткое описание которого читатель найдет в статье Л. С. Плотниковой.

Изучение болгарских говоров Бессарабии даст очень много и для истории сливенского диалекта, к сожалению, почти не изученного. В свое время как из самого Сливена, так и из многих сел этого района в Бессарабию переселилось много болгар. На сливенском диалекте говорят жители сел Твардицы, Кирютни, значительная часть населения Болграда и многих других сел. Между нашими сливенскими говорами имеются, однако, более или менее существенные различия, которые, вероятно, объясняются различиями внутри самого сливенского диалекта Болгарии.

Особое место среди болгарских говоров занимает восточнофракийская группа, представляющая много черт западных говоров Болгарии. Изучение наших восточнофракийских говоров даст диалектологу ценные факты для истории юговосточных болгарских говоров. Надо сказать, что восточнофракийские говоры на территории Бессарабии постепенно уступают место говорам северо-восточного типа. В данном выпуске мы публикуем статью И. К. Буниной „Из истории вайсальских говоров“, где этот процесс показан на примере села Вайсал. В настоящее время аналогичный процесс исследует Е. В. Чешко в болгарском селе Кайраклия (ныне Ложиновка). Работа будет опубликована во втором выпуске „Статей и материалов“.

Выше мы уже говорили, что болгарские говоры Приазовья возникли в связи с переселением сюда части бессарабских болгар в самом начале 60-х годов XIX в. Выселенцы из села Шикирли-Китай основали в Приазовье село Софиевку, из Вайсала — села Дяновку и Райновку, из Таш-Бунара — села Преслав и Инзовку, из Чешмы-Варуити — села Степановку и Богдановку, из Кайраклии — Радоловку и т. д. Сравнительное изучение бессарабских и приазовских говоров вскрывает

много важных явлений в прошлом бессарабских говоров. Это достаточно хорошо показано в публикуемой статье И. К. Буниной, в которой она с помощью дяновского говора изучает почти вымерший южновайсальский говор. Нет никакого сомнения в том, что наши бессарабские говоры могут в свою очередь иметь такое же значение для говоров Болгарии.

Можно с полным основанием говорить о большом значении наших болгарских говоров для изучения говоров Болгарии. Было бы, однако, большой ошибкой думать, что только в этом и состоит задача исследователя болгарских говоров СССР. Они представляют большой научный интерес и сами по себе. Здесь произошло формирование новых говоров в связи со смешением различных болгарских говоров; здесь с самого начала обнаружилось влияние со стороны русского, украинского, молдавского, румынского и гагаузского языков. На территории Одесской и Запорожской областей УССР язык болгарского населения претерпел за годы революции много изменений, аналогичных изменениям в русском языке. В настоящее время много интересных новообразований можно наблюдать в бессарабских говорах. Наши болгарские говоры пережили и переживают много важных процессов в области лексики, синтаксиса, морфологии и фонетики. Изучение их — первоочередная задача советских болгароведов. Намечен план исследований и уже приступлено к его частичной реализации. Летом 1949 г. группа исследователей детально и всесторонне изучила язык о л ь ш а н с к и х болгар.

В плане наших диалектологических исследований стоит составление полного словаря болгарских говоров СССР. Значение такого словаря для каждого диалектолога очевидно. В связи с этой работой был составлен словарь села Твардицы.

На территории СССР имеются не только крестьянские говоры; здесь диалектолог может наблюдать и язык болгарского города со всеми его характерными признаками. Болгарские диалектологи интересовались языком города (например, работа Панайотова о языке города Сливена). Однако они изучали язык города теми же методами, что и язык крестьянства. Между тем в городе получают особое развитие профессиональные диалекты; на основе различных территориальных диалектов возникает общегородское койнэ. Все это требует от диалектолога применения более сложных и разнообразных методов изучения, нежели при изучении обычных крестьянских диалектов. Именно в связи с этой задачей Институтом славяноведения принято изучение языка города Болграда. Вводная глава подготовляемой работы печатается в данном томе „Ученых записок Института славяноведения АН СССР“. В работе дано описание языка сливенцев, ямбольцев, крымцев и туканцев, общebolградского городского койнэ, возникшего на основе сливенского говора. В будущем еще предстоит изучение языка болгарского населения города Измаила.

Исследования по болгарским говорам СССР проводятся по плану Института славяноведения и будут систематически печататься в издании Института славяноведения АН СССР.

С. Б. Бернштейн

О ЯЗЫКЕ ГОРОДА БОЛГРАДА¹

Язык болгарского населения гор. Болграда представляет интерес во многих отношениях. Основанный в 1821—1823 гг. как центр болгарских поселений Бессарабии, Болград впитал в себя представителей различных говоров Болгарии. В течение 125 лет здесь происходило взаимодействие их, что привело в свою очередь к созданию новых, неизвестных в Болгарии диалектов. В селах Бессарабии дальнейшее развитие их шло в тех же условиях, что и говоров Болгарии; в Болграде же различные крестьянские говоры послужили основой для создания нового городского койнэ. Необходимо также отметить, что, в отличие от болгарских сел Бессарабии, здесь оказывал заметное влияние болгарский литературный язык.

Изучение языка болгарского населения Болграда представляет большой методологический интерес. Нужно указать, что в болгарской диалектологии почти нет работ, посвященных языку города.

Город Болград расположен на высоком живописном берегу озера Ялпук. В настоящее время это районный центр Измаильской области УССР. Преподавание в школах ведется на русском языке; на русском же языке издается газета „Ленинский путь“;² ведется все дело-производство в учреждениях и предприятиях. Основное население города — болгары. На улице слышна преимущественно болгарская речь. Почти все болгары говорят на русском и румынском языках. Старшее поколение лучше говорит по-русски; молодежь, прошедшая румынскую школу, хорошо знает румынский язык. Местное неболгарское население (русские, украинцы, гагаузы, евреи и др.) умеют говорить на местном болгарском языке.

Многие исследователи часто указывают, что город Болград был основан в 1819 г. В действительности эта дата ошибочна.

¹ Вводная глава из подготовляемой автором монографии „Язык города Болграда“. Монография будет состоять из введения и пяти глав: 1) „Язык сливенцев и ямбольцев“, 2) „Язык туканцев и крымцев“, 3) „Характеристика общebolградского городского койнэ“, 4) „Профессиональные диалекты Болграда и 5) „Влияние соседних языков на язык жителей Болграда“. В заключение дается общая характеристика современного состояния языка Болграда и перспектив его развития.

² С октября 1948 г. „Ленинский путь“ параллельно выходит на болгарском языке.

Административным центром болгарских колоний в Бессарабии до конца первой четверти XIX в. было село Табаки.¹

Согласно желанию колонистов, изложенному в докладе генерала И. Н. Инзова от 19 марта 1819 г., Александр I в указе от 26 декабря 1819 г. разрешил переименовать село Табаки в Болград. „...Занимаемую ими землю, казне принадлежащую, разделить ныне по удобности на четыре округа, согласно представленной генерал-лейтенантом Инзовым ведомости, главное же селение Табак, согласно желанию переселенцев, наименовать Болградом“.²

Однако генерал Инзов решил, что административный центр болгарских колоний должен иметь более удобное географическое положение. Место для административного центра было найдено в 5—6 км к югу от Табаки, на высоком берегу озера Ялпук. Именно здесь генерал Инзов решил построить новый город.³ Планировка первых улиц города была произведена в 1821 г. С этого года, согласно некоторым источникам, и начинается существование Болграда.⁴ Однако и эта дата не совсем точна; фактически строительство города началось лишь в 1823 г.

Среди болгарского населения Болграда существует предание, что еще до основания города на его территории было болгарское поселение. Считают, что оно занимало юго-восточную часть города (так называемая Туканская махала).

Территория и число жителей города быстро росли. Академик Л. С. Берг сообщает: „В 1827 г. здесь (в Болграде. — С. Б.) было 2279 жителей, из коих 2270 болгар, в 1846 г. 7012 душ, из коих 6033 болгар, 765 молдаван, 160 греков, 54 малоруса. Перепись 1897 г. насчитывала в Болграде 12 300 душ, из коих 8478 болгар, 1199 евреев, 612 молдаван, 117 гагаузов, 40 греков, 63 немца, 94 поляка и около 1700 русских (великоруссов и украинцев).⁵ Позже число жителей еще возросло.“⁶

Таким образом, первыми жителями города были болгары, переселившиеся в Бессарабию до основания города, так как между 1819 и 1828 гг. новых переселений не было. Позже они были названы тука н ц а м и, т. е. местными, тука ш н и м и. В настоящее время они занимают самую старую часть города.

Население города резко увеличилось сразу же после русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Особенно много появилось новых поселенцев между 1830—1834 гг. Именно в это время в Болград из Болгарии

¹ И. Титоров. Българите в Бесарабия. София, 1905, стр. 74.

² Н. С. Державин. Болгарские колонии в России, СбНУ, XXIX, 1914, стр. 32.

³ Один из первых историков болгарской колонизации Бессарабии А. А. Скальковский не знал этого. Пользуясь лишь указом Александра, он полагал, что Болград и Табаки — это два наименования одного населенного пункта: „Оно (Болград. — С. Б.) именовалось прежде Табак; Болградом же переименовано по просьбе колонистов... Болград — один из лучших городов Бессарабской области как по своим постройкам и садам, так еще более по климату, торговле, хозяйству, промышленности и сельскому богатству жителей“. „Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае“. СПб., 1848, стр. 46—47.

⁴ См., например, „Статистическое описание Буджака 1822—28 годов“, стр. 399.

⁵ Л. С. Берг. Население Бессарабии. Этнографический состав и численность. П., 1923, стр. 21.

⁶ Титоров сообщает, что, в 1902 г. было 13 700 жителей (стр. 277).

пришли две большие группы болгар: одна из Сливена и его окрестностей, другая — из района Ямбола. Наиболее многочисленная и богатая, группа сливенская заняла западную, лучшую часть города, вдоль озера. Эта часть города получила название сливенской махалы. К северу от сливенцев поселились ямбольцы, основав ямбольскую махалу.

После 30-х гг. XIX в. из Болгарии в Болград переселялись лишь отдельные семьи. Однако происходили внутренние перемещения болгарского населения. Так, большая группа болгар прибыла в Болград из Таврии, куда болгары в свое время переселились, но по разным причинам вернулись в Бессарабию. Эта группа обосновалась в северо-восточной части города, в так называемой крымской махале. Время поселения этой группы неизвестно. Несомненно лишь, что крымцы пришли сюда после сливенцев и ямбольцев. Они занимают наименее удобную часть города. Переселиться сюда они могли только через несколько лет после Крымской кампании.

Значительные передвижения болгарского населения в Бессарабии начались после заключения Парижского мирного договора 1856 г., согласно которому южная часть Бессарабии вместе с городом Болградом отошла от России к Молдавии. Среди переселявшихся из этих мест большинство было крестьян, однако были переселенцы-горожане (из Болграда). Так, например, среди жителей села Болгарийки (ныне Зализничное), основанного в 1862—1863 гг., есть немало потомков тех болгарских болгар, которые бежали из Болграда после беспорядков, вызванных действиями молдавского правительства. Однако в это же время в Болград переселилось много семейств из близлежащих болгарских сел, так как в городе население меньше страдало от произвола румынских властей.

Были в Болграде отдельные семьи из западной Болгарии. Население и сейчас помнит шопов, которые, однако, уже давно растворились в общей массе; были и македонцы.

Таким образом, на небольшой территории Болграда столкнулись представители различных говоров Болгарии. Это сказалось и на дальнейшей судьбе этих говоров и на языке города вообще.

С 30-х г. XIX в. господствующее положение занял сливенский говор. Сливенцы были самой многочисленной, самой богатой и культурной группой населения города. С этого времени сливенцы начали играть первую роль в городском управлении, в культурной жизни города. Поэтому нет ничего удивительного в том, что именно сливенский говор лег в основу общebolградского языкового койнэ, в основу языка местной интеллигенции и купечества. Лишь городские мещанские говоры продолжали развиваться более или менее самостоятельно, и только благодаря этому обстоятельству мы в настоящее время имеем возможность изучать историю каждого из болгарских говоров.

Говоря о языке города Болграда, нельзя пройти мимо одного очень важного обстоятельства. В течение продолжительного времени здесь был распространен болгарский литературный язык. На этом языке учились дети, велась вся местная административная переписка.

Еще до Крымской кампании болгарские болгары начали ходатайствовать перед русским правительством об открытии в Болграде

среднего учебного заведения. Но так как после крымской войны Болград отошел к Молдавии, то хлопотать пришлось перед молдавским правительством. В 1858 г. было разрешено открыть училище. При училище была организована типография.¹

В этом училище, состоящем из двух отделений, преподавался родной язык. В первом отделении преподавались: румынский и болгарский языки (обязательно), русский и греческий (необязательно). Во втором отделении: румынский, болгарский, славянский, латинский (обязательно), французский и греческий (необязательно). Введение болгарского языка в школьную программу вызвано было следующими причинами.

До 1856 г. литературным и государственным языком на территории всей Бессарабии был русский язык. После присоединения южной части Бессарабии вместе с Болградом к Молдавии положение изменилось. Молдавское правительство запретило русский язык и решило ввести румынский язык. Однако это мероприятие в то время не могло быть реализовано. Никто из местных жителей (болгар, гагаузов, немцев, русских, украинцев, евреев и др.) этого языка не знал. Молдавское правительство не могло прислать необходимого количества чиновников и учителей, которые бы оказались способными обучить румынскому языку местное население. Поэтому в Болграде и во всех болгарских колониях было разрешено пользоваться болгарским языком. „Един важен успех, — пишет И. Титоров, — който са имали българските колонисти в ромънска Бесарабия. Успех за който е реч, се е състоял в това, че българският език бил допуснат в официалното кореспондиране между местните власти...“²

Среди первых преподавателей училища были В. Стоянов, Кирияк Цанков и многие другие известные деятели болгарской культуры середины прошлого столетия.³ В этот период в Болграде было немало болгарских книг, часть которых была издана местной типографией. Из болгарских изданий того времени могу, между прочим, указать на книгу „Постановления за българските колонии“ (Болград, 1864). Все это не прошло бесследно. Уже к середине 60-х годов в Болграде появилась своя местная болгарская интеллигенция, которая принимала участие не только в местных делах, но также играла активную роль в политической и культурной жизни Болгарии.

В 60 и 70-е годы Румыния была центром, где велась активная подготовка к освобождению Болгарии из-под власти турок. Во многих городах Румынии (главным образом в Бухаресте) шла в это время напряженная работа. Не стоял в стороне и Болград. Его посещали Г. Раковский, Л. Каравелов и другие деятели болгарского национального возрождения. Здесь они нашли среди местной молодежи немало преданных Болгарии людей, многие из которых приняли активное участие в последующих событиях. О болгарской интеллигенции Болграда Любен Каравелов был высокого мнения. Было у него среди местных болгар много преданных и искренних друзей.

¹ Подробнее об истории болгарской гимназии см. в монографии К. Мыслевского: „Исторический очерк гимназии им. Александра III“. Болград, 1905.

² И. Титоров. Ук. соч., стр. 145.

³ При организации училища и позже некоторые предприимчивые дельцы присвоили себе немало денег, собранных среди колонистов. Именно это имеет в виду Христо Ботев в своем известном сатирическом стихотворении „Болградский гимн“, напечатанном в № 19 газеты „Независимость“ за 1873 г.

Бывал в Болграде и выдающийся болгарский поэт, революционный демократ Христо Ботев. Ботев хорошо был знаком с жизнью бессарабских болгар. В 1866 г. он из Одессы приехал в Комрат — административный центр болгарских сел русской Бессарабии. Он получил место учителя в селе Задунаевке, где жил несколько месяцев. В это время он часто посещал соседние болгарские села (в частности, Вале Перже, где был учителем его приятель Димитрий Паунов, и село Голицу, где учительствовал Лучков). В начале 1869 г. Ботев поселился в Измаиле, где преподавал болгарский язык. Он вел большую революционную работу. В 1871 г. Ботев на короткое время поселился в Болграде. Здесь он хорошо познакомился с местной жизнью.

В 1870 г. молдавское правительство запретило пользоваться родным языком. Обязательным языком становится только румынский, который к этому времени получает некоторое распространение в городах южной Бессарабии.

После воссоединения южной Бессарабии с Россией вновь государственным и литературным языком на всей территории становится русский. Именно с этого времени начинается интенсивное влияние русского языка на местный болгарский язык жителей Болграда. С этого же времени устанавливаются тесные экономические связи Болграда с Одессой и другими крупными городами России, значительно увеличивается процент русского населения города. Проводником русского влияния становится местная гимназия, которая к концу XIX в. приобретает репутацию первоклассной. После окончания гимназии многие болгары едут учиться в различные русские университеты.

В годы последней румынской оккупации болгарское население Болграда подвергалось насильственной румынизации. Однако это не дало никаких ощутимых результатов. Родной язык почти не представляет следов влияния румынского языка. Русским языком было запрещено пользоваться. Однако, несмотря на категорическое требование *vorbiti și citi românește*, русский язык сохранился. После освобождения Бессарабии он сделал большие успехи.

* * *

В известной книге Н. С. Державина¹ языку города Болграда посвящена специальная глава. Дано также два текста (№ 11 и 12). Автор описывает лишь язык сливенской махалы. В конце главы он указывает, что, кроме сливенского говора, в Болграде имеется еще и ямбольский говор. „Эти два говора хотя и очень близкие друг к другу, продолжают в Болграде каждый сохранять свои особенности“ (стр. 58). Из таких ямбольских особенностей Н. С. Державин указывает следующие: 1) частица *ре* вместо сливенской *бе*; 2) формы аориста *б'аф*, *пиф*, *јадаф*; 3) „окно“ называют *джам*; 4) „колокол“ — *чан*; 5) два вместо сливенского *две*.

Следует, однако, указать, что различия сливенского и ямбольского говоров гораздо глубже. После наблюдений Н. С. Державина

¹ „Болгарские колонии в России“, т. II, язык, 1915, стр. 30—58.

прошло почти 40 лет; тем не менее и сейчас местный житель без особого труда отличит по языку сливенца от ямбольца. Детально язык ямбольской махалы нами будет рассмотрен в первой главе нашей монографии. Здесь мы лишь дополним список отличий, указанных Н. С. Державиным.

Сливенцы

Ямбольцы

шѣпки

чул'ак (редко — човѣк)

жул'азо (Державин — жел'азу,
но жул'азан)

чурѣши

цѣкло (цѣкло)

снаха

гладна, падна

врѣмница

бѣхла (у Державина — бѣхла)

нѣще

златѣ

раменѣ

колѣни

бреговѣ

ний сме

аз пей

рѣкох

б'аха

ѣмрѣк

шапка

възгладница

кѣтел

пирдѣ

сарай

барабѣнка

кѣрка (и мисѣрка)

шапки (различается значение этого слова
в говорах)чил'ак (под воздействием сливенцев — чул'ак)
жил'азочирѣши (под воздействием сливенцев — чу-
рѣши)

цѣкло

снаха

гладна, пѣнна (реже — гладна, падна)

врѣмница

бѣхла (эта форма Державиным отнесена также
к сливенскому говору)

нѣще

златѣ

раменѣ

колѣнѣ

бр'ѣгове

ний сне (под воздействием сливенцев — ний
сме)

аз пѣја

рѣкох

б'аха

имрѣк

калѣк

въгладница

чѣтура

ѣгѣл

сейван

сикаминѣ (под воздействием сливенцев те-
перь чаще можно услышать „бара-
бѣнка“)

мисѣрка

В соответствии с наблюдением Н. С. Державина в ямбольском говоре встречаем формы аориста на — ф: *тѣриф*, *кѣпиф*, *станѣф* и т. д. Однако в настоящее время они вытесняются сливенскими *тѣрих*, *кѣпих*, *станѣх* и под. Встречаются они теперь уже редко в языке представителей старшего поколения. В настоящее время неизвестна уже в ямбольском говоре отмеченная Державиным форма *дѣа* — теперь говорят только *дѣе*. Среди отличительных признаков ямбольского говора Н. С. Державин указывает *джам* (у сливенцев — *пѣнджур*). Наши же наблюдения говорят об обратном. *Джам* наряду с *пѣнджур* обнаружено только в сливенском говоре. В ямбольском зафиксировано только *пѣнджур*. Интересно, что это же подтверждается и материалами самого Державина. Так, на стр. 39 своей монографии, говоря об аффрикате *дж* в сливенском говоре, автор приводит и *джам* и *пѣнджур*. *Джам* наряду с *пѣнджур* отмечено в Крымской махале.

Кроме сливенского и ямбольского говоров, в Болграде до сих пор сохраняются еще два говора, которые можно назвать тукавским

Укажу некоторые из них, обнаруженные в связи с работой по составлению лингвистического атласа болгарских говоров СССР.

С л и в е н ц ы	Я м б о л ь ц ы	Т у к а н ц ы	К р ы м ц ы
кѣд'а	кѣд'е	кѣд'а	кѣд'а
две рѣѣ	две рѣѣ	две рѣѣ	две рѣѣ
жиф	жиф	жиф	жуф
іезик	изик	изик	іезик
фл'аза	фл'аза	фл'аза	фл'аза
вѣтри	вѣтри	вѣтре	вѣтр'а
вол	вол	вол	ўол
чурани	чурани	джурани	джурани
б'ах	б'ах (очень редко — б'аф)	б'ах	б'аф (очень редко — б'ах)
станѣх	станѣх (редко — станѣф)	станѣх	станѣф
муха	муха	муха	муѣ
другарин	другар	другар'ан	другарин
вѣке	вѣке	вѣке (редко — вѣче)	вѣче (реже — вѣке)
звѣнѣѣ	звѣнѣѣ	звѣнѣѣ	дзвонѣѣ
врѣмниѣ	врѣмниѣ	врѣмниѣ	врѣмниѣ
мѣхе'ѣ	мѣхиѣ	мѣсиѣ	мѣхиѣ
сѣлзѣ	сѣлзѣ	сѣлзѣ	сѣлзѣ
аз мѣѣ	аз мѣѣ	аз мѣѣ (реже — аз мѣѣ)	аз мѣѣ
рѣкѣх	рѣкох	глагол не употребляется	рѣкоф
б'аха	б'аха (б'аѣа)	б'аха	б'ѣѣа (б'ѣа)
хуртувам	хуртувам (редко — гѣлѣа)	гѣлѣа (редко — хуртувам)	ѣуртувам
кундилче	кундил	кунтиѣа прѣс	кундил
шапка	калпак	шапка	калпак и шапка
кубиѣиѣ	кубиѣиѣ	кубиѣиѣ	кубиѣ'иѣ
гивѣч	гивѣч	гивѣч	г'увѣч
мамѣл'	мамѣл'	пашкуѣл	пашкуѣл
ишумѣк	ишумѣк	ишмѣк	ишумѣк

Е. В. Чешко

ИТОГИ РАБОТЫ ПО СОСТАВЛЕНИЮ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АТЛАСА БОЛГАРСКИХ ГОВОРОВ СССР

В 1948 г. диалектологической экспедицией Института славяноведения АН СССР были обследованы 26 болгарских населенных пунктов на территории Молдавской ССР и Измаильской области УССР. В результате проведенных наблюдений составлены описания сорока говоров по программе „Лингвистического атласа болгарских говоров СССР“.

Обработка и картографирование собранного материала закончены. Это позволяет подвести итоги предварительных наблюдений, проведенных при составлении карт, и дать характеристику обследованных говоров.¹

Большинство обследованных нами населенных пунктов заселено выходцами из северо-восточной Болгарии. Только в трех селах (Суворово, Ложиновка и Вайсал) встретились говоры фракийского типа и в одном (Тараклия) остатки шопского говора, относящегося к говорам западноболгарским.

Далеко не везде удалось собрать сведения, из каких мест Болгарии пришли переселенцы. Но и там, где эти сведения сохранились, они часто противоречивы и мало достоверны. Таким образом, определить связи большинства бессарабских говоров с говорами Болгарии, очевидно, возможно будет только на основе анализа языка. Задача эта сильно осложняется тем, что число сел, заселенных болгарами, вышедшими из одного места, сравнительно невелико, в большей же части сел население смешанное.

Болгарские говоры СССР дают богатейший материал для наблюдений над жизнью смешанных говоров. Даже та небольшая группа их, которая обследована в 1948 г., дает возможность наблюдать различные типы и разные стадии жизни смешанных говоров. Есть села, которые с самого начала были заселены представителями разных поворов. В результате длительной совместной жизни в них выработался единый говор, но варианты произношения в ряде случаев могли сохраниться. Таково положение в селе Чийшии (14),² где, по свидетельству

¹ О принципах картографирования см. в статье С. Б. Бернштейна — „Лингвистический атлас болгарских говоров СССР“ (Известия Академии Наук СССР, Отделение языка и литературы, 1949, № 3).

² В скобках показан номер населенного пункта на карте болгарских говоров СССР, напечатанной в „Вестнике Моск. ун-та“, 1949, № 4.

местных жителей, есть переселенцы из районов Казанлыка, Старой Загоры, Варны, Рушука и других мест.

В смешанных говорах могли возникнуть новые языковые нормы. Любопытное явление находим, например, в селе Ново-Ивановке (11), где в результате взаимодействия *о*- и *ъ*-диалекта выработался своеобразный тип членной формы мужского рода: всеми жителями села в именах существительных употребляется форма *ъ*, а в именах прилагательных — *о*.

Большие передвижения населения произошли в южной группе сел после Крымской войны, когда южная часть Бессарабии вместе с городом Болградом была отторгнута от России (подробнее см. выше в статье С. Б. Бернштейна). Такова судьба большей части южнобессарабских сел: Лошиновки (59), Калинчака (58), Бановки (22), Таш-Бунара (24), Импуцеты (26), откуда большая часть населения переселилась в Приазовье, а их место заняли выходцы из других сел. В тот же период возникли села севернее новой границы: Болгарийка (18), Кайраклия (17), Калчевка (23), в образовании которых большую роль сыграли переселенцы из Болграда.

Помимо сел со смешанными говорами, есть и такие, где имеется по несколько отдельных говоров, не утративших своей самостоятельности. Это наблюдается в тех селах, где представители разных говоров живут компактными группами и говоры, таким образом, сохраняют территориальную разграниченность. Так, в гор. Болграде имеется четыре говора: сливенский, ямбольский, туканский и крымский.

Четыре говора находим также в селах Тараклии (дольнинский, чарганский, шопский и курлийский) и Новом Вале-Перже, где имеются выселенцы из четырех бессарабских сел.

По два говора обнаружены в селах Вайсале, Вале-Перже и Кубее, причем в селе Кубей носителями второго болгарского говора являются гагаузы.

Болгаро-гагаузских сел в Бессарабии немало. Среди обследованных нами в этом году, кроме Кубея, такими населенными пунктами являются села Табаки и Кирсово, где половину села занимают болгары, а другую — гагаузы, гор. Комрат и село Курчи, в которых преобладающую часть населения составляют гагаузы. В селе Кара-Курт болгары живут в окружении албанского населения; в селах Калинчаке и Бановке — в соседстве с украинцами, количество которых, правда, незначительно.

Разнообразие типов смешанных говоров, встретившихся нам в Бессарабии, требовало различного подхода к их картографированию.

В отношении принципов картографирования все обследованные говоры делятся на две группы.

К первой относятся села: 1) с единым несмешанным говором; 2) с несколькими самостоятельными говорами; 3) с таким смешанным говором, в основе которого лежит один говор, определяющий структуру данного смешанного говора, а черты других говоров, принявших участие в его формировании, могут рассматриваться как позднейшие наслоения. Таковы, например, говоры сел Бановки, Импуцеты, Таш-Бунара, испытавшие на себе сильное влияние болгарского говора, принесенного в эти села болгарскими переселенцами. Однако говор коренного населения этих сел, сильно отличающийся от болгарского, особенностей своих не утратил и продолжает определять структуру

смешанного говора. Поэтому мы вправе были рассматривать говор коренного населения этих сел как основной, а болгарские черты — как позднейшее наслоение. Такой подход в данном случае был единственно правильным еще и потому, что новые черты принадлежали болгарскому говору, влияние которого на говоры окрестных сел, в силу культурно-политического и хозяйственного значения города Болграда, вообще все более возрастает. Следовательно, рассматривая болгарские черты как новые, мы не исказили общей тенденции в развитии южнобессарабских говоров.

Ко второй группе относятся смешанные говоры такого типа, в основе которых лежит не один, а два или несколько говоров. К этой группе относятся говоры Калинчака (Дермен-Дере), Болгарийки, Кайраклии; из старых сел — Ново-Ивановки, Чийшии, в основе которых лежали более или менее близкие между собой говоры.

Сюда же следует отнести говор села Ложиновки. В 1862—1863 гг. из села Ложиновки (в то время — Кайраклии) большая часть коренного населения, говорящего на восточнофракийском наречии, переселилась в Приазовье, а их опустевшие дома несколько времени спустя были заселены болгарами из села Сатунова — образовался смешанный говор, в формировании которого почти равную роль сыграли два говора разных систем, хотя один из них и принадлежал более ранним, а другой более поздним переселенцам. При картографировании ложинского говора можно было идти двумя путями. Интересно было бы показать на картах атласа судьбу старого кайраклийского говора; показать, как новые сатуновские черты вытесняли старые кайраклийские, в результате чего сложился современный ложиновский говор. При таком подходе мы должны были явления кайраклийского говора ставить внизу, как основные, а сатуновские черты — сверху, как новые. Однако такой подход привел бы ко многим условностям и часто к искажению действительных тенденций развития говора, так как среди уходящих черт мы находим не только кайраклийские, но также и сатуновские черты. Чтобы не исказить действительности, мы должны были встать на иной путь: рассматривать оба говора как равноправные основы, в результате смешения которых возник новый говор.

Подход к картографированию этих говоров принципиально отличен от картографирования говоров первой группы. Если там основным типом членения прямоугольника, означающего говор, было горизонтальное членение, проводящее грань между старым и новым, своим и заимствованным, а к вертикальному членению мы прибегали лишь в тех случаях, когда не могли установить, какой из бытующих в говоре вариантов является своей чертой, а какой заимствованной, то в отношении говоров второй группы подход был иным. Здесь вполне закономерным является вертикальное членение, указывающее на сосуществование в смешанном говоре элементов разных систем. К горизонтальному членению мы прибегаем здесь лишь в том случае, когда тенденция развития явления очевидна. Решающим критерием для этого служит сравнение говора стариков и молодежи. Однако во многих случаях тенденцию развития отдельных явлений можно было определить и тем, где нет этого очевидного показателя. Это можно сделать на основе анализа системы говора и изучения взаимосвязи отдельных языковых явлений.

Так, например, в селе Болгарийке **а** под ударением после шипящих и **ј** перед мягкими согласными иногда сохраняется: *уфчари*, *шапки*, а иногда переходит в **е**: *жеби*, *чеши*, *Стујене*, причем двоякое произношение встречается у людей разного возраста. Казалось бы, мы должны дать вертикальное членение при картографировании этой черты. Однако при более вдумчивом подходе к вопросу тенденция развития данного явления становится совершенно очевидной. Прежде всего, интересующее нас явление тесно связано с системой произношения старого **ѣ**. Перегласовка **а** после шипящих наблюдается в тех говорах, где на месте старого **ѣ** находится чередование **а** и **е**. А в тех говорах, где на месте **ѣ** под ударением и перед твердым и перед мягким согласным произносится один и тот же звук, будь то **а** (*чул'ам* — *чул'ами*), **ѣ** (*чул'ѣм*, *чул'ѣми*) или **е** (*чул'ем*, *чул'еми*), там не находим перегласовки **а** в положении после шипящих.

В говоре Болгарийки твердо усвоена северо-восточная система произношения **ѣ**: **'а** — перед твердым согласным, **е** — перед мягким согласным.

Произношение с неперегласованным **а** могло быть занесено в Болгарийку представителями юго-восточных говоров, переселившимися из Шоп-Тараклии. Там и по сию пору сохранились эти говоры — курлийский и чарганский. Процесс вытеснения юго-восточного произношения **ѣ** идет и там, особенно интенсивно в курлийском говоре. Параллельно с этим усваивается также перегласовка **а** после шипящих и **ј** перед мягкими согласными. В чарганском говоре, где процесс усвоения северо-восточного произношения **ѣ** не так интенсивен, произношение с неперегласованным **а** еще полностью сохраняется. Таким образом, наблюдения над другими говорами переходного типа также показывают, что сохранение **а** после шипящих и **ј** перед мягкими согласными — явление более устойчивое, чем произношение **ѣ**.

Таким образом, картина соотношения данных явлений в болгарийском говоре совершенно ясна, и тенденция их развития очевидна: произношение *уфчари*, *шапки* в данном говоре обречено на исчезновение.

При решении вопросов картографирования многих языковых явлений большое значение имеет сравнение однотипных говоров.

По большинству картографируемых признаков среди обследованных нами говоров можно наметить четыре группы: чийшийскую, балканскую, фракийскую и шуменскую.

Компактную группу образуют говоры: чийшийский (14), тараклийский-дольнинский (1а), бановский (22), ташбунарский (25) и говор села Импуцеты (26). По многим признакам примыкает к ним также говор Нового Трояна (12). Многие характерные особенности говоров этой группы находим в курлийском и чарганском говорах Тараклии, на которых очень сильно сказалось влияние дольнинского говора, хотя в основе своей это говоры иного типа.

По типу произношения **ѣ** чийшийская группа говоров относится к северо-восточным говорам Болгарии. Для этих говоров характерно последовательное чередование **а** — **е** на месте старого **ѣ** под ударением перед твердыми и мягкими согласными и **е** — под ударением в конце слова (исключением является наречие *къд'а*, которое в говорах 14, 22, 24, 26 произносится с **а** и только в 1а и 12 — с **е**).

Эта группа говоров по ряду фонетических, морфологических и лексических явлений противостоит другой, самой многочисленной группе балканских говоров.

Среди говоров балканской группы намечаются две подгруппы, которые по их территориальному расположению можно назвать северной и южной. К северной группе относятся говоры сел: Твардицы (8), Исерлии (10), Кирытни (13), Пандакли (15), Ново-Ивановки (11), Вале-Перже (9а, б), а также Комрата (5) и Кирсова (6). К южной группе относятся говоры г. Болграда и сел, тяготеющих к нему: Кайракли (17), Болгарийки (18), Курчи (19), Каракурта (20), Вайсала (21а) и Калинчака (58).

В говорах болгарской группы встречается больше колебаний в сторону чийшийской группы, чем в северных говорах. Еще больше чийшийских черт в говоре села Задунаевки, который занимает несколько особое место. Говоры Нового Вале-Перже (7а, б, в), за исключением чийшийского (7г), тоже относятся к типу балканских. Для балканских говоров также характерен северо-восточный тип произношения **ѣ**. В большинстве балканских говоров северной группы (5; 7а, б, в; 8; 9а; 10; 15) под ударением в конце слова на месте старого **ѣ** последовательно слышится а: *кѣд'а, дубр'а, зл'а, дв'а*. В говорах Кирытни (13) и Задунаевки (30) **е** произносится только в слове *две*, а в последних — а. В Ново-Ивановке, как и в большинстве говоров болгарской группы (4а, 4г, 2, 17, 18, 19, 20, 58), — только слово *кад'а* произносится с а, остальные с е. И только в говоре Кирсова (6) и в ямбольском (46) и туканском (4в) говорах Болграда отмечено **е** и в слове *кѣд'е*.

В противоположность северо-восточному типу произношения **ѣ**, который мы наблюдали в чийшийских и балканских говорах, две другие группы — фракийских и шуменских говоров — характеризуются юго-восточным типом произношения **ѣ**. В этих говорах отмечена также членная форма о-диалекта, в отличие от говоров чийшийских и балканских, которые в большинстве своем относятся к **ѣ**-диалекту.

Оба признака — произношение **ѣ** и членная форма мужского рода, которые болгарскими диалектологами были положены в основу классификации восточноболгарских говоров, для обследованных нами бесарабских говоров такого значения не имеют. Говоры, в которых представлен юго-восточный тип произношения **ѣ** или форма о-диалекта, несмотря на свою немногочисленность, не представляют единства. Это говоры разной структуры и по большинству других признаков они попадают в совершенно различные группы.

То же можно сказать в отношении твердости и мягкости конечных согласных. В большинстве говоров этимологически мягкие конечные согласные в словах *ден, кон, сол, зет, път* произносятся твердо. Мягкость и полумягкость этих согласных наблюдаются лишь в говорах Чешмы-Варуиты, Кубея, Кирсова, Вале-Перже, Кирытни, Импуциты и менее последовательно — в некоторых других говорах (Каракурта, Ложиновки). Таким образом, эта черта встречается в отдельных говорах почти всех указанных групп.

Наряду с такими явлениями, которые на материале обследованных нами говоров не выделяются в качестве признаков, определяющих границы групп говоров, имеются и другие, представляющие больший интерес для классификации обследованных говоров.

Уже сейчас можно наблюдать целые цепи тесно связанных между собой языковых явлений. Можно указать такие черты, которые объединяют ряд говоров в устойчивые группы, представляющие единство по целому ряду основных признаков.

Так, в устойчивую группу выделяются говоры с произношением *нъш* (ночь). Это произношение мы встречаем в говорах чийшийской группы, во всех, за исключением новотроянского, который имеет и другие существенные отличия.

Во всех говорах с произношением *нъш* мы находим произношение *жътва*, *шъпа*,¹ в противоположность произношению *жетва*, *шепа*, свойственному говорам других групп. В окончаниях слов женского рода под ударением в говорах этой группы находим звук *ъ*: *удъ*, *лавъ*, *брадъ* (исключения в ряде случаев представляют лишь некоторые слова, означающие названия особ женского пола — *женá*, *сестра́* и т. п.). Эта черта свойственна также говорам шуменским (Кубей и Чешма-Варуита) и говору села Кирсово.

Звук *ъ* находим также в ударяемых окончаниях глаголов 1-го л. е. ч. настоящего времени; *ас предъ*, *пиръ* и т. п. Это явление отмечено, кроме говоров с произношением *удъ*, *брадъ*, еще в других; таковы говоры Нового Трояна (12), Болгарийки (18), Курчи (19) и Каракурта (20), а также говоры Вале-Перже (9аб, 7а). В тех же говорах, за исключением Курчи, Каракурта и шуменских говоров, употребляется частица *же* (*жъ*) при образовании форм будущего времени. Формы будущего времени с частицей *же* отмечены, кроме того, во фракийских говорах и в говоре села Исерлии, где они употребляются параллельно с частицей *ше*. Последовательное употребление частицы *жъ* отмечено в говорах группы *нъш* и в одном из фракийских говоров — в селе Суворово (Шикирли-Китай). В остальных говорах, где отмечена эта форма, она обычно вытесняется формой *ше*. В говорах группы *нъш*, новотроянском и всех фракийских говорах употребляются формы указательных местоимений для близлежащих предметов — *тоо*, *таа* и *тее*, в противоположность формам *тоз*, *тъз* и *тез(и)*, употребляемым в прочих говорах. Из балканских говоров формы *тоо*, *таа*, *тее* отмечены только в селе Ново-Ивановке.

Говоры группы *нъш* характеризуются многими другими признаками. Эти признаки могут быть более или менее широко распространены и в других говорах, но в говорах этой группы они встречаются очень последовательно. Если в каком-либо из них отсутствует та или иная черта, характерная для других говоров этой группы, то почти всегда оказывается, что она вытеснена под влиянием другого говора.

В дополнение к приведенным выше можно указать следующие особенности, характеризующие говоры чийшийской группы.

Произношение *у* в словах *чул'ак*, *жул'азу*, *жув'ет*, но сохранение *и* под ударением в слове *жив*.

Сохранение йотации в слове *јегне* (слова *аз*, *абълака* произносятся без начального *ј*).

Сохранение *в* в начале слова *вол*.

Последовательная утрата начального *ж* в словах *јбаву*, *бра*, *одиш*, *арёсвам* и др.

¹ Произношение *жътва*, *шъпа* отмечено и в Новом Трояне, *жетва*, *шепа* — в Таш-Бунаре.

Выпадение интервокального **ж**: *снаá, дрéи, муѣ, б'áа (б'áха).*

Сохранение конечного **ж** во всех категориях слов: *сух, мух, б'ах, гр'ах* и т. п.

Отсутствие изменений в произношении групп согласных **бн** и **дн**: *гáдна, пáдна, дрéбни; шч: мéшчина, нóшче.*

Произношение с **ч** наречия *вéчи* (в балканских говорах — *веки*).

Произношение формы *бул'эт* с мягким согласным.

В некоторых говорах мягкость согласных наблюдается и в других глаголах 3 л. мн. ч. настоящего времени: *вэrv'йт*. Имеются некоторые особенности в системе ударений. В некоторых словах женского рода отмечено ударение на первом слоге там, где в балканских говорах можно встретить произношение с ударением на конце, например: *рéка, йскра, сáлдза, зéма*. Наиболее последовательно эта черта выдерживается в говорах Тараклии и Чийшии, менее последовательно в говорах Импуциты, Таш-Бунара и Бановки, где сказывается влияние болгарского говора.

Ударение на первом слоге в форме мн. ч.: *рéци, óфици*. В южных говорах это произношение также вытесняется болгарским *уфíе*.

Единство говоров этой группы подтверждается и лексикой. Очень часто в отмеченных говорах встречаем одни и те же лексические варианты: например, везде употребляют глагол *гáлч* (говорю) и почти везде отмечены слова: *пéнжур* (окно), *кúтел* (ступа), *дýн'а* (арбуз), *пашкúл* (кокон шелковичного червя), *вэrbилó* (ручка ведра), *папýр* (кукуруза), *чернýца* (шелковица), *куркáн* (индюк), *кúтле, кúтлиа прэс* (мизинец), *фéрджа* (теплая особого покроя шинель), *бýзи* (щеки).

Некоторые слова употребляются только в этих говорах, а в других они неизвестны, например: *бэрни* (губы), *калвýн* (клюв), *пипóн*, или *папóн* (дыня).

Наибольшие отклонения от говоров этой группы наблюдаются в Новом Трояне (12), где мы находим: окончание **а** в существительных женского рода: *главá, вудá*; произношение *нош*, а не *нэш*; *вéки* вместо *вечи*; *жил'áзу, чил'ák, бр'áцуви*, в то время как в других говорах этой группы отмечена форма *бр'áцувэ*; *мóми* (единственный говор, где отмечена форма с таким ударением, во всех остальных говорах обследованных в этом году, — *мумí*) и некоторые другие.

Устойчивое единство говоров чийшейской группы, естественно, было принято во внимание при решении отдельных вопросов картографирования. Так, например, вопрос о том, какая форма — *рэце* или *рэци* — для говора села Таш-Бунар является основной, а какая новой, может быть безошибочно решен при сопоставлении произношения этого слова в говорах чийшейской группы, с одной стороны, и в говорах балканских — с другой.

В говорах чийшейской группы наблюдаются и некоторые существенные различия. Например, характер произношения звука **ъ**, который является более закрытым и напряженным в говорах Тараклии, Чийшии и Нового Трояна, нормальным литературным в Импуците и Таш-Бунаре и очень открытым, слабо напряженным в Бановке. Кроме того, в говоре Импуциты отмечена мягкость конечных согласных в словах: *кон', ден', сол', пэт', зет'*. Мягкость конечных согласных была, видимо, и в старом ташбунарском говоре, так как сохранена в языке приазовских переселенцев из Таш-Бунара, а в самом Таш-Бунаре утрачена. Имеются также некоторые различия в лексике.

Дошедшие до нас исторические данные о датах заселения этих сел и сведения, сохранившиеся в народной памяти, свидетельствуют о том, что села чийшийской группы относятся к более ранним поселениям, чем села балканской группы. Не случайно чийшийцы называют себя туканцами, а жителей окрестных сел (Пандакли, Ново-Ивановки, Исерлии и др.) — бежинарами. В архиве чийшийской церкви имеются записи, которые указывают, что до 1830 г. в чийшийской церкви имелся один священник, а после 1830 г. значится уже четыре. В церковной летописи это объяснено тем, что пришли новые переселенцы из-за Дуная, заселившие села: Новый Троян, Исерлию, Пандаклию, Александровку, Димитриевку и Дюльмень. Священники, пришедшие с ними, до постройки собственных церквей были приписаны к чийшийской церкви.

Носители балканских говоров являются, видимо, более поздними переселенцами, пришедшими в Бессарабию главным образом в период 1829—1831 гг. Говоры балканской группы не представляют такого единства, как говоры чийшийской группы. Можно, однако, указать черты, типичные для говоров этой группы, в отличие от чийшийской, хотя не все эти черты последовательно выдерживаются каждым из говоров.

Для говоров балканской группы характерно:

1) употребление частицы **ше** для образования формы будущего времени;

2) употребление указательных местоимений *тоз*, *тѣз* и *тез*;

3) окончание **а** в глаголах 1-го л. ед. ч. настоящего времени;

4) окончание **а** в словах женского рода под ударением: *глава́*, *брада́*.

В области фонетики:

1) отсутствие звука **ѣ** в словах *нош*, *жетва*, *шепа*;

2) произношение: *чил'ак*, *жил'азу*, но — *жуф*;

3) отсутствие йотации в начале слов *аз*, *а́бѣлка*, *а́не*;

4) произношение *ол* или *ѳол*;

5) тенденция к сохранению начального **х**: *хо́ра*, *ху́баво*, *харѣсвам* и т. п.

6) сохранение интервокального **х** или замена его звонким: *снаха́* — *снах́а*; *дрѣхи* — *дрѣх́и*; *б'а́га* и т. п.;

7) в ряде говоров конечное **х** в именах прилагательных заменяется звуком **ѳ**: *суѳ*, *луѳ*;

8) широкое распространение имеют изменения групп согласных: *дрѣмни*, *па́нна*, *ча́нна*, *ме́хчина*, *но́хче*, *манѣхца* или *манѣзда*, *штѣче*;

9) произношение наречия *вѣче* с **к** — *вѣки*;

10) в словах женского рода ударение стоит преимущественно на конце: *зима́*, *искра́*, *рѣка́*, *сѣлѣ́а*. Наиболее частые отступления в слове *зѣма*;

11) множественное число слов женского рода *овци* и *руки* произносятся с ударением на конце: *уѳце́*, *ѳце*, и *рѣце́*.

Отклонения от указанных норм встречаются наиболее часто в говорах, тяготеющих к Болграду. Очень много отклонений в говоре села Задунаевки.

Фракийские говоры имеют больше общих черт с говорами чийшийской группы, чем с говорами балканскими. Яркой чертой, отличающей эти говоры от всех других групп, является особый характер

ударений главным образом в формах повелительного наклонения, где оно падает на первый слог: *сѣдни*, *гѣлчи* и т. п. Только в этих говорах была отмечена форма аориста *бих*, *бѣши*. Отмечены также некоторые лексические особенности: название дочери — *штѣрка*, название шелковицы — *дѣдал'а*, название ручки ведра — *прижильо* и др.

Наибольшее количество индивидуальных черт находим в говорах шуменской группы. Среди них некоторые явления противопоставляют эти говоры всем остальным, представляющим иногда даже единое произношение. Например, только в Чешме-Варуите и Кубее находим произношение *пѹл'а* (в других говорах — *пѣле*), *пуи* — „пою“ (в других говорах *пѣја* или *п'ѣја*), *длек* (*длѣк*, *дѣлк* — в прочих говорах); *ѹ* в конце слов на месте *ж*: *б'ѹй*, *мѹй*, *сѹй*; *ѹ* в окончаниях членной формы прилагательных мужского рода (*прѣѹнѹй*, *ѹл'ѹмѹй* — черта, отмеченная также в говоре села Кирсова; произношение слова *вѣлк* с мягким *л*, не встречающееся больше нигде; формы местоимений *мѣн'а* (*мѣне*) и *ѹ* — *его* (краткое местоимение винительного падежа среднего рода).

Некоторые черты отмечаются, кроме этих говоров, еще в соседних, что является несомненным следствием заимствования. Некоторые такие черты отмечены в селе Пандаклии, где представлен типичный балканский говор. Село Пандаклия находится недалеко от Кубея. Пандаклийцы ездят в Кубей на базары, и так как это село всегда было более культурным, то некоторые черты кубейского говора усвоены пандаклийцами. Таково, например, произношение *вѣрл'ам* и *вл'ѹзам*, наряду с собственным — *фѣрл'ам*, *фл'ѹзам*. Одна женщина, характеризую свой говор, сказала: *На муфѹта вѣкат мува*, указав в качестве „правильной“ кубейскую форму.

Отличительная черта шуменских говоров — характер ударений в словах среднего рода. Часто ударение стоит на первом слоге там, где в других говорах оно падает на второй: *мѹмче*, *штѣклу*, *м'ѹсу*, *с'ѹну*, *т'ѹсту*, *д'ѹте*, *вѣже*, *гѣрне*, *брѹшну*, *злѹту*, *сѣрце*. Правда, в некоторых из этих слов подобное ударение наблюдается и в других говорах.

Интересные особенности можно наблюдать в области фразеологии и словаря: *сенѹй врѣз мѣн'а* (*седнѹй при мѣне*);¹ *учистѹй си рѣѹѹти* (*истри си рѣѹѹти*); *летѹй дѣш* (*валѹй дѣш*); *жѣрка* (*удинѹца*); *типѹца*² (*тава* — медная сковородка); *грѹш* (*укѹл*, *агѹл* — летний загон для скота во дворе); *ѹѹрна* или *ѹѹмфарна пеш* (*куптор* — летняя печь во дворе для выпечки хлеба); *атѹл* (*ѹрган* — ватное одеяло); *лѹѹанѹца* — соломенная подушка, называемая в других говорах *вѣзглѹвниѹца*, *ѹбил* (*клѹденец*, *герѹн*); *мѣѹнѹца* (шелковичный кокон); *зѣлник* (*милина*, *баниѹца*); *лицѹ* (*бѹзи*, *старнѹй* — щеки); *приѹѹн'* (*триѹн*); *кѹтел*³ (*бѣкѣр* — медное ведро) и некоторые другие.

Материал обследованных говоров только по восьми вопросам из ста, относящимся к отделам фонетики и морфологии, не дал никаких различий. Четыре из них относятся к разделу местоимений: во всех говорах личные местоимения 1-го л. мн. ч. произносят *мие*, а не *мѣе*; местоимения *мѣ*, *тѣ*, *сѣ* произносят с различными вариантами *ѣ*, а не *е*; во всех говорах употребляется форма краткого местоимения винительного

¹ В скобках даны варианты, встречающиеся в других говорах.

² Встречаются еще в шопском говоре.

³ То же.

падежа мн. ч. — *и*; отсутствуют указательные местоимения *он*, *она*, *оно*. Отрицательный ответ всюду получен по вопросам об остатках старого *ы*, о явлении перехода *т* и *д* в *к* и *г* в словах: *говѣждо*, *стенѧ*, *тестѧ*, *д'ѧдо*, *воденѧца*; нигде не встретилась форма полного члена мужского рода и выражений типа *кон'ѧтоѧ*, *момкѧ томѧ*. Слово *ѧсен* без йотации в начале слова не встретилось.

По ряду вопросов из группы обследованных говоров выделились лишь единичные говоры, нарушающие общее единство: так, форма *джеп* зафиксирована только у шопов, в остальных говорах — *джоп*; так же форма первого лица личного местоимения *ѧ* и *ѧзи*. Во всех других говорах употребляется *аз* или *ази*. Форма *идѧн* отмечена лишь в говоре южного Вайсала и у одного старика в Ложиновке. В остальных говорах употребляется форма *идин*.

В говоре села Суворова отмечена форма *билѧ*, *душлѧ*, в то время как во всех других говорах под ударением в этих формах причастий всегда будет *е* — *билѧ*, *душлѧ*. Произношение *страмежлив*, *стрешнах* отмечено лишь в Вале-Перже и у чарганцев Шоп-Тараклии; в других местах — *срамежлив*, *срешнах*. Редко встречается произношение *маѧк'а* с мягким или полумягким *к*. Такое произношение мы находим только в Комрате и у шопов. Наконец, только в Кубее отмечено произношение *аз бѧд'а* с мягким *д*. Отсутствие редукции безударного *о* отмечено только у шопов. Шопский говор выделяется также рядом лексических особенностей. Некоторые слова шопского говора не встречаются больше нигде, например: *сакам* (ѧскам); *упѧн'ки* (ѧирвѧли); *пахѧр* (гивѧч); *гѧрче* (пипѧр); *пѧтица* (ѧурдѧчка). Только в говоре Задунаевки встретилось название *патка* (утка); *просеник* во всех других говорах — *малѧй*, *ма-малѧй*.

Остальные лексические вопросы дали большие различия по говорам, за исключением слов *ѧумрѧк* (кулак) и *пѧнѧца* (глиняная миска); последняя только в Чешме-Варуите называется *старкинѧ*.

Собранный диалектологический материал хорошо картографируется. Только единичные вопросы нельзя было картографировать, так как было опасение, что названия могли относиться к разным предметам. Таково, например, название открытого сарая, служащего для укрытия от дождя сельскохозяйственного инвентаря. В одних селах это сарай без передней стены, в других — такой постройки нет, а вместо него устроен навес на столбах.

Вызвали опасение слова *ферджа*, *мантава*, так как эти названия в разных местах могли относиться к одежде разного кроя, хотя имеющей одно и то же назначение.

Этот материал будет проверен снова, и вопросы будут уточнены.

Таковы предварительные итоги нашей работы по составлению атласа говоров болгар, живущих на территории СССР.

И. К. Бунина

ИЗ ИСТОРИИ ВАЙСАЛЬСКИХ ГОВОРОВ

Летом 1948 г. группой диалектологической экспедиции Института славяноведения АН СССР был обследован говор болгарского села Вайсала Болградского района Измаильской области УССР. Ныне это село именуется Васильевкой, но местные жители все еще называют его по-старому Вайсалом.

Село Вайсал расположено в долине вдоль речки, текущей с севера на юг и впадающей в озеро Катла-Бух. Оно находится в 20 км от гор. Болграда. Шоссе Болград — Белгород Днестровский перерезает село пополам. Немного севернее шоссе проходит условная граница, которая делит село на две части, или, как говорят болгары, на две „махалы“: северную, или „горни“ Вайсал, и южную, или „долни“ Вайсал.

Село Вайсал было основано в 1829 г. переселенцами из Болгарии.

При обследовании этого села выяснилось, что жители его в настоящее время говорят на одном говоре, но вместе с тем в речи вайсальцев были обнаружены некоторые существенные различия. Большинство вайсальцев этих различий уже не замечает, но старики хорошо чувствуют их и помнят еще те времена, когда в селе вообще говорили по-разному. Различия в своей речи они совершенно правильно объясняют тем, что болгары, основавшие село Вайсал, пришли из разных мест Болгарии. По их рассказам, болгары, заселившие северную часть села, „горни“ Вайсал, прибыли из гор. Ямбола, а болгары, заселившие южную часть села, — из разных населенных пунктов юго-восточной Болгарии. Таким образом, болгары, основавшие село Вайсал, говорили на разных диалектах: болгары северной махалы — на северо-восточном, балканском говоре, болгары южной махалы — на юго-восточном, фракийском говоре.

В настоящее время в Вайсале южный говор почти вытеснен северным, который распространился далеко за пределы северной махалы. Лишь на самой южной окраине села, где целую улицу (около 30 дворов) занимают крестьяне по фамилии Герджик, связанные между собой близким родством, можно наблюдать остатки южного говора.

Исчезновению южного говора и широкому распространению северного способствовали разные обстоятельства. Немалую роль, видимо, сыграло то, что северная махала стала центром хозяйственной

и культурной жизни села. Здесь и сейчас находятся все хозяйственные и культурные учреждения (сельсовет, школа, клуб, аптечный пункт, правления колхозов); здесь же находится и колхозный базар.

Серьезной причиной, ускорившей ассимиляцию южного говора в Вайсале, явилось переселение большей части жителей южной махалы в район Приазовья после Парижского мира 1856 г., по которому часть Бессарабии, в том числе и село Вайсал, отошла от России к Молдавскому княжеству. Причиной этого переселения, как рассказывают старожилы Вайсала, было, с одной стороны, нежелание оставаться под властью Молдавии, с другой — относительное малоземелье.

Из северной махалы также некоторые семьи уехали в Приазовье, но значительно позже, так что вайсальские переселенцы из северной и южной махалы поселились в Приазовье в разных селах. Вайсальцев из южной махалы было так много, что они самостоятельно образовали село, которое было названо Дяновкой — по имени дядо Дяна, руководившего переселением; вайсальцев же из северной махалы было, видимо, гораздо меньше, потому что им пришлось соединиться с переселенцами из других бессарабских сел, вместе с которыми они и основали село Райновку.

После переселения части вайсальцев в Приазовье влияние северного говора возросло настолько, что теперь уже невозможно без привлечения данных приазовских говоров вскрыть характерные особенности южного говора и разобраться в сложном процессе взаимодействия вайсальских говоров.

Естественно, что дяновцы лучше сохранили характерные особенности своего родного говора, поскольку они перестали подвергаться влиянию северовайсальского говора, с тех пор как поселились в Приазовье отдельно от вайсальских переселенцев из северной махалы.

Следует учитывать, однако, что процесс смещения северного и южного говоров начался до выселения части вайсальцев в Приазовье. Следы этого смещения имеются в современном дяновском говоре, который в свою очередь не может быть объяснен без учета языковых явлений, наблюдаемых в современном вайсальском говоре.

Описание говора вайсальских выселенцев Приазовья, правда далеко неполное, имеется в книге академика Н. С. Державина „Болгарские колонии в России“.¹

Сравнение материала, собранного в селе Вайсале, с данными Н. С. Державина показало, что тщательное обследование сел Дяновки и Райновки дает необходимый дополнительный материал для освещения истории вайсальского говора. В связи с этим в январе 1949 г. была предпринята поездка в эти села. Материал, собранный во время этой поездки, действительно дал возможность разобраться в языковых процессах, происходивших в Вайсале.

В настоящей статье рассматривается лишь одна проблема из истории говора Вайсала — проблема смещения северного и южного говоров. Процесс взаимодействия вайсальских говоров вскрывается на анализе важнейших языковых явлений, возникших в результате этого взаимодействия. Вместе с тем устанавливается относительная хронология этих языковых явлений и приводится преемственная связь

¹ См. Н. С. Державин. Ук. соч., ч., II. П., 1915, стр. 147—161.

между современным дяновским говором и речью теперешних жителей южной окраины Вайсала.

Выбором проблемы определяется и отбор материала, подвергаемого исследованию. Предметом анализа являются главным образом те расхождения, которые имеются в современной речи жителей Вайсала. Часто рассматриваются такие детали, которые при изучении системы современного вайсальского говора не имели бы существенного значения, но при выяснении процесса взаимодействия северного и южного говоров Вайсала приобретают большую ценность.

Большой интерес для изучения проблемы смешения говоров представляет село Райновка. Здесь смешались три говора, одним из которых был северный говор села Вайсала. Это тем более интересно, что процесс смешения говоров в Райновке еще далек до завершения, так что здесь можно наблюдать не только результаты этого смешения, но и самый процесс смешения. Поскольку в образовании современного райновского говора северовайсальский говор сыграл большую роль, постольку изучение языковых материалов по Райновке представляет также большой интерес и для истории вайсальских говоров. Однако и материал по Райновке рассматривается также лишь в плане изучения проблемы смешения.

I

Непосредственные наблюдения над современным говором села Вайсала и сравнение записей, сделанных в каждой махале отдельно, сначала между собой, а потом с данными современного дяновского говора, вскрыли ряд существенных расхождений в речи жителей этого села, которые касаются прежде всего произношения старого **ѣ** под ударением и употребления членной формы мужского рода единственного числа в существительных и в прилагательных.

№ 1. Современный говор села Вайсала по типу произношения **ѣ** принадлежит к группе северо-восточных говоров Болгарии. Все вайсальцы, за исключением южной окраины, произносят на месте ударяемого **ѣ** перед твердым согласным **'а**, перед мягким согласным — **е**.

1) Перед твердыми согласными: *л'ап, л'ату, м'асту°, мл'аку°, гр'ах, см'ах, н'амам, н'ама, б'ах, б'агаі, изб'агвѣт, д'аду°, б'аа*.

2) Перед мягкими согласными: *лѣти°н, грѣши°н, смѣши°н, млѣчна, бѣли, нидѣл'а, врѣми°, сѣми°, направѣти°, турѣти°, дѣдѣти°, бѣши°, јѣди°ни°*.

Для речи теперешних жителей южной окраины села Вайсала характерно произношение старого **ѣ** под ударением, как открытого широкого **'а̃**, независимо от качества последующего согласного.

1) Перед твердыми согласными: *л'а̃п, л'а̃ту°, м'а̃сту°, гр'а̃х; см'а̃х, гул'а̃ма̃, н'іма̃м, н'а̃ма̃, б'а̃х, приб'а̃га̃, б'а̃а̃*.

2) Перед мягкими согласными: *л'а̃ти°н, см'а̃ши°н, см'а̃шну, гр'а̃ши°н, гул'а̃ми, нид'а̃л'а, вр'а̃ми°, с'а̃ми°, с'а̃ем, жув'а̃е, б'а̃іми°, б'а̃ши°, ја̃ди°ни°*.

Однако это произношение последовательно не выдерживается даже представителями старшего поколения. Для дяновского говора Н. С. Державин приводит примеры троякого произношения:

1) **ѣ** под ударением произносится, как **'а**, независимо от качества последующего согласного: *св'аш* — мн. ч. *св'ашти*, *цу'ам* — *цу'ами*, *мл'аку* — *мл'ачнѣ*.

2) **ѣ** под ударением произносится, как **'ѣ**, опять независимо от качества последующего согласного, как на южной окраине села Вайсала: *с'ѣми*, *мр'ѣжѣ*, *б'ѣѣ*, *с'ѣиш*, *п'ѣиш*.

3) **ѣ** под ударением произносится, как **'а** перед твердым согласным и как **е** — перед мягким; например: *б'ал* — *бѣли*, но таких примеров, как отмечает сам Н. С. Державин, очень немного.

Он пишет: "... формы в роде: *б'ѣа*, *п'ѣа* и т. п. и вообще произношение гласной **ѣ** настолько типично для данного говора, что соседи характеризуют говор фразой: „*тие блѣат кату* **ѣ** *ѣни*“ (блеют, как ягненок)".¹ Никаких других комментариев, разъясняющих положение, Н. С. Державин не дает.

Между тем выяснить положение с произношением **ѣ** в дяновском говоре удалось без особых трудностей.

Решил дело тщательный отбор объектов с целью выяснения коренного населения села Дяновки. Выяснилось, что коренное население села произносит **ѣ**, как **'ѣ**, и что все отклонения от этого произношения идут от пришлых болгар села.

1) Перед твердыми согласными: *л'ѣп*, *гр'ѣх*, *см'ѣх*, *б'ѣл*, *сн'ѣк*, *цу'ѣм*, *м'ѣсту*, *мл'ѣку*, *л'ѣту*, *б'ѣх*, *св'ѣш*, *б'ѣѣ*, *с'ѣл* (сеял) и т. д.

2) Перед мягкими согласными: *л'ѣт'ѣн*, *гр'ѣшѣн*, *см'ѣшѣн*, *мл'ѣчнѣ*, *б'ѣли*, *цу'ѣми*, *цу'ѣмиѣ*, *жув'ѣем*, *цу'ѣем*, *п'ѣем*, *в'ѣнчѣн*, *с'ѣем* и т. д.

Произношение **ѣ** как **'ѣ** в речи коренных дяновцев выдерживается совершенно последовательно. В говоре теперешних жителей южной окраины села Вайсала, как мы уже указывали, имеются отклонения от этого произношения даже у самых последовательных представителей южного говора в Вайсале. Так, например, форму повелительного наклонения 2-го л. мн. ч. все вайсальцы, в том числе и вайсальцы с южной окраины, произносят с **е** на месте старого ударного **ѣ** перед мягкой согласной; например: *направѣти*^е, *турѣти*^е, *дадѣти*^е. Это вполне соответствует фонетической системе северного говора, но, согласно фонетической системе южного говора, здесь следовало бы ожидать **'ѣ** на месте **ѣ**, а не **е**. Полное отсутствие таких форм в речи жителей южной окраины Вайсала даже в качестве дублетов на первый взгляд кажется странным. И здесь, как и в ряде других случаев, раскрыть секрет помогает дяновский говор, где в говоре мы не находим форм *направѣти*^е, *турѣти*^е и им подобных; вместе с тем там нет и ожидаемых форм повелительного наклонения с **'ѣ** на месте **ѣ**.

В чем же дело? Дело в том, что в дяновском говоре вообще не употребляются формы повелительного наклонения с ударением, падающим на флексию. В дяновских формах повелительного наклонения ударение перетянуто с флексии на начальный слог; например: *зѣми*, *тѣри*, *нѣпрѣви*, *дѣнес*, *дѣкараѣ*, *нѣтрѣвити*, *тѣрити*, *ѣспрѣвити* и т. д.

Таким образом, становится понятным, почему и на южной окраине села Вайсала мы не находим форм повелительного наклонения с **'ѣ** на месте **ѣ**. Их нет, потому что их никогда и не употребляли жители

¹ Н. С. Державин. Ук. соч., стр. 149.

„долнего“ Вайсала. Отсутствие же форм *тѹрити*, *направити* объясняется тем, что жители „долнего“ Вайсала, не выехавшие в Приазовье, прочно усвоили систему глагольного ударения, свойственную северному говору, а вместе с ней и северовайсальские формы повелительного наклонения прочно вошли в их речь, окончательно вытеснив южные формы, которые продолжают бытовать в дяновском говоре.

Старое ударное **ѣ** в конце слова произносится в современном вайсальском говоре по-разному — то как **'а**, то как **е**. Так, в наречиях „куда“, „где“ всегда произносится **'а: кад'а**, но в наречии „хорошо“ и числительном „две“ иногда произносят **'а: дубр'а**, **дв'а**, но чаще произносят **е: дубрэ**, **две**. Те же формы употребляются и жителями южной окраины Вайсала.

Однако в дяновском говоре мы находим совершенно иные формы. Там на месте конечного ударяемого **ѣ** произносят характерный для этого говора звук **'ă: кад'ă**, **дв'ă**, **дубр'ă**, **зл'ă**.

Необходимо заметить, что употребление форм с **'ă** на месте старого **ѣ** быстро и резко падает по мере удаления от южной окраины. Впрочем, спорадически подобные формы, например **б'ăх**, **б'ăши**, можно встретить вплоть до шоссе, а **н'ăмă**, **нăмăм** проникли даже на территорию северной махалы. Случаи влияния южного говора на северный столь редки, что сомневаться в их случайном характере не приходится.

Приведенные факты показывают, что различие, некогда существовавшее между северным и южным говором села Вайсала в отношении произношения **ѣ**, постепенно сглаживается путем усвоения жителями южной махалы северных форм и в недалеком будущем исчезнет совсем, поскольку в настоящее время в Вайсале господствует перегласованное произношение **ѣ**, которое когда-то было характерно только для жителей северной махалы.

С перегласованным произношением **ѣ** в Вайсале тесно связано явление чередования **а/е** после шипящих и **ј**, широко известное в северо-восточных говорах Болгарии. Оно наблюдается в тех же условиях, что и чередование **а/е** на месте старого **ѣ**, а именно:

1) оно возможно только в ударяемом слоге;

2) оно обусловлено характером последующего согласного: перед твердым согласным после шипящей под ударением произносят **а**, перед мягким — **е**: *жаба* — *жеби*; *ча́ша* — *че́ши*; *ша́пка* — *ше́пки*; *Сту́ѣан* — *Сту́ѣни*.

В современном вайсальском говоре эти формы имеют очень широкое распространение. Их употребляют не только жители северной махалы. В настоящее время почти все жители южной махалы также употребляют эти формы. Лишь на самой южной окраине, и то только у стариков, можно встретить в подобных случаях неперегласованные формы с **ă** и в ед. и во мн. ч.: *жа́ба* — *жа́би*; *ча́ша* — *ча́ши*; *ша́пка* — *ша́пки*; *фча́рин* — *фча́ри*; *Сту́ѣан* — *Сту́ѣани*.

Эти же формы употребляются в современном дяновском говоре.

Таким образом, совершенно очевидно, что перегласованные формы *жаба* — *жеби* когда-то были характерной особенностью только речи жителей северной части Вайсала; жители южной части Вайсала употребляли вместо них только неперегласованные формы с **ă** (*жа́ба* — *жа́би* и т. д.).

По мере распространения северного говора перегласованные формы стали вытеснять неперегласованные, характерные для южного говора.

§ 2. Другое не менее показательное различие, некогда имевшееся между северным и южным говором села Вайсала, касается употребления членной формы м. р. ед. ч. Это различие также почти стерлось в настоящее время, однако следы его можно обнаружить и сейчас.

В современном вайсальском говоре господствует членная форма м. р. ед. ч., характерная для северного говора, а именно: широкий, слабо напряженный **ъ** под ударением и **я** — в безударном положении.

1) Под ударением: *прая́, бриа́, нуо́са, забá.синá, мажа́* и т. п.

2) В безударном положении: *де́ня, па́т'я, ко́н'я, уо́ля, л'а́ба, на́ ка́ра, на́ вра́ва* и т. д.

Та же членная форма употребляется и в прилагательных м. р. ед. ч.; например: *фто́риця́, па́рвиця́, цуле́миця́, не́йниця́, не́говиця́* и т. д. Но в речи жителей на самой южной окраине Вайсала встречается другая членная форма м. р. ед. ч., которая раньше, по свидетельству местных старожилов, имела гораздо большее распространение. Это — членная форма м. р. ед. ч. **о**, которая в безударном положении произносится, как **у**. В настоящее время ее можно услышать только у стариков. У младшего и среднего поколения уже находим только северную членную форму м. р. ед. ч. *а/а*.

Весьма характерен в этом отношении следующий случай. Старик А. С. Бойчев (82 года) употребляет членную форму, м. р. ед. ч. — *о/у*; например: *валко́ иди...*, *напа́нат на уфча́рину*; а сын его, Д. А. Бойчев, живущий вместе с ним в одном доме на южной окраине села, всегда во всех случаях употребляет только членную форму *а/а*.

Старики тоже употребляют членную форму *о/у* непоследовательно. Так, в прилагательных и у них всегда встречается только членная форма *а/а*. И в произношении наиболее употребительных существительных у них то и дело можно услышать наряду с членной формой *о/у* членную форму *а/а*; например, старик П. Г. Гирджик (68 лет) наряду с *дуо́кара́ во́лу, ко́н'у* и т. п. может сказать: *ас ба́х на па́за́р'я, на ка́ра* и т. п.

Если в Вайсале в настоящее время членная форма *о/у* встречается редко, то в дяновском говоре она широко распространена. Все дяновцы для имен существительных м. р. ед. ч. употребляют только членную форму *о/у*.

1) Под ударением: *прайо́, бриа́, забó, нуо́со, грабо́, мажо́, сино́, луко́* и т. д.

2) В безударном положении: *ф а́лау, на дво́ру, чул'а́ку, джа́му, на сто́лу, уд ои́'ну* и т. д.

Однако в прилагательных м. р. ед. ч., как и на южной окраине Вайсала, в дяновском говоре употребляется членная форма **а**; например: *го́рниця́ кра́, до́лниця́ кра́, си́чкиця́ л'а́п, мо́йя ма́ш, ста́риця́ чул'а́к, цул'а́миця, пра́виця́, фто́риця́*.

Смешанный характер дяновского говора ярче всего сказывается именно в различной членной форме для имен существительных и для имен прилагательных. Это свидетельствует о том, что процесс взаимодействия между северным и южным говорами в Вайсале начался задолго до переселения части жителей южной махалы в Приазовье, что уже тогда господствующее положение занимал северный говор и переселение части населения в Приазовье лишь ускорило начавшийся процесс усвоения жителями южной махалы северного говора. Некоторые другие, более мелкие факты также свидетельствуют об этом.

§ 3. В современном вайсальском говоре замечена следующая характерная особенность в употреблении *j* в начале некоторых слов. В словах *аз*, *а́балка* в современном вайсальском говоре *j* никогда не употребляется. Слова, обозначающие „ягненка“ и „язык“, зафиксированы в Вайсале в трех фонетических вариантах: 1) *а́ни*°, 2) *ја́ни*° и 3) *ја́ни*°; 1) *изы́к*, 2) *је́зык* и 3) *езы́к*, причем первые формы употребляются последовательно на территории северной махалы, немного дальше шоссе, вторые — лишь на южной окраине села, а третьи встречаются на территории между шоссе и южной окраиной. Это срединное территориальное положение третьих форм *ја́ни*°, *езы́к* соответствует их переходному фонетическому облику. Они раскрывают путь усвоения жителями „долнего“ Вайсала северных форм *а́ни*° и *изы́к*.

Когда-то в южном говоре *j* в начале слова перед гласными *е* и *а* употреблялся последовательно. Об этом свидетельствуют до сих пор сохранившиеся и последовательно употребляемые в дяновском говоре *ја́с* и *ја́балка*.

Вытеснение иотованных форм и усвоение неиотованных форм происходило не сразу во всех словах, а постепенно — сначала в одних, потом в других. Прежде всего была, видимо, усвоена неиотированная форма для слова, обозначающего „язык“, так что к моменту переселения форма *изы́к* уже прочно вошла в речь жителей южного Вайсала, так как в современном дяновском говоре мы находим только *изы́к*.

Процесс усвоения *а́ни*°, видимо, еще не закончился к этому времени, так как в дяновском говоре употребляется только переходная форма *ја́ни*°, формы *а́ни*° нет.

Дальше всего, как позволяет об этом судить дяновский говор, иотация сохранялась в местоимении 1-го л. ед. ч. — *ја́з* и в существительном *ја́балка*. Однако в Вайсале *j* в этих словах теперь уже не употребляется даже жителями южной окраины села.

Кроме того, в дяновском говоре можно встретить формы, совершенно утраченные в говоре южного Вайсала. Так, дяновцы до сих пор сохраняют в некоторых словах мягкость согласных; например: в существительном *кон'*, в глаголе *и́л'чэ*, в то время как вайсальцы произносят их твердо. В речи дяновцев мы встретим формы *дрэ́бни*, *дрэ́бничи°к*, *и́лэднэ*, *и́лэдни*, *пэднэ*, *сэдни*, правда, наряду с *дрэ́мни*, *и́лэнна*, *пэнна*. Жители южной окраины Вайсала употребляют теперь только *пэннэ*, *и́лэннэ*, *дрэ́мни*, характерные для северовайсальского говора.

Дяновцы, как мы уже указывали, сохраняют также свое ударение как в глагольных формах, так и в именах существительных. Например, в 1-м л. ед. ч. настоящего времени в дяновском говоре ударение падает не на флексию, как в современном вайсальском говоре, а на основу: *пре́да*, *пе́ра*, *и́л'чэ*. Вайсальцы с южной окраины в этих формах, как и в формах повелительного наклонения, усвоили ударение, характерное для северного говора. Они говорят, как и все прочие вайсальцы, *пе́рэ*, *преда́*, *и́лчэ*. То же видим в существительных

Дяновка

сэ́лза
рэ́ка
сэ́рце
с'а́ну°

Южная окраина Вайсала

сэ́лзэ
рэ́кэ
сэ́рце
си́но°

Правда, наряду с указанными формами в Дяновке употребляются и те формы, которые бытуют в настоящее время в селе Вайсале. Эти

формы, очевидно, были заимствованы дяновцами из северного говора во время их пребывания в Вайсале. Дяновцы сохраняют свою флексию для причастий прошедшего времени мн. ч. на **л**. Они говорят: *ду^ошлй*, *билй*, *утишлй*, в то время как жители южной окраины Вайсала употребляют в этих формах северовайсальскую флексию **е**; они говорят: *душлэ*, *билэ*, *утишлэ* и т. д.

Таким образом, проведенное нами сравнение показывает, что жители южного Вайсала, не выехавшие в Приазовье, постепенно утратили наиболее характерные черты своего родного говора под влиянием говора жителей северного Вайсала.

§ 4. Процесс взаимодействия этих говоров не был, однако, односторонним. Южный говор со своей стороны оказал известное влияние на северный говор. Об этом свидетельствуют следующие дублетные формы, которые были обнаружены не только в речи вайсальцев, проживающих на южной окраине, но и у коренных жителей северной части Вайсала:

жул'áзу		жил'áзу
жуф		жиф
хорá		орá
хубáф,	но	убуу
сна́ха		сна́а
дрéхи		дрéи
дзáднiя		зáднiя
дзвiнiц		звiнiц
ку ^о нé		кóни
мáжé		мáжи

Слева помещены коренные северовайсальские формы, справа — заимствованные южновайсальские. Почему именно эти, а не другие формы следует считать для современного вайсальского говора коренными формами? Подчас основание для такого решения дает материал дяновского говора, где, например, употребляются только формы *жиф*, *жил'áзу*. Лишь однажды у пожилой женщины наряду с *жил'áзу* встретилось *жул'áзу*. Естественно напрашивается вывод, что в современном вайсальском говоре формы *жиф*, *жил'áзу* являются результатом влияния южного говора, что формы *жуф*, *жул'áзу* — коренные.

Иногда решить вопрос бывает труднее, так как оба дублета встречаются и в дяновском говоре. Здесь тоже можно встретить формы *орá* и *хорá*, но и здесь вопрос о принадлежности одной формы к северному говору, а другой к южному можно решить совершенно определенно, поставив их в связь с другими случаями употребления начального **ж** в современном вайсальском говоре и сравнив эти данные с употреблением начального **ж** в дяновском говоре.

В современном вайсальском говоре, наряду с дублетами *орá* — *хорá*, находим дублеты *хубáф* — *убáф*, *хубу́* — *убу́*, в которых первые формы с **ж** являются более употребительными. Необходимо заметить также, что глагол *харéсвáм* коренные жители „горного“ Вайсала всегда произносят с начальным **ж**. Таким образом, в современном вайсальском говоре есть стремление сохранять начальное **ж** (перед гласным).

В дяновском говоре, наоборот, имеется явная тенденция опускать начальное **ж**. Ср., например: *л'áп*, *рáнá*, *áрмáн*, *áрéсвáм*, *óдим*, *убáф*.

уббѹ. При этом хорǎ — в дяновском говоре употребляется заметно реже орǎ.

Таким образом, напрашивается решение вопроса в пользу приведенного выше распределения дублетных форм. Формы с сохраняющимся начальным ж (хорǎ, хубǎф, хубуѹ) следует признать северовайсальскими, формы с отпавшим ж (орǎ, убǎф, убуѹ) — южновайсальскими.

Аффриката дз употребляется наряду со звуком з как в современном вайсальском говоре, так и в современном дяновском говоре.

В современном вайсальском говоре отмечены следующие формы: дзǎднѹйǎ и зǎднѹйǎ, нǎдзǎт и нǎзǎт, дзѹинѹйи, мардзи, ма, но врǎзвǎм; в дяновском следующие: дзǎрǎн и зǎрǎн, нǎдзǎт, дзǎднѹйǎ, дзǎрǎдзǎлѹи, но звǎнѹѹ, зѹнѹйи, марзѹ ми, варзѹвǎм, сǎлза.

В современном вайсальском говоре как будто преобладают формы с аффриктой дз, а в дяновском — со звуком з; однако не может быть твердой уверенности в том, что именно эти формы для этих говоров являются коренными, а не заимствованными. Ясно одно, что процесс смешения форм с дз и з начался до выселения части вайсальцев в Приазовье, поскольку мы находим те и другие формы не только в селе Вайсале, но и в современной речи коренных дяновских жителей.

Формы мажѹ — мажи, ку^онѹ — кѹни встречаются в Вайсале как на территории северной махалы, так и на территории южной махалы.

В дяновском говоре от сущ. маж также употребляются обе формы — мажѹ и мажи и форма ку^онѹ; но вместо кѹни здесь кѹнни (кѹни).

Форма кѹнни с ударением на основе наряду с формой мн. ч. ѹфѹи и вообще тенденция дяновского говора к ударению, оттянутому от конца слова, дают основание полагать, что коренной дяновской формой является мажи, а не мажѹ. В таком случае формы мажѹ, ку^онѹ следует признать коренными для северовайсальского говора. Откуда же тогда взялась форма кѹни, бытующая в современном вайсальском говоре наряду с ку^онѹ. Возможно, что она образовалась из кѹнни в результате утраты долгого затвора. Поскольку звук ѹ не употреблялся, повидимому, жителями „горного“ Вайсала, заимствовавшими форму кѹнни у жителей „долнего“ Вайсала, то при „освоении“ этой формы они, естественно, стремились приспособить ее к привычным артикуляциям и заменили ѹ своим обычным ѹ.

§ 5. Большой интерес для истории вайсальского говора представляет форма винительного падежа личного местоимения 3-го л. ед. ч. ж. р. — ѹ вместо литературной формы ја. Форму гх употребляют в настоящее время как жители верхней махалы, так и жители нижней махалы:

Ас тас кѹштǎ ѹ вѹждǎм.

Ѓа зѹмѹм, у^очѹистѹм тѹквǎтǎ, ѹ нǎстрǎжим сǎс стрǎлѹ^о.

Ас ши^о ѹ дам нǎ идѹн бу^огǎт.

И той ѹ чǎкǎ ду^оджǎмǎ и ѹ зǎлѹвѹ по^од рѹчкǎ и ѹ зǎвѹѹди у тǎх.

В дяновском говоре тоже встречается форма гх:

Сѹтѹни таа ву^одǎ ѹ испѹштǎт да исти^ечѹ.

...ѹдǎт да вѹдǎт тǎй зи^емǎ и душлѹи ѹ ǎрѹсали.

...ѹ изу^орǎт (землю).

Есть основания полагать, что эта форма сравнительно недавно получила широкое распространение в вайсальском говоре, что раньше здесь употреблялось *а*. Об этом говорят следующие факты.

Во-первых, как в современном вайсальском говоре, так и в дяновском, наряду с формой *гя* можно, правда очень редко, услышать *а* (*ја*). Эта форма была, например, зафиксирована в селе Вайсале у старика П. Г. Гирджика: *Варвй иднѧ мумѧ пу* улиѧтѧ и ѧс а глѧдѧм*. В Дяновке эту форму последовательно употребляет старуха М. Ф. Ангелова (1883 год рожд.). У нее записаны следующие примеры: *Пу пату ѧди* жинѧ и ѧс а глѧдѧм*.

Во-вторых, в Райновке, где поселились, как мы уже указывали, вайсальские выселенцы из северной мекхалы, никаких следов употребления *гя* в настоящее время не обнаружено. Здесь все употребляют только форму *а*; например: *Ас а тѧр'а ф карѧцѧтѧ*. *Зи*мй пѧнѧчкѧтѧ и ѧ турѧ нѧ мѧсѧтѧ; ас а вид'ѧх*.

В-третьих, в записях Н. С. Державина, сделанных в Дяновке в начале девятисотых годов, форм *гя* также не встречается. Был Н. С. Державин и в селе Вайсале, где он записывал фольклорные тексты, но и там, повидимому, ему не довелось слышать форму *гя*, потому что он нигде не упоминает о ней. Возможно, что эта форма употреблялась уже и тогда, но редко. Во всяком случае, невозможно представить себе, чтобы процесс распространения формы *гя* и вытеснения формы *а* в селе Вайсале не был бы связан с аналогичным процессом в селе Дяновке, поскольку во всех остальных языковых явлениях, как мы показали выше, связь эта очевидна. На этом же основании следует полагать, что распространение *гя* в Вайсале началось в южном говоре и лишь много позднее, уже после выселения части вайсальцев в Приазовье, эта форма стала постепенно проникать и на территорию северного говора.

II

Село Райновка Приазовского района Запорожской области было основано в 1863 г. бессарабскими болгарскими. Ранее полагали, что в нем поселились только переселенцы из села Вайсала, причем это ошибочное мнение имело под собой некоторое основание. Дело в том, что село Райновка помимо официального названия, данного ей по имени землемера Райнова, нарезавшего переселенцам землю, имеет в народе другое название — „горни Вайсал“.

При более тщательном обследовании говора этого села удалось установить, что в Райновке поселились не только вайсальцы. Однако именно они составили основное ядро населения этого села, благодаря чему за ним, естественно, было закреплено название села Вайсала.

По рассказам коренного жителя Райновки Н. В. Попазова (1881 год рожд.), кроме вайсальцев, сюда прибыли переселенцы из двух сел: из Кубея и Ташбунара, причем сначала кубейцы и ташбунарцы поселились на одной улице, а вайсальцы на другой.

Н. В. Попазов назвал ряд фамилий, которые являются потомками кубейцев; среди них он указал фамилии Попазовых и Топаловых. Интересно, что в Кубее имеются аналогичные фамилии.

Сопоставление фамилий, названных Н. В. Попазовым в качестве ташбунарских, с фамилиями, которые имеются в настоящее время

в селе Ташбунаре, не дало никаких результатов. Дело в том, что в Ташбунаре в настоящее время коренных жителей осталось немного. Большинство их еще в середине прошлого столетия переселилось в Приазовье и основало там села Преслав и Инзовку. Поэтому гораздо показательнее было бы сопоставление с фамилиями, имеющимися в этих селах, но таких данных, к сожалению, у нас пока нет.

В настоящее время село Райновка так разрослось (в нем пять улиц вместо прежних двух) и население так перемешалось, что никакой территориальной границы между бывшими кубейцами, ташбунарцами и вайсальцами не существует. На каждой из пяти улиц можно найти потомков выселенцев из всех трех сел.

Распутать сложный языковый узел в Райновке помогли материалы, собранные экспедицией Института славяноведения АН СССР летом 1948 г. в бессарабских селах Кубее и Ташбунаре, а также данные, которые имеются в работе Н. С. Державина о говоре приазовских сел Преслава и Инзовки.

В результате сопоставления всех этих материалов с языковыми явлениями, наблюдаемыми в современном смешанном говоре Райновки, мы пришли к выводу, что свидетельство Н. В. Попазова о составе населения этого села соответствует действительности.

Прежде чем перейти к непосредственному анализу современного райновского говора, необходимо ознакомиться вкратце с основными характерными особенностями современного говора сел Кубея и Ташбунара; о северовайсальском говоре было достаточно сказано выше-

§ 1. В настоящее время в селе Кубее два болгарских говора: на одном говорят болгары, другой сохранился только у гагаузов. В связи с изучением райновского говора нас будет интересовать только говор кубейских болгар, в основе которого лежит говор, близкий к говору села Чешмы-Варуиты, подробно описанный Н. С. Державиным.¹

Отметим следующие характерные особенности этого говора:

- 1) напряженный **ѣ** шумекского типа, произношение которого, правда, выдерживается непоследовательно;
- 2) на месте старого **ѣ** под ударением и перед твердым и мягким согласным произносят 'а. Иногда вместо 'а, например, в формах повелительного наклонения слышится 'ă. Звук 'ă можно услышать и в конце слова, например: *дв'ă, дубр'ă*; но чаще здесь произносят 'а или е, причем формы с е заимствованы у гагаузов;
- 3) отсутствует чередование а/е после шипящих и **ј**;
- 4) сохраняется мягкость согласных в конце и в середине слова, например: *кон', сол'*;
- 5) вместо конечного **х** произносят у или **ф** во всех грамматических категориях, например: *гр'аф, суѣ* и *суф, кѹпиѣ* и *кѹпиф*;
- 6) членная форма м. р. ед. ч. **о/у**;
- 7) окончание **ѣ** в словах ж. р.: *удѣ, брадѣ, главѣ*;
- 8) окончание **ѣ** в 1-м л. ед. ч. наст. вр.: *пирѣ, гъл'чѣ*;
- 9) окончание **ит** в 3-м л. мн. ч. наст. вр.: *булѣит, вѣрѣит*;
- 10) ударение, оттянутое с конца слова в существительных: *мѹмчи', брăшну, т'ăсту, гѣрни', мѹми, ѹци*.

¹ Н. С. Державин. Ук. соч., стр. 3—30.

Указанные фонетические и морфологические явления резко отличаются говор кубейских болгар от современного вайсальского говора, в котором перечисленные выше формы не употребляются, за исключением прилагательного суф. Сравнение лексики ещё больше подчёркивает это различие.

Кубейский говор	Вайсальский говор
лице́	сты́рнй
калпа́к	ша́пка
илече́	кипта́р
сты́па	чу́тора
уб'а́л	ге́ра́н
тали́га	кару́ца
т'я́рб'а	канта́рми
пу́пеш	кау́н
маму́ля	пы́пшо́й
курка́н	мисй́р и т. д.

§ 2. Современный говор села Ташбунара гораздо ближе к вайсальскому и по лексическому составу, и по основным фонетическим и морфологическим особенностям. Прежде всего он тоже относится к северо-восточным болгарским говорам по типу произношения **ѣ**. В ташбунарском говоре так же, как и в вайсальском, на месте ударного **ѣ** перед твердым согласным произносят **'а**, перед мягким — **е**. Здесь также имеет место чередование **а/е** под ударением после шипящих и **ј**. Ударение в основном тоже совпадает с вайсальским; исключения составляют *о́фци* и *ста́рна*; в вайсальском говоре вместо них употребляют *фце* и *ста́рна*.

Однако по некоторым другим фонетическим и морфологическим чертам ташбунарский говор расходится с вайсальским и сближается с кубейским. Так, например, в ташбунарском говоре употреблялись раньше мягкие согласные (об этом свидетельствуют формы: *сол'*, *пат'*, *сан'*, *ге́ра́н'*, зафиксированные Н. С. Державиным в Преславе), которые были утрачены ташбунарцами, не выехавшими в Приазовье, под влиянием болгарских переселенцев, поселившихся на месте уехавших ташбунарцев. В ташбунарском говоре так же, как и в кубейском, в существительных ж. р. употребляется **ѣ**, а в вайсальском говоре употребляется **а** (*уда́*, *глава́*).

В ташбунарском говоре в форме 1-го л. ед. ч. наст. вр. употребляется флексия **ѣ**, в вайсальском флексия **а** (*пе́ра*, *гала́*).

В консонантизме ташбунарского говора мы обнаруживаем черты, не свойственные ни кубейскому, ни вайсальскому говору:

1) последовательное употребление аффрикаты **дз**: *вардзѣ́вам*, *дза́дниѣ́*, *на́дза́т*, *дзвѣ́нец*, *ма́рдзѣ́ ма*, *салдзѣ́*, *дза́ра́н*;

2) последовательное сохранение групп согласных **бн** и **дн**: *дре́бни*, *па́днѣ́*, *гла́днѣ́*;

3) сохранение начального **в** в словах *вудѣ́* и *вол*;

4) последовательная утрата начального **ж** перед гласной: *а́рэсѣ́м*, *о́диш*, *о́ра́*, *ѣ́баф*, *ѣ́буѣ́*, *ѣ́баѣ́*;

5) употребление в качестве указательных местоимений форм *то́о*, *та́а*, *те́е*;

6) употребление частицы будущего времени **же**;

7) употребление в 3-м л. мн. ч. настоящего времени окончания **'а́т**: *варв'а́т*, *бул'а́т*. Заметим, что в современном вайсальском говоре употребляется в этих формах флексия **-а́т**.

Таким образом, в селе Райновке встретились три различных говора, два из них (ташбунарский и северовайсальский) с перегласованным произношением **ѣ**, характерным для северо-восточных говоров Болгарии, и один с неперегласованным произношением **ѣ**, свойственным юго-восточным говорам Болгарии.

Процесс смешения этих говоров в Райновке далек от своего завершения. Однако уже теперь можно ставить и решать вопрос об основе и наслоениях современного райновского говора. Решение этого вопроса основывается на сравнительном анализе фонетики и морфологии изучаемого говора. Этот анализ приводит к выводу о том, что в основе современного райновского говора лежит говор переселенцев „горного“ Вайсала (северная махала).

§ 3. В современном райновском говоре старое **ѣ** под ударением перед твердым согласным всегда произносится, как **а** с предшествующей мягкостью: *л'ату*, *м'асту*, *л'ап*, *гр'ах*, *см'ах*, *бр'ак*, *гул'ам*, *б'ал*, *б'ах*.

Но произношение **ѣ** под ударением перед мягким согласным представляет весьма пеструю картину. В этом сказывается смешанный характер райновского говора. Различное произношение **ѣ** под ударением перед мягким согласным наблюдается не только в языке разных лиц, но часто в языке одного и того же лица. Различное произношение **ѣ** в речи одного лица зависит от устойчивости фонетического положения.

Ударяемое **ѣ** перед мягким согласным произносится всеми райновцами, как **е**, если фонетическая позиция **ѣ** в данном корне или флексии устойчива, т. е. последующий слог всегда произносится мягко.

Примеры: *нап'равѣти*, *турѣти*, *зи'мѣти*; *врѣми*, *сѣми*, *нидѣл'ѣ*; *сѣѣт*, *сѣили*.

Лишь у старика И. А. Топалова (1876 год рожд.) и лишь в одном корне *сѣят* — *сѣми* можно услышать **'а** на месте старого **ѣ** вместо обычного райновского **е**. Во всех остальных словах, приведенных выше, он, как и все, произносит **е**.

В тех случаях, когда фонетическая позиция **ѣ** в корне слова неустойчива, т. е. последующий согласный в различных формах может быть то мягким, то твердым (*голѣм* — *голѣми*), произношение **ѣ** у разных представителей райновского говора не одинаково. Одни обычно в этих случаях произносят **ѣ** преимущественно, как **е**, другие — преимущественно, как **'а**, но и те и другие могут употреблять другие формы, менее характерные для их речи: первые — формы с **'а** на месте старого **ѣ**, вторые — формы с **е** на месте старого **ѣ**.

В речи И. И. Попазова (1900 год рожд.) чаще наблюдается произношение **'а**, чем **е**. Он, например, скажет: *л'ати'н*, *б'али*, *гул'ами*, *гул'амиѣ*, *сл'апи*, *т'асни*, *л'аби'н*, *мл'ачнѣ*, но вместе с тем и *гулѣми*, *смѣши'н*, *грѣши'н*, *бѣли*. У П. П. Жевжаровой (1913 год рожд.), наоборот, чаще наблюдается произношение **е** на месте **ѣ** в подобных случаях. Она скажет: *лѣти'н*, *смѣшну*, *бѣли*, *гулѣми*, *свѣшти*, *тѣсни*, *млѣчна*; но и *б'али*, *гул'ами*, *найгул'амиѣ*, *л'ати'н*.

Интересно, что эти две группы хорошо различаются по прилагательному *млѣчна*. Обычно одновременное употребление форм *мл'ачна* — *млѣчна* в речи одного лица не встречается; те, которые употребляют форму *мл'ачна*, и в остальных словах чаще употребляют формы с **'а** на

месте **ѣ**; а те, которые употребляют форму *млѣчна*, и в других словах произносят на месте **ѣ** чаще **е**, чем **а**.

Есть и такие лица (например, Д. С. Жевжаров; 1887 г. рожд.), которые безразлично употребляют на месте **ѣ** то **е**, то **а**. Они могут сказать: *цулѣми* и *цул'ами*, *б'али* и *бѣли* и т. п.

Таким образом, в отношении произношения **ѣ** в корнях с неустойчивым фонетическим положением речь большей части населения Райновки характеризуется непоследовательностью.

Совершенно очевидно, что формы с **а** занесены сюда кубейскими переселенцами.

Распространение кубейских форм в современном райновском говоре ограничивается областью употребления **ѣ**, ни в каких других сколько-либо значительных фонетических и морфологических явлениях райновского говора мы не найдем больше кубейских форм. Даже в области произношения **ѣ** употребление кубейских форм ограничивается, как мы видели, случаями с неустойчивым положением **ѣ** в корнях слов, причем и здесь они употребляются как дублиеты наряду с формами, в которых вместо **ѣ** звучит **е**.

Это говорит о том, что именно кубейские формы следует считать заимствованными, а формы с **е** на месте ударяемого **ѣ** перед мягким согласным — основными.

Усвоение кубейского произношения **ѣ** в райновском говоре — не простое механическое заимствование, а представляет органический процесс. Кубейские формы не случайно проникают в слова, в которых наблюдается закономерная смена фонетической позиции **ѣ**, вызывающая чередование **а/е**. В чередующихся формах *л'ату* — *л'ѣти^н*, *цул'ам* — *цулѣми* всегда заложена возможность образования форм *л'ати^н*, *цул'ами* по аналогии с формами *л'ату*, *цул'ам*. Реализация этой возможности в говоре тех райновских переселенцев, для которых характерно было перегласованное произношение, была облегчена наличием форм *л'ати^н*, *цул'ами* и им подобных в говоре кубейских переселенцев.

В формах *ни^едѣл'а*, *врѣм'и^е*, *сѣѣт*, где мы сталкиваемся с устойчивой фонетической позицией **ѣ**, нет оснований для образования форм с **а** на месте **ѣ** по аналогии, поскольку эти корни во всех формах произносятся с **е** на месте **ѣ**. Именно поэтому кубейские формы с **а** на месте **ѣ** в этих случаях не получили распространения в райновском говоре.

В селе Райновке до сих пор можно наблюдать последовательное употребление **е** на месте ударяемого **ѣ** перед мягким согласным, независимо от устойчивого или неустойчивого положения **ѣ** в слове, причем не только у лиц старшего поколения, но и у лиц среднего поколения. Так например, говорят старик Н. В. Попазов (1881 год рожд.), П. С. Колоянова (1910 год рожд.). Они последовательно во всех случаях употребляют на месте старого **ѣ** под ударением перед мягкой согласной **е**, а перед твердой — **а**, Н. В. Попазов скажет, например: *врѣми^е*, *сѣми^е*, *ни^едѣл'а*, *напрѣвети^е* и *лѣти^н*, *смѣши^н*, *млѣчна*, *цулѣми*, *бѣли*. Наряду с этим последовательное произношение **а** на месте ударяемого **ѣ** перед мягким согласным в Райновке уже нельзя услышать даже в речи стариков. Наиболее последователен в этом отношении был лишь один из всех наблюдаемых лиц, старик И. А. Топалов (1876 г. рожд.), у которого, кроме того, можно было изредка услышать кубейский суффикс **-аи** в прилагательных вместо обычного райновского **-ен** (*и^н*).

В речи И. А. Топалова почти не встречается дублетных форм с *е*; кроме того, он употребляет такие редкие в райновском говоре формы, как *см'аши'н*, *с'ами'*, *с'а́йт*. Но прилагательное *ир'вшен*, существительные *нед'бля*, *вр'бмя* он, как и все, произносит с *е* на месте *ѣ*.

Ударяемое *ѣ* в конце слова произносится в райновском говоре то как *'а*, то как *е*, что также свидетельствует о смешанном характере говора. В вопросительном наречии „куда“ всегда произносят *'а* вместо *ѣ*: *кад'а*, наречие „хорошо“ и числительное „две“ произносятся то с *е*, то с *'а*: *дубрэ* и *дубр'а*, *две* и *дв'а* в речи одного лица.

Тенденция к унификации форм в области чередования *а/е* в современном говоре Райновки сказывается и в утрате форм *же́би*, *че́ши* и т. п.

В настоящее время все жители Райновки употребляют только *жа́би*, *ча́ши*, *уфча́ри*, *ја́рки*; даже те, как, например, П. С. Колоянова, которые не путают *а* и *е* на месте старого *ѣ* в положении перед мягким согласным.

Лишь старик Н. В. Попазов упорно придерживается старых вайсальских форм: *же́би*, *че́ши*, *уфче́ри*, *је́рки*. Совершенно очевидно, что *жа́би*, *уфча́ри* вошли в употребление под влиянием кубейского говора, но и здесь усвоение этих форм следует связывать с тенденцией к унификации формы, которую мы наблюдали при рассмотрении употребления *ѣ* в случаях с неустойчивой фонетической позицией.

§ 4. Для изучения взаимодействия вайсальского и ташбунарского говоров в селе Райновке много дают наблюдения над консонантизмом. В случаях, когда мы наблюдаем различия между современным ташбунарским говором и современным вайсальским говором в отношении их консонантизма, в современном говоре Райновки мы видим употребление дублетных форм, одна из которых ташбунарская, другая — вайсальская. Правда, есть и такие случаи, когда при расхождении форм в райновском говоре употребляется только ташбунарская, как, например, *вол* (вм. кубейской и вайсальской *ѣ́ол*) или только вайсальская, как, например, *изы́к* (ср. ташбунарская *јизы́к* и кубейская *језы́к*).

Здесь же следует упомянуть важное явление райновского консонантизма — полное отсутствие мягких согласных в конце и в середине слова. Ср., например, употребление твердых согласных в следующих словах: *сол*, *кон*, *ден*, *другар*, *куф'ар*, *пат*, *ба́да*, *валк*. В кубейском говоре эти слова произносятся с мягкими согласными (*сол'*, *кон'*, *ден'*, *другар'*, *вал'к*, *ба́д'а*); в современном ташбунарском — с твердыми. Однако слова эти произносились с мягкими согласными также и жителями села Ташбунара до переселения их в Приазовье. Указание на это находим в говоре ташбунарских переселенцев приазовских сел Инзовки и Преслава.

Решительное вытеснение форм с мягкими согласными в Райновке также свидетельствует о том, что в основе райновского говора лежит вайсальский говор. Это положение подтверждается анализом дублетных форм, встречающихся в современном райновском говоре.

§ 5. Весьма интересный материал дает употребление аффрикаты *дз*. Напомним, что современный вайсальский говор характеризуется одновременным употреблением форм с *дз* и со звуком *з*; например: *дзван'е́ц* и *зван'е́ц* и др.; лишь глагол *вр'азвам* никогда не употребляется в этом говоре с аффрикатой *дз*.

В райновском же говоре во всех случаях, за исключением указанного глагола, употребляется только аффриката *дз*. Здесь скажут, например, *дзэдни, надзат, дзванэц, дзиний, мардзй ми, салдзэ*. В указанном глаголе тоже может быть употреблена аффриката *дз*. Но наряду с *врэдзвам* часто можно услышать и *врэзвам* в речи одного и того же лица.

Наличие дублетных форм лишь в употреблении этого глагола, наряду с последовательным употреблением аффрикаты *дз* в других случаях, свидетельствует о том, что влияние исходило со стороны ташбунарского говора, характеризующегося последовательным употреблением аффрикаты *дз*. Если предположить обратное, то трудно найти причину, почему ташбунарцами была заимствована лишь одна форма со звуком *з* и именно в глаголе *врэзвам*, в то время как появление *дз* в этом глаголе на почве говора вайсальских переселенцев объясняется довольно просто.

Полное вытеснение звука *з* и усвоение аффрикаты *дз* облегчалось для вайсальских переселенцев тем обстоятельством, что и в их родном говоре употреблялись формы с аффрикатой *дз*. Естественно, что в этот процесс был втянут и глагол *врэзвам*, когда слова с *дз* стали господствовать в речи вайсальцев. Однако именно потому, что этот глагол в их речи до этого никогда не употреблялся с аффрикатой *дз*, форма *врэдзвам* усваивалась медленнее. В тех случаях, где наряду со звуком *з* употреблялась аффриката *дз*, процесс окончательного вытеснения звука *з* аффрикатой *дз* шел, естественно, быстрее и легче.

Вот почему в современном райновском говоре мы не застали уже звука *з*, за исключением глагола *врэзвам*.

§ 6. На северовайсальскую основу современного райновского говора указывает и употребление звука *х* в конце слова.

В существительных и в глаголах 1-го л. ед. ч. аориста в Райновском говоре употребляется всегда *х*; например: *ир'ах, см'ах, б'ах, кўпих, јадах, реках*, а в прилагательных одни райновцы произносят тоже *х*, например *сух, глух*, а другие — произносят *ф*, например *суф, луф*.

Напомним, что в современном ташбунарском говоре во всех грамматических категориях конечное *х* сохраняется; в кубейском же говоре болгар конечное *х* перешло или в *ў* или в *ф*. В современном вайсальском говоре окончание *ф* встречается только в прилагательных *суф, луф*; в существительных и глаголах всегда произносится *х*: *ир'ах, см'ах, б'ах, кўпих*. Поэтому и формы с конечным *ф* вместо *х* в прилагательных, естественно, следует возводить к северовайсальскому, а не к кубейскому говору.

Напомним, что дублеты *сух* — *суф*, *глух* — *луф* не употребляются в райновском говоре в речи одного лица. Таким образом, здесь следует говорить пока не столько о смешении этих форм, в результате которого одна из форм рано или поздно будет окончательно вытеснена другой, сколько о параллельном существовании этих форм в современном райновском говоре.

§ 7. Что касается употребления *х* в начале слова, то в райновском говоре наблюдается следующая картина. Здесь говорят *л'ап, рэмә*,

но *хмел*; *о́рă*, но и *хорă*, *хубăф*, *хубуў*, но и *убуў*, *убăф*, причем оба варианта встречаются одинаково часто.

Всегда без *ж* употребляются слова: *арэсвам*, *одиш*, *одă*, *одăт*, *йтар* и др.

В ташбунарском говоре начальное *ж* перед гласными, как мы указывали, последовательно опускается; в современном вайсальском говоре употребляются и те и другие формы, но имеется тенденция к утрате форм с начальным *ж*. Об этом говорит тот факт, что формы с отпадающим начальным *ж* встречаются в нем значительно чаще, чем в вайсальском говоре. Здесь, конечно, сказалось влияние ташбунарского говора, в котором эти формы употребляются последовательно.

§ 8. Во всех остальных случаях, где мы сталкиваемся в райновском говоре с дублетными формами, преобладающими оказываются вайсальские, а не ташбунарские. Так, например, обстоит дело с группой согласных *дн* и *бн* в райновском говоре. Эти группы наблюдаются лишь в прилагательных, например: *дрэбни*, *дрэбна*, *дрэбничи^к*, *гладна*. Но и в прилагательных чаще вместо *дн* произносят *нн* — *гланна*, а вместо *бн* — *мн*: *дрэмни*. Напомним, что последовательное употребление группы *бн* и *дн* характерно для ташбунарского говора; в вайсальском говоре вместо первой всегда произносят *мн*, а вместо второй — *нн*.

В глаголах вместо группы *дн* в райновском говоре последовательно произносят *нн*; например: *панна́л*, *сённи*, *пу^огленнала*, *сённал*.

Таким образом, в основе консонантизма райновского говора лежит консонантизм говора вайсальских, а не ташбунарских переселенцев.

§ 9. В отличие от фонетики, в морфологии райновского говора очень мало дублетных форм: здесь господствуют вайсальские формы. Везде, где наблюдается расхождение в морфологии между вайсальским говором, с одной стороны, и кубейским и ташбунарским — с другой, в райновском говоре всегда употребляются вайсальские формы. Так, в словах женского рода в райновском говоре употребляется вайсальская флексия *-а*, а не ташбунарская и кубейская *-ъ*; например: *вудă*, *брадă*, *систра*, *глава*, *мумă*, *суфра*.

В 1-м л. ед. ч. настоящего времени существует также вайсальская флексия *а*, а не *ъ*, свойственная ташбунарскому и кубейскому говорам. Формы с *ъ* в райновском говоре совсем не встречаются.

В качестве частицы будущего времени в райновском говоре последовательно употребляется вайсальская частица *ше*, а не ташбунарская *же*.

Нет никаких следов членной формы мужского рода единственного числа *о/у*, которая имеется в кубейском говоре. В райновском говоре последовательная членная форма *ă/а*, которая характерна как для северного вайсальского говора, так и для ташбунарского.

Лишь в одном случае ташбунарский говор оказал влияние на морфологию райновского говора. Мы имеем в виду форму указательных местоимений для близлежащих предметов. В райновском говоре существуют две формы: 1) *тос*, *тас* и *тес* и 2) *тоă*, *таă*, *тёл*.

Первые, характерные для вайсальского говора, употребляются в настоящее время жителями Райновки редко и только параллельно со вторыми. Смешение этих форм наблюдается лишь у тех лиц,

которые до сих пор упорно хранят в речи характерные особенности вайсальского говора, например у Н. В. Папазова.

Все это свидетельствует о том, что в современном райновском говоре формы *то́а, та́а, те́а* в недалеком будущем окончательно вытеснят формы *тос, тас и тес*.

В современном ташбунарском говоре употребляются в качестве указательных местоимений для близлежащих предметов формы *то́о, та́а, те́е*, а в говоре кубейских болгар, как и у вайсальцев, *тос, тас, тес*.

Формы *то́о, та́а, те́е* в современном говоре Ташбунара, повидимому, являются новообразованием. На это указывает отсутствие этих форм в говоре ташбунарских переселенцев приазовских сел Инзовки и Преслава. По данным Н. С. Державина, в Преславе и Инзовке, как и в современном райновском говоре, употребляют местоимение *то́а, та́а, те́а*. Повидимому, и те переселенцы из Ташбунара, которые поселились в Райновке, тоже употребляли *то́а, та́а, те́а*, а не *то́о, та́а, те́е*, которые мы находим в настоящее время в Ташбунаре.

§ 10. Данные о лексике райновского говора также свидетельствуют о северовайсальской основе этого говора. В подавляющем большинстве случаев, когда один и тот же предмет именуется по-разному в Кубее, Ташбунаре и Вайсале, в райновском говоре мы обнаруживаем вайсальское слово. Так обстоит дело, например, с названием „кукурузы“, „дыни“, „индюка“ и других предметов. Ср. например:

Кубей	Ташбунар	Вайсал	Районовка
мамўля	папўр	папашбй	папашбй
куркан	куркан	мисйр	мисйр
пупеш	папон	каўн	каўн

В случаях расхождения в лексике между кубейским говором, с одной стороны, и ташбунарским и вайсальским говорами — с другой, в райновском говоре, если и встречается кубейский вариант, то лишь в качестве крайне редко употребляемого дублета. Например, „пирожки из кислого теста с брынзой“ в большинстве райновских домов называют по-вайсальски *пампўшки* и лишь в некоторых — по-кубейски *буки*.

Иногда кубейский вариант употребляется с другим лексическим значением. Так, например, в райновском говоре употребляются оба слова — *киптар* и *илече*, но одно *киптар* для обозначения „безрукавки, сшитой из овчины“, а *илече* — для „безрукавки, сшитой из шерстяной домотканной материи на вате“.

Однако в основном лексический состав современного райновского говора связан с вайсальским говором.

Таким образом, и морфологические, и фонетические, и лексические данные о говоре села Райновки свидетельствуют о том, что в основу этого говора лег говор вайсальских переселенцев, выехавших из „горного“ Вайсала. Однако на говор вайсальских переселенцев в Райновке значительно влиял говор других бессарабских переселенцев, поселившихся в Райновке, причем влияние говора кубейских болгар обнаруживается преимущественно в области вокализма райновского говора, а влияние говора ташбунарских переселенцев сказывается главным образом на консонантизме, и отчасти на его морфологии.

Л. С. Плотникова

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ГОВОРА СЕЛА КИРЮТНЯ КОНГАЗСКОГО РАЙОНА МОЛДАВСКОЙ ССР

Первое мое знакомство с кирютнинцами и их говором было случайным и весьма непродолжительным; это было весной 1948 г., когда я была командирована Институтом в Кирютню с целью сбора дополнительных сведений для диалектологического вопросника по болгарскому лингвистическому атласу СССР. Уже тогда я обратила внимание на некоторые характерные фонетические особенности говора, резко отличающие его от соседних болгарских, а именно: значительная мягкость согласных и последовательное произношение звука *ү* вместо *ж*. Тогда же мне удалось выяснить некоторые лексические различия говора и дать его общую характеристику.

Вторично я была в Кирютне с группой студентов-болгароведов Ленинградского университета во время летней диалектологической экспедиции 1948 г. На этот раз я находилась здесь восемь дней, занимаясь вместе с тремя членами моей диалектологической группы описанием говора для атласа. В процессе работы удалось установить еще некоторые особенности говора, представляющие интерес для более полной его характеристики.

Прежде чем приступить к изложению наблюдений над языком, считаю уместным сообщить предварительно основные исторические сведения о селе, о жизни и быте его жителей.

Об истории Кирютни не сохранилось никаких сведений ни в сельсовете, ни в местной церкви: все подобного рода документы были уничтожены румынами во время их последней оккупации Бессарабии, но дату основания села мы узнали без труда. В 1930 г. здесь отмечалась столетняя годовщина со дня его основания.

По утверждению кирютнинцев их прадеды прибыли в Бессарабию из болгарского села Кортен (от Коритен), которое, как они говорят, находилось недалеко от древней болгарской столицы Търново; называлось оно так потому, что „вилиатские“ кортенцы, занимаясь сельским хозяйством, были одновременно искусными мастерами по производству корыт, материал для которых доставали в соседних лесах, окружавших село почти со всех сторон. По языковым данным кирютнинцев, можно полагать, что родиной их прадедов было одноименное

болгарское село, находящееся в 8—10 км к северу от Новой Загоры. Переселялись жители Кортена в Бессарабию в два срока: первая часть их прибыла сюда в 1829 г., вторая — годом позже. Получив земельный надел, они построили себе колиби (дома) на месте нынешнего села, назвав этот надел именем родного села — Кортенем, и приступили к освоению новой земли. Позднее, по причинам, пока не выясненным, село стало называться официально Кирютней, но крестьяне употребляют чаще старое название — Кортен, а себя именуют кортенцами.

Поселившись на новой земле, кирютнинцы, как и другие переселенцы, занимались хлебопашеством и скотоводством, разводя одновременно небольшие виноградники и фруктовые сады. Как заявляют многие крестьяне, прадеды и деды их жили сплоченно, оказывая взаимную помощь в строительстве домов и в обработке полей.

В 80-х годах прошлого столетия в жизни кирютнинцев произошло событие, побудившее почти всех их основательно заняться виноградарством. А именно: в годы русско-турецкой войны 1876—1877 гг. на юге Бессарабии развернулось строительство железной дороги Бендеры Рени. Часть земли они продали государству, а на вырученные деньги организовали у себя в широких размерах виноградарство.

Гектар хорошо обработанного виноградника заменил им в среднем по доходам три гектара пахотной земли.

В конце прошлого века, когда число жителей в селе значительно возросло, кирютнинцы стали брать земли в аренду у соседних помещиков. В поисках новой свободной земли часть крестьян выехала в первые годы XX в. в глубь России: на Урал, в Сибирь и на Дальний Восток. Около 1901 г. свыше 100 семейств, купив помещичью землю на левом берегу р. Прут, поселилось несколько южнее Стояновки, основав село Циганка. Третье довольно значительное переселение кирютнинцев (около 60 семейств) на купленные ими земли относится к 1908—1910 гг. Эти выходцы из Кирютня поселились в северной части села Чобалокчия Баймаклийского района, образовав там махалу под названием Тотован. Четвертое переселение (около 30 хозяйств) было, приблизительно, в 1912 г. Поселившись почти рядом с селом Деневица, крестьяне основали село Новый Кортен.

Кроме названных крупных переселений, кирютнинцы, приобретая земли, выезжали из села в разное время группами в 7—20 семейств. Так, до 10 кирютнинских семейств поселилось в селе Голубом, около 8 — в Московей-Чикуре, примерно столько же — в Манукбееве, около 20 — в Казанджике.

С момента освобождения Бессарабии частями Советской Армии в Кирютне началась новая, свободная жизнь. По последним данным, в селе проживает 2650 человек, в том числе 2640 болгар. В нем имеется сельский совет, переоборудованная и отремонтированная семилетняя школа с двумя дополнительными зданиями в противоположных концах села, детдом, библиотека-читальня, почта, сельпо с тремя магазинами, амбулатория.

Крестьяне, проживающие в селе, за исключением полутора десятка хозяйств, являются членами двух колхозов, один из которых был организован в 1946 г., второй — в 1947 г.

Кирютнинцы с неослабевающей энергией борются за укрепление своих колхозов.

Одновременно с колхозным строительством в Кирютне сейчас проводится большая массовая и культурно-политическая работа под руководством сельсовета, учителей и библиотекаря.

О быте и нравах кирютнинцев, насколько это удалось выяснить, можно сказать следующее: как правило, они очень трудолюбивы и энергичны; в обращении с посторонними весьма обходительны и гостеприимны. До сих пор женщины, девушки и даже маленькие девочки ходят в длинных и широких юбках, сшитых для каждого дня из простой и грубой дмотканной материи, для праздников — из тонкой дмотканной или из купленной нарядной ткани. Мужчины носят национальные костюмы или отдельные части его (широкий матерчатый пояс, шапку), хотя многие из них предпочитают современную общепринятую одежду.

Переходя к рассмотрению особенностей говора, укажу прежде всего на то, что по характеру фонетических явлений, а также по типу членной формы имен мужского рода кирютнинский говор является типичным балканским говором Болгарии, с характерными особенностями говоров сливенской группы.

Так, на месте звука **ѣ** в нем, без исключений, наблюдается под ударением после мягких согласных только **а** в положении перед твердым слогом и **е** — перед мягким. Поэтому в Кирютне говорят: *в'арѣ*, *л'ату*, *л'ап*, *цул'ам*, *б'алѣ*, *б'ах*; но: *вѣрен*, *лѣтен*, *погулѣми*, *бѣлѣѣ*, *бѣши*.

Звук **а** наблюдается здесь и на месте конечного ударного **ѣ** в наречиях *дубр'а* и *кѣд'а*, но *две*; форму же *дв'а* наряду с *две* можно услышать редко у стариков.

По аналогии с двойным произношением древнего **ѣ** как **а** и как **е** при тех же фонетических условиях изменяется в говоре и звук **а** после мягких согласных и **ј**; ср.: *жѣбѣ*, но *жѣби*, *шал*, но *шѣл'чи*, *пјан* — *пјѣни*, *Трув'ан* (Троян) — *пу-трувѣн'уки*, *Стув'ан* (Стоян) — *Стувѣни*.

После **ч** вместо ожидаемого звука **а** перед твердым слогом так же, как и перед мягким, наблюдается только **е**, так что здесь говорят: *чѣшѣ* — *чѣши*; *кучѣн* — *кучѣни*; *фчер* — *фчер'а*.

Кирютнинский говор характеризуется также редукцией безударных гласных широкого образования **а**, **о**, **ѣ**, **е**; причем сильнее и последовательнее всех редуцируется звук **о**, изменяющийся преимущественно в **у** и реже в **оу**. Безударный **а** звучит в говоре, как **ѣ**, безударный **ѣ** — как **а** и **а**.

Сложнее обстоит дело с безударным звуком **е**, который, редуцируясь, в большинстве случаев переходит в **и** или в звук, близкий к **и** (**и^е**, **е^и**); иногда звучит, как **ѣ**, а в определенных положениях слова остается неизменным.

Как в большей части балканских говоров, в говоре Кирютни звук **ѣ** (из **ѣ**, **ѣ** и **ѣ**) ненапряженный; членная форма имен мужского рода в единственном числе оканчивается на **ѣ** под ударением и на **а** в безударном положении.

Остановлюсь теперь на обзоре основных особенностей говора. В фонетической системе кирютнинского говора самые интересные и разнообразные явления падают на долю консонантизма.

Из гласных прежде всего следует остановиться на редукции безударного **е**, изменение которого в говоре не представляет единообразия

и зависит, как кажется, главным образом от происхождения этого звука (развившегося в болгарском языке из четырех древних звуков *е, ѣ, ѣ и ѡ*) и затем уже от его фонетического положения в слове. Пока, на основании проделанных наблюдений и анализа записанной речи кирютнинцев, можно сделать такой вывод:

1. **Последовательнее всего** редуцируется, за небольшим исключением, звук *е*, восходящий к старому *е*, который в корнях слов, в глагольных суффиксах, в именных и глагольных окончаниях, в приставках, предлогах и отрицании *не* переходит в *и* и реже — в *и°* и *е°*. При этом сильнее и отчетливее ощущается редукция в предударных слогах и слабее — в заударных, особенно в первом заударном слоге, где наряду с *и* наблюдаются также *и°* и *е°*.

Звук *и* на месте безударного *е* из *е* в Кирютне находим:

а) В корнях слов: *жинá, систрá, зимá, чилá, чил'áк, жил'áзу; зил'én, диб'él; див'етá; митá, нисá, плитá, пич'ém, сигá.*

б) В глагольных суффиксах настоящего времени глаголов I спряжения:

во 2-м л. ед. ч.: *р'эжиш, с'б'униш, жув'ениш, ш'иш, игр'аиш, м'оиш, (-можеш), куп'аиш;*

в 3-м л. ед. ч.: *р'эжи, с'б'уни, н'икни*; в глаголах с конечным *ј* после гласной часто совсем не произносится; ср.: *жув'еј, ш'иј, игр'ај;*

в 1-м л. мн. ч.: *р'эжим, с'б'уним, жув'еим, ш'им, игр'аим* и т. д.;

во 2-м л. мн. ч.: *р'эжити, с'б'унити*, где суффиксальный гласный после *ј*, как и во 2-м л. ед. ч., в быстрой речи не произносится; например: *жув'ејти, ш'ијти, игр'ајти.*

в) В окончаниях имен: *лáпи, прас'енци, лóзи, г'рни* и т. д.; реже можно услышать и *лáпи°, прас'енци°, лóзи°, г'рни.*

г) В глагольных окончаниях настоящего и простых прошедших времен:

в 1-м л. мн. ч. у глаголов III спряжения и во 2-м л. мн. ч. трех спряжений в настоящем времени: *д'умáми, прикáрáми, ймáми; р'эжити, с'б'унити, жув'ејти*, и т. д.;

во 2 и 3-м л. имперфекта: *б'еши, ймáши, д'умáши*; но и *б'еши°, ймáши°, д'умáши°;*

в 1 и 2-м л. мн. ч. двух простых прошедших времен: *б'áүми, ймáүми, д'умáүми, жув'áүми, прикáрáүми; б'áхти, ймáхти, жув'áхти*, и др.

д) В повелительном наклонении мн. ч.: *кáж'ети, илáти, игр'ајти, тур'ети.*

е) В действительном причастии прошедшего времени на *л* во мн. ч.: *извáдили, д'умáли, ймáли.*

ж) В приставках, предлогах и отрицании *не*: *примин'енá, прикáрáх, присл'едвáүá; бис ракáви, ни áр'есвáт.*

Исключение из этой общей и последовательной картины представляют лишь отдельные слова, например *п'áро* (перо), ср.: *л'укуи п'áрá, чáр'ешá* (= череша), *чáр'н'иүá* (= черница в значении шелковица), *сáд'эфени синц'е* (от *седеф*), *п'áр'он* (= *пер'ион* — пила) и некоторые другие, где безударный *е* звучит, как *á*; то же в глаголах *б'áрá* и *п'áрá*, хотя говорят здесь одновременно *бирá* и *пирá*.

В суффиксах имен существительных, прилагательных и страдательных причастий прошедшего времени гласный *е* в конечном заударном положении в закрытом слоге не редуцируется. В Кирютне скажут

только: *пѣтел*, *штѣркел*, *кѣденц*, *кѣрен*; *вѣсел*, *кѣсел*, *укрѣсен*, *хѣупен*, *зѣмѣчен*, *нѣпраѣн* и т. п. Однако наблюдаются параллельные формы с *ѣ* вместо *е*; ср.: *вѣс'ѣл*, *хѣуп'ѣн*, *нѣпраѣнѣ* и т. д. Если же за этим суффиксом появляется еще один слог, то возможна и редукция гласного *е* в *е'* и *и'*: *укрѣсе'ни*, *по-вѣси'лу*, *кѣсе'лу мл'ѣку*, *хѣупе'ни*, *нѣпраѣ'ни*; в предударном положении и суффиксальный *е*, редуцируясь, переходит в *и*; ср.: *рѣминѣ*, *симинѣ*, *удинѣцѣ* (но *го'денѣк*, *го'денѣцѣ*).

Наконец, не редуцируется еще и конечный *е* в формах звательного падежа имен женского рода типа: *Мѣриѣке*, *Ириѣ'ке*, и т. п., в то время как зательная форма от *Стув'ѣн* (= *Стоян*) будет *Стув'ѣни* (= *Стоене*).

2. Изменение безударного е из Ѧ. Безударный *е* из *Ѧ* как в корнях, так и в суффиксах, за редким исключением, изменяется в *и*: *изѣк*, *мисѣ*, *свитѣ нидѣл'ѣ*, *придѣ*, но и *пр'ѣдѣ*, *пидисѣ*, *дивидисѣ*, *мѣиц* и др.

В окончаниях имен существительных, кроме *и*, можно услышать и *и'* и *е'*: *ѣреми*, *семи*, *ѣми* и *ѣреми'* — *ѣреме'*, *семи'* — *семе'*, *ѣми'* — *ѣме'*, и др., где безударный *е* звучит так же, как и в формах типа *лѣзи'*, *ѣрни'*, *бѣши'* и т. п.

В винительном падеже местоимения 1 и 2-го л. ед. ч. наблюдаются только *ѣ*: *мѣн'ѣ*, *тѣб'ѣ*.

3. Безударный е из Ѣ. Наблюдающийся в суффиксах прилагательных, не редуцируется. Поэтому прилагательные с безударным суффиксом *ен* из *ѣн*, *ек* из *ѣк*, *ел* из *ѣл* в Кирютне звучат с *е*: *чѣрен*, *лѣтен*, *сѣлен*, *влѣжен*, *стрѣшен*, *тѣсен*, *бѣден*, *бѣсен*, *тѣжек*, *свѣтел* и т. д.

Как и у причастий на *н*, здесь встречаются параллельные формы с *ѣ* вместо *е*: *чѣр'ѣн*, *бѣс'ѣн*, *бѣд'ѣн*, *тѣжѣк*, *свѣт'ѣл*; но чаще употребляются первые формы.

4. Более пеструю картину представляет изменение безударного *е* из *Ѣ*. Здесь так же, как в других случаях, в корнях слов возможны два варианта — или *н*, или *ѣ*. При этом первый, как кажется, преобладает; ср.: *дѣзвиздѣ*, *рикѣ*, *дитѣ*, *приминѣнѣ*, *сикѣ* — *сичѣм*; но, с другой стороны, в Кирютне говорят только *с'ѣнѣ* (сено), *ст'ѣнѣ* (стена), *б'ѣлѣсѣнѣ* (побеленная) и др.; некоторые слова известны в двух вариантах: при обычной форме *т'ѣстѣ* здесь говорят и *тисѣтѣ*.

На месте безударного суффиксального *е* из *Ѣ* наблюдаются звуки *е* и *ѣ*, но какой употребляется чаще, без дополнительных наблюдений сказать трудно (возможно, что второй).

Значительно проще с окончаниями, где в одних формах наблюдается только *ѣ*, в других только *и*. Так, наречия с конечным безударным *е* из *Ѣ* произносятся с *ѣ*: *сѣтн'ѣ*, *ѣтр'ѣ*, *нѣгѣр'ѣ* и т. д., а членная форма имен мужского и женского родов во мн. ч. — только с *и* и реже с *и'*: *мумѣи*, *кнѣи*, *рѣклѣи*, *бѣѣрѣцѣ(и)и*.

Из числа особенностей говора в системе гласных звуков следует отметить еще своеобразную назализацию гласного *е* перед конечным носовым согласным *н*. Это явление обнаруживается преимущественно в речи стариков и, как правило, тех стариков, которые совсем не знакомы с русским языком и соседними болгарскими говорами; кроме того, только в конечных суффиксах имен существительных, прилагательных и причастий как под ударением, так и в безударном положении, например: *кѣрен*, *ѣсен*, *лѣтен*, *чѣрен*, *ѣрѣшен*, *зилѣн*, *студѣн*,

хчупен и т. д. Так что слова этого типа в произношении некоторой части кирютнинцев можно транскрибировать с носовым гласным: *коре́, іесе́, лете́, че́ре*.

В области согласных прежде всего обращает на себя внимание значительная их мягкость в середине и в конце слов.

Мягкость конечных согласных в большей или меньшей степени отмечена в словах: *дружа́р', кон', сол', пѣт', шес'* (шесть), *син'* (синий), *па́пу́р', сѣн', зет', пипѣ́р', па́да́р', (х)а́же́т'* и некоторых других.

В середине слов она наблюдается в некоторых формах и в определенном фонетическом положении:

а) В членной форме имен мужского рода ед. ч.: *притсида́тел'а, фче́р'а, я́рма́н'а, чии́р'а, пишкі́р'а, ки́лім'а*; при: *притсида́тел, фчер, я́рма́н, чии́р, пишкі́р, ки́лім* и др.

б) Перед личным окончанием у глаголов II спряжения в 1-м л. ед. и 3-м л. мн. ч.: *пра́в'а — пра́в'ат, ту́р'а — ту́р'ат* и многих других подобного типа, но только *спа — спѣт* и *сидѣт*.

в) В середине слов под влиянием последующего мягкого слога: *вѣ́л'нени, а́ба́л'ки, ше́л'чи, сиде́н'ки, бѣ́л'ги*. при: *вѣ́лнѣ, а́ба́лкѣ, шал, сиде́нѣкѣ, ба́лгѣ*.

г) При пропуске гласного переднего ряда: *у́л'ца́тѣ, ут'шлѣ, за́н'сѣт* (принесут), *на́р'де́т* (устроят), но при этом только *куби́лца́*, а не *куби́л'ца́*.

д) В прочих случаях в середине слов: *ку́ж'у́х'чи, ка́л'цѣ́н, п'а́рг'он'а* (пила), *му́р'д'а* и некоторых других.

Перед гласными переднего ряда все согласные произносятся здесь более палатально, чем в литературном болгарском языке. Никаких следов сильного смягчения зубных *т* и *д* перед *е* из *ѣ* с их дальнейшим переходом в *к'* и *г'* в говоре не отмечено. Косвенным и единственным намеком на существовавшее, быть может, некогда сильное смягчение зубных перед *ѣ* является широко употребляющееся в говоре слово *лѣ́снѣ* (= *дѣ́сно*).

Второй очень яркой особенностью в области согласных является употребление звонкого фрикативного звука *γ* вместо *ж* и *с*, в именах и глагольных образованиях, главным образом в середине слов: *сна́γ'а, му́γ'а, ба́лγ'а, бѣ́л'ги, за́γ'ар, у́γ'о, ку́γ'ни, ме́γ'ни* и т. п., где этот звук находится или в интервокальном положении, или между плавным и гласным, или гласным и носовым. Исключение представляет лишь слово *дре́хи*, произносящееся только с *ж*.

Очень часто звук *γ* наблюдается в простых прошедших временах в 1 и в 3-м л. мн. ч.: *б'а́γ'ми — б'а́γ'а, купи́γ'ми — купи́γ'а, йма́γ'ми — йма́γ'а, дѣ́ма́γ'ми — дѣ́ма́γ'а, жу́в'а́γ'ми — жу́в'а́γ'а*.

Важно отметить, что звук *γ* отчетливо произносится людьми обоих полов и всех возрастов за исключением лиц, знающих русский язык или знакомых с соседними болгарскими говорами, но даже и в их произношении чаще можно услышать *γ*, чем *ж*. Поэтому можно полагать, что звук *γ* на месте *ж* в середине слов и особенно в интервокальном положении, где он никогда не выпадает, — черта очень старая, органическая и устойчивая в этом говоре.

Иначе обстоит дело с начальным *ж*, который в ряде слов не произносится: ср.: *л'ап, а́рѣ́сѣм, о́ра, о́диш*, но и *хо́ра, хо́диш* и только *ху́ба́ф, хра́на, хре́мѣ*, но и *γре́мѣ* и чаще *γро́м'а́л*, хотя говорят и *хро́м'а́л*.

Глухой фрикативный звук наблюдается еще вместо **с** и **ш** в словах типа: *хчүпих*, *хчүкәх*, *хчитәм*, *мехчинә*, *нохчи*, где происходит своеобразное и закономерное для говора изменение групп согласных **сч** и **шч** в **хч**.

В аналогичных русских словах чаще слышится звук **ж**; ср.: *хчи-та́йу*, *ты́хчә*, *сәве"хчәни́е*, *пәмехчик*, *мухчинә* и др. Для иллюстрации сказанного приведу любопытную фразу, записанную мной от одного крестьянина-виноградара: *Тыхчә х чәмтә пудов винәрәдә нәхчитывәйт на плөхчәди в әдин ге"ктәр*.

Звук **ж** встречается, наконец, в говоре еще в собирательных суффиксах имен существительных типа: *мумичәхтә*, *пил'әхтә*, *күчәхтә*, где перед глухим согласным **т** он произносится очень слабо в виде легкого придыхания и появляется здесь не как заменитель другого звука, а в силу каких-то иных фонетических причин; в соседних болгарских говорах в этом случае наблюдается преимущественно **й**. Следует отметить, однако, что звук **ж** в указанных формах наблюдается главным образом в произношении пожилых людей; кирютнинская же молодежь произносит их обычно без **ж**. *Мумичәтә*, *пил'әтә* и *пил'тә*, *күчәтә*.

Интересно изменение носового согласного **н** перед заднеязычным **к** в небо-носовой **т**; ср.: *сид'әткә*, *сиде́тки*, *дөл'н'әткә* (косынка), *стрү́тка* (сито); а также в формах звательного падежа имен женского рода типа.: *Сөһ'ке*, *Ири́'ке*, *Кәли́'ке*, *Стәһ'ке*, *Пе́'ке*. И это явление последовательно обнаруживается у людей обоих полов и всех возрастов; его можно услышать иногда даже у лиц, хорошо знающих русский язык.

Характерным фонетическим явлением в кирютнинском говоре следует признать также употребление **й** вместо начального **в** перед **о** или согласным; например: *йол*, *йосем*, *йосәк*, *йре́ми*; хотя говорят и *вре́ми*, *йрәмни́цә* наряду с *врәмни́цә*, *йнү́к*, *йнү́чкә*, *йнү́чәхтә* и т. д.; то же в русских словах: *йот* (вот), *йрет* (вред), *йол'на́йә та́рйөү'лә*, но и *та́рйөү'лә* и т. д.

В отдельных словах наблюдается исчезновение начального **в**; ср., например: *удә*, *удини́цә*, *у́скә*, но и *ву́скә*, *ву́нә*, где он, пожалуй, поддерживается влиянием русского языка. **й** наблюдается и перед начальным **о**: *йөшти*, *йөһән*; однако известно и отпадение начального безударного **о**; ср.: *фца*, *фцети*, *фчер*, но *о́фчи*.

В конце слов **й** крайне редко; здесь говорят, например, *блү́ткәй*, но *хү́бәф* и очень редко — *хү́бәй*. В середине слов звук **й** вместо **в** возможен лишь в положении перед согласным звуком; ср.: *кра́сту́йци*; в русских словах: *за́йтра*, *гла́йны* и некоторые другие.

Интервокальный звук **в** в подавляющем большинстве случаев не произносится; например: *жио́т* (жизнь), *дибо́кә* (девушка), *сло́у* (слово), *куло́и* (колы — от кол), *дуо́лен* (доволен), *прудо́'әх*, *на́прай'ах*, *нецу́уту хуз'ә́ст(в)у*, но *привизло́*, а не *приизло́*.

Наблюдается выпадение и неинтервокального **в**, например: *то́йә ба́штә* (твой отец), *дор* (двор), *вэр'әлә* (шла); ср.: *ба́бәтә вэр'әлә* из *до́рә*, *вэ́рет*, *ка́ко пра́иш*. При этом в быстрой речи могут выпадать и другие, рядом стоящие звуки; ср.: *ко пра́и то́йтула́пи* (каково прави твойто лапи).

С другой стороны, весьма обычным в говоре должен быть признан интервокальный **в** взамен выпавшего **й**; ср.: *стув'ән*, *труве́нци*, *стуве́т* (стоят), *дуве́т* (доят) и др.

Обратная замена, т. е. *j* на месте интервокального *в*, отмечена только в формах от глагола *уловя*, а именно: *си́гá ше цу улúжá, ас цу улúжáх*.

Из наблюдений над другими согласными и группами согласных следует отметить последовательную ассимиляцию губных и зубных носовым согласным. Люди всех возрастов говорят в Кирютне только: *дрёмни дицá, ўрёмницá, сённá, пулénнá, пупáннáх ф плен, сѣм жённá, гáннá, ут плáн'н'а, турí цу нá хлáнну* и т. п.

Показательны для характеристики говора и аффрикаты *дж, дз*, употребляющиеся здесь в словах: *джоп, джúни, джам; дзвáнѣц, дзвиздá, сэлáзá, вѣрдáм* и многих других подобного типа, за исключением слова *жил'áзу*, которое произносится здесь без аффрикаты, а также наряду с обычной формой *дзáнницá* говорят и *зáнницá*.

Главная морфологическая особенность кирютнинского говора, роднящая его со сливенскими говорами Болгарии, состоит в том, что имена существительные женского рода с основой на *а* оканчиваются здесь под ударением только на *а*, а не на *ъ*, как в других балканских и северо-восточных говорах Болгарии, а именно: *жинá, кусá, ркá, брáдá, гáвá, удá, млá, снá, снáгá, тривá, даскá, цурá*.

Только на *а*, а не на *ъ* оканчиваются в 1-м л. ед. ч. настоящего времени и глаголы I спряжения с ударением на окончании; например: *плитá, придá, митá, нисá, читá, п'áрá* (= пера) и др.; *ъ* наблюдается только в 3-м л. мн. ч.: *плитѣт, придѣт, митѣт* и т. д.

Следующая важная морфологическая особенность кирютнинского говора, роднящая его со старозагорскими говорами Болгарии, состоит в том, что последовательно сохраняющаяся в нем мягкость согласных основ у глаголов II спряжения в 1-м л. ед. ч. и в 3-м л. мн. ч. настоящего времени способствует сохранению под ударением гласного *е* из *А* в окончании 3-го л. мн. ч. настоящего времени, а именно: *стувѣт* (= стоят), *вѣрѣт* (вѣрвят), *нáрдѣт* (= наредят), *мѣл'чѣт* (= мѣлчат), *булѣт, кусѣт, тупѣт* и многие другие.

Исключения представляют, как кажется, только два глагола: *спѣт* (1 л. ед. ч. *спа*) с твердым согласным в основе и *ѣт* в окончании 3-го л. мн. ч. и *сидѣт*; причем последний употребляется в говоре в этой форме очень редко.

Чрезвычайно любопытной морфологической особенностью говора должны быть признаны формы аориста от глаголов II спряжения с ударением на корне, у которых гласный основы *и* в безударном положении переходит в *а*, в связи с чем формы аориста у этих глаголов, особенно у глаголов без приставок, совпадают с формами имперфекта.

Из более мелких морфологических особенностей говора хочется отметить форму указательных местоимений, которая здесь всегда одна и та же; для близрасположенных лиц и предметов это будет только:

тос чил'áк, тос жио́т;

тѣс жинá, тѣс лáмбá, тѣс кóгá;

ту́г дитѣ, ту́г врэми;

тес мумí, тес рóкли, реже — т'áвá.

Для отдаленных предметов и лиц: *о́нзи, ун'ѣс, ун'úг, ун'ѣс* и реже — *ун'áвá*.

Определительное местоимение мужского рода только *тăкôс*, а не *тăкôф*; ср.: *тăкôс чил'ăк*, *тăкôс чувѐн* (чугун), но и *тăкăвă ламбă* при *тăкăс рôкл'ă*.

Вместо определительного местоимения *сѣки* (каждый) говорят здесь *кăтă*; ср.: *кăта ĭдин дѐн ас духôд'ăм на рăбутă ф шес' чăсă*.

В функции определительного местоимения „все“ употребляются формы *сѣн'ки* и *сѣчки*; например: *сѣчки мôĭти рôкли*.

Остановлюсь еще на некоторых лексических особенностях говора.

Сравнительное изучение лексики кирютнинского говора с лексикой других болгарских говоров Молдавской ССР и Измаильской области УССР также указывает на сливенское происхождение кирютнинского говора, однако названием отдельных предметов он резко отличается от некоторых говоров, сливенских же по происхождению.

Так, например, здесь, как в некоторых других сливенских говорах, употребляются слова: *джѹни*, *старнѣ*, *джам*, *чѹтурă*, *кôĳă*, *кăдѐнцѣ*, *тăрă*, *кăнтăрмѣ*, *пăпѹр'*, *фитôк*, *куĳрѹк*, *милѣнă* и некоторые другие. При этом в названии отдельных предметов иногда кирютнинский говор сближается с одними говорами и расходится с другими. Например, в Кирютне и Твардице говорят: *пôс*, *пăрăл'ă*, *пеш*, *тăлѣкă* — *тăлѣă*, *фтѣшти*, *ѹгăрѣди*; в то время как в Исерлии скажут *шăпкă*, а в Пандаклии — *кăлпăк*; для названия круглого обеденного столика в двух последних говорах известно только *суфрă*; „печь“ называется *сôбă*; вместо *тăлѣнă* в них говорят *кăрѹĳă*, вместо *фтѣшти* — *бѹби*, а вместо *ѹгăрѣди* — *джумѣрки*.

В названии же некоторых других слов наблюдается обратная картина. „Меховая безрукавка“, например, в Кирютне, как в Исерлии и Пандаклии, называется *куж'ѹх'чи*, в Твардице же — *бидѐнчи*; „колодец“ в первых трех назван *кăдѐнцѣ*, в то время как в Твардице — *ѹрăн*; „носилки для переноски соломы“ в первых трех — *тăрă*, а в последней — *ѹтăк*; „грядка“ в Кирютне, Исерлии и Пандаклии называется *кърѣк*, а в Твардице — *фитăрѣĳă*; для названия „дыни“ в первых пользуются словом *кăĳн*, в Твардице — *пѣпиш*; „хвост“ в первых селах называется *куĳрѹк*, в Твардице — *упăшкă*.

Наконец, названием некоторых предметов и понятий кирютнинский говор резко отличается от других сливенских говоров, и в том числе от говоров Твардицы, Исерлии и Пандаклии.

Если во многих других сливенских говорах словом *сôбă* называется „печь“, то в Кирютне оно значит только „комната“, а слово *кѣштă* обозначает „жилой дом“.

„Печь“ имеет здесь два названия: *пеш* и *к'ум'бѣт'*. Почему так — с уверенностью ответить трудно. Возможно, что *к'ум'бѣт'* более древнее название; но скорее всего, что оба названия должны быть признаны одинаково старыми; вероятно, раньше они служили для обозначения двух разных печей, а именно: словом *пеш* называлась „печь для приготовления пищи“, а словом *к'ум'бѣт'* — „печь только для обогрева комнат“. Дело в том, что некоторые кирютнинцы и сейчас называют свои печи по-разному, в зависимости от их назначения и типа кладки; при этом первая будет только *пеш*, а вторая — только *к'ум'бѣт'*. Но для многих кирютнинцев, которые имеют в своем доме только одну печь, служащую одновременно и для обогрева и для приготовления пищи, эти названия равнозначны.

Словом *цейв'ан* здесь называется „навес перед домом“, а не открытый сарай, как во многих других говорах; „открытый сарай для телег и сельхозинвентаря“ называется в Кирютне *ш'апр'он*.

Имеются в говоре и другие лексические особенности. Так, наряду со словом *куж'у'х'чи* (меховая безрукавка) известно, правда, сейчас уже малоупотребительное слово *ил'ечи*. „Кожаный ремень“ здесь называется *кул'анче*, „чулки“ — *ка'л'ц'уни* (независимо от материала, из которого они сделаны), „плотничья пила“ — *п'а'ри'он*; в зависимости от размеров ее называют *гу'лам п'а'ри'он* и *ма'лак п'а'ри'он*, „пила же для подрезывания виноградных кустов“ — *п'а'ри(и)он'чи*. „Гвоздь“ здесь будет только *го'зде'и*, в то время как в соседних селах — *пе'рон*; „птичий клюв“ у любых птиц называется *чо'п'ка*; „пчелиные соты“ — *че'шки*, „сито для муки“ — *стру'и'ка*, „косынка“ — *до'л'н'а'и'ка*, „щеколда“ — *дз'умб'ал'де'ки* или *дзимбил'де'ки*, „каменные или глиняные ступеньки“ — *ба'с'а'ма'ци* (ед. ч. *ба'с'а'ма'к*); для понятия „прошлый год“ употребляется только *ун'с цуд'и'н'а*.

Очень широко распространено в говоре прилагательное *дэрт*, *дэрт'а* в значении старый, так что здесь скажут: *дэрт чил'ак*, *дэрт'а ба'ба*, *дэрти кра'сту'у'ци* и т. д. Лишь молодежь и люди, знающие русский язык, избегают употреблять это прилагательное, пользуясь словом *стар*, *ста'ра*. Древним и употребительным является также прилагательное *лэсну*, хотя с ним уже начинает конкурировать новообразование *пра'ву*.

Вместо глагола *истри*, *утри* здесь находим *убэриш'и*; ср.: *да'и'ти ми пиш'ки'р'а да си убэ'риш'а ли'цэ'ту и ра'цэ'ти* (дайте мне полотенце, чтобы вытереть лицо и руки).

Некоторое своеобразие наблюдается также в употреблении глагола *се'дя*, который совершенно неизвестен здесь в речи многих кирютнинцев, от основы несовершенного вида в формах изъявительного и повелительного наклонений и употребляется только от основы совершенного вида, так что повелительная форма от этого глагола будет только *син'ни* — *син'ни'ти*; ср.: *син'ни ду ме'н'а и ка'жи ми на'ку'и сло'у*, а форма настоящего времени передается описательно, например, *син'кити сту'вэ'т се'н'н'а'ти*; только некоторые кирютнинцы, главным образом знающие русский язык, говорят: *си'н'кити сидэ'т*, под влиянием чего говорят здесь и *си'н'кити сидэ'т се'н'н'а'ти*.

Н. Котова

ГОВОР СЕЛА ТВАРДИЦЫ МОЛДАВСКОЙ ССР

(К истории сливенского говора)

Село Твардица — болгарское поселение в Молдавской ССР. По языку и быту оно представляет большой интерес для исследователя-болгароведа; между тем до сих пор о нем почти нет никаких печатных сведений, кроме нескольких строк в книге Титорова „Българите в Бессарабия“ (1905), где говорится, что это село было основано в 1830 г. выходцами из болгарского села Твардицы (Сливенская область) и что в селе „има хубава църква и работна земя 7205 десетини“. В книге Н. С. Державина „Болгарские колонии в России“ о Твардице нет никаких сообщений.

Сведения о Твардице, которые дает Титоров в своей книге, соответствуют действительности. Бессарабское село Твардица было, действительно, основано в 1830 г., и его жители пришли сюда из села Твардицы, расположенного в 30—35 км к западу от гор. Сливена. В 1930 г. в селе отмечалось столетие со дня его основания.

Летом 1947 г. Твардицу посетил С. Б. Бернштейн с целью сбора материала для составления вопросника по атласу болгарских говоров в СССР. В своем „Отчете“, напечатанном в первом томе „Ученых записок Института славяноведения“, он сообщает о заселении Твардицы и о некоторых фактах из истории села.

По рассказам старожилов села, переселенцы из болгарской Твардицы пришли в Бессарабию в 1829 г. (т. е. во время последнего массового переселения болгар в Россию, после русско-турецкой войны 1828—1829 гг.), но село было зарегистрировано только в 1830 г., так как пришельцы долго не могли найти свободной земли; все земли вокруг к этому времени были уже заняты.

Как рассказывают твардичане, каждая семья получила по 60 десятин земли. Русские власти оказывали покровительство переселенцам. Так, твардичане в течение 30 лет не платили никаких налогов и на 45 лет были освобождены от исполнения воинской повинности (только в 1874 г. жителей Твардицы стали брать на военную службу).

Сейчас Твардица — большое село с населением 5110 человек (по данным на 1 марта 1949 г.); жители объединены в четыре колхоза, которые известны в Молдавии как одни из самых богатых; единоличных хозяйств уже почти не осталось. Село электрифицировано и

радиофицировано. В Твардице работают две начальные школы, школа-семилетка; строится здание для школы-десятилетки. Имеется библиотека и несколько клубов, в которых демонстрируются кинокартины, проводятся беседы. Под руководством сельской интеллигенции и сельсовета проводится большая культурно-просветительная работа.

Наша работа посвящена описанию фонетической системы говора, морфологических форм и их употребления.

Говор нашей Твардицы представляет один из сливенских говоров. К сожалению, никаких работ о языке болгарской Твардицы нет; поэтому и нет возможности сравнивать говоры этих двух сел.

Материалы по сливенскому говору очень бедны; можно сказать, что этот говор почти не изучен. Известны лишь небольшая работа Панайотова,¹ в которой он пишет о языке города Сливена, и краткое описание сливенского говора в книге Милетича.²

Кроме этих двух работ, было опубликовано несколько записей текстов по сливенскому говору, но все они не дают представления о говоре. Это главным образом песни, записанные весьма несовершенной транскрипцией. В журнале „Периодическое списание“³ опубликованы две песни; в „Сборнике“ Шапкарева — 8 песен, в журнале „Родина“⁴ — несколько песен, в книге Каравелова⁵ — 3 песни. К статье о сливенском говоре Панайотов прилагает рассказ о Хаджи Димитре, четыре сказки и две песни; он же опубликовал песни, записанные в Сливене.⁶

Подобные материалы нельзя использовать для изучения говора: песни представляют много форм, несвойственных говору. Кроме того, некоторые собиратели песен приносят в записи черты своего говора. Так, например, Шапкарев при записи вносит в язык сливенских песен черты западноболгарских и македонских говоров.

Образцы прозаической речи дает только Панайотов. Но его фонетическая запись тоже не отличается точностью (редукция гласных звуков в безударном положении отмечается приблизительно). И из его текстов только один дает представление о живой речи; сказки также неполноценный диалектологический материал.

Небольшое описание говора гор. Сливена, которое дает Панайотов, сводится к перечислению отдельных черт фонетики и морфологии, без разграничения исторических процессов и живых, действующих в языке; ни о какой системе говора не может быть и речи. Панайотов описывает говор Сливена, Милетич объединяет в своем описании говоры Сливена, Старой Загоры, Ямбола и селений в их окрестностях. Описание Милетича, отличается краткостью. Он дает ряд фонетических черт, отмечая произношение старых ж и џ, звука е в положении вне ударения на месте разных звуков; говорит о редукции гласных, о судьбе интервокального в и о некоторых сочетаниях согласных звуков. Из морфологии выхвачено произвольно несколько явлений: членная форма существительных мужского рода единственного числа, остатки падежных форм, формы причастий на л и некоторые другие. Иногда как собственные говору черты отмечаются явления, ему чуждые.

¹ „Сборник за народни умотворения“, т. 18, 1901.

² „Das Ostbulgarische“, Wien, 1903.

³ Браила, кн. V и VI.

⁴ „Родина“, 1900, кн. I, II, V.

⁵ „Болгарские народные песни“.

⁶ „Сборник за народни умотворения“, книга XXII — XXIII.

Разобранные выше материалы и работы — единственные источники, по которым мы можем судить о сливенском говоре. Говор нашей Твардицы может дать ценный материал для истории сливенского говора.

Наша задача — дать описание системы данного говора на основании современных фактов языка в их развитии.

Материалы для данной работы были собраны во время летней диалектологической экспедиции 1948 г. в болгарские районы Молдавской ССР и Измаильской области УССР (10 дней было посвящено сбору ответов для программы атласа болгарских говоров и 10 дней — специально сбору материалов для описания говора), а также во время зимней поездки в Твардицу (5—25/II 1949 г.)

Объектами изучения выбирались коренные жители села как старшего поколения, так и молодежи. Представители старшего поколения обычно более консервативны в языке (часто неграмотны, не знают русского языка), особенно женщины, так как они чаще всего живут безвыездно в своем селе; мужчины же знакомились с русским языком на военной службе или во время выездов в другие села, города и области. Молодежь обычно грамотна и в той или иной степени знакома с русским языком.

Основными объектами изучения были: Каламанова Степанида Илиевна (85 лет), Паскова Елена Ивановна (62 года), Папазова Мария Пантелеймоновна (59 лет), Кара Елена Петровна (43 года), Попов Владимир Степанович (76 лет), Гайдаржи Слава Захариевна (19 лет), Врагалева Домника Петровна (23 года), Ариков Николай Георгиевич (19 лет), Гайдаржи Захарий Дмитриевич (23 года), Каламанова София Илиевна (16 лет).

Были использованы также записи языка других жителей села. Ввиду особенностей быта Твардицы выбор объектов для изучения не представлял больших трудностей, так как пришельцев из других сел здесь почти нет и все жители очень хорошо сохраняют твардичанский говор, отличая его от говоров соседних сел.

В результате работы были изучены черты говора и записаны тексты, дающие образцы живой, разговорной речи; эти записи и легли в основу данного описания.

При работе над описанием говора были использованы также письма жителей Твардицы.

СИСТЕМА ЗВУКОВ

1. Гласные звуки

§ 1. В говоре Твардицы представлены шесть гласных фонем: и, е, ъ, а, у, о; об их характере дает представление следующая таблица:

	Нелабиализованные		Лабializedованные	
	переднего ряда	заднего ряда	переднего ряда	заднего ряда
Верхнего подъема	и			у
Среднего подъема	е	ъ		о
Нижнего подъема	(ă)	а		

Звук *ă*, поставленный в таблице в скобки, не является самостоятельной фонемой.

§ 2. Гласный *и* — звук переднего ряда верхнего подъема в неударном слогe не изменяется; звучит так же, как и под ударением: *с'инжір*, *тăлі'и*, *кучѐни*, *пулѐ'ичкă*, *пируст'ă*, *лăлѹ'ир'и*.

§ 3. Гласный *е* — звук переднего ряда среднего подъема. Обычно в положении вне ударения этот звук не встречается; в безударной позиции наблюдаются два варианта изменения *е*. В большинстве случаев *е* без ударения звучит, как *и* (или, редко, как *и°*); в некоторых словах *е* неударное изменяется в *ă*.

Как чистое *и*, *е* звучит:

1) в первом предударном слогe: *жил'ăзу*, *вр'итѐну*, *иді'н*, *і'ирăн* *пр'исті'лкă*;

2) во втором предударном слогe: *пр'иб'ăрă*, *тиник'ă*, *пидисѐ*, *вичăртă*;

3) в первом заударном слогe: *бур'чѐи*, *вѐчи*, *вѐжи*, *мѐх'иц*;

4) во втором заударном слогe: *дăскă'л'читу*, *стѹ'гна'хми*, *нѐ'маши*.

Иногда в тех же позициях было отмечено *и°*: *ни°дѐл'ă*, *прăси°ту*, *и°рăн* и т. п.

В некоторых случаях (в положении после гласного звука, перед согласным или в конце слов) *и* неударное изменяется в *і*: *убѹ'иш*, *пру-би'иш*, *би'і*, *ка'і*. Чаще всего это наблюдается в глагольных формах настоящего времени.

В безударных окончаниях звательных форм *е* не всегда переходит в *и*, а часто под влиянием специфической интонации обращения звучит, как чистое *е*.

§ 4. Звук *а* звучит, как *ă*:

1) в первом предударном слогe: *тăлі'ă*, *хăрмăн*, *пăзăr*, *зăцѹбкăм* *са*, *пăпѹр*, *нăпрăја*;

2) в конечном слогe: *хорă*, *двăмă*, *кăчкă*, *пăдăм*, *с'ăд'ăнкă*, *бѹлкă*;

Звук *а* переходит в *а*:

1) во втором предударном слогe: *парăлі'і*, *зарзăлі'ă*, *наглăс'ă* *са*, *зрăд'инăr*, *манасти'р*, *салтăмăркă*, *канцăр'і'ă*;

2) в первом и втором заударных слогах: *скѐртатă*, *бѐчватă*, *мăйшійната*, *дăскал'чи*, *сѐмналу*, *кăшнійцатă*, *крăиштатă*, *ѹлицата*.

В положении после мягкого согласного *а* в безударном слогe иногда звучит, как *ă*, обычно в тех словах, где в положении под ударением представлено чередование *а/е*: *сн'ак* — *снѐж'ăн* — *сн'ăгѹ*; *б'ăлă* — *б'ѐлија* — *б'ăлѹсвăм*.

Тот же звук слышится в безударном положении перед мягким согласным: *сл'ăпă* — *слѐпи* — *слăпійцă*; *н'ăмă* — *нѐми* — *нăмійцă*; *пр'и-м'ăнă* — *пр'имѐни* — *утм'ăні* *са*.

§ 5. Таким образом, в системе звуков нашего говора существует гласный *ă*. Это — звук переднего ряда нижнего подъема. Как уже отмечалось выше, *ă* звучит, как широкое открытое *е*. Заменяя в безударных позициях звуки *а* и *е*, гласный *ă* выступает как вариант фонем *а* и *е*. Однако в некоторых словах *ă* не соотносителен с другими

звуками (в тех случаях, когда слог с **ä** всегда находится в безударном положении): *т'äрл'ици, öр'äx, снëжäн*.

Звук **ä** встречается:

1) в корнях слов: *т'äстö, б'äрä, прöл'äт, с'äкä, öр'äx, убл'äкä са, с'äнö, с'äд'ä, сн'äгö, н'äм'ицä, т'äрл'ици, п'äшä, т'äл'иц'и*;

2) в некоторых суффиксах имен существительных: *уч'ит'äл, фт'ич'äнци, п'ил'äнци, р'ëз'äн*;

3) в членной форме множественного числа имен существительных и прилагательных: *пан'ицит'ä, цигумäр'ит'ä, фиëт'ä, цул'ëмит'ä*;

4) в суффиксах имен прилагательных: *глäд'äн, äл'äн, вöл'н'äн, лët'äн, к'ис'äл*;

5) в суффиксах имперфекта и аориста: *ид'äx, рäбу°т'äx, паз'äx, в'ид'äx*;

6) в окончаниях наречий: *вöтр'ä, уд'иöр'ä, ýтр'ä, пуд'ир'ä*;

7) в окончаниях местоимений: *мëн'ä, тëб'ä, сëб'ä*.

§ 6. ь — гласный звук заднего ряда среднего подъема. Обычно **ь** в безударной позиции изменяется в звук **а**; иногда в **ä**. В конечных слогах отмечаются и **ä** и **а**: *öгäн, свëкар, л'уцäк, дуб'итäк, öбрäч, көпär, пëtäк, öдär, п'äсäк, в'äтар, кäмак*.

В окончаниях глаголов 3-го л. мн. ч. настоящего времени обычно отмечается **ä**: *т'ур'äт, ýöз'äт, мël'äт, п'иц'äт, нös'äт*.

В других случаях обычно звучит **а**: *зäм'ä, тäсмä, мäглä, кäснäк, пädär, рäкä, лаж'ицä, кädëл'к'и*; (первый предупредительный слог).

Особо следует остановиться на изменении **ь** в сочетаниях: **р'ь-, -л'ь-, (-ьр-, -ьл-)**.

В положении перед плавным звуком обычно **ь** не изменяется: *ст'өрнä, вöрт'ä, пруд'лжäväм, г'эл'чä, к'өрл'ицä, д'өржä, г'өрм'ä, м'эл'чä, д'өрвö*.

В положении после плавного звука возможен и **ь** и **а**: *бр'ьскäлка, гр'ьцм'ул, зäдл'жн'äл, крачмäр, öбрäч, трäнäк, мäкн'и!*

§ 7. у — лабиализованный звук заднего ряда верхнего подъема. Он одинаково произносится и под ударением, и в безударном положении: *дувär, курбän, ухö, урöк, уч'итил, пируст'ä, пушкär, сутринтä, мр'өннуväm*.

§ 8. ö — лабиализованный звук среднего подъема заднего ряда. В безударном положении **ö** изменяется в **у** разной степени лабиализации; это может быть или чистый звук **у**, или **у°**, т. е. **у**, близкий к **ö**.

Чистое **у** звучит на месте **ö** в следующих положениях:

1) в начале слова: *удä, ут'ивäм, укö, устäväм, углидäлу, ухчär, уцët, упäшкä, усä, ужëн'ä са*;

2) в конце слова: *нëшту, туч'илу, млöгу, мälку, көлку, вр'итëну, сëлу*;

3) в первом предупредительном слоге: *луб'ут, друб'илка, пудäväм, тужäга, стув'ä, кур'ицä, пуйкäм, гудëш, прусö*.

Звук **у°** был отмечен:

1) во втором предупредительном слоге: *лу°кув'ë, зäбу°рун'ä, ку°жухär, чу°бутär, ду°ламä, прү°л'äттä*;

2) в первом и втором заударном слоге: *кölку°ту, сëлу°ту, сич-ку°ту, пу-т'äхну°му*; 3-е л. мн. ч. аорист: *ут'иду°ха, дäду°ха*.

3) в конечном закрытом слоге: *пудáру°к, дáру°м, зánнишку°м*, 1-е л. ед. ч. аорист: *дáду°х, изл'áзу°х*.

Таким образом, звук *о* в безударном положении не встречается. Исключение составляет только звательный падеж существительных женского рода с основами на *а*, где возможно и *у*, и чистое *о* (которое не изменяется иногда в *у* под влиянием интонации обращения).

Так, например, наряду с формами звательного падежа на *о* (*Гáно, глédáй! Кáйно, ко íдdт кúчитá?*) были отмечены и формы звательного падежа на *у* (*Суф'úу, вар'ú у дунéс!*).

§ 9. В безударном положении часто наблюдается полная редукция (т. е. выпадение) звуков *и, у, а* (*а*). Обычно эти звуки выпадают в заударных слогах и реже — в предударных: *читíр'мáтá, иргéнт'á, царýл'т'á, кáман'тá, хýбáф'т'á, прáс'ту, н'дél'á, тин'к'á, дун'сá, пичуф'т'á, чérкуф'тá, кúчитá, рáбу'тá, тучíлту*.

При выпадении звука *и* предшествующий согласный звук обычно получает сильную степень мягкости, а сонорные звуки *и, л, м* в заударных слогах получают долготу. Эту предельную степень редукции, очевидно, можно связать с быстрым темпом речи; в одном и том же положении звуки *и, у, а* могут и сохраняться, и выпадать — в быстром речевом потоке. Однако в некоторых словах выпадение звука привело к полной его утрате; так, например, формы *твáр'á* (из *товáр'á*), *забикул'á* (из *заобикол'á*), *крáстафци* (из *крáставици*), *кубýлцá* (из *кобýлица*) являются постоянными.

§ 10. При заимствовании различных слов из русского языка часто им придаются фонетические черты, свойственные говору (*ш'* передается, как *жч*; появляется мягкое *л'* на месте русского твердого *л* перед мягким согласным и т. п.).

Но иногда слова входят в говор неизменными; так, например, в говор без изменения вошло слово *выбáр'и*. Таким образом, в системе звуков говора появился новый звук, прежде ей чуждый — *ы*. Этот звук сохраняется и в некоторых других русских словах, проникших в говор (*выпáл'ним* и др.).

II. Согласные звуки

§ 1. В говоре Твардицы представлены следующие согласные звуки (см табл. на стр. 276).

Звуки *и, í, у, ф'*, поставленные в таблице в скобки, не являются самостоятельными фонемами.

§ 2. Из согласных фонем особого описания требуют звуки *ý* и *й*. *ý* — согласный звук, сонорный; активным органом при образовании его являются губы (губно-губной звук).

Обычно звук *ý* встречается в начале или в конце слова (чаще всего рядом с *у* или *о*): *ýол, ýód'á, ýуíна, хýбуý, прáý, жýý, Ивáнуý д'ен, Д'имíтруý д'ен*.

В этих позициях его место постоянное. Также устойчиво положение *ý* и в середине слова перед согласным звуком: *пуýтór'á, стóýнá, либоýник, поýрашки, рáýн'á*.

Звук *ý* может появляться и в других позициях (между гласными звуками), но в таких случаях его положение не устойчивое; здесь его появление тесно связано с процессом утраты интервокального *в*.

		Соперные	Ш у м н о					
			взрывные		фрикативные		аффрикаты	
			звон- кие	глу- хие	звон- кие	глу- хие	звон- кие	глу- хие
Губные	Губно- губные	ў м м'	б б'	п п'				
	Губно- зубные				в в'	ф(ф ^х) ф'		
Зубные		л н л' н'	д д'	т т'	з з'	с с'		ц ц'
Переднеязычные		р р'			ж ж'	ш ш'		ч ч'
Среднеязычные						й(i)		
Заднеязычные		(ŋ)	г г'	к к'		х х'		
Гортанные					(ɣ)			

§ 3. Звук **в** в говоре Твардицы часто утрачивается. В некоторых позициях этот процесс уже закончился; например: в конце и в начале слов, где обычно **в** заменен звуком **ў**, также — в середине слов, перед согласными звуками. После согласного звука перед гласным во многих словах **ў** ассимилировался последующему гласному. В подтверждение этого можно привести следующие примеры: *і́здиі́, како́, дор, то́ітѣ, царѹли*.

Также иногда выпадает звук **в** и в положении между согласными звуками (например, в слове *ср'ѣд'ѣл*).

Чаще всего **в** выпадает в положении между звуками **у** и **о** (-*увѣ*); например: *испруѣд'ѣ, дуѣл'ни*.

В позиции **в** между звуками **а** (-*ава*-) тоже отмечено или долгое **а**, или звук **ў**: *тр'а(ў)ѣ, кра(ў)ѣ, пл'а(ў)ѣ, хўба(ў)ѣ, раступ'а(ў)ѣм, ухаб'а(ў)ѣ*.

В положении между гласными звуками, резко отличными по артикуляции, обычно звука **в** не находим: *праім, уздраіх, забраім, устаіи, хўбаіи, здраіи*.

Такие формы, как *ноўіи, хўбаўіи*, встречаются очень редко.

§ 4. Согласный *j* — среднеязычный фрикативный звук.

Характерное фонетическое явление в говоре — взаимозамена звуков *в* и *j* в определенных условиях. „Мягкий“ звук *в* в положении перед гласными заднего ряда часто заменяется согласным *j* (*i*); обычно это наблюдается перед звуком *а*: *пра́й̆ӑ, зя́ро̆й̆ӑ, улу́й̆ӑ*.

Наблюдается также и обратное явление: *j* заменяется звуком *в* (через стадию *й*): *куй̆'ӑ, стуй̆'ӑ* или *стув'ӑ; скруй̆'ӑ* или *скрув'ӑ; дув'ят*.

Звук *в* появляется затем даже в тех формах слова, где *j* не было; так, например, по аналогии с *стув'ӑ* появляются формы: *стув'иш, стув'и*; также и *скрув'иш, кув'и*. Обычно звук *в* развивается из *j* в положении рядом с *у*, и его появление можно связать с ассимиляционным воздействием гласного *у*.

§ 5. В говоре встречается задненебный сонорный носовой звук *ŋ*, являющийся вариантом фонемы *ш*. Появление этого звука можно объяснить ассимилирующим воздействием следующего согласного: звук *ŋ* всегда появляется в положении перед задненебным согласным (чаще — перед задненебным палатализированным согласным): *куй̆к'ӑ, па́стро̆й̆к'и, бр'иши́й̆к'и, ра́зо̆й̆к'ӑ, мани́й̆к'у, бр'и́й̆к'и, к'и́й̆к'и, тр'е́й̆к'и, Пе́й̆к'е, си́й̆к'и, кя́рп'и́й̆к'и, стр'у́й̆к'ӑ, ма́ши́й̆к'ӑ*.

§ 6. Вариантом фонемы *ж* является звонкий фрикативный звук *ɟ*. Он встречается в положении перед гласными и перед сонорными звуками:

1) в начале слова: *го́д'ӑ, ɟа́л'ӑл, ɟа́л'к'ӑ, ɟу́к'н'ӑ, ɟа́р'ма́н, ɟа́мо́т, ɟр'е́ма, ɟра́н'ӑ, ɟр'а́н*;

2) в середине слова: *па́ɟа́р, пр'и́ɟо́жд'ӑ, за́ɟар, чу́у́тин, пра́ɟан, бу́у́на́к, ис'бу́н'ӑ, на́у́ра́н'ӑ, саба́у́лӑй̆н*.

Особенно часто появляется звук *ɟ* в окончаниях аориста и имперфекта: *пи́ўми, ути́дўми, к'уп'а́ўми, ле́нӑўми, сне́ўӑ*.

Следует, однако, указать, что в речи одного и того же человека можно услышать *ɟ* и *ж* в указанных выше случаях.

§ 7. Характерной особенностью системы звуков говора Твардицы является наличие своеобразного звука *ф^х*. Акустически этот звук близок и к звуку *ф*, и к *ж*; можно сказать, что это звук, средний между *ф* и *ж*. По артикуляции этот звук сходен с *ф*; различие артикуляций заключается в том, что при образовании *ф^х* щель между губами остается более широкой, чем при образовании *ф*.

Наличие в говоре звука *ф^х* также связано с живым фонетическим процессом вытеснения согласного *ф* звуком *ж*. Замена *ф* звуком *ж* совершается через промежуточную стадию *ф^х*. В одной и той же позиции отмечаются и *ф*, и *ф^х*, и *ж*. В некоторых словах процесс уже закончился и постоянным является звук *ж* на месте *ф*. Например, *јўфк'й* известно в говоре только в форме *јўжк'й*; *ко́фа* — только в форме *ко́жа*; глагол, образующийся от слова *ла́ф* (слово), имеет форму *лӑху́вӑм*.

Звуки *ф^х* и *ж* чаще встречаются на месте *ф* в положении перед согласным звуком (более обычен в этой позиции согласный *ф^х*): *ла́ф'к'ӑ, ф'ле́зи, ду́х'о̆ф'кӑ, жо́ф'т'ӑну, врэ́ф'чи́ц'ӑ, пи́чуф'т'ӑ, за́й̆ӑкуф'т'ӑ, ви́стух'к'ӑ, ва́зла́х'к'ӑ, уху́ӗт'ӑ, па́ста́х'к'ӑ*.

В конце слов, хотя возможно и **ф**^х (*крѣф^х, штраф^х*), чаще звучит чистое **х**: *нох, жух, здрах, сушѣх, г'ирѣ'ох, х'убѣх, курѣх, крих, картѣх*.

В положении перед гласным звуком **ф**^х встречается реже, чем **ф** или **х**: *ф'ѣрл'ѣ, ф'хунт, Суф'ѣѣ, куф'ѣи*.

С **х** были отмечены: *картѣх'ѣну, сушѣх'ѣнѣ, х'ормѣ, кухѣѣкѣ, тр'индѣх'ил, лѣху'ви, х'ѣрл'а, грамѣх'он, хѣнѣлу'вѣ, Хилѣпу'ф*.

Однако, как было отмечено выше, в любых положениях возможны все три звука: **ф**, **ф**^х и **х**; они свободно заменяют один другой.

В языке молодежи процесс замены **ф** звуком **х** более активен, чем в языке старшего поколения.

§ 8. Согласные звуки в говоре Твардицы могут быть и твердыми и мягкими. Во всяких положениях мягкими звуками являются шипящие согласные; они звучат мягко и перед гласным заднего ряда, и перед согласными. Некоторое отступление от этого правила наблюдается только в произношении звука **ж**, который в суффиксе *ж'ѣѣ* всегда произносится твердо, и в произношении частицы будущего времени *шх*, где **ш** произносится также твердо.

Перед гласными переднего ряда согласные обычно смягчаются в меньшей степени, чем перед йотом; здесь отмечается средняя степень мягкости, обозначаемая знаком¹. Для звуков **р**, **г**, **к**, **х** и перед гласными переднего ряда отмечается сильная степень мягкости (').

Сильная степень мягкости согласных отмечается в следующих положениях:

1) в членной форме существительных мужского рода ед. ч.: *ѣт'ѣ, пѣт'ѣ, кѣн'ѣ, мисѣл'ѣ, цу'д'ѣнѣк'ѣ, друѣр'ѣ, мамѣл'ѣ*;

2) перед личным окончанием некоторых глаголов настоящего времени 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч.: *мѣл'ѣ, кѣл'ѣ, фѣрл'ѣ, вар'ѣ, тѣр'ѣ, вар'ѣт, либ'ѣ, ров'ѣ, нѣс'ѣ, ѣбѣз'ѣ, с'ѣд'ѣ, бул'ѣт*;

3) перед окончанием собирательного множественного числа: *нив'ѣ, кашт'ѣ, кул'ѣ, жинур'ѣ, цигѣн'ѣ*;

4) в других случаях перед гласными заднего ряда в середине слов: *мл'ѣку, м'ѣсту, с'ѣдѣм, в'ѣрѣ, б'ѣл, т'ѣснѣ, д'ѣлѣм, писк'ѣл, д'ѣл'ѣн, либ'ѣстрѣ, нидѣл'ѣ, зим'ѣ, пируст'ѣ*.

В положении перед согласными мягкость наблюдается в середине слов в следующих случаях.

При выпадении гласных звуков переднего ряда предшествующий согласный получает сильную степень мягкости: *ир'ѣн'т'ѣ, царѣл'т'ѣ, н'ѣл'ѣ, прѣс'ту, хѣбѣф'т'ѣ*.

Однако губные звуки при выпадении гласных переднего ряда чаще всего отвердевают; так, более употребительной является форма *хѣбѣф'т'ѣ*, чем *хѣбѣф'т'ѣ*; твердым является согласный **ф** и в словах: *пичуфта, нѣчуфт'ѣ*.

Согласный звук **л** перед мягким слогом всегда звучит, как **л'**: *нѣштил'к'ѣ, пѣтѣл'к'ѣ, пристѣл'к'ѣ, бѣл'к'ѣ, учѣл'к'ѣ, бѣл'к'ѣ, ѣбал'к'ѣ*, наряду с формами единственного числа для этих слов: *нѣштилѣкѣ, пѣтѣлѣкѣ, пристѣлѣкѣ, бѣлѣкѣ, бѣлѣкѣ, ѣбалѣкѣ*.

Встречается также звук **л'** и перед другими мягкими согласными звуками: *дѣл'г'ѣѣ, журѣл'ник, запѣл'ник, пу'ливѣл'ник, убисѣл'ник, п'ѣрѣл'ник, кл'учѣл'ниѣ, дѣл'ниѣ, пѣл'ни, вѣл'н'ѣн, дѣл'ник, жѣл'ти, зимбил'дѣк, к'ил'пид'ѣн, д'ѣл'ѣн, вѣл'ци, пѣл'винѣ, вѣл'чи, шѣл'чи, дѣскал'чи, мѣмѣл'чи, мѣл'чѣ, гѣл'чѣ*.

Если следующее слово начинается с мягкого слога, то **л** на конце слова переходит в **л'**: *сал'чи ма бѣши страх*.

Звук **н** также подвергается воздействию следующего мягкого слога и переходит или в **н'**, или в **н'**: *кѡпан'чи, фидан'чици, биден'чи, калдун'чи*.

§ 9. Нужно отметить подвижность звука **ѣ** в положении с плавными звуками **р, л**. Если за сочетанием **ѣ** с плавными следуют два согласных звука, то **ѣ** обычно стоит после плавного; если же за этим сочетанием следует лишь один согласный звук, то **ѣ** стоит перед плавным: *убрѣштѣм — убрѣрна, дѣлуи — задлѣжн'ѣл, мѣрдѣм — мрѣннѣ, бѣркѣм — брѣкна, гѣрм'ѣ — грѣмна, дѣрпѣм — дрѣпнѣ, прѣчкѣ, крачмѣр, глѣштѣм, срѣмнѣ, бѣрзѣм, тѣрс'ѣ, кѣрпѣ*.

В односложных словах **ѣ** чаще стоит после плавного звука: *врѣх, грѣп, дрѣт, прѣт, прѣс* (но: *вѣлк*).

В других формах найдем: *врѣхѣ, гѣрбѣ, дѣрти*. Однако известны и формы, где **ѣ** сохраняется после плавного, даже если за этим сочетанием следует только один согласный звук: *хрѣт — хрѣти, трѣн — транѣк*.

§ 10. Долгота гласных и согласных звуков несвойственна фонетической системе говора. Появление долгих звуков чаще всего связано или с выпадением звуков, или с явлением ассимиляции.

Долгота гласных была отмечена в следующих случаях:

1) при выпадении интервокального согласного звука: *тр'ѣа (тр'ѣ); пл'ѣа (пл'ѣ); краѣа (кра); цудѣр (цудѣр); пруд'ѣ (прудѣ)*.

2) в окончаниях звательного падежа существительных мужского и женского рода, где долгота связана с особой интонацией: *Стифанѣ! Пѣрк'ѣ!*

Долгие согласные звуки встречаются в следующих случаях:

1) при одинаковых или сходных согласных звуках (конечный согласный приставки и начальный согласный корня; конечный согласный основы и начальный членной формы): *утѣм, уддѣлѣч, уддѣ, прул'ѣттѣ, пуддѣржѣм, уддѣвѣм, удд'ѣл'ѣ са*. Эти долгие звуки (или „двойные согласные“), очевидно, поддерживаются и русским влиянием и таких слов, как *ѡддих, пуддѣквѣм*;

2) в результате полной ассимиляции одних согласных звуков другими: *глѣннѣ, жѣннѣ, сѣннѣ, утвиннѣш, руннѣни, уттѡр'ѣ (утѡр'ѣ);*

3) при выпадении гласных звуков сонорные звуки **н, л, м** часто получают долготу (обычно — в положении после ударения): *царѣл'ѣта, цѣлѣн'ѣтѣ*.

Была отмечена также и долгота других согласных звуков, образующаяся в результате выпадения гласных звуков: *И ас ккѡ (ко) дѣ прѣѣ? Пустѣлѣш нѣ го? (го — из „кугѡ“); мумѣчитѣтѣ (мумѣчитѣ); кѣчитѣтѣ (кѣчитѣ); рабуѣттѣ (рабуѣтѣ)*.

Подобные формы встречаются и в письмах жителей Твардицы: *Аас нисѣм ниги кѣхѣрна. Ний нига нема да вѣ забраим* (буквами **ѣ** и **ѣ** обозначается звук **ѣ**).

Во многих случаях долгота исчезает. Так, например, вместо *тр'ѣа* часто говорят *тр'ѣ* (краткий звук); в письмах наряду с написанием *тряя* встречается и форма *тря*: *тря да нисѣ интирисувѣми*.

Сокращаются и долгие согласные звуки; так, употребляются только формы: *исѣхнѣ, исѣпѣм, рѡхкѣ*; известна также форма *приѣлѡ*.

Интересно то, что слово „одна“ известно в говоре в двух формах: *инна́* и *ина́*, в то время как в речи старшего поколения употребляется постоянно *инна́*, молодежь говорит только *ина́*, *ино́*, т. е. долгий звук утратился.

§ 11. В говоре Твардицы представлен общеболгарский тип ударения, т. е. динамическое (экспираторное) разноместное подвижное ударение. Во многих категориях слов ударение может переходить на другой слог в разных формах слова (например: при образовании множественного числа для односложных существительных мужского рода, при образовании членных форм односложных существительных мужского рода, в членных формах существительного женского рода с основой на согласный звук, в некоторых двухсложных существительных женского и среднего рода, в формах повелительного наклонения, в членных формах количественных числительных). Подробнее обо всех случаях перехода ударения в разных формах слов будет сказано в следующей главе.

III. Из истории звуков

§ 1. Сопоставляя сведения Панайотова и Милетича о сливенском говоре, можно отметить следующие фонетические черты, характерные для сливенского говора:

1) **ѣ** под ударением перед твердым слогом произносится, как 'а, перед мягким слогом — как е; в конце слов **ѣ** под ударением произносится, как 'а;

2) гласный **е**, восходящий к звукам **ѣ**, **ь**, **а** и **е**, изменяется в безударном положении в звук **и**, либо в своеобразный звук, обозначаемый Панайотовым как 'ѣ, а Милетичем как е;

3) этимологическое **ж** произносится, как **ѣ** — звук заднего ряда среднего подъема; в глагольных формах 1-го л. ед. ч. настоящего времени **ж** изменился в **а**, так же как и в существительных женского рода ед. ч. с основами на **а**;

4) отверждение согласных в конце слов;

5) наличие аффрикат **дз** и **дж**;

6) утрата интервокального **в**;

7) изменение сочетаний: **сч**, **шч** > **хч**; **дн** > **нн**; **мн** > **вн**.

Это — черты, свойственные многим балканским говорам. В нашем говоре многие из них также отмечаются, но некоторые черты отсутствуют. К сожалению, проводя сравнение, мы можем лишь констатировать наличие или отсутствие той или иной черты в нашем говоре и не можем говорить о ее утрате или сохранении, так как неизвестно, была ли свойственна эта фонетическая черта говору сливенской Твардицы. Нельзя, например, говорить об утрате аффрикат **дз** и **дж** в нашем говоре, так как неизвестно, были ли они прежде. Однако не имея возможности проводить непосредственное сравнение говоров болгарской Твардицы и нашей, мы все же можем делать некоторое сопоставление, отмечая в нашем говоре те или иные черты сливенских говоров.

§ 2. В говоре нашей Твардицы этимологическое **ѣ** под ударением произносится так же, как в сливенском говоре: перед твердым слогом,

как 'а, перед мягким слогом — е. Существующее в говоре чередование а/е объясняется именно произношением звука Ъ: л'ап — лѣб'ан; м'асту — мѣст'ан; сн'ак — снѣж'ан; жил'азу — жилѣз'ан; нѣд'авѣм са — нѣдѣѣ са; н'амѣ — нѣмиѣ; пл'авѣ — плѣвник; в'арѣ — вѣр'ан; б'алѣ — бѣли; с'анкѣ — сѣнк'и; утр'авѣм — р'ѣжѣ; уздр'алу — уздр'ѣли.

В конце слов Ъ звучит под ударением, как 'а: дв'а, кад'а, эл'а, дубр'а, блѣз'а. Согласно данным Милетича и Панайотова, исключением в сливенском говоре являются остатки форм двойственного числа имен существительных, где произносится е. В нашем говоре и в этих формах звучит 'а; так, известны только формы: рац'а, рамин'а, кулин'а, имин'а (но: рацѣт'а, кулинѣт'а, раминѣт'а, иминѣт'а, двѣт'а).

Чередование а/е наблюдается в говоре не только на месте звука Ъ; оно существует также и на месте этимологического а после мягких согласных и ј. Это чередование, возникшее по аналогии с чередованием а/е на месте Ъ, последовательно проводится в говоре. В положении после мягких согласных и ј под ударением перед твердым слогом звучит а, перед мягким е: ву'динчар — вудинчѣр'а; кучан — кучѣни; убихчавѣм — убихчѣѣ; фчар — фчѣр'и; шѣтѣ — шѣт'и; шѣтрѣ — шѣтр'и; шѣрфѣ — шѣрфи; шал — шѣл'чи; сушѣх — сушѣх'анѣ; патлѣжан — патлѣжѣни; миржан — миржѣни; жѣба — жѣби; жам — жѣмчи; бид'ан — бидѣнчи; цул'ѣ — цулѣѣ; јаркѣ — јѣрк'и; пиѣан — пиѣѣни, калѣјанкѣ — калѣјѣнк'и; тујѣѣ — тујѣѣ'и; јаткѣ — јѣтк'и, Стујѣан — Стујѣѣни.

Слово чѣши имеет и в единственном числе форму чѣшѣ: так как следующий слог всегда является мягким (ш — мягкий звук в любом положении), то и в единственном числе слова и в других его формах (чѣшкѣ) укрепилось е, несмотря на то, что в следующем слоге стоит гласный заднего ряда.

§ 3. Остановимся на произношении безударного Ъ в нашем говоре. Выше уже говорилось о характерном для говора звуке ѣ в безударном слоге.

Звук Ъ в безударном положении обычно произносится, как ѣ. Так, ѣ было отмечено на месте Ъ в словах: ор'ѣх; с'ѣкѣ, прѣл'ѣт, см'ѣни, убл'ѣкѣ, с'ѣнѣ, с'ѣд'ѣнка, сн'ѣгѣ, н'ѣмиѣѣ, сл'ѣпиѣѣ, удл'ѣп'ѣ, б'ѣлѣсѣм, утр'ѣ, удѣор'ѣ, пудѣр'ѣ, вѣтр'ѣ, п'ѣшѣ, тр'ѣвѣ. Отмечено также ѣ на месте Ъ в причастиях прошедшего времени на л (хѣд'ѣл, кѣп'ѣл), в суффиксах имперфекта и аориста (рѣбу'т'ѣх, хѣд'ѣх), в членных формах имен существительных и прилагательных множественного числа (бѣл'к'ит'ѣ, цулѣмит'ѣ и т. д.). В некоторых словах на месте безударного Ъ находим и: питѣл, усвит'ѣ, диѣѣ (но и д'ѣѣѣ), видрѣ, виѣчѣѣ, тистѣ (но и т'ѣстѣ), стинѣ (но и ст'ѣнѣ).

Обычно и встречается в предударном слоге, хотя и перед ударением может быть ѣ (ср'ѣдѣ, д'ѣлѣнѣ).

§ 4. Звук ѣ связан не только с этимологическим Ъ; он появляется также и на месте других звуков (ь, Ѧ, е). На месте ь ѣ был отмечен в суффиксах прилагательных (сѣл'ѣн, вѣр'ѣн, глѣд'ѣн, к'ѣс'ѣл); на месте Ѧ — в словах дѣв'ѣт, дѣс'ѣт.

В ряде слов звук ѣ произносится на месте этимологического е; например, в суффиксах страдательных причастий прошедшего времени на ен (нѣпѣл'н'ѣн, нѣк'ѣт'ѣн), а также в словах: п'ѣро, б'ѣрѣ, кѣр'ѣн,

§ 7. Согласные звуки в конце слов в говоре Твардицы утратили мягкость (мягкость конечных согласных известна лишь в некоторых словах, являющихся лексическими заимствованиями из русского языка; например, в названиях месяцев: *фивр'ал', апр'эл'* и т. д.).

Однако прежняя мягкость согласных проявляется в членных формах этих слов: *кон — к'он'а, п'ят — п'ят'а, пад'ар — пад'ар'а, о'ан — о'ан'а*.

Мягкость в членных формах имеют не только такие общеизвестные слова, оканчивавшиеся раньше на мягкий согласный, как *кон, ден* и др., как слова с суффиксами *тель* и *арь*, но и другие слова мужского рода: *синжир'а, п'апур'а, пипер'а, финер'а, жи'ер'а, ш'амар'а, чув'ал'а, х'алх'ал'а, тимел'а, х'ард'ал'а, м'амул'а, б'ивул'а, ир'ен'а, бу'стан'а, харман'а, ча'ун'а, катран'а, и'ур'ан'а, т'эр'ан'а, и'ир'ан'а, жувот'а, с'ахат'а, суват'а, лубут'а, д'арак'а, иуд'ан'ик'а, квасник'а, д'ушек'а, мустак'а, кунак'а, х'арлез'а*.

В словах *учитил'а, пр'итсидатил'а* мягкость не сохранилась и перед членной формой.

Интересным фактом в говоре Твардицы является смягчение согласных перед членными формами в новых словах, входящих в говор из других языков (главным образом из русского): *бр'игадир'а, и'иктар'а, инженер'а, вакзал'а, журнал'а, трибунал'а, ма'азин'а, чим'адан'а, билет'а, п'атр'ет'а, сикр'ет'а, сизон'а*.

Это свидетельствует об активности фактора смягчения согласных перед членными формами слов мужского рода.

§ 8. Говоры сливенской группы хорошо сохраняют звук *ж*, в то время как многие восточноболгарские говоры его утрачивают (или заменяют звуком *ф*). Эту особенность отмечает Панайотов; об этом свидетельствуют и говоры наших болгарских сел, представляющие сливенский диалект (говор Сливенской махалы гор. Болграда, говор Кирютни и др.)

В говоре Твардицы начальное *ж* очень хорошо сохраняется: *х'а'ран, хр'ема, хуб'аф, х'арлес, хр'етка, х'а'эл, х'ад'еу, х'аса, хур'о*.

Только слово „хлеб“ чаще звучит, как *л'ап*, хотя и известна форма *хл'ап* (она встречается иногда в речи стариков).

Сохраняется *ж* и в конце слов, и в середине слов. Милетич в „Das Ostbulgarische“ отмечает как черту сливенского говора — замену *ж* согласным *ф*; однако вряд ли это соответствует действительности; данные Панайотова и нашего говора свидетельствуют об обратном.

§ 9. Сочетания *сч, шч, сщ* изменились в *жч*: *бр'ужчи, м'охчи, жил'ехчи, б'ар'ехчи, р'аска'хчи, п'охчи, кр'ехчи, д'ехч'ан, х'ч'уп'а, их'ист'а, р'ах'ит'ам, н'охчи, д'ехчи, п'ад'ухчица, пр'ах'ий, р'ах'е'пув'ам*.

Это явление захватывает и смежные слова; если конечный звук одного слова и начальный звук следующего слова образуют сочетания *сч, шч, сщ*, то они также переходят в *жч*: *прох чил'ак, тох чил'ак, вах ч'укат'а, ун'ех ч'ук'а, шаси ут'ив'а'и у вах чи дру'и ден ша до'диш*.

Русские слова с подобными сочетаниями в говоре видоизменяются согласно его фонетическим законам. Так, говорят: *пр'ах'чай, нах'чий-тывать* и т. д.

Русский звук *щ* (*ш'*), воспринимаемый твардичанами как близкий к сочетаниям *сч, шч*, также последовательно заменяется сочетанием *жч* (*х'части'и, савих'чани'и, изв'их'чени'и, п'ам'ех'чик*).

Употребляющиеся в говоре слова *уб'ихч'ав'ам*, *з'ах'ихч'ав'ам* являются, следовательно, русскими формами, в которых звук *ш'* заменился сочетанием *жч* (так как в болгарской форме эти слова звучали бы, как *убишч'ав'ам*, *зашч'ишч'ав'ам*).

§ 10. Аффрикаты *дз* и *дж*, отмечаемые Панайотовым и Милетицем, в нашем говоре отсутствуют. Последовательно вместо *дж* звучит *ж*: *хажил'ок*, *жур'апи*, *жам*, *жоп*, *чикмиж'а*, *арп'ажик*, *синжир*, *жиг'ер*, *ж'уни*, *т'енжур'а*, *тар'аб'анж'и*, *кал'ајж'и* и др.

Также не была отмечена и аффриката *дз*.

§ 11. В сочетании согласных звуков можно отметить ряд изменений, объясняющихся ассимиляцией, частичной или полной, или диссимиляцией звуков:

дн > *нн*: *пр'енниц'а*, *з'анниц'а*, *хл'анну*, *п'анн'а*, *с'енн'а*, *мр'енн'а*, *рун'инн'а*, *ж'енн'а*, *ср'инн'ош*, *изв'инн'ош*, *гл'анн'а*, *ср'енну*, *пул'енн'а*, *инн'а*;

мн > *нн*: *пл'анн'а*;

дн > *мн*: *уткр'амн'а*;

бн > *мн*: *др'емн'а*, *ср'емн'а*;

вн > *мн*: *гр'ымн'а*;

бн > *вн*: *вр'евниц'а*;

мн > *мл*: *мл'огу*;

мн > *вн*: *ст'овн'а* (*ст'ојн'а*).

Известен также переход сочетания *ск* в *цк*: *б'олгарик'и*, *т'урк'и*.

Сочетания *зр*, *жр* изменились в *ждр*, *здр*: *здр'еј'а*, *ждр'ебиј'а*.

Явление метатезы наблюдается в словах *курж'илу* (из *круж'илу*), *кајр'евли* (из *кал'евр'и*), *парм'ач'а* из *прам'ач'а* (от русского „промакать“).

ФОРМЫ И ИХ УПОТРЕБЛЕНИЕ

І. Существительные

§ 1. Большая часть существительных мужского рода в единственном числе оканчивается на согласный звук: *чук*, *кон*, *п'ят*, *л'ап*, *к'ър*, *в'ълк*, *о'дар*, *ко'тар*, *к'адс'ник*, *б'ар'ис*, *кул'ан*, *к'илим*, *прахул'ак*.

Распространено окончание *ј*: *крај'и*, *цул'ај'и*, *уруж'ај'и*, *кал'ај'и*.

Известно также окончание *н*: *х'аж'и*, *чу'рб'аж'и*, *кал'ај'ж'и*; эти существительные могут оканчиваться и на *ј*: *чу'рб'аж'иј'и*, *кал'ај'ж'иј'и*.

На *и* оканчиваются и некоторые собственные имена и названия родственников: *ба'ти*, *те'ти*, *Г'ор'и*.

Группа слов имеет флексию *а*: *вуј'ов'да*, *ба'ш'та*.

Собственные имена и названия родственников имеют также окончание *у*: *теј'ку*, *чи'чу*, *П'енчу*, *Мит'у*.

§ 2. Основные флексии существительных мужского рода при образовании множественного числа — *ов'е* и *и*.

Односложные существительные имеют главным образом флексию *ове*; она имеет разные фонетические варианты: *б'ви*, *ув'е*, *ув'и*, *б'и*, *уи*: *л'ап* — *л'аб'уви*; *д'ш* — *даждув'е*; *беч* — *бечуви*; *борч* — *бу'рч'ови*; *нош* — *нуж'ови*.

При помощи флексии *и* образуется множественное число от многосложных существительных мужского рода: *дру'ар* — *дру'ар'и*; *кул'ан* — *кул'ани*; *чу'рб'аж'и* — *чу'рб'аж'иј'и*; *цигул'ар* — *цигул'ар'и*.

Это же окончание имеют и несколько односложных слов: *вълк* — *вълци*; *юс* — *юсти*; *прѣс* — *прѣсти*; *зѣп* — *зѣби*; *рак* — *раци*; *мѣш* — *мѣжи*.

Односложные слова, обозначающие местность, образуют мн. ч. с флексией *ишта*: *пѣтиштă*, *ламиштă*, *дулиштă*, *краиштă*.

В некоторых словах для образования множественного числа употребляется флексия *е*: *кон* — *кунѣ*; *цар* — *царѣ*; *ден* — *динѣ*.

Флексию *а* имеют слова: *крак*, *рог*: *кракă*, *ругă*.

При образовании мн. ч. от собственных имен и слов, обозначающих родство, пользуются флексией *уви*: *Стујануви*, *чичуви*, *д'ăдуви*.

При образовании мн. ч. с флексией *и* звуки *к*, *г* переходят в *ц*, *з*: *мустăк* — *мустăци*; *т'ăрлік* — *т'ăрлицы*; *їăр'ек* — *їăр'ѣци*; *урок* — *уроци*, *куф'чег* — *куф'ч'ѣци*.

Однако в некоторых словах чередование отсутствует; например, наряду с формами *празници*, *либѣйници* употребляются и *празники*, *либѣйники*. Это можно объяснить влиянием русского языка.

Некоторые русские слова, проникшие в говор, сохраняют *к* перед *и* во мн. ч.: *грѣхчик'и*, *питѣмник'и*, *прививăл'чик'и*.

Но отдельные слова получают и болгарскую форму с *ц* (*ж'улицы*).

Конечное *ж* имеет очень небольшая группа слов мужского рода; единственный пример мн. ч., который был записан, это *кужѣф'и*, где чередование *ж/с* утрачено.

Такие русские слова, как „звеньевой“, „передовой“, в говоре Твардицы во мн. ч. могут сохранять и русскую форму и образовывать мн. ч. по болгарскому образцу: *звинăвѣи*, но *пир'идăвѣи*.

Определенное мн. ч. имеет окончание *а* (-ă): *двă кăлицѣнă*; *три дѣна*; *н'ăкулку чил'ăка*; *пет вълка*.

От существительного *пѣт* в определенном мн. ч. образуется *пѣт'ă* (а не *пѣти*, как в литературном языке).

Собирательное мн. ч. слов мужского рода имеет флексию *а*: *циган'ă*, *биул'ă*.

§ 3. Существительные женского рода в ед. ч. оканчиваются на *а* (-ă) и согласный звук: *кѣхă*, *кѣрпă*, *тислă*, *питкă*, *дин'ă*, *нидѣл'ă*, *зам'ă*, *вир'иїă*, *димїїă*, *турѣишиїă*, *парăлїїă*, *прѣл'ăт*, *в'ѣчăр*, *нош*, *пеш*.

В некоторых словах, имевших окончание *-иїă*, произошло стяжение окончания в *-а*: *пируст'ă*, *парăл'ă*, *тиник'ă*, *м'урд'ă*. Иногда это стяжение окончания используется для дифференциации значений слова. Так, слово *парăлїїă*, обозначавшее „шляпу“ и „круглый низкий столик на трех ножках“ (*софра* — в литературном языке), теперь употребляется только в первом значении, а для обозначения „стола“ употребляется слово *парăл'ă*.

В категорию слов женского рода перешла группа существительных среднего рода (главным образом заимствованные слова, турцизмы): *м'ѣг'иул'ă*, *к'ишă*, *р'инд'ă*, *п'ирд'ă*, *х'ир'иул'ă*, *шк'имб'ă*, *чикмижă*, *вах'ир'ă*, *кадиф'ă*, *миз'ă*, *шус'ă*.

Основной флексией мн. ч. существительных женского рода является *-и*: *шкуларк'и*, *митлї*, *кăнти*, *мутїк'и*, *пăсти*, *пит'эл'к'и*.

Существительные *парăл'ă*, *тиник'ă*, *пируст'ă*, *м'урд'ă*, в которых произошло стяжение окончания в *-а*, во мн. ч. имеют *-и*, а не *-и*, так же как и другие существительные на *-иа*: *паралии*, *пирустїи*.

Слово *рака* (*рѣка*) имеет во мн. ч. форму *рацѹ'а* (*рѣци*), а в членной форме *рацѣт'а*.

Слово *уфѹ'а* во мн. ч. звучит, как *офѹци*, а с членом — *уфѹцѣт'а*.

От собственных имен и слов, обозначающих родство, мн. ч. образуется с помощью флексии **-ни**: *Рѣдини*, *бѣбини*, *лѣлини*, *чѣнини*.

Эти формы, так же как и аналогичные формы от существительных мужского рода (*чѣчу'ви*, *д'аду'ви*), употребляются не только в смысле простого мн. ч., но обозначают также семью, дом называемого лица:

И ас утѣду'х у лѣлини (т. е. в дом тети).

И фкѣрахми тугѣс ф Јѣку'ви (в дом, где живет семья Якова).

Ина в'ѣчѣр утѣду'хми у бѣбини Мѣрку'вини нѣ с'ѣд'анкѣ.

Кроме того, эти формы множественного числа употребляются и как вежливое название одного человека (*pluralis majestaticus*):

И кат си дѣдим, мѣмини са нѣпрѣили милѣнѣ и пѣли зѣклѣли.

Собирательное мн. ч. слов женского рода образуется с флексией **-а**: *кашт'а*, *кул'а*, *нив'а*, *жинур'а*, *пру'сур'а*.

§ 4. Окончаниями существительных среднего рода в ед. ч. являются **-о** (без ударения — *у*) и **-е** (без ударения — *и*): *мисѣ*, *брѣшнѣ*, *хурѣ*, *укѣ*, *крилѣ*, *п'ѣрѣ*, *мур'ѣ*, *клѣнѣ*, *пѣрчѣ*, *мумчѣ*, *мумѣчи*, *сѣми*, *ѣми*, *вѣжи*, *тѣли*, *м'ѣсту*, *мл'ѣку*, *жил'ѣзу*, *лѣсту*.

Встречается также и флексия **-ий** (из **-ие**): *сабрѣниѣ*, *учѣниѣ*.

Мн. ч. для слов среднего рода образуется при помощи флексий **-а**, **-ѣ**, **-ѣтѣ** (без ударения **-итѣ**) и **-и**. Наиболее распространена флексия **-а**: *силѣ*, *пѣрѣ*, *хурѣ*, *кр'илѣ*, *мистѣ*, *слувѣ*, *важѣ*.

Окончание **-ѣ** встречается реже: *мур'ѣ*, *луз'ѣ*.

Флексии **-ѣтѣ** (**-итѣ**) имеют:

1) слова, обозначающие молодых животных: *шѣли* — *шѣлитѣ*; *ѣни* — *ѣнитѣ*; *кѣнчи* — *кѣнитѣ*; *питлѣ* — *питлѣтѣ*. Но некоторые из этих слов образуют форму на **-и**: *тѣли* — *т'ѣлѣи*; *пѣли* — *пѣл'ѣи*; *прѣси* — *прѣхѣи*;

2) слова на **-че** (**-чи**): *мумчѣ* — *мумчѣтѣ*; *кѣчи* — *кѣчитѣ*; *мѣмѣл'чи* — *мѣмѣл'читѣ*;

3) слова на **-не** (**-ни**) и некоторые другие: *клѣнѣ* — *клѣнѣтѣ*; *ѣрни* — *ѣрнитѣ*; *лѣпи* — *лѣпитѣ*; *лѣби* — *лѣбита*.

Слова *укѣ* и *ухѣ* во мн. ч. оканчиваются на **-и**: *учѣи*, *ушѣи* (остатки старого двойственного числа). Старыми формами двойственного числа являются и формы *рѣмин'ѣ*, *кулин'ѣ*.

Существительные *сѣми*, *вр'ѣми*, *плѣми*, *знѣми* во мн. ч. имеют форму *симѣнѣ*, *вр'имѣнѣ*, *плѣмѣнѣ*, *знѣмѣнѣ*. Слово „ѣми“ оканчивается на **-ѣ**: *имѣнѣ*.

Существительное „дѣти“ имеет во мн. ч. две формы: *дицѣ* и *дѣчѣ*. В языке молодежи более употребительно *дицѣ*.

§ 5. Из всей системы склонений в говоре сохранились лишь винительный и звательный падежи. Винительный падеж известен лишь в ед. ч. для слов мужского рода, обозначающих или собственные имена, или названия родственников (окончание **-а**, **-ѣ**):

Иван кѣтѣ видѣ тѣжѣ си, цу дустрѣшѣ.

Для этих слов форма винительного падежа ед. ч. употребляется и с предлогами как общая падежная форма (*casus generalis*):

И те сѣс Стуѣнѣ трѣгнали.

Т'ѣ кѣзѣ нѣ Иванѣ.

Общая падежная форма существительных женского рода с основами на **-а** имеет окончание **-а** (без ударения **-ă**): *гăвă, рăкă, кърпă*. Однако были отмечены и формы на **-ъ**: *ср'ăдътă нă зим'ăтă* (Е. И. Паскова); *гăвътă, тр'ăвътă* (П. Н. Автутон).

Возможно, что форма общего падежа восходит также к винительному падежу, но ж в этой форме изменился в **-а** (как и в 1-м л. ед. ч. глаголов настоящего времени).

Для существительных мужского и женского рода сохранились формы звательного падежа. Для слов мужского рода звательный падеж имеет флексию **-е (-и)**: *Стифăне (Стифани), Ивăне (Ивани)*.

Кроме этой флексии, в существительных мужского рода в звательном падеже употребляются также окончания **-'у (другър'у)** в словах, которые оканчивались раньше на мягкий согласный звук, и **-о (-у)** — в словах, оканчивающихся на шипящий звук и **-ѣ (мѣжо и др.)**.

Слова *тѣйку, чичу, Пѣнцу, бати, тѣти* (т. е. слова, оканчивающиеся на гласный звук) сохраняют в звательном падеже то же окончание.

Существительные женского рода с основами на **а** в звательном падеже оканчиваются на **-о (-у)**: *жѣно (у), Суфийо*. Слова, оканчивающиеся на **-ка**, имеют в звательном падеже обычно флексию **-е** (иногда звучит как **и**): *Пѣнк'е* (но *мăйко*).

Существительные на **-ѣа** могут иметь в звательном падеже и **е**, и **о (систр'йце, но: л'ăсйцо)**.

Остатки других падежей сохранились в некоторых формах слов. Так, например, известна форма родительного падежа мн. ч. от слова *гудинă* — *гѣдин*:

Ас кат б'ах малак на дѣс'ăт гѣдин.

Однако возможно в подобных случаях и употребление слова *гудини*:

Ймахми идін д'ăду, зăвар'их гу нă ѳсимдисе гудини.

Ас кат б'ах малак на дванăйси гудини, пăз'ăх лѳзиту.

Сохранилась старая форма родительного падежа ед. ч. „дома“, обычно выступающая в сочетании *у думă* (дома, домой), употребляющаяся в значении наречия. Но иногда она употребляется и в смысле „из дома“.

Старые падежные формы сохранились в некоторых наречиях: *дăрум, вазнишкѳм, нушт'ă* и др.

§ 6. Членные формы существительных. Существительные мужского рода в ед. ч. имеют членную форму **-ъ**, которая без ударения звучит, как **ă**: *зăбъ, гърбъ, крăкъ, клăсъ, стăнъ, пѣт'ă, кърă, бѳбă, кăмакă, ухчѣр'ă*. Слова *учитилă, пр'итсидăтилă, динъ* не сохраняют мягкости в членных формах.

Слова женского рода имеют в ед. ч. членную форму **та**: *шкѳлата, маглăта, зим'ăта, прул'ăттă, вичăртă*. Однако существительные с основой на согласный звук иногда образуют членную форму с **-тъ**:

Сутр'интъ кту стăнахми и двăматă трѣнахми нăсăм.

Но членная форма **-тъ** встречается редко; обычно в речи этих лиц тоже употребляется **-та**: *прул'ăттă, сутринтă*.

Для слов среднего рода известна в ед. ч. членная форма **-ту**: *сѣлуту, винуту, лѳзиту*.

Во мн. ч. слова мужского рода имеют форму -т'ă (кулáнит'ă, бурчóит'ă) и -тă (для существительных, оканчивающихся во мн. ч. на -а, -ицтă): крăкăтă, пѣтишитă, уѣрудăтă.¹

Слово мѣжи имеет членную форму *мжѣту*; это слово осознается как собирательное существительное среднего рода (об этом свидетельствует член -ту).

Существительные женского рода имеют членную форму мн. ч. т'ă: кулѣтă, вѣрбѣтă, ст'ăнитă. Для слов среднего рода во мн. ч. обычно употребляется -та: силăтă, хурăтă, лóзитă, шѣлитата, а́нитата, пѣлѣтата.

Формы мн. ч., являющиеся остатками двойственного числа, имеют -тă: ушѣтă, учѣтă, кулинѣтă, раминѣтă.

Из особенностей употребления членной формы надо отметить, что иногда ее получают и собственные имена: тугас дудѣ Јашăтă.

§ 7. Большая группа имен существительных имеет подвижное ударение, т. е. в производных формах слова ударение переходит с одного слога на другой. Особенно разнообразны изменения в ударении в односложных словах мужского рода. Основными схемами ударения для них являются следующие:

1) -/-/-/-/-/ (т. е. группа односложных слов с неподвижным ударением):

пѣт — пѣт'ă — пѣтиштă;
беч — бѣча — бѣчуви;
дор — дóрă — дóршитă;
дѣлг — дѣлгă — дѣлгу(в)и;
лаф — лăфă — лăху(в)и;
л'ап — л'ăбă — л'ăбу(в)и.

2) -/-/-/-/-/

р'ет — р'идѣ — р'идувѣ;
лѣм — лѣмѣ — лѣмувѣ (лѣмшита);
рѣт — рѣтѣ — рѣтиштă;
дѣш — дѣждѣ — дѣждуѣ;
сн'ак — сн'ăгѣ — сн'ăгувѣ;
лет — л'ăдѣ — л'ăдувѣ.

3) -/-/-/-/-/

борч — бóрчă — бурчóи;
сноп — снóпă — снупó(в)и;
мос — мóстă — му°стó(в)и;
пос — пóстă — пу°стó(в)и;
нош — нóжă — нужó(в)и;
стол — стóлă — стулó(в)и.

Существительные мѣш, вѣлк, зѣп в членной форме переносят ударение на второй слог: забѣ, вѣлкѣ, мажѣ. Во мн. ч. этих слов ударение остается на первом слоге (зѣби, вѣлци, мѣжи), но в членной форме опять переходит на второй слог: забѣтă, вѣлцѣтă, мажѣту.

Существительное ден имеет динѣ, динѣ.

В существительных женского рода наблюдается перенос ударения в формах звательного падежа: жинă — жѣно, сѣсѣра — сѣсѣтро, т. е.

¹ Заимствованное из русского языка слово *горут* сохраняет и русскую форму мн. ч. *уѣрудă*.

в тех словах, где ударение падает на конечный гласный, в звательном падеже оно переходит на предшествующий слог.

В членных формах ед. ч. слов женского рода, оканчивающихся на согласный звук, ударение переходит на член: *прѡл'ѡт* — *прул'ѡттѡ*; *нош* — *нуштѡ*; *млѡду*с — *млѡду*стѡ.

Некоторые двухсложные слова со старым ударением на конце получили ударение на первом слоге. Кроме общеизвестных форм *брѡвѡ*, *зѡмѡ*, *тр'ѣскѡ*, сюда относятся и *слѡнѡ*. Слово *ракѡ* имеет также ударение на первом слоге (*рѣкѡ*).

Так, были записаны следующие примеры:

Тої мапувѡкѡ ду мѡситѡ и дѡди рѣкѡ с мѣн'ѡ.

Туѡз зѣхѡ дѡ са збѡрѡт муѡичѡттѡ и кѡт фл'ѡзѡт и цѡлѡвѡт у дѣртѡт'ѡ рѣкѡ.

Интересно отметить зависимость ударения от членной формы в некоторых словах; например, в слове *рѣкѡ* (*ракѡ*) в членной форме ударение постоянно: *ракѡта*. Во мн. ч. этого слова ударение также отмечено и на первом, и на втором слоге (*рѣци* и *рац'ѡ*), а в членной форме ударение всегда стоит на втором слоге: *рацѣт'ѡ*.

Во мн. ч. от слов *с'истрѡ*, *душѡ*, *уфѡцѡ* известны формы *сѣстр'и*, *дѡщи*, *ѡфѡци*. В членных формах ударение опять переходит на второй слог: *систрѡт'ѡ*, *душѡт'ѡ*, *уфѡцѣт'ѡ*.

В многосложных словах ударение обычно постоянно. Переход ударения на первый слог отмечен во мн. ч. слова *нидѣлѡ* — *нѣд'ѡли*; в членной форме ударение снова возвращается на прежнее место: *нидѣлит'ѡ*.

Два ударения отмечены и в слове *половина*: *пу'лувѡнѡ* и *пѡл'винѡ*.

В категории существительных среднего рода в ряде двусложных слов со старым ударением на конце наблюдается переход ударения на первый слог. Кроме известных и литературному языку форм *вѡну*, *мл'ѡку*, *и'ѡзду*, *зѣрну*, ударение на начальном слоге имеют и слова *дѣти*, *тѣли*, *прѡси*, *вѡжи*, *гѣрни*. Это ударение остается и в членных формах ед. ч.: *дѣтиту*, *тѣлиту*, *прѡситу*, *вѡжиту*, *гѣрниту*. Но во мн. ч. и в членной, и в нечленной форме ударение снова переходит на второй слог: *дицѡ* — *дицѡтѡ*; *важѡ* — *важѡтѡ*; *т'ѡлѡци* — *т'ѡл'ѡцитѡ*; *прѡхѡци* — *прѡхѡцитѡ*.

Переход ударения на первый слог известен также и в слове *сѣрци*; но и здесь в членной форме ед. ч. ударение возвращается на второй слог: *сѣрци* — *сѣрцѡту* — *сѣрцѡ* — *сѣрцѡтѡ*.

II. Прилагательные

Прилагательные мужского рода в ед. ч. обычно не имеют окончания (т. е. оканчиваются на согласный звук: *хѡбѡф*, *нох*) или оканчиваются на *-и*: *рѡск'и*, *бѡлѡрки*. В женском роде они имеют окончания *-ѡ* (*хѡбѡвѡ*, *нѡвѡ*), в среднем роде — *у* или *ѡ* (*хѡбуѡ*, *жѡѡ*, *вѣс'ѡлу*, *ѡфѡчу*). Во мн. ч. прилагательные всех трех родов оканчиваются на *-и*.

Прилагательные мужского рода имеют в ед. ч. членную форму *ѡѡ*, прибавляемую к полной форме прилагательного: *цулѣѡѡѡ*, *мѡл'к'ѡѡѡ*. Притяжательные прилагательные мужского рода на *-ѡв* (*-ѡф*) образуют членную форму от кратких форм с прибавлением члена *-ѡ*: *чѡчуѡвѡ* *нош*; *Бѡл'чуѡвѡ* *дол*; *Мѡнчуѡвѡ* *хѡрмѡн*; *Гѡѡдуѡр'ѡвѡ* *ѡѡрѡн*.

Прилагательные женского рода имеют членную форму **-та**, среднего рода **-ту**; во мн. ч. все прилагательные образуют членную форму с **-т'а̃**.

Старые формы склонений прилагательных сохранились только в сочетаниях *пу-нóву^ому*, *пу-стáру^ому*, которые употребляются в значении наречий.

III. Числительные

Числительное *идѣн* изменяется по родам и числам: *идѣн*, *инá* (*иннá*), *инó* (*иннó*). В мужском роде оно имеет членную форму **-а** (*идѣнá*):

Идѣнá гу дѹмáт Стифáн, а дрѹгѣйá Ивáн.

Числительное *два* изменяется по родам; *два* — форма мужского рода, *дв'а* — женского и среднего. Для мужского рода известна членная форма *двáтá*, для женского и среднего — *двѣтá*.

Числительное *тр'и* имеет членную форму *тр'йтá*.

Начиная с числительного *чѣтир'и*, количественные числительные образуют членную форму с членом **-т'ах**.

Ударение всегда переходит на **-т'ах**. Для порядковых числительных употребляется тот же член, что и при прилагательных: **-ѣá** — в мужском роде, **-та** — в женском, **-ту** — в среднем, **т'а̃** — для всех родов во мн. ч. (*пѣрвиѣá*, *пѣрватá*, *пѣрву^оту*, *пѣрвитá*).

Наряду с болгарскими формами, в говоре широко употребляются и русские числительные, как количественные, так и порядковые. Они уже почти не воспринимаются как чуждые, заимствованные, широко употребляются с членом:

Туѣ бѣши ф сóру^к тр'этáтá гудѣна.

Б'ах пѣрви зáбóѣчик.

И ас са ужѣнáх ф сору^к читвѣртáтá гудѣна.

Со^ру^кт'ах дѣнá.

IV. Местоимения

§ 1. В говоре употребляются следующие личные местоимения: *ас*, *ти*, *тоѣ*, *т'а*, *то*, *ниѣ*, *виѣ*, *те*.

Эти местоимения сохраняют три падежа: именительный, дательный и винительный.

Единственное число

1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Им. ас	ти	тоѣ, т'а, то
Дат. ми	ти	му, и, му
Вин. мѣн'á, мá	тѣб'á, тá	нѣгу, гу; нѣ́ ѣ́ ѣ́; нѣгу, гý

Множественное число

1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Им. ниѣ;	виѣ	те
Дат. ни	ви	нм
Вин. нас, ѣнз	вас, вá	т'ах, г'н

В винительном падеже сохраняются полная и краткая формы. В дательном падеже сохранилась только краткая форма, а полная выражается аналитически (полной формой винительного падежа

с предлогом **на**): *нă мѣн'а, нă тѣб'а, нă нѣу, нă нѣа, нă нас, нă вас, нă т'ах*.

В винительном падеже, кроме краткой формы местоимения ед. ч. женского рода **іа**, употребляется форма **гă** в сочетании **еі-гă**:

Еі-гă Нăд'а йди!

Еі-гă імă инна пѣс'ан дѣту пак зă Стрăх'ул — вуіводă.

В других случаях форма **га** не употребляется. В сочетании **еі-га** она известна и в языке старшего поколения, и в языке молодежи.

§ 2. Старые полные формы дательного падежа личных местоимений 1-го и 2-го лица мн. ч. (*нам, вам*) не исчезли из говора совершенно, а получили иное значение. Часто они употребляются с различными предлогами вместо обычной аналитической формы выражения падежей (полная форма винительного падежа с предлогами). В таких случаях эта новая аналитическая форма выражает большее подчеркивание лица, о котором идет речь (т. е. логическое ударение падает именно на местоимение и ударение более сильное, чем при обычной аналитической форме *на нас, на вас*). Если вместо местоимения *нас* с предлогом употребляется *нам*, то это значит, что говорящие имеют в виду именно себя, т. е. категории лица в данном случае придается большая конкретность, определенность; при употреблении же *нас* объект неопределен; это — несколько неопределенное *мы* вообще. При формах *нам, вам* нет этого оттенка собирательности, который часто имеют *нас, вас* (объект — в данном случае „коллективный“ — ограничивается тем, что подразумеваются уже вполне определенные лица). Эти же формы *нам, вам* употребляются и без предлогов, вместо винительного падежа *нас, вас* в том же значении.

Нас вікахă нă свăтбă — говорящий хочет сказать, что всех их звали на свадьбу, не определяя точно лица (вообще „нас“).

Нам вікахă на свăтбă — т. е. именно „нас“; подразумеваются определенные лица.

Испатр'ити нам, мăри! — то же логическое подчеркивание, определенность объекта (именно „нас“, а не кого-нибудь другого).

Формы же *нас, вас* не имеют этой определенности.

У нас нѣмă цир'имун'лăк — т. е. вообще у „нас“, в „нашем“ селе.

Имă у нас луз'а млăу — вообще у „нас“, в „нашем“ колхозе, в „нашем“ селе; форма включает в себе оттенок собирательности.

При употреблении формы *нам* этой неопределенности объекта нет.

С формой *нам* было записано много примеров:

„т'а плăчи зă нам, и н йі зă нѣа“ — говорящий подразумевает только себя и несколько близких ему лиц, которых он выделяет из общего понятия „нас“.

Форма *вам*, однако, встречается очень редко; был записан только один пример:

т'а зă вам ни хуртăвă.

§ 3. Полные формы личных местоимений 3-го л. винительного падежа (*нѣу, нѣа, т'ах*) часто употребляются в говоре в значении указательных местоимений „этот“, „эта“, „это“, „эти“:

Виі сїити на нѣу кр'ивăт?

В нѣу вр'ѣми дудăхă инни вълци.

Кăквă е нѣа бѣквă? Ам тóпл'ят ли т'ах кăлцѣни?

Иногда эти местоимения можно перевести и как „этот, эта“ и т. д. и как „тот“, „та“ и т. д. В подобных случаях нет конкретного указания на близкий или далекий предмет; употребление этих местоимений в таких случаях показывает, что о данном предмете уже говорилось раньше, что речь идет об известном, уже упоминавшемся предмете:

И ас уд нѣцу ден зѣчѣнѣх дѣ хѣд'а нѣ школѣтѣ („с этого дня“, „с того дня“, т. е. со дня, о котором было рассказано).

§ 4. Местоименные формы *нас*, *вас*, *т'ах* в сочетании с предлогом у употребляются в значении „дома“: *у нас* (у нас дома); *у вас* (у вас дома); *у т'ах* (у них дома), т. е. конкретизация понятия „дома“.

Т'а спи у т'ах (она ночует дома; т. е. у себя дома).

И ми будѣ нѣ акѣлѣ чи у думѣ моѣтѣ друѣр'и с'ѣдѣт у т'ах си (и мне пришла в голову мысль, что мои товарищи живут у себя, дома).

Виѣ б'ахти у вас (вы были у вас дома; т. е. у себя дома).

Биле ли сти у нас? (были ли у нас дома?).

§ 5. Употребление формы возвратного местоимения *себе си* в нашем говоре очень ограничено. Вместо общей для всех лиц формы *себе си* в подобном смысле (т. е. для выражения того, что субъект действия является одновременно и объектом действия) употребляются соответствующие для каждого лица полные формы винительного падежа с краткой формой возвратного местоимения дательного падежа (*си*):

Ас сѣм сѣрдѣтѣ нѣ мѣнѣ си.

Зимѣ моѣтѣ картѣчкѣ ф тѣбѣ си.

Т'а мѣсли за нѣѣ си.

§ 6. Краткие формы личных местоимений, которые обычно не могут стоять в начале фразы, в нашем говоре при повествовании, рассказе могут ставиться и на первое место после логической паузы, т. е. начинать предложение:

Кат са вѣрнѣх, ма пѣтѣт, кѣлку пур'ѣѣх.

Ниѣ си зѣхми пу идѣн килѣуѣрам крѣстафѣи; т'и зѣхми и чѣками пак мѣшѣнатѣ дѣ дѣди.

§ 7. В говоре Твардицы употребляются следующие формы указательных местоимений:

для обозначения близких предметов: *тос*, *тѣс*, *туѣ*, *тес*;

для обозначения отдельных предметов: *ѣнѣи*, *унѣс*, *унѣѣ*, *унѣс*.

Амѣ ни знѣѣѣ как ша кѣнчѣѣм тѣс гудѣнѣ.

И туѣс кѣту си пѣскѣт жѣлит'ѣ, сѣс аѣ — тѣс нѣхчитѣ ша им рѣжим жѣлит'ѣ.

При наглядном показе предметов, для обозначения самых близких предметов часто употребляются формы: *аѣ- тѣс*, *аѣ- тѣс*, *аѣ- ту*, *аѣ- тѣс*.

§ 8. Притяжательные местоимения имеют следующие формы:

Лицо	Мужской род	Женский род	Средний род
1	моѣ	моѣа	моѣу
	наш	нашѣ	нашѣу
2	тоѣ	тоѣа	тоѣу
	ваш	вашѣ	вашѣу
	нѣгуф	нѣгуѣѣ	нѣгуѣу
3	нѣин	нѣѣнѣ	нѣѣну
	тѣх'ѣн	т'ѣхнѣ	т'ѣхну

Притяжательные местоимения образуют членные формы так же, как и прилагательные; местоимение *неуф* образует членную форму так же, как притяжательные прилагательные на *-ув (-уф)*: *неува кон*.

Остатки форм склонений притяжательных местоимений сохранились в формах наречий: *пу-нашу^ому*, *пу-вашу^ому*, *пу-т'ахну^ому*.

§ 9. В говоре употребляются следующие формы вопросительных местоимений: *кої, куја, кује, куї; чиї, чија, чије, чий; какѳ, каква, какѳ, какви; што, какѳ*.

Местоимение *кої* в винительном падеже — *куѳ*.

Относительные местоимения *коїту, куја^{ту}, кује^{ту}, куїту* часто заменяются неизменяемым относительным местоимением *дѳту*:

Маї ми і тѳшку тѳс рабу^та, дѳту ми задава.

Вид'ах ухѳер'а, дѳту пѳсе фѳет'а.

От местоимения *коїту* известна форма винительного падежа *куѳту*.

Неопределенные местоимения имеют следующие формы:

н'акуї
н'аккаѳ
ѳди — куї

н'акуја
н'аккаѳа
ѳди — куја

н'акуїї
н'аккаѳу
ѳди — кује

н'акуи
н'аккаѳи
ѳди — куї

Определительные местоимения:

сїчк'и
(сїнк'и)
сѳк'и
с'аккаѳ
тѳкѳѳ
(тѳкѳѳзи)

сїчка
(сїнка)
с'ака
с'аккаѳа
тѳкѳѳс
(тѳкѳѳзи)

сїчку
(сїнку)
сѳку
с'аккаѳу
тѳкѳѳс
(тѳкѳѳзи)

сїчк'и
(сїнк'и)
сѳкї
с'аккаѳи
тѳкѳїс

Местоимение *тѳкѳѳс* имеет также формы *тѳкѳѳс* и *такѳс* (наиболее употребительная форма).

Отрицательные местоимения:

нїкуї, нїшту
нїккаѳ нїкаѳа нїкаѳу нїкѳѳ

Местоимения *н'акуї* и *нїкуї* также сохраняют формы винительного падежа: *н'акуѳу, нїкуѳу*.

V. Глаголы

§ 1. В говоре Твардицы различаются три спряжения глаголов: I — с тематической гласной *е*; II — с тематической гласной *и*; III — с тематической гласной *-а (-'а)*.

I
читѳ
читѳш
читѳ
читѳм
читѳти
читѳт

вар'а
вар'иш
вар'и
вар'им
вар'ити
вар'ѳт
знаїа
знаиш
знаї

II
мѳс'а
мѳснш
мѳси
мѳсим
мѳсити
мѳс'ат
знаим
знаит'и
знаїѳт

III
глѳдѳм
глѳдѳш
глѳдѳ
глѳдами
глѳдати
глѳдѳт

тѳр'ам
тѳр'иш
тѳр'и
тѳр'им
тѳр'ити
тѳр'ѳт

Для глаголов I и II спряжений в 1-м л. ед. ч. характерно окончание **-а** (безударное **-а**), заменившее старое окончание **ж**. В 3-м л. мн. ч. известно окончание **-ът** (без ударения **-а**).

Глаголы „петь“, „лить“, „смеяться“ имеют в 1-м л. ед. ч. окончание **-и**: *п'ам, л'ам, см'ам са*. Однако в других лицах они сохраняют старое спряжение (в зависимости от ударения они имеют тематическую гласную то **-е**, то **-и**).

Глагол „знать“ в 1-м л. сохраняет старую форму: *знáйй*.

Для глаголов *п'ам, л'ам, см'ам са* характерно также подвижное ударение; параллельно употребляются формы с ударением на первом слоге и с ударением на втором слоге.

Лицо	Единственное число	Множественное число
1	п'ам	пéим — п'áйём
2	пéиш — п'áйеш	пéити — п'áйеши
3	пéи п'áйе	пéя́т — п'áйът

Были записаны следующие примеры:

Имá пéс'ан зá Рáдá, п'áйёт йá нáштá сигá нá с'áд'áнкá.†

Тулáс шá йдим нá хурóту и шá п'áйём.

Т'á тэс дáштир'á ми, т'á хубу́й пéи.

Сигá пак дрýг'и пéйáт.

Ко сá смáйеш!

Такое же подвижное ударение имеет и глагол *пíйй*.

Лицо	Единственное число	Множественное число
1	пíйй — пíйá	пíйм — пíйём
2	пíйш — пíйеш	пíйти — пíйеши
3	пíй — пíйе	пíйáт — пíйът

Глагол *лýйá* (ловить) спрягается по типу глаголов *знáйá, убýййá* и др.: *лýйá, лýиш, лу, лýим, лýити, лýйáт*. Совершенный вид этого глагола (*улýййá*) также имеет подвижное ударение.

Глагол „мочь“ имеет форму *мóйá*: *мóйá, мóиш, мо́й, мóим, мóйти, мóйáт*. От глагола *йскам* отрицательная форма не образуется; вместо нее употребляется отрицательная форма глагола *шта*:

Б'áйáм уттáм, чи ни шта там дá сту́йá.

Глагол *сэм* в настоящем времени имеет следующие формы:†

ас ^ж	сэм	нй́и	сми	сни́
ти́	си́	ви́и	сти	
то́й, т'á, то́е (й, йе, је)		те́	сз	

В значении „бывать“, „бывает“ употребляется часто форма *бэ́ждá*: *Дá бэ́ждá кáту клин.*

§ 2. Будущее время образуется при помощи частицы *шá* (она имеет фонетические варианты *ше, шá*) и настоящего времени глагола:

Ко ймá вр'еми, шá улýййá инно́ пíли.

Шá ти́ йá дам.

Ше си пу'лаху́вáми ко́й ше фпрéни.

Ма зá ду'гудина́ ас шá г'и рáзвэ́д'á по-мло́гу; шá нэмá м'áсту зá т'ах дáжи.

Ни́й шá нáb'áр'ём боп.

Для образования отрицательной формы будущего времени употребляется 3-е л. ед. ч. глагола *нэмáм* — *нэмá*.

*Ша та убійя, пак нѣмѣ дѣта дам!
И ас са кѣчѣ ф тѣлѣмѣ и кѣзѣм чи нѣмѣ дѣ сл'ѣзѣм.
Пѣвичи нѣмѣ дѣ идѣ нѣ бѣхчѣтѣ пу тѣмну.
Нидѣї плѣкѣ, нѣмѣ да умр'ѣм.*

Отрицательная форма будущего времени, образованная при помощи частицы **ша** и отрицания **не** была отмечена всего два раза только в языке Ст. И. Каламановой (одна из самых старых жительниц села); эта форма, очевидно, архаичная:

*Те ни шѣ ти утплѣт'ѣт бурчиби.
Как дѣ ни шѣ мої дѣ рѣбутиш?*

Вместо формы будущего времени от глагола **бѣда** обычно употребляется будущее время от глагола **сѣм**:

*Утр'ѣ ша сти у вас?
луз'ѣта ша са хѣбѣи.
то ше е пѣ-хѣбуї.*

§ 3. Интересно в говоре употребление совершенного вида от глаголов настоящего времени. Совершенный вид глаголов настоящего времени может встречаться не только в придаточных предложениях после некоторых союзов (*да, ѣку, кѣтѣ, ја* и др.), где он получает значение будущего времени, но и в самостоятельных предложениях.

Обычно при употреблении будущего времени после союза *кат* (*кѣтѣ*) частица **ша** опускается не только в придаточном предложении непосредственно после союза *кѣтѣ*, но и в главном предложении при всех глаголах, т. е. не только в придаточном предложении, но и в главном совершенный вид глагола употребляется в значении будущего времени:

*Кѣтѣ уздр'ѣи грѣзиту, фпр'ѣнат тѣлѣ'итѣ сас курѣбитѣ;
идим нѣ луз'ѣтѣ, бѣр'ѣм грѣзди и са вѣрним кат ги нѣпѣл'ним.*

Однако и здесь в главных предложениях трудно определить, употреблены ли здесь глаголы совершенного вида просто в значении будущего времени или они имеют вневременное значение, выражая обычную последовательность действий (т. е. выражают действия, которые в той же последовательности постоянно повторяются). Вполне возможен перевод: „Когда созреет виноград, запрягают телеги... мы идем на виноградники, собираем виноград и возвращаемся, когда их (т. е. телеги) наполним“.

Значение будущего времени имеют глаголы совершенного вида в следующих фразах:

И пак дрѣ'и мумичита са ублѣчѣт и ас сас моїтѣ хѣкѣ са ублѣчѣм сас писан'и рѣкл'и, с сини пр'истѣл'к'и и з бѣли бѣрѣзи.

Очень часто глаголы совершенного вида в самостоятельных предложениях выражают повторительность действия, т. е. законченные действия, которые периодически повторяются; действие рассматривается как постоянное, обыкновенное. Такое употребление глаголов совершенного вида обычно встречается при рассказах, повествованиях о каких-нибудь ежедневно или часто совершающихся событиях (например, при описании обрядов, обычаев):

*Сабѣхлѣм кѣт стѣнѣ, са ублѣкѣ, идѣ нѣ г'ирѣн'ѣ, са ѣмѣї;
туѣс са вѣрнѣ ух кѣшти, пр'илѣдѣм кнѣ'итѣ и дѣвѣї нѣ шкѣлатѣ
(передаются действия, совершающиеся ежедневно).*

Кат до́дѣт иргѣни, р'икѣт: „Добар вѣчѣр“ и мумит'ѣ р'икѣт: „Дал бох ду°брѣ“. Стѣр'ѣт м'ѣсту на иргѣнит'ѣ и те сѣннѣт и нѣченѣт дѣ утбѣрѣт мумит'ѣ.

В значении повторительного настоящего времени могут употребляться глаголы и несовершенного и совершенного вида, в зависимости от того, что подчеркивает рассказчик — процесс действия или его целостность, законченность.

§ 4. Как интересную черту в говоре Твардицы можно отметить частое выпадение союза *да* после глаголов *тр'аа* и *нѣма*. Иногда глагол *тр'аа* в таких выражениях имеет смысл „наверно“, „очевидно“; поэтому, играя роль вводного слова, не требует союза *да*:

Сиг'ѣ вѣчи ни хѣд'ѣт; тр'аа са буѣт дѣ хѣд'ѣт пу удѣтѣ.

Ти тр'аа са интир'исѣвѣи зѣ нѣчу.

Но нередко форма *тр'аа* употребляется в смысле безличного глагола со значением „нужно“, а глагол, который следует за нею, тоже употребляется без союза *да*:

И тоѣ им дукѣзвѣ, чи тѣѣ тр'аа са пр'аи.

Виѣ тр'аа ги нѣмѣкр'ити.

После глагола *нѣмѣ* (3-е л. ед. ч.), употребляемого в смысле отрицания „нет“ или „не“, следующий глагол часто тоже не имеет союза *да*:

Нѣмѣ са сѣди.

То нѣмѣ ва ухѣпи.

Сиг'ѣ нѣмѣ са зѣлѣб'ѣт.

§ 5. В говоре очень распространены безличные конструкции типа *ас ми ѣ жѣлку, ас ми харѣсва*, т. е. сочетание глагола в 3-м л. ед. ч. или наречия с двойной формой местоимения (именительный падеж и краткая форма дательного падежа):

Ас ми тижѣ инѣ кѣхѣ пипѣр и инѣ — грѣзди.

Ас ни ми ѣ тѣѣ хѣбуѣ да сѣм там.

Тоѣ ни му са утѣвѣ.

Возможны также в подобных безличных оборотах сочетание именительного падежа местоимения с краткой формой винительного падежа:

Ас ма нѣмѣши.

И ниѣ вѣчи на нѣмѣ.

В разговорной речи обычно фразы очень сильно сокращаются; возможны предложения, состоящие только из вспомогательного глагола, частицы *ша*, т. е. слов, которые в полной фразе не имеют логического ударения.

Подобные фразы широко распространены в говоре, как и предложения, состоящие только из отрицания и краткого местоимения:

Спи ли ти са? — Ни ми.

Утѣва ли ти са? Ни ти?

§ 6. Имперфект образуется от основ настоящего времени. Для 1-го спряжения тематической гласной является — 'а из ѣ (во 2-м и 3-м л. ед. ч. — е).

Лицо	Единственное число	Множественное число
1	чит'ах	чит'ахми
2	читѣши	чит'ѣхти
3	читѣши	чит'ѣхѣ

Окончания имперфекта **-х, -ши, -ши, -хми, -хти, хă** одинаковы для всех спряжений.

Во II спряжении тематической гласной является под ударением **-’а** (во 2 и 3-м л. ед. ч. **-е**) и без ударения **-ă**.

Лицо	Единственное число		Множественное число	
1	вар’ăх	ход’ăх	вар’ăхми	ход’ăхми
2	вар’еши	ход’ăши	вар’ăхти	ход’ăхти
3	вар’еши	ход’ăши	вар’ăхă	ход’ăхă.

В III спряжении тематическими гласными являются **-а, -’а**.

Лицо	Единственное число		Множественное число	
1	гледăх	свал’ăх	гледăхми	свал’ăхми
2	гледăши	свал’ăши	гледăхти	свал’ăхти
3	гледăши	свал’ăши	гледăхă	свал’ăхă

Глагол *лўа* спрягается по образцу глаголов *знаїă, убўїă, лўăх, лўăши, лўăши, лўăхми, лўăхти, лўăхă*.

Глагол *мўа* имеет формы *мўăх* и *мужех*.

В формах имперфекта сохраняется ударение настоящего времени; в глаголах *л’ам, п’ам, см’ам са*, так же как и в настоящем времени, в имперфекте для ударения характерна подвижность. В имперфекте от глагола *мўа* — *мужех* ударение падает на тематическую гласную.

§ 7. Аорист (время, обозначающее прошедшее законченное действие) имеет следующие окончания:

Лицо	Единственное число	Множественное число
1	х	хми
2	—	хти
3	—	хă

Аорист образуется от инфинитивной основы глаголов. Различные группы глаголов образуют аорист с различными суффиксами.

1) Глаголы с инфинитивной основой на согласный звук (основа равна корню) образуют аорист с тематической гласной **-о (-у)**; во 2-м и 3-м л. ед. ч. **-е** или **-и**.

Сюда относятся глаголы I спряжения: *читă, пикă, р’икă* и др.

Лицо	Единственное число	Множественное число
1	чѣту ^о х	чѣту ^о хми
2	чѣти	чѣту ^о хти
3	чѣти	чѣту ^о хă

2) Глаголы с корнем на гласный "звук (основа равна корню): *биїă, пузнăїă, убўїă*.

Лицо	Единственное число	Множественное число
1	бих	би́хми
2	би	би́хти
3	би	би́хă

Сюда же относится глагол *улўїă* (после выпадения звука **в** в корне глагола он перешел в группу глаголов с корнем, оканчивающимся на гласный звук): *улўх, улў, улўхми, улўхти, улўхă*.

3) Глаголы, основа которых оканчивается на **-а** (**-’а**); в эту группу входят глаголы I, II и III спряжений: *р’ива* (I); *кап’а*, *плач’а* (II); *гледам* (III). Тематическая гласная в формах аориста этих глаголов **-а**: *р’ивах*, *плаках*, *гледях*.

4) Глаголы с основой на **-’а** (старое **ѣ**): *търп’а*, *к’ип’а* *жувей’а* (II); *спра* (I) и др. В формах аориста проходит гласный **-’а**: *търп’ах*, *търп’а*, *търп’ахми*, *търп’ахти*, *търп’ахъ*, *спр’ах* *са*, *спр’а* *са*.

5) Глаголы с основой, оканчивающейся на **-и**; сюда относятся глаголы II спряжения (*ход’а*, *мол’а*, *рабу’а* и др.). Глаголы этой группы могут иметь две тематические гласные: **и** и **ѣ**. Наряду с формами *ходих*, *ходи*, *ходи*, *ходихми*, *ходихти*, *ходихъ* широко употребляются формы: *ход’ах*, *ходи*, *ходи*, *ход’ахми*, *ход’ахти*, *ход’аха*. Только во 2-м и 3-м л. ед. ч. обычно употребляется **и**.

Ударение в аористных формах совпадает с ударением в настоящем времени. Переход ударения наблюдается только в глаголах с основой на согласный звук (глаголы I спряжения *чит’а*, *мит’а* и др.), которые образуют аорист с тематической гласной **у**. В настоящем времени они имеют ударение на конечном гласном звуке, а в аористе ударение переходит на корень: *чит’а* — *чету’х*; *мит’а* — *мету’х*; *р’ика* — *реку’х*.

Исключение представляет глагол *дода*, где ударение с начального слога переходит в аористе на тематическую гласную: *дуд’ах*, *дуде*, *дуде*, *дуд’ахми*, *дуд’ахти*, *дуд’ахъ*.

Глагол *вид’а* имеет в аористе две формы: *вид’ах*, *вид’а*, *вид’а*, *вид’ахми*, *вид’ахти*, *вид’ахъ* и *вид’ах*, *вид’а*, *вид’а*, *вид’ахми*, *вид’ахти*, *вид’ахъ*.

Аорист от глагола *мо’а* имеет следующие формы: *му’ах*, *му’а*, *му’а*, *му’ахми*, *му’ахти*, *му’ахъ*; здесь также ударение падает на конечный слог. Иногда от глагола *мо’а* встречается форма *мо’ах*.

Формы аориста на **-ах** глаголов с основами на **-и** (*цувор’а*, *ход’а* и др.) совпадают с формами имперфекта от этих глаголов; от глагола *цувор’а* имперфект и аорист звучат, как *цувор’ах*; от *прав’а* — *прав’ах*. В таких случаях для разграничения смысла форм главное значение получает глагольный вид. В тех же случаях, когда категория вида неярко выражена, трудно бывает определить, какая форма употреблена — аорист или имперфект:

Рабу’ах дес’ат ден’а и *ма’и ми’и тешку т’с рабу’а д’ету ми’и* *з’ада’а*.

Здесь форму *рабу’ах*, с одной стороны, можно рассматривать как имперфектную, выражающую незаконченное действие („работал“); но, в то же время, возможно, что эта форма обозначает действие длительное, но законченное (т. е. аорист).

Служах на не’у сал’а два’ мехи’а — аналогичное употребление. *Ход’ах у’а ле’лини* и *т’а ми’и да’ди ин’а и’и’и’е*.

Здесь также форму можно рассматривать и как имперфектную, и как аористную. Если подчеркивается процесс, длительность — это имперфект; если подчеркивается законченность продолжавшегося определенного времени действия — это аорист; в данном случае употребление аористной формы *да’ди* показывает, что форму *ход’ах* можно считать аористной.

§ 8. Перфект (прошедшее неопределенное время) — сложное время, широко употребляющееся в говоре не только в косвенной речи (так называемый пересказанный аорист, который Андрейчин, автор грамматики современного болгарского языка, переведенной недавно на русский язык, отличает от перфекта, рассматривая как самостоятельное глагольное время), но и в „прямой“ речи, для выражения действия, имеющего непосредственное отношение к говорящему, связанного с ним. Обычное употребление перфекта — для обозначения действия прошедшего, но актуального и в настоящий момент; часто это прошедшее действие не связано с определенным моментом времени (действие выражается как готовый факт); часто употребляется перфект в вопросительных и отрицательных предложениях.

Перфект образуется при помощи причастия прошедшего времени на -а и настоящего времени глагола *сѣм*: *хѡд'ѡл сѣм*, *хѡд'ѡл си* и т. д. В 3-м л. ед. и мн. ч. вспомогательный глагол часто не употребляется:

Вѣну сѣм пил, пак кал'ѡрѡфкатѡ ни сѣм.

И т'а ма кѡѣ: хѡбуѡ чи сѣм уздрѡил (употребление перфекта после глагола *казвам*).

И кат си дѡдим, мѡмини са нѡпрѡили милѣнѡ и пѣли зѡклѡли (констатация факта).

И ниѣ утѣду^хми пак дѡ вѣдим, стѡпкали ли ту (косвенный вопрос).

И туѡс си хуртуѡвами как сѣи зѡспѡли дѡ ни уѡдим чи ѣ душѣл пр'итсидѡтилѡ да тѡри ту идѣн снол.

Виѣ ни стѣ ли вид'ѡли как са тѡчѣ на стан?

Иногда бывает очень трудно определить, почему в данном контексте употреблен перфект; в некоторых случаях он имеет значение прошедшего предварительного времени или аориста:

И си утѣду^х у думѡ, и си мѣнѡ мѡлку, и туѡс дудѣ цудѣжѡ, и тоѣ флѣзи пр'и мѣнѡ и то мрѣкнѡлу.

В данном примере трудно установить значение употребленной формы перфекта; по дальнейшему повествованию видно, что для последующих событий это действие (*мрѣкнѡлу*) не имеет значения, не актуально; нет здесь также и значения пересказанного аориста (действие наблюдал говорящий). Возможно, что здесь перфект употреблен в значении плюсквамперфекта (*и то бѣши мрѣкнѡлу*) и выражает действие, совершившееся раньше других прошедших действий (*и тоѣ флѣзи пр'и мѣнѡ и то вѣчи б'ѣши мрѣкнѡлу*).

Тримѡ сѡлдѡтинѡ нуитѡвахѡ тѡкѡ. Ниѣ туѡс мѡл'к'и билѣ.

Здесь нет ни яркой констатации факта, ни действия, актуального для настоящего момента; возможно, что в данном случае перфект употреблен в смысле аориста.

Перфект в нашем говоре часто обозначает действие, актуальное не только для момента повествования, для момента рассказывания (как говорит Андрейчин), но и актуальное для других прошедших действий:

И кат са кѡчѣх ваз рѡтѡ на унѣх чѡкѡ и си утѡрѡх кѡшницѡтѡ ут чѡкатѡ и ѣиѣтѡ нѡпѡдали у дулѡ х удѡтѡ. И Сѡнѡ утѣди и збра сал пет ѣиѣтѡ здрѡви.

В данном примере, несмотря на то, что рассказ ведется в аористе, употреблен перфект — для выражения действия, актуального для

дальнейшего поведения действующего лица, для последующих действий; собственно, оно и вызывает, объясняет последующие действия:

И кат зѣмнѣ, и ниѣ си лѣгнахми, и кату снѣ зѣспѣли и тоѣ душѣл пр'итсидѣтилѣ с тѣлнѣтѣ и нѣтѣр'ил пу идѣн сноп зѣмнѣца и са мѣхнѣл пак.

Перфектная форма *снѣ зѣспѣли* употреблена для выражения действия, актуального для последующих событий, являющегося их причиной.

Часто, когда перфект выражает констатацию факта, в 3-м л. ед. и мн. ч. вспомогательный глагол выпускается:

Ниѣ б'ѣхми на онѣзи краѣ и кат са вѣрнахми и идѣнѣ кон исчирвѣлѣн, вѣлкѣ цу скѣсѣл (яркая констатация факта).

Тугѣс нѣл'ѣли цу вѣчи и то ша нѣчѣвѣ дѣ к'ипѣ. Нѣшиѣ нѣрѣт пѣчѣн, пр'ивѣкнѣл дѣ рѣбу'ти.

Однако иногда опускается вспомогательный глагол и в тех случаях, где нет яркой констатации конкретного факта:

Ша зѣкѣнчѣт пак нѣзѣт, дѣту нѣчѣнали.

При употреблении перфекта в придаточных предложениях, относящихся к глаголам типа *усещам, мисля, казвам*, также часто употребляется только причастие без вспомогательного глагола:

И ниѣ кат са сабѣд ѣхми и пѣтами, коѣ цу ѣ тѣрил и те ни кѣзахѣ жинѣтѣ чи духѣдѣл притсидѣтилѣ.

На тр'ѣтиѣ ден тоѣ ги прудѣди и се ни ми кѣзвѣ, чи ги прудѣл.

Тоѣ ми кѣзвѣ чи цу забикулѣл два јѣрсѣ.

Таким образом, пропуск вспомогательного глагола в формах перфекта 3-го л. ед. и мн. ч. — явление более частое, чем это отмечает Андрейчин в своей грамматике („Основна бѣлгарска граматика“). Причем во многих случаях равно возможно и сохранение вспомогательного глагола и его пропуск:

И тугѣс си хуртѣвами как снѣ зѣспѣли да ни угѣдим чи ѣ душѣл пр'итсидѣтилѣ, но: И те ни кѣзахѣ жинѣтѣ чи духѣдѣл пр'итсидѣтилѣ.

В 1 и 2-м л. ед. и мн. ч. обычно вспомогательный глагол сохраняется:

Виѣ ни сте ли вѣд'ѣли как са тѣчѣ нѣ стан?

Ас сѣм ги испу'зѣбрѣлѣ.

Были отмечены лишь два примера без вспомогательного глагола:

Ниѣ тугѣс мѣлк'и билѣ.

И кат нѣблѣжи ду мѣнѣ и ас си искѣчил ут скѣртѣтѣ и б'ѣѣм кам грѣдѣнатѣ.

Это сохранение полных форм перфекта противоречит заключению Н. С. Державина об их утрате в болгарских говорах Бессарабии.¹

Для выражения законченного действия, наблюдателем которого говорящий не был, употребляются формы пересказанного аориста, совпадающие с формами перфекта (причастие прошедшего времени на -л, образованное от инфинитивной основы глагола, и настоящее время глагола сѣм). В 3-м л. ед. и мн. ч. вспомогательный глагол, как правило, не употребляется:

Тугѣс трѣнали нѣшт'ѣ да ма дѣр'ѣт. Дѣр'ѣли ма дѣрѣли, ни мѣѣт да ма нѣмѣр'ѣт.

¹ Болгарские колонии в России, т. II, 1915, стр. XIV.

И тугас дуде идін чил'ак и тої гу ср'ешнэл.

Идін фчар пасал фцетѧ и три вѧлкѧ флѧзли у фцетѧ и скѧсѧли при шилитѧ.

§ 9. Плюсквамперфект (прошедшее предварительное время) обозначает прошедшее действие, совершившееся раньше других прошедших действий; оно образуется с помощью причастия на *л* и имперфекта от глагола *сѧм*. Так же как имперфект и аорист, плюсквамперфект выражает действие, непосредственно знакомое говорящему:

Ууїнатѧ бѧши са кѧнчилѧ тугас.

И ниї вѧчи на нѧмѧши, ниї вѧчи б'ѧхми утишлѧ дѧ игрѧим.

Кат утиду^охми, нѧмѧши нїкуї, сал бѧбѧ Марку^офцѧ бѧши сѧн-налѧ нѧ прѧїѧ и нѧчѧнѧ да пѧи инѧ пѧсѧн.

Этому времени соответствует давнопрошедшее время, выражающее прошедшее действие, совершившееся раньше другого прошедшего действия, свидетелем которого говорящий не был. Формы давнопрошедшего времени редко встречаются в говоре.

Причастия на *-л*, при помощи которых образуются сложные прошедшие времена, во мн. ч. под ударением имеют окончание *-е*: *билѧ, душлѧ, утишлѧ*. Без ударения в этих формах звучит *-и*: *дунѧсли, хѧд'ѧли*.

§ 10. Обычно формы условного наклонения образуются при помощи имперфекта от глагола *шта*, союза *да* и настоящего времени данного глагола:

Лицо	Единственное число	Множественное число
1	шт'ах да кѧп'ѧ	шт'ѧхми да кѧпим
2	штѧши да кѧпи	шт'ѧхти да кѧпити
3	штѧши да кѧпи	шт'ѧхѧ да кѧп'ѧт

Ма да бѧши милїнѧ, шт'ах дѧ їѧ из'ѧм:

Бѧбѧ штѧши да жувѧї ѧшти дѧлгу, ам т'а са рѧст'риѧжи млѧгу сас Аѧл'ѧ Мѧр'їѧ.

Р'ѧку^ох чи ку їмѧш титрѧдѧ, шт'ах да ти кѧжѧ ут кѧкѧ стѧвѧ шѧлкѧ.

Куи бѧши умряла бѧба Маркуфцѧ можи штѧх да стѧна булка (письмо С. И. Каламановой).

Эти же формы употребляются и в другом значении — для выражения будущего действия в прошедшем, т. е. действия прошедшего, но являющегося будущим относительно другого прошедшего действия:

Инѧ мумїчи дудѧ да прѧи фѧтѧтѧ и да вїди кѧквѧ шт'ах да сѧм.

Иногда этой форме придается оттенок неосуществленности действия (действие должно было совершиться, но не совершилось; чуть-чуть несовершившееся действие):

Еї — сїгѧ шт'ах да пѧннѧ.

При передаче косвенной речи употребляются формы *шт'ал сѧм* да *кѧп'ѧ*. Они выражают также будущее время в косвенной речи:

Кѧзваха чи шт'алу да їмѧ сабрѧнїѧ.

Эти формы передают в косвенной речи и неосуществленное действие:

Тої рѧскѧзѧ как шт'ал да гу из'ѧдѧ идін вѧлк.

§ 11. Повелительное наклонение образуется от основ настоящего времени.

Для глаголов I и II спряжений в повелительном наклонении употребляются флексии: **-и** для 2-го л. ед. ч. и **-ети** — для 2-го л. мн. ч.:

Убличи са с хубаи др'ех'и! прау ми кажи, ни лажи!

Устай! тръгнети! ја мъл'чети!

Глаголы II спряжения типа *знай*, *сѣй*¹ и т. д., а также глаголы III спряжения в повелительном наклонении имеют следующие окончания: **и** — для 2-го л. ед. ч. и **и ти** — для 2-го л. мн. ч.:

Прудай и'и! махай ти са!

Знай! знай ти!

Глаголы *дуни са*, *зани са* и т. п. имеют в повелительном наклонении следующие формы: *дунес* — *дунести!* *занес* — *занести!*

Зимй тр'и чувал'а пәпүр чи гу занес!

Вар'и гу дунес како са запр'ал бр'е!

Занес тес хүрк'и в беч'а!

Дунести уда!

От глаголов *ям*, *вид'а*, *държа*, *б'агм* образуются формы:

јеш — ешти! виш — вишти! дръш — дръшти! беш — бешти!

От глагола *мъл'ча* употребляются формы: *млакни* — *млакнети!*

В повелительном наклонении в глаголах I и II спряжений ударение падает на флексии **-и**, **-ети**: *напрай*, *напрәети*.

При отрицании в повелительном наклонении часто употребляется частица *нидѣ* и основа инфинитива: *нидѣ п'а!* *нидѣ и'и закача!*

Употребление основы старого инфинитива отмечено также после глаголов *моѣ* и *стийа*: *моѣ ли пузнә; ни моѣ и'и упрәи; стийа пи; стийа дрүсә; стийа хуртүвә.*

VI. Наречия

Наиболее употребительны в говоре следующие наречия:

1) наречия места: *де*, *близу*, *далѣч*, *уддалѣч*, *түка*, *там*, *уттүка*, *уттам*, *гор'а*, *долу*, *удгор'а*, *уддолу*, *нагор'а*, *надолу*, *насам*, *напр'ет*, *назат*, *вън*, *вотр'а*, *фр'ет*, *наспор'ит*;

2) наречия времени: *тугас* (*туг'ис*), *сиг* (*сиг'и*), *нес*, *үтр'а*, *фчѣрә*, *сношти*, *сүтр'ина*, *сабаүләйм*, *дувѣчәрә*, *лин'а*, *нушт'а*, *л'ату'с*, *зимѣс*, *сѣтни*, *пудир*, *путом*, *първ'ан*, *вечи*, *хожма* (*катә ден*); *винаги*;

3) наречия образа действия: *дубр'а*, *эл'а*, *блѣз'а*, *лошу*, *уж*, *кр'иү*, *праү*, *вазнишк'ом*, *зәннишк'ом*, *дару'ом*, *силнатә*, *тәман*, *хәләк*, *башка*, *бәл'ни* (*хүбү*), *зорлу*, *п'ашә*;

4) наречия меры и степени: *малку*, *млоу*, *сал*, *зад'а*, *мај*, *х'ич*, *хәлис*, *пучти*, *сәфсѣм*.

VII. Предлоги

В говоре Твардицы известны следующие предлоги:

биз (*бис*) — обозначает отсутствие чего-либо или кого-либо: *биз нечу ни мој; казәх на наштә, чи вид'ах идиң вәлк биз упәшкә.*

Ваз (*вас*), *враз* (*врас*) — употребляются в значении русского „на“: *ваз мән'ә; улү ваз ратә вах чүкатә; күчиттә хүкнах враз нас.*

¹ т. е. глаголы, корень которых оканчивается на гласный звук.

Ду — обозначает:

1) приближение: *утиду^ох ду инна луза*; и кат *наблѣжи ду мѣн'а* и ас *б'аѣм*; *дудох ду идин акаѣ*;

2) близость, соседство: *синни ду мѣнѣ* (рядом со мной); *тоѣ са наблѣжи ду мѣнѣ*;

3) предел, границу (во времени, пространстве, количестве): *ду нѣшнѣй ден*; *вар'ах ду Бал'чува дол*; *испѣѣ ду краѣѣ*.

за — имеет следующие значения:

1) цель, назначение: *тр'аѣт камаи за пѣстроѣк'и*; *како ѣмѣ за прѣдѣн*; *за рабу'тѣ ѣи нѣмѣ*;

2) продолжительность во времени: *ас пуѣскаѣ пѣр'и за колку'ту врѣми му рабу'тих*; *то за тр'и дѣнѣ пр'ик'ип'а*; *тоѣ ма паза'р'и да бѣда рабѣтник за инна ѣдинѣ*;

3) в значении русского предлога „о“: „о нем“, „о нас“: *ас плакаѣ за нѣу*; *т'а за нам ни хур'тѣва*;

4) в значении русского „за“: „за цепь“ и т. д.: *ас са улѣх за синѣир'ѣ*; *за упѣшк'и ша ѣу нѣнѣжиш*;

5) занятие, профессию: *тоѣ са упѣпил за поп*; *зѣхѣ ѣу за д'акѣн. зарат* — из-за, по причине: *зѣрат туѣ пѣснит'ѣ са п'ѣѣт*.

зад (зат) — обозначает место: *зат пиштѣ*; *зат мѣн'ѣ*.

из (ис) — указывает направление движения; часто выражает беспорядочность, неопределенность движения: *в нѣу пѣт*; *хѣдих ис Кустѣнѣѣ*; *ис сѣлу да ѣу дѣриш нѣмѣ да ѣу нѣмѣриш*.

кр'ѣѣ, пукр'ѣѣ — возле, около, мимо: *мѣнахми кр'ѣѣ т'ах*; *мѣнѣх пукр'ѣѣ нѣу*.

кам — указывает направление (куда?): *ни зѣнѣѣ пѣт'ѣ кам Твѣрдѣѣѣѣ*; *б'аѣм кам ѣрѣдинѣтѣ*; *сигѣ кам ваѣштѣ нив'ѣ* — там б'ахми (приблизительность направления места); *сѣчк'ит'ѣ глѣдѣт кам мѣнѣ*.

на — имеет следующие значения:

1) притяжательность: *ша пр'ѣѣмиш тѣвар на хѣзѣинѣ*;

2) значение дательного падежа: *дава на мѣнѣ*; *вѣками на Гѣнѣ*;

3) место, направление: *нѣшиѣѣ нѣрѣт са прѣска на дрѣѣѣ стѣрни*; *карами ѣу нѣ пир'ивѣл*; *мамини утѣду'хѣ на нѣва*; и на инѣ кнѣшкѣ *си зѣписваѣ силѣтѣ*; *ас си трѣнѣх праѣ на Твѣрдѣѣѣѣ*; *т'а бѣши сѣнналѣ на праѣѣ*;

4) время: *на читвѣртиѣѣ ден пѣнна малѣ*; *на фтѣбриѣѣ пѣт пак ѣи зѣѣрниш*; *на прѣлѣт фчѣр'ѣ искѣра уфѣѣт'ѣ на зилѣнѣ тр'ѣва*; *б'ах на сору'к пѣрвѣтѣ ѣдинѣ кат изл'ѣзу'хѣ нѣзѣт*;

5) возраст: *б'ах туѣс на дѣв'ѣт ѣдин*;

6) способ действия, результат действия: *трѣпами на камѣѣ*; *нѣпраѣѣѣѣ на клин*; *сѣчку на пѣс'ѣн искѣрѣвѣт*; *праѣм ѣу на вѣну*;

7) значение винительного падежа с предлогом (на нас, на чужих людей): *ти си сѣрдѣтѣ на нам*; *зѣх да рабу'тѣ на л'ѣѣк'ит'ѣ хѣрѣ*;

8) оттенок распределительности: *на тр'и сорѣт зѣлиту*; *рѣспрѣснахѣ са на шѣс силѣ*;

9) предлог на употребляется также в отдельных выражениях: *ама на хѣѣстиѣ*; *фл'ѣзу'х ф ѣураѣтѣ*; *изминѣва са уд ден на ден*;

Был отмечен случай употребления на вместо предлога за: *ни ми ѣ жалку на л'ѣѣк'ит'ѣ свѣни*.

над — над мѣн'ѣ;

приз (пис):

1) означает „через“: *да гу пиче слѣнциту пр'иск'ир'имидѣ; минѣвами пр'ис Мѣнчу'вѣ хѣрман;*

2) выражает орудие производства: *ша гу чѣкѣт приз мѣшѣнатѣ; пр'и* — указывает близость, соседство: *жувеѣѣ пр'и нѣгу; утиѣду'х пр'и нѣгу; и на устѣихѣ пр'и бѣбѣ; т'а си лѣгѣи пр'и нам* (в примере: *И пр'и нѣгу са пужѣлѣх* предлог *пр'и* выражает дательный падеж); *пр'ид (пр'ит)* — имеет значение места: *пр'ид мѣн'ѣ.*

пу — имеет следующие значения:

1) последовательное движение в определенном направлении: *пу пѣт'ѣ; пу шус'ѣтѣ; пу ѣрниѣ краѣ; пу с'ѣдѣнк'и* (переносное значение);

2) распределение: *да ѣмѣ сѣк'и пу инѣ снѣпчи; пу двѣчк'и; два пу пидисѣ;*

3) время: *трѣнѣхми пу плѣнн'ѣ; сал да ни ѣдѣ пу тѣмну;*

4) способ передвижения: *пу мѣшѣнѣ;*

5) предлог *пу* употребляется в выражении *пу р'ѣзѣ, пу кѣлѣѣни;*

6) иногда обозначает место: *туѣ бѣши пу хѣрман; пу зим'ѣтѣ; пуд (пут)* — *пуд инѣ ѣкѣмбалѣ; пуд вѣрбѣт'ѣ;*

пудѣр (пудѣра) — выражает движение: *пудѣр'ѣ ни вар'ѣши инѣ тѣлѣѣ; ниѣ трѣнѣхми пудѣр'ѣ им* (за нами, за ними); *ср'иштѣ, нѣсрѣштѣ* (против, навстречу); *нѣсрѣштѣ ми ѣдѣт кѣкѣвѣту;*

ср'ед (ср'ет) — *нѣср'ѣд* (среди); *ср'ид дѣрѣ; ср'ит пѣт'ѣ; нѣср'ѣт хѣрѣтѣ;*

с (сас) — употребляется в следующих случаях:

1) для обозначения орудия: *ѣзѣѣват ѣ'и сас мѣнѣ'имѣ; ѣзѣѣхѣ ѣ'и сас пѣшк'и;*

2) выражает конструкцию творительного падежа с предлогом *с*: *ас утиѣду'х сас т'ах; сас нас нѣмѣми нѣкѣкѣф сѣт; дудѣх сал сас пѣтѣстѣтин лѣѣѣ;*

3) *т'а ми дѣдѣ инѣ ѣѣѣѣѣ, и ас си кѣпѣх сас нѣгу ѣѣѣѣѣ ѣдѣн ѣѣлѣѣл;* в данном случае выражается существительным с предлогом *сас* (плата), т. е. также „средство“; значение данной предложной конструкции близко к *ablat. instrumentalis*.

у — 1) употребляется в выражениях *у нас, у вас, у т'ах, у думѣ* в смысле „у себя дома“, „у нас дома“, „у вас дома“.

2) обозначает место — куда? к ним, к Паскалювым: *утиѣдух у т'ах; хѣдѣх у Пѣскал'увѣт'ѣ.*

уд (ут) — имеет следующие значения:

1) удаление, отдаление: *хѣратѣ ѣдѣт ут нѣѣѣ; ут ѣзмѣѣлѣ трѣнѣх нѣсѣм;*

2) отделение: *снѣмами парѣлѣѣѣт'ѣ уд ѣлѣѣѣт'ѣ; зѣмѣт гу ут кѣчкѣтѣ;*

3) время (с какого времени): *ас уд мѣл'к'и зѣх да рѣбу'т'ѣ;*

4) материал: *уд дѣск'и; шт'ах да кѣѣѣ ут кѣкѣ стѣѣѣ шѣлѣѣ;*

5) происхождение: *ас им кѣѣѣѣм чи сѣм ут Бѣсѣрѣѣѣѣѣ;*

6) причина: *ут стѣх;*

7) соответствует русскому предлогу „от“ (от него и т. п.): *ас ѣмѣх ѣдр'ис ут нѣгу; пѣѣскѣх ут пѣдѣр'ѣ пѣт дѣни;*

Предлог *уф (ух)* имеет также варианты *ф (в), х*. Очевидно, в связи с такой „контаминированной“ формой предлога произошло некоторое смешение значений предлогов *ф* и *х*. Часто предлог *ф* (*уф, ух*) употребляется в значении *у*:

Кăту утѣду^х в Дѣбруджă и си тѣрс'а ф н'ăкуѣ хăзăин да са пазър'а.

Пак ас кат уплăт'а ф мѣн'а нѣмă дă ѣмă нѣту инă пăрă.

Вар'и на ѣрниѣ краѣ ф зѣт'а;

Ас устанăх сăмѣчак и пѣшă тѣкă ф нас ф сѣлу^хту;

Тоѣ ма пазър'и да бѣдă рăбѣтник уф нѣту;

И тугăс утѣду^х ф т'ах руннѣни.

Главные значения предлога *уф* (ф) — временное и значение места:
в нѣту ден; мѣнăх ух дрѣгă махлă; пупăннăх ух дрѣгу сѣлу,
ф К'ир'и ѣт; збѣрам ѣи ух инă кушѣлкă;

Очень часто в говоре употребляются двойные формы предлогов:

За рăбу^хтă ѣи нѣмă, пак за на парăл'а!

Т'а са ужѣни за ух нăштă махлă.

Ша са ублѣчѣм сас пѣсани рѣкли, с пу инă алăнă лѣнтă.

Кашт'атă билѣ сас пу дв'а врăтă.

Мѣнăх на из ратѣ.

VIII. Союзы

В говоре Твардицы употребляются следующие союзы:

Сочинительные:

1) соединительные: *и; чи;*

2) разделительные: *или-или; ни-ни; х'ем-х'ем; ја-ја;*

3) противительные: *а, амă, пак, убăчи, сăл'чи.*

Подчинительные:

1) дополнительные: *да, чи, дѣту;*

2) определительные: *кѣѣту, дѣту;*

3) обстоятельственные: а) места: *дѣту, нăкадѣту;* б) времени: *кат, дур, штом, дудѣту;* в) причины и цели: *штѣту, зăштѣту, чи, зăтѣѣ чи* г) условия: *ăку, да; д) образа действия: кăту.*

IX. Частицы

При обращениях, при звательном падеже обычно употребляются вокативные частицы *мър'и* — для женщин; *бре* — для мужчин:

Вар'и гу дунѣс како са зăпр'ал бр'е! Испатр'итѣ нам мър'и!

В повелительном наклонении употребляются усилительные частицы *ја* и *ба* (бе): *ја мѣл'чѣти! дăвăѣ бе!*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги всему сказанному о говоре села Твардицы, можно выделить следующие основные черты его фонетической и морфологической системы:

1) Сильная редукция безударных гласных.

2) Произношение **ѣ** — типичное для южнобалканских говоров: под ударением оно звучит перед мягким слогом как *е*, перед твердым — как *'а*; в конце слов **ѣ** произносится как *'а*.

3) Произношение на месте безударного *е* звука *и* и звука *ă* (т. е. два результата изменения *е* в безударном положении).

- 4) Сохранение звука **ж** во всех фонетических позициях.
- 5) Активный процесс замены согласного **ф** звуком **ж**.
- 6) Утрата мягкости согласных в конце слов, но сохранение ее в членных формах; заимствованные слова часто получают мягкость в членных формах.
- 7) Утрата сочетаний **сч, шч, сщ**.
- 8) Совпадение форм имперфекта и аориста в глаголах II спряжения с основами на **и** (губор'а, ход'а).
- 9) Совпадение ударения в аористе с ударением настоящего времени (за исключением группы глаголов I спряжения типа *чита, мита*).
- 10) Употребление совершенного вида глаголов настоящего времени в самостоятельных предложениях для выражения повторяющихся действий.
- 11) Сохранение членной формы *т'ах* у количественных числительных.
- 12) Ограниченное употребление возвратного местоимения *себе си* и его замена соответствующими для каждого лица формами винительного падежа в сочетании с краткой формой возвратного местоимения дательного падежа (*мене си, тебе си*).
- 13) Употребление полной формы дательного падежа местоимения 1-го л. мн. ч. *нам* вместо винительного падежа (*нас*) для логического подчеркивания лица.
- 14) Пропуск союза *да* после глаголов *тр'аа* и *нема*.
- 15) Сохранение полной формы перфекта.

ТЕКСТЫ

I

Ймахми идин д'аду, завар'их гу на осимдисе гудини; тој пр'иказвал млогу за турцку. Д'аду бил на шиснајси годин, гат душле ут турцку. Т'е биле читирма брат'а; најмал'кија бил на дес'ат годин, најгулемия — на шиснајси. Т'е ни пуб'агнахли ут хубу^с там ут турцку^{ту}; ни мужле да удържът и тръгнахли тук. П'аша душле, немали гулам дубитак. С'адели на крај селу тр'и мэх'ица, трс'али м'асту. Сетни насекли пр'чк'и, зацапали г'и сас кал, — пу ратишт'ат намер'или гнйла, — и праили кашт'а. И т'и пр'изимували. Ход'али ух Жултаја да смел'ат пу иннад'а турб'ички брашно — немали гулеми самуни.

И зашто пуб'агнахли ут турцит'а — заштогу ни моили да излизат на п'т'а, да ход'ат ф к'ра. Пак турчина пу харман, тој заб'и кинжала и ут т'с стърна държ'и нож. Как да с'адиш пуд нож? И вика — да му напраиш милина, да му заколиш пил'анци. За теб'а нема — има, пак за т'ах да има. Пак кату хубу мумичи — ште ни ште да гу зимат да е кад'на. Тугас какту биле нашт'а, силну г'и м'чаили турцит'а.

Записано у Ст. И. Каламановой (84 года).

II

Л'ату^с кат вършэхми с кумбајнахт, ас и ошти дв'а мумичит б'ахми грухчик'и на машияхт. Натвар'ихми ина машина арнаут и т'а утиди ф Чадър на вакзал'а. И кат замина и ниј си легнхми; и кату с'ни заспали, и тој душел пр'итсидатил с талигхт и натур'ил пу идин

сноп зѣмницѣ удгѣр'ѣ и сѣ махнѣл пак. И ниѣ кѣт сѣ сабуд'ѣхми и пѣтѣхми коѣ гу тѣр'ѣл. И те ни кѣзѣхѣ жинѣт'ѣ чи духѣд'ѣл прѣтсидѣтилѣ. И ниѣ тугѣс нѣпѣл'н'ѣхми пидисѣ чувѣл'ѣ сѣс зѣмницѣ и утѣду'хми ф сувѣт'ѣ да сѣ кѣпим. И ас утѣду'х и пуйскѣх ут падар'ѣ пет дѣни и два пѣпишѣ и сѣннахми пуд вѣрбѣт'ѣ и г'ѣ из'ѣду'хми. И тугѣс сѣ хур'тѣвѣхми, как сѣни зѣспѣли дѣ ни угѣдим чи душѣл прѣтсидѣтилѣ дѣ тѣр'ѣ пу идѣн сноп. Утѣду'хми нѣ хѣрман'ѣ там прѣ чувѣлит'ѣ и идѣи тугѣс тѣлѣгѣтѣ ут ѣгѣрѣднѣтѣ и нѣси инѣ тѣлѣгѣ крѣсткафѣци. Кѣту дудѣ, ни сѣи зѣхми пу идѣн к'ѣлуграм крѣсткафѣци, г'ѣи зѣхми и чѣкѣми пак махѣнѣтѣ дѣ дѣди. И то зѣвѣл'ѣ дѣш. И ниѣ сѣи трѣгнѣхми ф сѣлу. Кѣту сѣи трѣгнѣхми, вар'ѣхми ду Гѣдудѣр'ѣвѣ г'ѣиран, и кѣт нѣ вид'ѣхѣ фчѣрск'ѣт'ѣ кѣчитѣ и кѣт хѣкнѣхѣ вѣз нас, и ниѣ нѣмѣхми прѣчк'ѣи. Мумѣчитѣ сѣи утпѣсѣвѣт прѣистѣл'к'ѣт'ѣ, и ас нѣмѣр'ѣх инѣ лѣстѣнѣ и те сѣнк'ѣт'ѣ сѣ дѣржѣт зѣ мѣн'ѣ. И то инѣ кѣчи кѣт улѣ инѣ мумѣчи, и то крѣишѣтѣ чи гу ѣ страх. И тугѣс фчѣр'ѣ пувѣкѣ нѣ кѣчитѣ и те сѣ махнѣхѣ.

Записано у Н. Г. Арикова (19 лет).

III

Кѣт б'ѣх мѣлкѣ инѣ врѣми и мѣмѣ умр'ѣ, устѣи ма нѣ дѣс'ѣт гѣдин. И ас ни мѣѣ дѣ пѣкѣ л'ѣп, дѣ гѣтѣв'ѣ. И тугѣс сѣи учѣх сѣмѣчкѣ. Те утѣду'хѣ нѣ нѣвѣтѣ и ма устѣихѣ дѣ уп'ѣрѣ, дѣ зѣмѣжѣ и дѣ уп'ѣкѣ идѣн квѣснѣк пут сѣчѣ. Ас упрѣх, зѣмѣзѣх и сѣи мѣтнѣх идѣн квѣснѣк; и тоѣ сѣи издѣгнѣ висѣк и нѣмѣ с кѣкѣ дѣ гу зарѣѣ дѣ сѣи упѣчѣ. Огѣн'ѣ сѣи угѣсн'ѣ и ас кѣко дѣ прѣѣжѣ? Зѣмѣм, утѣрѣѣм гу, пудбѣркѣм дѣруг'ѣи квѣс, дурдѣту фтѣсѣ квѣсѣ; и аз зѣх тѣс квѣснѣк ф инѣи турбѣи и инѣи тѣслѣ, чи шѣи утѣвѣм зѣ гнѣлѣ. И зѣх чи исѣпѣх квѣснѣк'ѣ в дѣлбѣк'ѣиѣ дол дѣ ни гу вѣди нѣкуѣ. И сѣи вѣрнѣх и квѣсѣ фтѣсѣ. И ас мѣсѣх пак ошѣи идѣн л'ѣп, и тоѣ фтѣсѣ; и ас нѣклѣду'х огѣн'ѣ и гу зарѣвѣх пак. И тоѣ пак сѣи издѣгнѣ пак нѣмѣ с кѣ сѣи упѣчѣ. И ас ни знѣѣ, нѣчѣвѣ дѣ плѣчѣ. То мрѣкнѣлу, хѣрѣтѣ идѣт ут нѣвѣ, л'ѣбѣ нѣмѣ. И ас плѣчѣ, и кумшѣикѣтѣ ма пѣтѣ, кѣ плѣчѣ. И ас кѣзѣвѣм: „Л'ѣбѣ сѣи утсѣпѣ, огѣн'ѣ, угѣсн'ѣ и ас нѣмѣ с кѣ дѣ упѣкѣ. И тѣи шѣи сѣи дѣди, и л'ѣп нѣмѣ, и тоѣ шѣи ма гѣл'чѣ“. И г'ѣи ми кѣзѣвѣ тугѣс дѣ зѣл'ѣрѣ мѣлку бу'клѣк, дѣ гу зѣсѣп'ѣ и тоѣ шѣи сѣи упѣчѣ. И аз зѣрах и гу зѣсѣпѣх, и л'ѣбѣ сѣи упѣчи.

Записано у Каламановой Соны Илиевны (42 года)

IV

Ас и Сѣнѣ и Гѣнѣ хѣд'ѣхми ф тѣхнѣт'ѣ нѣ бѣхчѣтѣ зѣ пѣпѣр, и тѣи вѣчи мрѣкнѣвѣ. И ниѣ бѣрзѣѣми и сѣи нѣбрѣѣми пу инѣи кѣхѣ пѣпѣр. И ниѣ бѣрзѣхми чи сѣи утѣвѣхми нѣ луз'ѣтѣ. И утпудѣр'ѣи нѣ вар'ѣшѣи инѣи тѣлѣгѣ, дѣрнѣкѣ, идѣн свѣр'ѣи с р'ѣимѣниѣи, и ниѣи нѣи ѣ страх, чи вѣчи гѣмну.

Утѣду'хми прѣиз луз'ѣтѣ; и утѣду'хми нѣи нѣшту. Гѣнѣи стувѣи нѣи крѣѣѣ, пак ниѣи утѣду'хми дѣи б'ѣрѣм гѣрѣзѣи; и вѣкѣми нѣи Гѣнѣи: „Глѣдѣѣи дѣи нѣмѣи ли дѣи дѣди н'ѣкуѣ“. И нѣи ѣи страх сѣлнѣтѣ. Тѣлѣгѣтѣ сѣи зѣпр'ѣи нѣи крѣѣи и ниѣи утѣду'хми трѣт'ѣи пуд инѣи жѣгѣра сѣи скрѣхми. Ас вѣкѣм:

„Хај ша мѝним пуодулѝ!“, а Сѝна — пу рхтѝ, а Гѝна р'ивѝ. А тѝлигѝтѝ пак трѝгна. И ниѝ виѝаѝми: „Гѝно, глѝдаѝ, чи тѝлигѝтѝ вѝр'и ли“. И Гѝна кѝзвѝ чи идѝн кѝр'и: и тѝлигѝтѝ утѝди нѝдѝлу, и ниѝ тугѝс трѝгнаѝми пудѝр'ѝ им. И путлѝдѝаѝми — инѝ гул'ѝмѝ лузѝ дѝвѝ. И ниѝ смѝтѝаѝми чи ѝ тѝлигѝ, и ас нѝчѝвѝм дѝ р'ивѝ. Пѝк Сѝна кѝзвѝ: „Нидѝѝти р'ивѝ, то трѝаа да ни ѝе тѝлигѝ“. И ас ми тѝжѝ инѝ кѝхѝ пѝпѝр и инѝ грѝзди. И трѝгнаѝми и сѝ прѝкрѝстѝаѝми. Кѝт гу стѝгнаѝми — и то лузѝ. И кѝт дудѝхѝми дѝту сѝлу, и лѝмпѝтѝаѝ свѝтѝаѝт вѝчи. И мѝмѝ пѝтѝаѝ: „Што тѝѝ дѝлгу, ут кугѝ стѝ утѝшлѝ“. И ас нѝчѝвѝм дѝ и кѝзвѝм и плѝчѝ; и кѝзвѝм чи пѝвичи нѝма дѝ ѝдѝ нѝ бѝхѝчѝтѝ пу тѝмну. Ша ѝдѝ сал пу плѝнѝаѝ. Нѝкѝ дѝ мѝ мѝрз'и, се ша ѝдѝ, сал дѝ ни ѝдѝ пу тѝмну, чи ша ѝ страх.

Записано у Гѝдарѝи Слѝвы Захарѝевѝи (19 лет).

V

Нѝштѝа крѝвѝа ни си духѝждаѝши вѝчѝр ут чѝрдѝа. И нѝштѝа мѝ кѝрѝаѝт дѝ ѝдѝ дѝ ѝѝ прѝбѝрѝа. И то вѝчи тѝмну, и ас мѝ ѝ страх да ѝдѝ. Туѝ бѝши пу хѝрмѝн; и бѝти Тѝдур си дудѝ и мѝ кѝрѝа дѝ ѝѝ прѝбѝрѝа. И ас ни утѝдуѝх, ам си лѝгнаѝх ух хѝмбѝр'ѝ нѝ крѝвѝаѝтѝчу. И кѝту лиѝаѝх и си пумѝслѝаѝх чи тоѝ шѝ дѝди и шѝ мѝ нѝмѝр'и и шѝ мѝ бѝѝ. И ас излѝѝзуѝх утѝам, мѝнѝх прѝс куѝмѝшѝѝа и утѝвѝм нѝ хѝрмѝнѝа и си лѝгнаѝх ф скѝртѝаѝтѝ ух куѝсѝаѝнтѝнѝаѝтѝ; и сѝбѝуѝлѝѝм те мѝ дѝрѝаѝт дѝ утѝвѝм с куѝлѝаѝтѝ. И ас мѝ нѝмѝа. Те нѝчѝвѝаѝт дѝ плѝчѝаѝт и мѝ дѝрѝаѝт, и ни мѝѝаѝт дѝ мѝ нѝмѝрѝаѝт. Тѝти кѝзвѝа чи тѝкѝс сѝми нѝмѝа дѝ сѝ зѝгѝубѝ. И сѝ кѝчѝуѝвѝа нѝ скѝртѝаѝтѝ и нѝчѝвѝа дѝ сѝбѝрѝаѝ дѝ нѝсѝаѝждѝаѝт нѝ хѝрмѝнѝа. Амѝ тоѝ ни мѝ знаѝ чи ас сѝм там. И тоѝ се фѝрѝлѝаѝ, фѝаѝрѝлѝаѝ, и ас се сѝ муѝшѝкам нѝдѝлу. И кѝт нѝблѝѝжи ду мѝнѝаѝ, и ас си искѝчѝил и бѝаѝгѝам кѝм грѝдѝнѝаѝтѝ.

Записано у Пѝрѝликова Ивана Петровѝичѝа (21 год).

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Г. Енш

„POLONICA“ В РИЖСКОМ ГОРОДСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ

Рига с древних времен имела важное значение торгового центра для русско-литовских областей, связанных с городом судоходной Двиной и ее притоками. Она сохранила это значение вплоть до второй половины XIX в., когда, с одной стороны, омеление Двины, а с другой, — появление современных путей сообщения и транспортных средств изменили и расширили сферу экономического влияния города. С XIII по XVIII в. не раз менялась политическая власть в Риге и в областях ее экономического влияния, менялся и сам характер торговых сношений, но Двина неизменно использовалась для перевозки товаров в Ригу.

Широкие экономические связи Риги во время владычества Ливонского ордена, периодов польско-литовского, шведского и русского так или иначе должны были найти свое отражение в архивных материалах. Не всё сохранилось до наших дней — Рижский городской архив сильно пострадал от пожаров, особенно в 1674 г., когда сгорела ратуша и погибло большое количество средневековых документов.¹

I. XIII — середина XVI века

Документы, в которых отражены экономические связи Риги с бело-русско-литовскими областями за этот период, сконцентрированы в отделе рижского архива „Ruthenica — Moscovitica“. В Рижском городском архиве сохранились такие древние русские рукописи, как торговые договоры Риги с княжествами Смоленским, Полоцким и Витебским XIII в. Если основной договор 1229 г. охватывал сношения немцев со всеми тремя княжествами, то попавшие вскоре под владычество Великого княжества Литовского Полоцк и Витебск начали заключать особые договоры. Таким образом, в архиве сохранились договоры Риги со смоленскими князьями от 1250, 1284, 1299—1300 и 1340 гг., а с полоцкими и витебскими князьями совместно от 1263, 1265 и 1338 гг. Кроме того, сохранились мирные договоры великих князей Литовских с Ливонией от 1323, 1387, 1398 и 1402 гг., а также особые договоры литовских

¹ A. Feuereisen. Über das baltische Archivwesen. Arbeiten des I Baltischen Historikertages zu Riga. 1908, стр. 258.

князей с Ригой для Полоцка от 1396 и 1399 гг. Начиная с XV в., особенно со времени заключения Копусского договора 1406 г., великие князья Литовские заключали договоры опять за все три области.¹ Договоры эти были многократно изданы.

К. Е. Напьерский издал их в сборниках: „Грамоты, касающиеся до сношений северо-западной России с Ригой и ганзейскими городами в XII—XIV веках“, 1857; „Русско-ливонские акты“, 1868. В 1916 г. Л. К. Гетц (Goetz) опубликовал эти договоры совместно с новгородскими в „Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters“. Кроме этих основных публикаций, имеются многочисленные исследования по истории двинской торговли в отдельных монографиях и статьях. И. Тихомиров в „Журнале Министерства народного просвещения“ опубликовал в 1876 и 1877 гг. две статьи: „Торговые и мирные сношения русских княжеств с Ливонией в XIII веке“ и „Торговые сношения Полоцка с Ливонией в XIV веке“. М. Бережков в 1879 г. издал монографию „О торговле Руси с Ганзой до конца XV века“. Другая его статья в „Журнале Министерства народного просвещения“ от 1877 г. (февраль) „О торговле русских с Ригой в XIII и XIV веках“ осталась незаконченной.

В 1915 г. появилось исследование Ст. Лагуны (Laguna) „Hanza nad Dzwina w XIII wieku“. В 1933 г. Ванда Манцелёвска в статье „Dzieje zemi Polockiej w czasach Witolda“ (1385—1430) также дала обзор двинской торговли (Ateneum Wileński). И в „Истории русского народного хозяйства“ И. М. Кулишера (1925) имеется глава о торговле северо-западной Руси с Ганзой. Г. Гильдебранд (H. Hilderbrand) описывает в статье „Das deutsche Kontor zu Polozk (Baltische Monatschrift, 1873) торговлю немцев в самом Полоцке. В 1917 г. появилась статья Шредера (H. G. Schroeder) „Der Handel auf der Düna im Mittelalter“ (Hansische Geschichtsblätter, XXII). На основании изданных им договоров упомянутый Гетц опубликовал в 1921 г. „Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters“. Следуя Бережкову, он описывает русско-немецкую торговлю не только в Двинской области, но и в Великом Новгороде. В 1937 г. появилась работа Г. Вернадского „The Baltic Commerce of the West Russian and Lithuanian cities during the middle ages“ (Baltic and Scandinavian Countries, 111.3). Наконец, литовский историк Ивинскис (Z. Ivinskis) в статье „Die Handelsbeziehungen Litauens mit Riga im 14 Jahrhundert“ (Pisma Baltijas vėsturneiku konference Riga, 1937) установил, что до XV в. и собственно литовские области Великого княжества Литовского были втянуты в орбиту двинской торговли, так как торговле по Неману мешали орденские замки.

II. Время польско-литовского владычества в Ливонии (1561—1621)

Понятно, что лучше всего „Polonica“ в Рижском городском архиве представлена за этот период времени. Правда, мы можем отметить и тут довольно значительные пробелы.² Занимающийся историей

¹ L. K. Goetz. Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters, 1916, стр. 226.

² Об архивных материалах в рижском городском архиве за польский период писал Гильдебранд „Bericht über das Stadtarchiv im Jahre 1885 (Rigasche Stadtblät-

Риги особенно остро почувствует недостаток документации при изучении начала польско-литовского владычества — до восьмидесятых годов XVI в.

Кроме архивных материалов в упомянутом выше отделе „Ruthenica—Moscowitica“, польские материалы имеются и в отделе „Aulico—Polonica“. Много их разбросано также по всем многочисленным отделам собственно внешнего архива (ARA), построенного по принципу предметной систематики. Из городских книг за этот период сохранились лишь протоколы торгового суда (так называемые „Ветгерихт“) от 1613 до 1621 г., а также фрагменты замкового суда (Бургграфенгерихт) от 1581 до 1615 г.

Документация отдела „Ruthenica—Moscowitica“ с XIII по XVII в. сохранилась на белорусском, русском, латинском и немецком языках, а с XVI в. и на польском языке. В отделе „Aulico—Polonica“ находятся главным образом инструкции рижского магистрата своим послам и польским сеймам, к королю и магнатам, а также донесения этих послов магистрату. Имеется такого же характера переписка с так называемыми „гофсекретарями“ — постоянными представителями рижского магистрата при королевском дворе. Переписка магистрата со своими чиновниками и представителями происходила на немецком языке, за исключением прилагаемых иногда к ней королевских мандатов и универсалов, написанных по-латыни. Переписка Рижского магистрата с польскими правительственными учреждениями и чиновниками велась главным образом на латинском языке, и только отчасти на польском. Сохранившаяся переписка с магистратами Полоцка, Витебска и Вильны велась на польском языке, как и документация по разбору многочисленных тяжб и споров с приезжающей в Ригу белорусско-литовской шляхтой и купечеством.

Особую группу документов составляют письма польско-литовских магнатов — Радзивиллов, Ходкевичей, Сапег, Замойского и других, адресованные Рижскому магистрату (ARA, V. 14, № 1—6). От жмудского старосты и администратора Ливонии Яна Иеронима Ходкевича (1566—1578) сохранилось 21 письмо за период с 1567 до 1578 гг. От гетмана польного и воеводы виленского Христофора Радзивилла сохранились 15 писем (1577—1602), от канцлера и великого гетмана Литовского Льва Сапег — 19 писем, от канцлера и коронного гетмана Яна Замойского 50 писем (1595—1608), от канцлера и великого гетмана Литовского Николая Радзивилла Рыжего — 6 писем (1563—1579 гг.), от жмудского старосты Яна Кароля Ходкевича, бывшего также администратором Ливонии (1603—1621), — 63 письма (1601—1609); от польного гетмана Литовского Христофора II Радзивилла — 20 писем (1604—1621), от великого маршалка Литовского Христофора Монвида Дорохостайского — 17 писем (1600—1603). Далее следуют письма: львовского архиепископа и члена ревизионных комиссий в Ливонии — Яна Дмитрия Соликовского, епископа Виленского Бенедикта Войны, епископа Краковского — Петра Тылецкого, коронного подканцлера Матвея Патроконского, коронного гетмана Станислава Жолкевского, епископа Жмудского Мельхиора Гедройца, подскарбия Литовского Иеронима Воловича

ter, 1886, стр. 313—318, 321—323); „Das Rigasche Stadtarchiv im Jahre 1886“ (ibid., 1887, стр. 177—183, 189, 191); „Das Stadtarchiv im Jahre 1887“ (ibid., 1888, стр. 282—286, 289—290). Кроме того, в „Kwartalnik Historyczny“ за 1910 г. напечатана статья Г. Мантейфеля „O źródłach do dziejów Rzeczypospolitej w ryskim archiwum miejskim“.

и коронного подскарбия Яна Фирлея. Все эти магнаты переписывались с Рижским магистратом главным образом на латинском и немецком языках, реже они пользовались польским.¹

В канцеляриях Великого княжества Литовского в XV и начале XVI в. употреблялись русский и немецкий языки и латынь. В XVI в. даже город Каунас (Ковно) держал трех писарей для переписки на этих языках.² Лишь после унии 1569 г. польский язык начал вытеснять латынь. Такой важный торговый центр, как Рига, тоже не мог обойтись без особых писарей для русского, немецкого и польского языков.³ Главные секретари и синдики города имели высшее образование и владели латынью.

Несмотря на присоединение Ливонии к Польско-Литовскому государству в 1561 г., Рига еще в течение 20 лет удерживала свою независимость. Великое княжество Литовское было весьма заинтересовано в обладании этим богатым торговым городом. Недаром воевода виленский и великий канцлер Литовский Николай Радзивилл Черный, подчеркивая значение Риги для литовско-русского экспорта, писал 8 сентября 1561 г. Сигизмунду-Августу, что за Вильно никто не даст и 10 гривен, если Рига попадет в руки противника.⁴ В течение 1560, 1561 и 1562 гг. великий канцлер вел переговоры с Рижским магистратом. Он соглашался на все требования города и давал широкие обещания, изложенные в „Cautio Radziwilliana prima“ и „Cautio Radziwilliana secunda“, но город находил все новые и новые отговорки.⁵ Крупные торговцы и представленный в магистрате патрициат были за присоединение к Польско-Литовскому государству. Купцы опасались за свои торговые сношения с Белоруссией и Литвой, на которых зиждилось все их экономическое могущество. С другой стороны, городская верхушка могла удержать свое политическое господство над горожанами и бесконтрольное управление богатыми земельными угодьями города и его доходами лишь при поддержке извне.

Масса городского населения — ремесленники и торговцы — вели упорную борьбу с магистратом. В то время их стремления сводились к превращению Риги в свободный имперский город. Таким образом, они надеялись получить возможность отвоевать у магистрата побольше прав. Под предлогом невозможности подчинения протестантского города католическому государству эти средние городские классы успешно противились планам магистрата.⁶ Такое положение дел сохранялось в период Ливонской войны и двух первых бескоролевий

¹ См. H. Ramm-Helmsing. Das Livlandproblem in der politischen Korrespondenz Polens im 16 u. 17 Jahrhundert. — „Sitzungsber. d. Ges. f. Gesch. u. Altertums-kunde zu Riga, 1936, S. 101—128. Автор использовал переписку магнатов, находящуюся главным образом в польских архивах.

² K. Jablonskis. Die offizielle Urkundensprache des Litauischen Grossfürstentums als Kulturgeschichtliche Quelle. — „Pisma baltijas vēsturnieku konference Riga; 1937, S. 269.

³ H. Ramm-Helmsing. David Hilchen (1561—1610) Syndikus der Stadt Riga. Posen, 1936, p. 42. Устав канцелярии магистрата от 1598 г. предусматривал трех писарей — по русским, польским и немецким делам.

⁴ C. Schirzen. Neue Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbstständigkeit, t. III, Reval. 1885, S. 235 сл.

⁵ 27 июня 1570 г. Сигизмунд-Август комиссарами для переговоров с Ригой назначил: Г. Петковича, М. Дзидальского и И. Мека. — ARA, V. 7, № 2.

⁶ J. Keussler. Beiträge zur Verfassungs- und Finanzgeschichte der Stadt Riga. I. Riga, 1873, S. 53, 61.

в Речи Посполитой. С восшествием на престол Стефана Батория и под впечатлением его побед в войне с Московским государством обстоятельства изменились, и 13 января 1581 г. послы города присягнули королю в Дрогичине. Король подтвердил городу его права и привилегии, даровал торговые преимущества и учредил бургграфский суд для дворян, провинившихся на городской территории. По образцу Данцига, король ввел в Риге пошлину — порториум — со всех вывозимых и ввозимых товаров. Одну треть пошлинных доходов получал город, который должен был ежегодно платить королю 1000 червонцев в знак признания его власти, а в случае войны поставлять 300 пехотинцев и несколько орудий.

Не прошло и трех лет, как в конце 1584 г. в Риге вспыхнули так называемые „календарные“ волнения. Отдача двух рижских церквей католикам и введение, по распоряжению Стефана Батория, григорианского календаря послужили поводом к волнениям. Внутренняя причина их лежала, однако, значительно глубже. Опираясь на польско-литовское правительство, магистрат попытался отнять у гильдий те преимущества в управлении городом, которых они добились во время самостоятельности Риги (1561—1581). Первый этап волнений закончился договором, заключенным 23 января 1585 г. между городской общиной и магистратом. Этим договором, состоящим из 63 статей, власть магистрата сильно ограничивалась в пользу представителей Большой и Малой гильдий. Неприкосновенной осталась лишь судебная власть магистрата. Под контролем гильдий находилось все хозяйственно-финансовое управление города. В сущности, это была победа только средних городских прослоек — купцов и ремесленников, ибо статьи договора запрещали занятие торговлей и ремеслом всем лицам, не состоящим членами Большой гильдии или цехов. Под предводительством адвоката Мартына Гизе и ольдермана Большой гильдии Ганса Бринкена, они удерживали власть 4 года.

Члены магистрата Тастиус и Веллинг, обвиненные в предательстве городских интересов во время переговоров с королем, были казнены. Польско-литовское правительство встало всецело на сторону магистрата и аннулировало договор, вызвав руководителей движения в королевский суд. Тогда Гизе в 1586 г. направился в Стокгольм искать помощи у шведского правительства. Поездка его окончилась неудачей, так как в это время умер Баторий, а шведский принц Сигизмунд был избран на польский престол. Лишь в 1589 г. королевские комиссары — великий канцлер литовский Лев Сапега и староста краковский Северин Бонар прибыли с войском в Ригу и восстановили старый порядок. Вожди движения — Гизе и Бринкен — были обезглавлены. Под давлением королевских комиссаров 26 августа 1589 г. был заключен так называемый Северинский договор, отнявший у гильдий даже те права по контролю городских финансов, которыми они пользовались до волнений.¹ Недовольство и глухое брожение среди горожан продолжались, особенно усилились они, когда выяснились большие хищения со стороны членов магистрата. Наибольшую ненависть возбуждал бургомистр и бургграф Николай Эке, вынужденный в 1585 г. бежать из города. В 1589 г. королевским декретом он был восстановлен в должности, но в 1606 г. опять был вынужден бежать к королю.

¹ Внешний архив (ARA), V. 5, № 40. — „Tumultsachen“, т. I, II, III.

Только в 1611 г. он был окончательно восстановлен. Вместе со своими зятьями Раммем и Горетом, также членами магистрата, он присвоил себе 70 тыс. марок городских денег.¹ Лишь в 1592 г. магистрат вынужден был пойти на уступки, но только договор от 29 апреля 1604 г. дал гильдиям более широкие права по управлению городом, особенно по контролю над городскими финансами.²

* * *

Сохранившийся в „Aulico — Polonica“ архивный материал, главным образом инструкции и донесения послов и представителей города Риги, хронологически можно разделить на три части: с 1587 по 1599 г., с 1600 по 1611 г. и с 1612 по 1621 г.

За тринадцать лет первого периода сохранилось довольно много материалов, которые характеризуют главным образом насильственное подавление движения средних городских слоев, развитие отношений между горожанами и магистратом на основании Северинского договора, восстановление иезуитов в правах, дарованных им Стефаном Баторием.

Документация 11 лет, начиная с 1600 г. (часть документов утеряна), касается главным образом тягостей польско-шведской войны, новой перемены отношений между горожанами и магистратом согласно договору 1604 г. и затяжных процессов в королевских судах против городских чиновников.

В последние 10 лет польского владычества город сильно пострадал от непрерывных войн, что привело к застою торговли и экономическому упадку. В 1631 г. на одной из главных улиц продавались 13 каменных домов — необычное до тех пор явление в истории Риги, где недвижимости обыкновенно переходили по наследству от одного поколения к другому. При этом Рига для защиты от шведов и преодоления хозяйственного застоя в основном могла рассчитывать лишь на собственные силы. Король и сейм были отвлечены от ливонских дел великодержавной восточной политикой и ограничивались обещаниями.

В Риге отсутствовали высшие и постоянные органы государственной власти. Постоянным местопребыванием администраторов, наместников или губернаторов был город Венден (Цесис, Кесь), по большей части они находились, однако, в длительной отлучке в Польше или Литве, где они также обычно занимали высшие административные, военные или церковно-иерархические должности. Так, Юрий Радзивилл, администратор Ливонии с 1582 по 1600 г., был епископом Виленским (1579), затем кардиналом (1584) и архиепископом Краковским (1592). Следующим администратором Ливонии был Ян Кароль Ходкевич, жмудский староста (1599), командовавший литовской армией против шведов в Ливонии, а затем польской в России. Вследствие этого сношения Риги с правительством происходили главным образом с помощью посольства, а так как наиболее важные вопросы подлежали обсуждению как с королем, так и в сейме, то рижские посольства приурочивались к заседаниям сейма. Во главе посольства стоял обычно синдик или один из четырех бургомистров города. Кроме того, к посольству причислялось несколько членов магистрата, а также уполномоченные

¹ „Das Buch der Aettermänner Grosser Gilde in Riga“. — Monumenta Livoniae Antiquae, т. IV. Riga, 1844, стр. 285.

² Keussler. Op. cit., S. 61—88.

Большой и Малой гильдий. В исключительных случаях, когда разрешаемому вопросу придавали меньшее значение, посылались лишь секретарь или нотариус города. Характерным проявлением ожесточенной классовой борьбы в городе было то обстоятельство, что с 1587 г. городские послы перед отправлением в Польшу и Литву брали от магистрата и городской общины поручительные записи о том, что в случае допущенных ими промахов они не будут подвергнуты наказанию. Это были отголоски „календарных волнений“, когда за отдачу церковью католикам два члена посольства, Тастиус и Веллинг, были казнены (1586).

Городских послов еще продолжительное время задерживало получение бумаг в канцеляриях и судебных процессы. Благодаря этому не только несоразмерно возрастали расходы послов, но и вообще послы оказывались не в состоянии надлежащим образом вести свои текущие дела. Поэтому, начиная с 1585 г., магистрат стал держать постоянного представителя в Варшаве, так называемого „гофсекретаря“, исполнявшего функции дипломатического агента и уполномоченного города. Эту должность обычно занимали главные секретари города. Их многочисленные и подробные донесения составляют существенную часть отдела „Aulico-Polonica“, дополняют сообщения посольств. С учреждением должности гофсекретарей городские посольства отнюдь не прекратились; с 1587 по 1620 г. рижские посольства присутствовали на 23 сеймовых сессиях, не считая отдельных посольств к королю и магнатам.

Особая экономическая связь Риги с великим княжеством Литовским сказалась и в том, что рижские послы в 1614, 1615 и 1617 гг. присутствовали на литовских генеральных съездах в Вильне. И на октябрьской монетной конференции 1616 г. в Варшаве рижские послы защищали интересы своего города.

Главные вопросы, по которым сохранилась документация от рижских представителей (в виде инструкций и донесений с 1587 по 1599 г.), следующие:¹

1. Утверждение городских привилегий королем Сигизмундом III.
2. Присылка королевских комиссаров для прекращения волнений среди горожан.
3. Переговоры по делам вероисповедания, о передаче протестантам всех церквей в городе и недопущении иезуитов.

Дело в том, что Стефан Баторий в 1582 г. передал католикам две церкви и учредил коллегия иезуитов в городе. Во время календарных волнений церкви были опять захвачены протестантами, а иезуиты были выгнаны из города. В 1591 г. Сигизмунд III вернул католикам церкви и восстановил иезуитов.²

4. Утверждение опекунского устава 1596 года.
5. Организация бургграфского суда по Торуньскому уставу.
6. Переговоры о привлечении дворянских заседателей в городскую консисторию при разборе дворянских дел (in causis nobilium).

¹ Впрочем, строгое разграничение отдельных вопросов по времени трудно про-
извести; есть дела, обсуждение которых тянется через весь период польского влады-
чества.

² Rigas jezuitu kollēģijas vesture. Latvijas vēstures avoti ordena jezuitu arhīvos
II dala. Rīga. 1941. p. VII—XXIV, 1—97.

7. Апелляции от городских судов к королевскому дворцовому суду, минуя Венденский трибунал.

8. О даровании городу Икскюльской, Кирхгольмской (Саласпильской) и Ленневардской (Лиэльвардской) мыз и нескольких меньших староств (Даленского и др.)

9. Укрепление блокауза на Спилве (на левом берегу Двины).

10. Передача городу постройки Нейермюленской (Букульжской) дамбы.

11. Освобождение города от повинности поставлять 300 пехотинцев.

12. Отказ принять участие в контрибуциях для нужд турецкой войны с предложением известной суммы в виде чрезвычайного и добровольного взноса.

13. Прекращение взимания незаконных пошлин, особенно в Нейермюлене.

14. Упразднение низкопробной курляндской монеты.

15. Закрепление за городом доходов от чеканки монет.

16. Очищение русла Двины от камней, препятствующих судоходству.¹

17. Устранение помех в торговле Риги с Полоцком и Витебском.

Последний вопрос возникал в связи с тем, что основываясь на праве склада (штапельное право), дарованном г. Полоцку в 1498 г. великим князем Александром, полоцкий воевода не пускал рижан с товарами далее реки Полоты. Споры по этому поводу тянулись с 1600 по 1618 г., их не разрешили ни переговоры полочан в Риге, ни королевский суд. На месте этот вопрос был решен полоцким воеводой Михаилом Друцким-Соколинским, который конфисковал товары рижан и в своем письме рижскому магистрату от 25 сентября определенно заявил, что не пустит рижан дальше Полоцка. Для Риги все эти дела были лишь вопросом престижа, так как для того времени характерна не активная торговля рижан в Белоруссии — Литве, а доставка товаров в Ригу на основе широкой кредитной политики.²

18. Восстановление старого торгового пути между Ригой и Псковом через Адзель (Гауэна) и Новгородок Ливонский (Вастселинаа). Конфликт между Ригой и Дерптом (Тарту, Юрьев) тянулся еще с XIII в. и обострился в 1584 г., когда Стефан Баторий даровал Дерпту штапельное право на все товары, вывозимые и ввозимые из Московского государства. Рига не подчинялась и не признавала принудительности торгового пути в Псков через Дерпт.³

19. Освобождение рижан от пошлин на оккупированной поляками территории Русского государства (начало XIII в.).

20. Запрещение торговли и ремесла в замковом посаде (Subcastrum).

Споры Рижского магистрата с комендантами рижского замка не прекращались во все время польского владычества и принимали по

¹ ARA, III. 5, № 1, сл.; Aulico-Polonica (AP), ящ. 14, 15, 16. Этот вопрос исследовал A. Buchholtz. Ueber Versuche zur Reinigung des Fahrwassers der Düna im 16 und 17 Jahrhundert. — Sitzungsber. d. Ges. f. Geschichte u. Altertumskunde. Riga, 1896, S. 6—18.

² AP, ящ. 14, 15, 16. — Ruthenica — Moscovitica, № 422, 436, 448, 463, 467, 468, 470, 472—474, 477, 478, 488. Эти вопросы отчасти исследованы автором в монографии „Der Handel Rigas im 17 Jahrhundert“. Riga, 1930, S. 49—87.

³ Этот вопрос исследован автором по материалам и опубликован в статьях: „Rigas pilsētas tirzniecība az Pliskavu XVI un XVII G. simteni“. Izglītības ministrijas žurnāls, 1937, № 1, 2.

временам весьма острый характер. Замковая территория вблизи города была изъята из-под юрисдикции Рижского магистрата. Там селились ремесленники, не состоявшие в городских цехах и сильно конкурировавшие с горожанами; там же селились евреи, шотландцы и голландцы, которые вели торговлю, не считаясь с городскими постановлениями. Тут находили убежище должники и даже убийцы, устраивались лотереи. Отношения между замком и городом все ухудшались. В 1617 г. городские солдаты ворвались в замок и убили некоего Стемковского, а в 1618 г. комендант замка запретил горожанам проходить мимо замка.¹

21. Изгнание евреев и шотландцев из всей Ливонии, а голландцев из Пернова.

22. Принятие мер против скупки сельскохозяйственных товаров со стороны дворянства.

Здесь заслуживает особого внимания договор, заключенный между Ригой и дворянством на ландтаге в Вендене в 1598 г.²

23. Прекращение привоза и вывоза товаров через гавани Курляндского герцогства Либаву (Лиэпая) и Виндаву (Вентспилс).

Пользуясь поддержкой польского правительства, рижский магистрат в торговом договоре с курляндским герцогом от 1615 г. сильно ограничил деятельность этих конкурирующих гаваней. Этот спор имел свое продолжение и в шведский и даже в русский периоды.³

24. Жалобы дюнаминдского (Даугавгривас) старосты Островского о препятствиях, чинимых им рыболовству и судоходству, о постройке маяка и укреплении устья Двины.

Документация периода с 1600 по 1611 г. затрагивала следующие вопросы:

1) Утверждение нового договора (1604) между городской общиной и магистратом.

2) Отклонение требований дворянства о продлении срока выдачи бежавших крестьян с двух лет до трех лет и трех месяцев.⁴

3) Устранение подозрений в верности Риги Польско-Литовскому государству. Заслуживает интереса заявление Сигизмунда Августа от 1564 г. о том, что князь Андрей Курбский обвинял некоторых рижских купцов в расположении к Москве из-за торговых интересов. Сильные подозрения у правительства вызывали симпатии части рижан к Швеции, чему немало способствовала поездка адвоката Гизе в Стокгольм в 1586 г. и вообще поведение немцев в Ливонии во время польско-шведской войны.⁵

¹ „Rivalry between Riga and Tartu for the trade with Pskow in the XVI and XVII centuries“. Baltic and scandinavian countries, 1938. IV. 2. ARA, IV, II, № 2—22.

² Этот вопрос исследован автором по материалам и опубликован в статье Tirdzniecība un kugniecība latviešu tautas dzīvē im dzejā. Latvju tautas dainas XII. Rīga. 1932, стр. 307—314.

³ Исследован по материалам ARA: L. Berkholz. Der Handelsvertrag von 1615 zwischen Kurland and Riga. — Sitzungsber. d. Ges. f. Gesch. u. Altertumskunde, 1910, S. 37—69.

⁴ Latviešu dzimtlauzī bēgšana uz Rīgu. I, 1398. līdž, 1708 Gadam. V. Bilkins un M' Kundzina. Rīgā, 1937, стр. 29 № 25.

⁵ AP, ящ. 8; ARA, V. 10, № 11. Вопрос разработан: P. Schwartz. Beziehungen des Zaren Boris Godunow zu Riga. Sitzungsber. d. Ges. f. Gesch. — Altertumskunde der ostseeprovinzen Russlands, 1904. Немецкие историки, подчеркивая верность Риги Польско-Литовскому государству, ссылаются на письма: Льва Сапеги от 30 марта и 3 мая 1601 г., Яна Кароля Ходкевича от 26 авг. 1604 г., Яна Замоиского от 18 сент. 1601 г. и епископа Бенедикта Войны от 31 марта 1604 г. ARA, V. 14, № 3 сл.

4) Опровержение обвинений в том, что рижские лекари плохо обращались с ранеными в Кирхгольмской (Саласпилской) битве и что было отказано в погребении умерших по католическому обряду.

5) Опровержение обвинений в том, что город доставлял противнику продовольствие.

6) Освобождение от обязанности поставлять 300 пехотинцев в армию.

7) Жалобы на насильственные поступки войск и просьба о перемещении военного лагеря.

8) Просьбы об усилении гарнизонов в Риге и Дюнаминде.

9) Устройство блокауза в устье Двины и посылка военных судов для охраны торгового судоходства от шведов.¹

10) Передача 30 тыс. червонцев для укрепления и защиты города.

11) Вознаграждение города за военные убытки путем передачи от портиума половины доходов вместо одной трети.²

Затем Рига потребовала передачи ей всех пошлинных доходов на 20 лет. В 1633 г. Сигизмунд III в благодарность за верность даровал городу половину доходов Рижского портиума (т. е. ввозной пошлины с товаров).²

12) Повторные просьбы города (с 1606 г.) о заключении мира или продолжительного перемирия со Швецией.

В третий период, с 1612 по 1621 г., в сношениях Риги с польско-литовским правительством продолжают фигурировать те же вопросы. Рига стремилась добиться окончательного признания за нею прав на Икскуль и Кирхгольм, а также приобрести Дален, Дюнаминде и Сунцель. Послы ее требовали возвращения городу 15 тыс. червонцев, взятых взаймы в 1615 г. польным гетманом литовским Христофором Радзивиллом для уплаты жалованья взбунтовавшимся наемникам. В июле 1619 г. коронный подскарбий Николай Данилович заплатил падающую на Польшу половину долга, а в ноябре подскарбий литовский Христофор Нарушевич заплатил литовскую часть. Как известно, Польша и Великое княжество Литовское делили доходы и расходы по Ливонии поровну.³ Рижские представители добивались предоставления рижанам прав беспошлинной торговли по всей Речи Посполитой, устранения всех пошлин на 10 миль вокруг города и урегулирования речных пошлин. В случае избрания Владислава на русский престол Рига просила восстановить ее старые торговые привилегии в Московском государстве. Предъявлялись и требования изгнать из Ливонии коробейников — шотландцев и евреев. Характерна переписка за 1610 и 1611 гг. Рижского магистрата с польным гетманом литовским Христофором II Радзивиллом относительно евреев, приезжавших из Бирж. В письме магистрату от 8 января 1610 г. Радзивилл грозил репрессиями в случае, если в Риге и в дальнейшем с его евреев будут взимать по польскому червонцу. Рижский магистрат считал, однако, что он вправе и вовсе не допускать евреев в город, а охранную пошлину, так назы-

¹ Отсутствие военного флота у Речи Посполитой особенно чувствительно отразилось на морской торговле Риги. Шведские военные корабли грабили торговые суда и блокировали гавань. В 1601 г. 5 шведских военных кораблей и 24 лодки (шерботы) появились на Двине и опустошили берега, сжигая сараи и хаты. В том же году 30 августа шведы во главе с Карлом IX ворвались в рижские предместья. *Das Buch der Ältermänner Grosser Gilde in Riga*, I. c., стр. 249.

² ARA, III, 7, № 58.

³ AP, ящ. 17.

ваемый „гелейтсгельд“ евреи должны платить в размере одного червонца за право заниматься временной торговлей. В 1615 г. магистрат опасался, что князь Радзивилл будет жаловаться на арест своих евреев в Риге. Послам было поручено успокоить его и разъяснить, что евреи эти были арестованы по приказу епископа Венденского Отто Шенкинга как контрабандисты.¹ Много места в переписке занимают попытки магистрата достигнуть соглашения с изгнанными из города членами магистрата Эке, Горстом и Раммом, которые возбуждали в королевских судах тяжбы против города, а также требования возместить убытки от разорения городской территории наемниками Вольмара Фаренсбаха. В феврале 1618 г. против Фаренсбаха городом был начат судебный процесс в Варшаве. Без конца тянулись в Варшаве судебные споры города с иезуитами из-за права суда над крестьянами в имениях иезуитской коллегии, из-за права рубки леса, пивоварения, рыболовства. О всех этих делах послы обязаны были хлопотать и при королевском дворе, и в сейме, и в канцеляриях.

На аудиенциях у короля послы сообщали ему просьбы города, одновременно как в форме и более или менее длинной речи (*oratio*), так и в письменном виде. Для ускорения хода дела приходилось обращаться к помощи королевы, сестры короля, магнатов и других влиятельных лиц. Рижские послы появлялись в сейме и старались расположить сенаторов и земских послов в пользу городских требований. Нередко они присутствовали на последнем заседании сейма, чтобы предотвратить включение невыгодных городу решений в сеймовые постановления. Для скорейшего изготовления бумаг в канцеляриях и возможно более выгодного изложения какого-либо постановления или решения необходимы были постоянные напоминания. В 1596 г. город заключил с королевским секретарем и каноником Постом формальный контракт, по которому он за годовое жалованье в 50 дукатов обязывался своевременно уведомлять рижских представителей о всех изготавливаемых в канцелярии указах, которые противоречили бы интересам Риги. Многократно рижские представители писали о средствах, ими применяемых для более успешного разрешения порученных им дел. В 1613 г. гоф-секретарь Барнекен просил о присылке денег, необходимых ему для тяжбы с иезуитами. Он жаловался, что требования к Риге большие, так как все считают город не менее богатым, чем Нюрнберг и Данциг. Взятки и подарки были обычными средствами, с помощью которых магистрат и его представители добивались благоприятных решений. Так, Сигизмунду III в 1596 г. рижские послы преподнесли орган, построенный рижским мастером, и, кроме того, 1000 венгерских червонцев. Королеве в 1595 и 1596 г. было подарено несколько португальских червонцев, ценимых в то время в качестве украшений. Недаром в 1604 г. на собрании Большой гильдии в Риге раздавались жалобы на чрезмерные расходы посольств.²

Коронный канцлер Ян Замойский в 1588 г. получил в подарок 300 дукатов, а в случае оставления за городом всех церквей ему в 1590 г. было обещано 15 тыс. польских червонцев. Великий канцлер литовский Лев Сапега получил от города колокол и люстру из Данцига,

¹ RM, № 445; AP, ящ. 15. ARA, V. 15. См.: A. Buchholtz. Geschichte der Juden in Riga bis zur Begründung der Rigischen Hebräergemeinde im Jahre 1842. Riga, 1899, S. 9—10.

² J. Keussler. Op. cit., стр. 82.

21 Ученые записки, том II

затем 1000 червонцев, а Христофор Радзивилл — 200 самопалов. В 1607 г. маршалку земских послов вручили 60 венгерских червонцев за обещание, что невыгодные для Риги статьи не будут внесены в сеймовую конституцию (т. е. постановление) и т. д. В 1589 г., когда вследствие „календарных волнений“ Рижскому магистрату особенно необходимо было расположить правительство в свою пользу, рижские представители повезли в Варшаву для подарков 2400 талеров, 1486 венгерских и 2 португальских червонца.

Не менее подробные сведения сохранились в архивных документах о судебных делах Риги, то в виде апелляции от городского к королевскому суду, то в виде судебных дел, начатых городом или против города в ассессорских и затем в реляционных судах.¹ Между прочим, сохранилась обширная документация о тянувшихся несколько лет процессах против „предателей“ — бывших представителей города — Давыда Гильхена и Годамана. Гильхена обвиняли в том, что в письме к великому канцлеру Замойскому он в вопросе об апелляции на решения городских судов выставил требование, противное данной ему инструкции. Годаману ставили в вину, что он на сейме 1605 г. препятствовал утверждению договора между городской общиной и магистратом. Как Гильхен, так и Годаман были оправданы королевским судом.

Самым неприятным и утомительным поручением считалось продвижение дел в судах. Судебные процессы тянулись бесконечно долго. В случае отсутствия короля или подканцлера заседания реляционного или ассессорского судов откладывались, часто не хватало и необходимого числа сенаторов. Сеймовые заседания и другие события прерывали судебное разбирательство на более или менее продолжительное время.

В своих донесениях рижские представители обычно сообщали политические новости, а по инструкции гофсекретарю Гауперсдорфу (1595 г.) это даже вменялось им в обязанность. Поэтому в их донесениях мы находим сообщения о прениях в сейме, о внутреннем положении в Речи Посполитой (рокош Зебжидовского в 1607 г.), о турецких, татарских, московских и шведских делах. Тут же сведения о королевском дворе, о значительных событиях в семье короля и магнатов, о торжествах, приемах и т. п.

Из сказанного видно, что архивный материал Рижского городского архива за время польского владычества представляет интерес главным образом для местного историка. Все же часть материалов, характеризующих польскую политику в Ливонии, освещающих некоторые стороны деятельности центрального правительственного аппарата и дающих сведения о внутреннем положении в Речи Посполитой и соседних с нею государствах, может иметь и более широкий интерес.

III. Период шведского владычества

Польско-шведская война продолжалась и после занятия Риги шведами в 1621 г., и лишь в 1635 г. было заключено перемирие в Штумсдорфе. Во время войны русская торговля пришла в упадок, привоз товаров уменьшился, особенно, когда в 1627 г. Сигизмунд III запретил перевозку товаров в Ригу. Лишь незначительная часть товаров

¹ О реляционных и ассессорских судах см.: С. М. Гольдштейн. Польско-литовские древности. СПб, 1913, стр. 27—39.

из Белоруссии и Литвы попадала в Ригу окольным путем, через Опочку и Псков. В это время многие рижские купцы предпочли переселиться в ставший морским центром Кенигсберг. В период с 1635 по 1656 г. рижская торговля достигла небывалого расцвета, но в 1656 г. Карл X начал новую войну, захватив громадные области Польско-Литовского государства. Царь Алексей Михайлович также двинул войска в Литву и Латвию. В 1656 г. отряды русских войск появились под самой Ригой; они заняли Полоцк, Витебск, Динабург (Даугавпилсь) и весь двинский путь до Кокенгаузена (Кокнесе). Наместником царя в занятых областях был назначен энергичный и образованный Ордин-Нащокин. Он взялся за устройство областей, выстроил флот и задумал превратить местечко Кокенгаузен (назвав его Царевичево-Дмитриев городок) в складочное место для всех товаров двинского бассейна. По его проекту, рижские купцы должны были приезжать сюда для закупки товаров. Однако по Кардисскому мирному договору в 1661 г. русские оставили Ливонию, а в 1660 г. Швеция заключила в Оливе мир с Речью Посполитой. Военные действия, происходившие в областях экономического влияния Риги, отразились и на рижской торговле. Упадок торговли в Риге был так велик, что лишь в конце XVII в. она достигла уровня 1650-х годов.

Польская документация в Рижском городском архиве в шведское время значительно отличается от предыдущего периода по своему характеру. Прекратились сношения с польским правительством, пререкания с польскими чиновниками, все архивные материалы сводятся к вопросам экономическим, т. е. касаются главным образом торговли с входящими в состав Речи Посполитой Белоруссией, Литвой и Курляндией. Архивные материалы за этот период хранятся главным образом во внешнем архиве (ARA). Торговые постановления рижского магистрата (так называемые „веторднунг“) от 1621, 1675 и 1690 гг. подробно регулируют кредитные отношения с белорусско-литовскими областями; цены, поставку товаров и т. п. Тут имеются также постановления о торговле с литовскими и курляндскими крестьянами, которые, благодаря „замерзшим“ кредитам, попали в полную кабалу к рижским купцам. Крестьяне вынуждены были поставлять кредиторам товары по произвольно назначенным ценам и по тем же ценам закупать товары у них.¹

С переходом Риги под власть шведов договор от 1615 г., сильно ограничивающий торговлю Либавы и Виндавы, потерял свою силу. Пользуясь поддержкой польско-литовского правительства, курляндские герцоги старались всю литовскую вывозную торговлю направлять через свои гавани. Особенно большие препятствия литовской транзитной торговле через Курляндию в Ригу ставил герцог Яков в 1642—1681 гг. Он ввел пошлины и не разрешал чинить мосты и дороги на торговых путях в Ригу; зато в Либаве и Виндаве ввозная пошлина была сильно понижена, чтобы привлечь иностранных купцов и шкиперов. В конце XVII в. курляндское дворянство начало пользоваться так называемыми „неразрешенными гаванями“, т. е. грузило произведения своего сельского хозяйства прямо с берега на купеческие суда. Это сильно вредило рижской торговле. Поэтому шведское правительство послало к курляндским берегам военные корабли, которым и

¹ См. нашу работу: „Der Handel Rigas im 17 Jahrhundert“.

удалось захватить несколько торговых судов во время погрузки. В 1694 г. была назначена шведско-курляндская комиссия для урегулирования этих вопросов.¹

За шведский период сохранились серии книг рижского торгового суда (ветгерихт), протоколы заседаний магистрата (Publica), книги копий отправленных писем (Missiva) и т. п. материалы, содержащие сведения о торговле с Ригой подданных Речи Посполитой. В Отделе „Ruthenica—Moscowitica“ имеются документы от 1636 и 1638 гг., касающиеся старого спора о проезде рижских купцов с товарами за Полоцк. Тут же хранится заслуживающая интереса жалоба белорусского дворянства русскому магистрату от 14 мая 1683 года, подписанная в числе прочих магнатами Огинским, Киселем и Корсаком. В этой жалобе речь идет о пошлинах, взимаемых со стругов и плотов в Кокенгаузене, о разбойничьих нападениях прибрежных жителей на струги, о браковщиках и весовщиках в Риге и т. д.² По жалобам польско-литовского дворянства шведские генерал-губернаторы многократно издавали „плакаты“ против „разбойничества“ на Двине.³

IV. Период русского владычества до конца XVIII века

Для этого периода важным источником изучения истории сношений Риги с подданными Речи Посполитой является внешний архив (ARA) и упомянутые в предыдущей главе книги рижского магистрата. Затрагиваются те же вопросы торговли и двинского пути. Петр Великий, заботясь о развитии торговли, именным указом от 6 мая 1723 г. приказал рижскому губернатору рассмотреть дела поляков, арестованных в Риге за долги 14 января 1724 г. Петр I по жалобам поляков объявил указ о правилах польского торгова в Риге, по которым лишь ^{1/20} часть привезенного товара могла быть употреблена на оплату долгов рижским купцам.⁴ Вопрос о долгах польских подданных рижским купцам занимает центральное место в архивной документации этого периода. В 1764 г. задолженность Белоруссии — Литвы рижскому купечеству составляла 1 317 844 талера.⁵ В 1769 г. был издан указ о запрещении принимать в рижских судах долговые претензии прусских купцов к полякам и литовцам.⁶

Русские генерал-губернаторы тоже заботились о судоходстве по Двине; в 1755, 1762, 1785 и 1787 гг. издаются патенты на спасение потерпевших крушение стругов и плотов и о плате за спасенные товары. Против разбоя на Двине издается патент от 1765 г.⁷ В 1758 г. издается специальный манифест о том, что лишь сплавляемый в Ригу провиант для войск пользуется пошлинной льготой, купцы же обязаны платить польские двинские пошлины за свои товары. В 1765 г. прави-

¹ ARA, II. 8, № 5; IV. 4. № 8; IV. 8, № 39. Этот вопрос исследован L. Berkholz, op. cit. См. также W. Eckert. Kurland unter dem Einfluss der Merkantilismus, 1927, S. 192—214.

² RM, № 496, 498, 505.

³ В 1639, 1680, 1683, 1694 и 1698 гг.: „Liefvländische Landes-Ordnungen. Nebst darzu gehörigen Placaten und Stadgen. Anno 1707, стр. 321—339.

⁴ ПС, 3.1, № 4212; ARA, III. 7, № 42; III. 14, № 28.

⁵ ARA, III. 6, № 32.

⁶ ARA, III. 10, № 18.

⁷ ARA, III. 7, № 38.

тельство брало на Порецкой и Бельской пристанях со струга по 20 рублей пошлины для очищения русла Двины от камней.¹

Большое значение для рижской торговли имело присоединение к России территории Белоруссии в результате двух первых разделов Речи Посполитой — отпали границы, пересекающие Двину.² После третьего раздела в 1795 г. с присоединением к России Литвы и герцогства Курляндского, Рига оказалась объединенной с областями своего экономического влияния.

После первого раздела, когда к Австрии отошли польские соляные копи, рижская торговля солью нашла новый рынок сбыта в Польше. Царское правительство учло это и особым договором от 15 марта 1775 г. оградило свободу рижской соляной торговли в Литве и Польше вплоть до запрещения введения соляной монополии в Польше.³ С 1781 г. имеется документация о контрабандной торговле солью с Литвой и Белоруссией.⁴

Торговля Либавы и Виндавы, развивавшаяся в результате договора 1783 г. между Россией и Курляндским герцогством о торговле и границах, — была вновь сильно ограничена в пользу Риги.⁵ Лишь с присоединением в 1795 г. Курляндии к России эти гавани смогли свободно развиваться.

Большое значение для Риги имел устав о рижской коммерции от 1765 г., согласно которому Рижский магистрат лишился законодательной власти в области торговли. Введение в 1786 г. в Риге городского положения также способствовало свободному развитию рижской торговли с Белоруссией и Литвой.⁶

¹ ПС, 3.1, № 10808, 12314, а также № 14523 и 14591 от 1776 г.

² Какое значение магистрат придавал присоединению Белоруссии, видно из материала от 1772 г., посланного генерал-губернатору. — „Missiva“, 1772.

³ ПС, 3. 1, № 14271, ст. 3. О снабжении Польши солью из Риги — АРА, III. 7, № 43.

⁴ Особые дела о торговле с Белоруссией и Литвой с 1722 по 1775 годы. АРА, III. 5 № 28, 15, 22, 28, 30, 31, 32, 34.

⁵ АРА, III. 7, № 50; III. 4, № 8; IV. 9, № 38—45.

⁶ История торговли Риги в XVIII в. еще не разработана. Диссертация U. Handrask „Der Handel der Stadt Riga im 18 Jahrhundert“ (Jena, 1932) не затрагивает многих вопросов.

В. Д. Королюк

НОВЫЙ ДОКУМЕНТ ПО ИСТОРИИ ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1863 ГОДА В ПОДОЛИИ

Польское национально-освободительное восстание 1863 года знаменуется собой одну из самых трагических страниц в истории польского народа. Роковая ошибка руководителей польских повстанцев заключалась в том, что они неправильно выбирали себе союзников в борьбе против самодержавия.

Они рассчитывали в первую очередь не на поддержку русского революционного движения и страдающего под гнетом самодержавия русского и украинского крестьянства, а на помощь правящих классов Франции и Англии, которые смотрели на Польшу как на разменную монету, которую можно использовать во взаимоотношениях с царизмом. Организаторы восстания, „красные“, пытались поднять восстание украинских крестьян в Киевской, Подольской и Волынской губерниях. Подготавливая это восстание, они рассчитывали организовать вооруженную демонстрацию, способную отвлечь определенные силы царской армии от подавления восстания в Королевстве Польском. Но при этом они разделяли великодержавную программу польских магнатов — восстановление Польши в границах 1772 года. Естественно, что украинское крестьянство не могло присоединиться к такой политической программе, которая не только сохраняла классовый гнет польских помещиков, но и восстанавливала ненавистное национальное угнетение украинского народа польской шляхтой. Известно, сколь пагубны были для судеб польского национального движения подобные претензии на украинские земли. Остановимся прежде всего вкратце на тех условиях, в которых происходила подготовка Польского восстания на Правобережной Украине.

Поляки на территории Правобережной Украины были представлены двумя основными группами: крупными землевладельцами, в руках которых было около $\frac{3}{4}$ всей помещичьей собственности в Киевской, Волынской и Подольской губерниях,¹ и очень ограниченным числом мещан, городской и сельской интеллигенции и учащейся молодежи, в основном выходцами из того же шляхетского сословия, не сумевшими еще полностью порвать с идеологией своего класса. Соответственно

¹ Fr. Rawita-Gawroński. Rok 1863 na Rusi, t. II. Ukraina. Wołyń. Podole. Lwów, 1903, s. 44.

такой расстановке сил в польском обществе на Правобережной Украине наметилось два различных политических направления. В то время как представители второй группы энергично работали над подготовкой восстания на Украине, польская шляхта, украинские „белые“, стремились сорвать эту подготовку, опасаясь не только репрессий царского правительства, но и в случае вспышки восстания, — начала крестьянской войны. Это не значило, разумеется, что в планы „белых“ не входило восстановление Польши в границах 1772 г., может быть, в виде автономного государства под скипетром русского самодержца. Стремясь к этому, они рассчитывали, однако, на легальные средства, на соглашение с царским правительством. Подобное соглашение должно было полностью гарантировать в политическом отношении их классовые позиции на Правобережье. Что касается украинских „красных“, то, подготавливая восстание, они, повидимому, в равной мере рассчитывали как на сотрудничество с шляхтой, так и на то, что им удастся поднять украинское крестьянство на борьбу за торжество на территории Правобережья польской государственности, бывшей для украинских крестьян олицетворением векового классового гнета, усугубляемого национальным и религиозным угнетением. Рассчитывая на помощь украинского крестьянства делу освобождения Польши, „красные“ не сумели понять, что эта помощь возможна только в том случае, если крестьянское движение перерастет в подлинную крестьянскую войну, подрывающую основы польского землевладения, и если эта крестьянская война будет возглавлена русскими и украинскими, а не польскими революционными организациями. Следовательно, без союза с русскими и украинскими революционерами (причем на территории юго-западных губерний в этом союзе польские революционные организации должны были играть подчиненную роль), без отказа от всяких, провозглашаемых во имя „исторического“ права, претензий на Правобережье, ни о каком успехе революционного движения на Украине нечего было и думать. Этого не учитывали ни „красные“ на самой Украине, ни руководившие ими центры „партии действия“ в Королевстве Польском.

Пренебрежение этими предварительными условиями привело к тому, что Польское восстание 1863 г. столкнулось на Правобережье с открытой враждебностью украинского крестьянства, не имело никаких перспектив и не могло кончиться ничем иным, как полным и быстрым разгромом. В свою очередь, разгром Польского восстания на Правобережной Украине не только облегчил царскому правительству подавление восстания в Королевстве Польском, освободив известное количество вооруженных сил, но позволил, кроме того, использовать в демагогических целях претензии польских повстанцев на Украину, Белоруссию и Литву и укрепить свое положение внутри империи, перейдя в наступление против естественных союзников Польского восстания — русских революционных организаций. Именно та тесная связь, которая существует между неудачей Польского восстания на Украине и в Белоруссии, — и судьбой самого польского национально-освободительного движения, и определяет тот серьезный научный интерес, который представляет изучение проблемы восстания 1863 года на Украине. Между тем, как в польской, так и в русской литературе проблема эта менее всего исследована, марксистские работы по этому вопросу совершенно отсутствуют. В то же время в распоряжении

советского историка имеется громадный, не использованный еще материал центральных и местных архивов, ждущий своего исследователя.

* * *

Публикуемый ниже документ из рукописных фондов Каменец-Подольского исторического музея¹ относится к истории военной деятельности польских повстанческих организаций на территории Правобережной Украины и представляет собой, повидимому, современную событиям копию секретной Инструкции тайных повстанческих властей, касающейся вербовки и формирования повстанческих отрядов.

В пользу того, что определяемая в Инструкции деятельность тайных повеловых властей должна была происходить на территории Правобережной Украины (точнее — в пределах тогдашней Подольской губернии), говорит как тот факт, что Инструкция предполагала вступление в формируемые повстанческие отряды лиц православного вероисповедания² и упоминание в тексте термина „мировой посредник“, так и само местонахождение документа в Каменец-Подольском историческом музее, куда он попал, очевидно, из архива Каменец-Подольского кафедрального костела, бывшего в течение „манифестационного периода“ 1861—1862 гг. одним из центров польского движения в Подолии. В стенах этого костела размещается в настоящее время Исторический музей.

Инструкция написана на тонкой, плотной бумаге формата обыкновенного почтового листа. Лист сложен вдвое, причем текст занимает две первые и большую часть третьей страницы, четвертая остается свободной. Почерк убористый, но очень четкий, сохранность документа очень хорошая. Ни даты, ни подписи или печати на документе нет, что, конечно, серьезно затрудняет его точную датировку. Однако сам текст помогает наметить довольно четкие хронологические рамки времени, когда могла появиться подобная инструкция.

Нижняя граница — 1859 г. — определяется прежде всего упоминанием в Инструкции о мировых посредниках, положение о которых было издано 25 марта 1859 г. (ст.ст.). Можно, впрочем, определить ее точнее. Из текста Инструкции следует, что она была составлена секцией (отделом) военных приготовлений так называемого „Жонда Руси“ (нечто вроде Центрального комитета повстанцев на Правобережной Украине, функционирующего в качестве временного правительства), поскольку именно он руководил подготовкой восстания на Правобережной Украине. Момент создания этого органа устанавливается вполне точно — 22 августа 1862 г.³ Вскоре он был реорганизован и под именем Исполнительного отдела Руси выступал в качестве органа руководства подготовкой восстания, непосредственно подчиняясь варшавскому Центральному Комитету. Отдел состоял из четырех секций, в том числе военной.

Переходим к определению верхней границы. Она устанавливается моментом начала восстания, поскольку из текста Инструкции явствует, что составление ее предшествовало майским событиям 1863 г. Итак, сен-

¹ Каменец-Подольский исторический музей. Рукописи фондов Исторического отдела. Инв. кн. № 3, инв. № 2607.

² См. текст Инструкции, п. 1.

³ Fr. Rawita-Gawroński. Op. cit., s. 169.

тябрь 1862 — апрель 1863 г. — таков промежуток времени, в течение которого могла быть составлена публикуемая нами Инструкция, содержание которой значительно отличается от содержания инструкции, о которой упоминает Фр. Равита-Гавроньский.¹

Подробный анализ Инструкции не входит в нашу задачу — мы ограничимся самыми общими замечаниями. Содержание Инструкции свидетельствует в пользу того, что украинские „красные“ с самого начала планировали восстание в форме партизанской борьбы, в виде действий отдельных изолированных отрядов против правительственных войск. Любопытно, что приступая к вербовке добровольцев в повстанческие отряды, они рассчитывали на привлечение в них не только местного польского, но и украинского и еврейского населения.² Особое внимание в инструкции обращается на организацию военного шпионажа и на подбор кадров так называемых „национальных шпионов“.³

В условиях подготавливавшейся Исполнительным отделом Руси партизанской борьбы на Правобережье, особое значение приобретал, разумеется, крестьянский вопрос, вопрос о взаимоотношении повстанческих отрядов с местным украинским населением. К сожалению, Инструкция совершенно обходит эту тему и, в отличие от использованной Равитой-Гавроньским,⁴ не предусматривает никакой подготовительной работы с местным украинским населением.

В приводимом ниже польском тексте Инструкции мы полностью сохраняем правописание подлинника.

INSTRUKCII. SEKCIA TRZECIA

Praca objęta sekcją przygotowań wojennych składa się z następujących podziałów:

1. Wербunek ochotników do wojska narodowego.
2. Umundurowanie ochotników.
3. Uzbrowienie ochotników.
4. Dostawa żywności dla oddziałów.
5. Przygotowanie prochu i ołowiu.
6. Szpiegostwo wojenne.

Naczelnik Pwtu upatrzy 4-ch ludzi po jednym na każdy Okręg Mirowego Pośrednika i za pośrednictwem ich pracować będzie nad przygotowaniami wojennymi, starając się, ażeby Urząd Okręgowy był zawsze zajęтым przez człowieka odpowiednich zdolności.

1. a) Ponieważ Okręgowy nie będzie mógł bez pomocników rozwinąć potężnego działania, powinien więc wyrobić sobie agentów w dostatecznej ilości, którzyby pomagali Mu prowadzić werbunek wedle niżej podanych wskazówek. Na takich agentów używać ludzi towarzysko bliskich do sfery w której im działać wypadnie. — b) Na każdą według przestrzeni grupę osób werbowanych Okręgowy wyznaczy przełożonego, tak ażeby był przełożony na grupę liczącą około 20 ludzi. — c) Werbunek mieć będzie na celu utworzenie oddziału w Powiecie i zasilanie ochotnikami oddziału już utworzonego, oczywiście więc werbunek nie powinien się kończyć z dniem wybuchu Powstania w Powiecie, lecz prowadzić bezustannie aż do ostatecznego wyzwolenia się. — d) Każdy co się dobrowolnie zaciągnie do Powstania złożyć ma przysięgę wierności Sprawie Narodowej w przytomności osoby werbującej, a jeśli można księdza, według rotы następ-

¹ Fr. Ravita-Gawroński. Op. cit., s. 199.

² См. текст Инструкции, п. 1 d.

³ Там же, п. 6.

⁴ Fr. Ravita-Gawroński. Op. cit., s. 169.

pującej: „Ja NN żołnierz narodowy przysięgam na Boga w Trójcy świętej jedyne, że na rozkaz bezpośredniego mego zwierzchnika, stanę do walki z wrogami, walczyć będę do ostatniej kropli krwi i niczem przeciw karnośći wojskowej niewykroczę. Tak mi Boże daj szczęście w doczesnem a zbawienie w wiecznem życiu. Amen”. — Gdyby zaciągający się wyznawał wiarę prawosławną lub mojżeszową, tę rotę przysięgi odpowiednio co do formy i języka zmienić należy. — e) Każdemu zwerbowanemu wrazić to w umysł, iż od chwili złożenia przysięgi staje się żołnierzem wobec Boga i narodowej władzy, obowiązany do karnośći wojskowej, że zatem wszelkie przeciw takowej wykroczenie przez Boga i władzę surowo karanem będzie. — f) Każdego z nowozawerbowanych zapewnić uroczystie, iż nad rodziną będzie nieustannie czuwać narodowa władza i zaopatrywać ją we wszystkie potrzeby codziennego życia i że w tym celu są ustanowione osobne Urzędy, które posiadać będą spisy rodzin powstańców. —

2. Mundurów dla ochotników do broni jeszcze nie powołanych przygotowywać zawczasu nie można, przez obawę najezdniczego rządu — postarać się wszakże trzeba koniecznie o to, by każdy ochotnik miał po dwie sztuki każdego rodzaju bielizny, buty i postofy, spodnie płócienne lub dymkowe i wierzchnie odzienie z grubego sukna.

3. Wojsko narodowe dzieli się na piechotę i kawalerią. W miejscowościach leśnych główną uwagę trzeba zwrócić na piechotę a kawalerią mieć tylko w małej liczbie, jedynie dla służby forpocztowej, np. w ilości 10 ciu konnych na 100 pieszych. W okolicach bezleśnych trzeba żeby cały ile możności oddział był na koniach. Każdy powstaniec pieszy powinien mieć topór osadzony na prostej rączce, mającej 1½ arsz. długości i strzelbę albo kosę. Przy strzelbie powinien mieć przynajmniej 20 nabojów zupełnie gotowych, a kosy mają być osadzone według przyłączonego rysunku. — Powstaniec wstępujący do Kawalerii obowiązany mieć konia, dobre siodło z uzdeczką matelaczkami i sznurem, pałasz i strzelbę, tak żeby w razie potrzeby można było zpliszyć kawalerzystów i przeciwstawić wrogowi oddział pieszych strzelców. Pistolety i strzelby mieć przy ludziach a nie przy koniach. Piki mogą i powinni mieć tylko ci co nimi umieją władać. Mundsztuki pod każdym względem są wzbronione. W sakwach potrzeba mieć owsa 4 garnce i sucharów 9 funtów.

4. Dostawy żywności dla oddziałów już zformowanych robić należy tak, ażeby ile możności, najmniej narażać na szwank osoby, które tem zajmować się będą, a w tym celu trzeba się tak urządzić ażeby oddział sam żywność zabierał. Okoliczności wszystkich przy jakich dostawy uskuteczniać się będą z góry przewidzieć niepodobna, poprzestajemy więc na udzielaniu władzom powiatowym następujących wskazówek:

- a) Każdy powstaniec ma mieć zawsze zapas żywności na dni dwa.
- b) W miejscach, w których się ma formować oddział mają być zrobione składy, tak żeby składów nie było wielkich, lecz żeby się one znajdowały w jaknajwiększej ilości punktów hlizko miejsca obranego na formację oddziału.
- c) Władze cywilne dowiadywać się będą od Naczelnika Oddziału o jego poruszeniach i zarządzać mają składy żywności na punktach, które się znajdować będą na drodze.
- d) W razie gdyby na oddział zawarowany w lasach robiono obławy to dostawy można robić tak, ażeby sprzedawać potrzebne produkty żydom w miasteczku i dostawiać je drogą idącą przez lasy zajęte przez powstańców, wtenczas się powstańców uprzedza, a napadają na transport, a przewoźnicy ograbieni świadczą o tem przed rządem moskiewskim.

5. Prochu i ołowiu dostarczyć należy w jak największej ilości w sposób niżej określony: a) kupując ostrożnie w miasteczkach u Żydów. b) Aptekom nakazać nieustannie przez cały czas wojny wyrabianie prochu, wedle przepisu, który przez wydział nadęstany będzie. c) Właściciele Gorzelni i innych fabryk powinni na rozkaz właściwej władzy narodowej sprowadzić ołowiu. d) Zamówić u księży lichtarze kościelne ołowiane. e) Przygotować kilka maszynek różnokalibrowych do odlewania kul. f) U żołnierzy moskiewskich za pośrednictwem ludzi do nich zbliżonych z jaknajwiększą ogłębnością kupować patроны. —

6. Naczelnik Pwtu powinien zawsze wiedzieć o ilości, rodzaju, rozlokowaniu i ruchach wojsk moskiewskich konsystujących w powiecie, zawiadamiać o tem dowódców oddziałów powstanczych, a w razie wymarszu wojska — narodowe władze powiatu, do którego się wojsko udaje. — Środki prowadzące ku temu zależeć będą od okoliczności. Wskazówki zaś następujące: a) stosunki osobiste z oficerami i żołnierzami, b) śledzenie przez szpiegów wszystkich ruchów wojska, c) na szpiegów wybierać należy ludzi z poświęceniem, odpowiedniami zdolnościami, winni oni przubierać najrozmaitsze postacie: chłopów, Żydów, popów, markitanów i śledzić bezustannie wojsko moskiewskie. d) Należy mieć nadto ludzi, którzyby nie walcząc z bronią w ręku krążyli zawsze przy oddziałach powstańczych i służyli im za węzły komunikacyjne z narodową władzą. e) Fałszywe doniesienia lub niedbałość szpiegów narodowych surową na nich ściganie odpowiedzialność. —

ИНСТРУКЦИИ. ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

(Перевод)

Объем работы секции военных приготовлений определяется следующими задачами:

1. Вербовка добровольцев в национальное войско.
2. Обмундирование добровольцев.
3. Вооружение добровольцев.
4. Доставка провианта для отрядов.
5. Приготовление пороха и олова.
6. Военный шпионаж.

Начальник повета подберет четырех человек, по одному на каждый округ мирового посредника, и с их помощью будет заниматься военными приготовлениями, стремясь к тому, чтобы пост Окружного¹ был всегда занят лицом соответствующих способностей.

1. а) Так как Окружной без помощников будет не в состоянии развить достаточно энергичную деятельность, в его задачи войдет подбор себе необходимого количества агентов, с помощью которых он будет производить вербовку согласно помещаемым ниже указаниям. В качестве подобных агентов следует использовать лиц, по своему положению близких к тем сферам, в которых им придется работать. — б) На каждую группу завербованных лиц Окружной назначит начальника, учитывая размер охваченной вербовкой территории, так, чтобы один начальник приходился на группу, насчитывающую около 20 человек. — в) Цель вербовки — формирование из территории повета отряда и усиление добровольцами уже сформированного отряда, следовательно, вербовка не должна быть окончена с момента начала восстания в повете. Необходимо ее непрерывно продолжать вплоть до окончательного освобождения. — д) Каждый, кто добровольно вступит в ряды повстанцев, должен принести присягу верности национальному делу в присутствии лица, производящего вербовку, а если возможно, в присутствии ксендза, согласно следующему тексту присяги: „Я, нижеподписавшийся, национальный солдат, присягаю перед лицом бога, в святой троице единого, что по приказу моего непосредственного начальника приму участие в борьбе с врагами, буду бороться до последней капли крови и ничем не нарушу военной дисциплины. Так дай мне, боже, счастье в земной и спасение в вечной жизни. Аминь“. — Если вступающий в отряд принадлежит к православному или иудейскому вероисповеданию, этот текст присяги следует изменить в том, что касается формы и языка. — е) Каждому завербованному необходимо внушить, что с момента принесения присяги он становится солдатом перед лицом бога и национальной власти, обязанным строго соблюдать правила военной дисциплины, что поэтому всякое нарушение ее будет строго наказано богом и властью. — ф) Каждого из вновь завербованных следует торжественно уверить в том, что о его семье будет неустанно заботиться национальная власть, обеспечивая все ее необходимые жизненные потребности, и что в этих целях созданы особые органы, в распоряжении которых будут находиться списки семейств повстанцев.

2. Так как мундиров для добровольцев, не призванных еще к оружию, заранее приготовить невозможно из опасения репрессий со стороны правительства захватчиков,² необходимо позаботиться о том, чтобы каждый доброволец имел по две штучки белья каждого рода, сапоги, постолы,³ полотняные или хлопчатобумажные⁴ брюки и верхнюю одежду из плотного сукна.

3. Национальное войско состоит из пехоты и кавалерии. В лесных местностях главное внимание следует обращать на пехоту, а кавалерию иметь в небольшом количестве только для разведки, например, в количестве 10 конных на 100 пеших. В местностях, лишенных леса, необходимо, наоборот, чтобы весь по возможности отряд был конным. Каждый пеший повстанец должен иметь топор с прямой ручкой длиной в 1½ аршина и ружье или косу. При ружье он обязан иметь не менее 20 вполне готовых патронов, а косы должны быть насажены на ручку согласно прилагаемому рисунку.⁵ Повстанец, вступающий в кавалерию, обязан иметь коня, хорошее

¹ Представитель тайной власти повстанцев в округе мирового посредника.

² Имеется в виду царское правительство.

³ Род простой народной обуви: нога обвертывается куском сукна или тряпки, четырехугольный кусок кожи с дырками по бокам служит подошвой.

⁴ *dytkawe, dyta* (с турек.) — ткань хлопчатобумажная и хлопчато-льняная.

⁵ В фондах Каменец-Подольского исторического музея этот рисунок разыскать нам не удалось.

седло с уздечкой, дорожными мешками и шнуром, палаш и ружье, так, чтобы в случае необходимости можно было спешить кавалеристов и противопоставить врагу отряд пеших стрелков. Пистолеты и ружья должны быть при людях, а не при конях. Пики могут и должны иметь только те, кто умеет с ними обращаться. Мундштуки категорически запрещаются. В переметных сумках необходимо иметь четыре гарнца¹ овса и 9 фунтов сухарей.

4. Доставку провианта уже сформированным отрядам следует производить так, чтобы, поскольку это возможно, менее рисковать людьми, которые будут ею заниматься. В этих целях следует устроиться так, чтобы отряд сам забирал себе провиант. Так как заранее невозможно предвидеть все обстоятельства, при которых будет осуществляться снабжение, ограничимся лишь следующими указаниями для повтовых властей:

а) Каждый повстанец должен всегда иметь при себе запас пищи на два дня.

б) В тех местностях, где предстоит формирование отряда, должны быть устроены склады так, чтобы они не были больших размеров и чтобы находились в возможно большем количестве пунктов вблизи места, избранного для формирования отряда.

с) Гражданские власти будут узнавать от начальника отряда о движениях отряда и должны будут устраивать склады провианта в пунктах, расположенных по его маршруту.

д) В тех случаях, когда на отряд, укрытый в лесах, будет организована облава, снабжение его провиантом можно производить следующим образом: необходимые продукты продаются в местечке евреям и направляются дорогой, идущей через леса, занятые повстанцами; предупрежденные об этом повстанцы нападают на транспорт, а ограбленные перевозчики сообщают московским властям о факте грабежа.

5. Порох и олово следует доставить [отрядам] в возможно большем количестве указанным ниже образом: а) С необходимыми предосторожностями покупать в местечках у евреев. б) Постоянно поручать аптекам в течение всего периода войны изготовлять порох согласно указанию, которое будет прислано Отделом.² в) Владельцы винокуренных заводов и других фабрик обязаны по приказу соответствующих национальных властей доставлять олово. г) Предложить ксендзам передать церковные оловянные подсвечники. е) Изготовить несколько разнокалиберных машинок для отливания пуль. ф) Со всеми возможными предосторожностями покупать патроны у московских солдат с помощью близких к ним людей.

6. Начальник повета обязан всегда иметь точные сведения о численности, роде, месте расположения и движениях московских войск, находящихся в повете, сообщать об этом командирам повстанческих отрядов, а в случае выступления войска — национальным властям повета, в пределы которого направляется войско. — Средства, обеспечивающие осведомленность начальника повета, зависят от обстоятельств. Следует все же придерживаться в этом следующих указаний: а) использование личных отношений с офицерами и солдатами; б) слежка с помощью шпионов за каждым движением войска, в) в качестве шпионов следует использовать людей, способных на самопожертвование и соответствующих способностей, они должны принимать самые различные образы: крестьян, евреев, попов, маркитантов и т. д., — и неуспешно следить за московским войском. г) Кроме того, необходимо иметь людей, которые, не принимая участия в борьбе с оружием в руках, постоянно находились бы вблизи повстанческих отрядов, обеспечивая им связь с национальными властями. е) Фальшивые донесения или халатность национальных шпионов навлечет на них суровую ответственность.

¹ Гарнец — мера сыпучих тел, равен 3,28 литра.

² Имеется в виду отдел (секция) военных приготовлений.

СОДЕРЖАНИЕ

К ПЯТОЙ ГОДОВЩИНЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ БОЛГАРИИ И УСТАНОВЛЕНИЯ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

<i>Л. Б. Валева.</i> Пятая годовщина освобождения Болгарии	5
<i>В. И. Злыднев.</i> Литература освобожденной Болгарии	19

К ПЯТИЛЕТИЮ СЛОВАЦКОГО НАРОДНОГО ВОССТАНИЯ 1944 ГОДА

<i>Б. Д. Греков.</i> Вступительное слово при открытии сессии Института славяноведения АН СССР, посвященной пятилетию Словацкого народного восстания 1944 года	37
<i>И. И. Удальцов.</i> Антифашистская освободительная борьба в Словакии в период второй мировой войны и Словацкое народное восстание 1944 года	39
<i>С. В. Никольский.</i> Отражение Словацкого восстания в художественной литературе	56

К ДВАДЦАТЬ ПЯТОЙ ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ СМЕРТИ Д. Н. БЛАГОЕВА

<i>Л. Б. Валев.</i> Жизнь и деятельность Д. Н. Благоева	69
<i>Д. Ф. Марков.</i> Об эстетических взглядах Д. Н. Благоева	78

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ХРИСТО БОТЕВА

<i>Л. Б. Валева.</i> Социально-политические воззрения Христо Ботева	95
<i>Д. Ф. Марков.</i> Великий болгарский поэт-революционер Христо Ботев	106

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АДАМА МИЦКЕВИЧА

<i>С. С. Советов.</i> Творческий путь Адама Мицкевича	119
<i>Е. А. Говардовская.</i> Реализм поэмы Мицкевича „Пан Тадеуш“	138

СТАТЬИ

<i>И. С. Миллер.</i> Крестьянское восстание в Подгалье в 1651 году	155
--	-----

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО БОЛГАРСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ СССР

Выпуск 1

<i>С. Б. Бернштейн.</i> Задачи изучения болгарских говоров СССР	219
<i>С. Б. Бернштейн.</i> О языке города Болграда	225
<i>Е. В. Чешко.</i> Итоги работы по составлению лингвистического атласа болгарских говоров СССР	232
<i>И. К. Бунина.</i> Из истории вайсальских говоров	242
<i>Л. С. Плотникова.</i> О некоторых особенностях говора села Кирютия Конгаского района Молдавской ССР	260
<i>Н. Котова.</i> Говор села Твардицы Молдавской ССР	270

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

<i>Г. Енш.</i> „Polonica“ в Рижском городском государственном архиве	311
<i>В. Д. Королюк.</i> Новый документ по истории Польского восстания 1863 года в Подолии	326

УЧЕННЫЕ
ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНО-
ВЕДЕНИЯ

II

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ
НАУК
СССР

1950